

Ольга Филатова

Облачно, возможны косатки

Научный редактор *Иван Затевахин, канд. биол. наук*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Иллюстрация на обложке *О. Филатова*

© Филатова О., 2021

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

Повсюду, сколько хватает глаз, выныривают косатки. Можно повернуться в любом направлении, досчитать до десяти, и за это время на поверхности непременно появятся черные треугольнички плавников. Они движутся в разные стороны, то быстрее, явно торопясь занырнуть, то медленнее, отдыхая после активной погони. Здесь их не меньше сотни, и все они пришли сюда, в мелководную бухту Грюндарфьордур на западном побережье Исландии, с одной и той же целью: наестся сельди. Сельдь заходит в исландские фьорды на зимовку, чтобы переждать долгие холодные и голодные месяцы с минимумом затрат энергии, не борясь с океаническими течениями, в спокойной, тихой бухте. Это отличная стратегия, которая оправдывала себя миллионы лет – ровно до тех пор, пока о ней не прознали хитроумные косатки.

Сельдь – относительно мелкая рыбка, чуть больше 30 сантиметров длиной; казалось бы, это не слишком подходящая добыча для огромного морского хищника. Но у этой рыбки есть два преимущества: во-первых, сельдь держится огромными стаями, а во-вторых, она очень жирная, а косатки любят жирную пищу. Чтобы не гоняться за рыбешкой весь день напролет, эти хитрецы придумали особую уловку – они заплывают в косяк сельди и резко бьют хвостом, издавая под водой громкий хлопок. Этот мощный звук оглушает всю рыбу, оказавшуюся поблизости, и сельдки всплывают на поверхность, дезориентированные и совершенно беззащитные перед хищниками, которые спокойно собирают их одну за другой, как ягоды земляники.

С борта нашей лодки – шестиметрового оранжевого РИБа под названием «Танго» – в воду свисает провод. На конце его, скрытый толщей мутной воды, покачивается гидрофон – подводный микрофон, который записывает звуки косаток. Во время охоты они постоянно вокализируют, и мои наушники вибрируют от их пронзительных криков – не таких, как те, к которым я привыкла на Камчатке, и все-таки очень похожих на них. Лишь один звук явно выбивается из общего ряда – это так называемый «загонный крик», который косатки издают непосредственно перед ударом хвоста, когда глушат сельдь. Он очень долгий и монотонный, больше похожий на какой-то механический звук, и характерен именно для исландских косаток – даже их норвежские сородичи, которые тоже охотятся на сельдь и глушат ее хвостами, «загонный крик» не используют.

Пока мы слушаем звуки, одна группа косаток решительно движется мимо нас – похоже, они уже наелись и собрались на выход. Внутри фьорда животные смешиваются, и разобраться, кто с кем, совершенно невозможно, но приходят и уходят они организованными группами, и это дает шанс исследовать их социальные связи. Мы вытягиваем из воды гидрофон и пускаемся в погоню. Догнав удаляющихся косаток, наша лодка заходит так, чтобы сфотографировать их с левого бока. Когда-то канадские исследователи, создавая свой каталог, выбрали именно такие фотографии – потому что их было больше, и вот 40 лет спустя мы продолжаем следовать традиции. Косатки выходят синхронно, демонстрируя нам свои графичные профили, и фотоаппарат щелкает очередями, торопясь запечатлеть эту красоту и самое главное в ней для нас – форму седловидного пятна и спинного плавника, царапины и шрамы, по которым мы различаем животных.

Через несколько серий выныриваний я замечаю нечто странное. Одна самка выходит впереди остальных, и мне начинает казаться, что перед ее головой в воде что-то есть. Присматриваюсь внимательнее – и действительно, каждый раз, когда она выныривает, поверхность воды перед ней прорезает некрупный темный предмет. Совсем небольшой по сравнению с взрослой косаткой. Она толкает его вперед снова и снова, будто бы не в силах расстаться с ним. Она действительно не в силах, ведь этот предмет – ее мертвый ребенок.

Мы идем параллельно группе на достаточном расстоянии, чтобы не беспокоить косаток своим назойливым присутствием. Группа догоняет осиротевшую мать, и вот она уже выныривает среди своих, но с прежним упорством продолжает толкать перед собой трупик детеныша. Остальные не обращают на нее внимания. Как

давно самка делает это, если члены группы уже воспринимают ее поведение как нечто само собой разумеющееся? Когда она ела в последний раз, если не может оставить мертвого малыша даже на минуту?

Мы выходим за мыс, укрывающий бухту от порывов ветра, и лодка бьется о выросшие волны, которые обрушивают на нас тучи соленых брызг. В этот момент налетает снежный заряд, густыми хлопьями скрывая не такой уж далекий берег, и мы оказываемся посреди взрытого ветром свинцового моря и вихря из летящего в лицо колючего снега. Косатки уходят, нам пора возвращаться. Пока мы пробиваемся назад, прыгая с волны на волну, я думаю о матери-косатке, все еще несущей перед собой своего мертвого ребенка.

Это далеко не первый случай, когда самка китообразного не может расстаться с телом погибшего детеныша. Джованни Беарци с соавторами опубликовали обзор, в котором перечислено несколько десятков таких случаев, описанных в научной литературе с 1970 по 2016 год. Чаще всего за этим замечали представителей семейства дельфиновых, к которому относится и косатка. Уже после этой публикации, в 2018 году, в водах южнее острова Ванкувер наблюдался еще один такой случай, попавший в колонки мировых новостей, – самка косатки по имени Тэлекуа носила своего мертвого детеныша в течение 17 дней. Что они испытывают при этом, что движет ими – инстинкт или материнское горе? Раньше ответ на этот вопрос был однозначным – подобное поведение у человека интерпретировали как проявление нашего богатого внутреннего мира и развитой психики, а у животных – как результат бездумного следования инстинктам. Но исследования последних десятков лет показали, что пропасть между психикой человека и психикой животных гораздо меньше, чем кажется, а порой это вовсе и не пропасть, а так – небольшой зазор. И в первую очередь это относится к таким животным, как косатки, – далеким от нас эволюционно и по образу жизни, но близким по интеллекту и социальности.

Как все начиналось

Подобно астрономам, исследующим небеса в поисках неоткрытых звезд, они осматривают мерцающую водную гладь в надежде заметить треугольные спинные плавники. Это занятие и захватывает, и приносит разочарования.

Черный плавник, взрезающий поверхность воды, – образ, близкий каждому, кто занимается изучением китообразных. Мы редко видим объекты своих исследований целиком – только когда они совершают акробатические прыжки или подходят к лодке так близко, что удастся разглядеть их сквозь воду. Поэтому косатки для нас – это прежде всего черные треугольники спинных плавников. Они мелькают на фотографиях, стоят перед глазами после длинного рабочего дня и снятся по ночам.

Работа ученого-китоведа мало похожа на романтические фантазии, которыми окружают эту профессию журналисты и создатели фильмов о дикой природе. Долгие дни на воде и томительное ожидание погоды на берегу, пробирающий до костей холод и слепящее до головной боли солнце, часы и дни безуспешных поисков и непреходящее ощущение, что ты постоянно упускаешь что-то важное в наблюдениях, – вот из чего складывается ежедневный труд исследователя китов. Лишь изредка рутину скрашивает ни с чем не сравнимая радость маленьких открытий, познания того, что никто до тебя еще не видел и не описал.

Те, кто с детства мечтает о китах, редко становятся учеными. В лучшем случае они вырастают в ветеринаров или тренеров дельфинов, а чаще всего просто растворяются в мирской суете и лишь изредка с ностальгией вспоминают о былом увлечении. Большинство известных мне китоведов пришли в эту профессию через что-то еще. Так было и со мной.

У меня никогда, вплоть до самой первой встречи, не было особой тяги к косаткам, а детским увлечением были представители семейства собачьих – волки, шакалы, койоты, гиеновые собаки и все остальные. Эта склонность привела меня на рубеже веков на остров Медный в составе экспедиции МГУ им. Ломоносова, занимавшейся изучением редкого медновского подвида песка.

На Медном нет постоянных жителей, и песцы там почти не боятся людей – за ними можно наблюдать буквально на расстоянии вытянутой руки, а особо назойливых приходится даже отгонять вежливыми пинками, чтобы они из природного любопытства не прокусили наблюдателям сапоги. Песцов там немного – всего около сотни, и почти каждый из них носит в ухе специальную метку, по которой можно определить, где он родился, когда создал семью, и проследить прочие интимные подробности его жизни.

На Медном и произошла моя первая встреча с косатками. Точнее, встречей это назвать сложно – косатки даже не подозревали о моем присутствии, а для меня они были маленькими черными треугольничками в окуляре бинокля. Мне подумалось тогда: как, должно быть, сложно изучать этих животных, таких трудноуловимых в бескрайних морских просторах. В жизни вообще часто бывает, что кажущееся сложным оказывается простым, а непредвиденные сложности возникают, казалось бы, на пустом месте.

Основная проблема при работе на Медном, как и в других удаленных точках нашей страны, – это транспорт. Рейсового сообщения там нет, а средствами для аренды судна или тем более вертолета наша экспедиция не располагала. Чтобы добраться до Медного и выбраться с него, приходилось ненавязчиво «садиться на хвост» представителям другой, более богатой экспедиции, занимавшейся изучением сивучей. Но и у них порой случались накладки, связанные с другой основной проблемой работы на Медном – погодой.

Нас должны были забрать с острова вертолетом в начале августа. Но, как назло, погода, нередко баловавшая нас солнышком в июле, в августе надолго

испортилась: Медный накрыло туманом. Дважды в сутки наши коллеги расчехляли старенькую коротковолновую рацию лишь для того, чтобы получить очередной «отбой». Только три недели спустя мы наконец услышали долгожданное гудение винтов. В Петропавловске-Камчатском мы оказались в двадцатых числах августа, и эта задержка послужила причиной смены моей научной ориентации, поскольку в те дни как раз проходила подготовка экспедиции по изучению косаток в Авачинском заливе, и в нее требовались волонтеры.

Идея исследования косаток в России возникла за несколько лет до этого во время исторической встречи трех «родителей» проекта – американско-канадско-британского писателя Эриха Хойта, российского ученого Александра Бурдина и японской любительницы китов Харуко Сато. Но тогда я ничего об этом не знала. С Александром Михайловичем мы были едва знакомы, с Харуко, на американский манер сокращавшей свое имя до Хэл, мы впервые встретились за несколько дней до старта экспедиции, а с Эрихом познакомились лишь два года спустя.

Кроме Бурдина и Хэл, в экспедиции принимала участие моя однокурсница Карина, специально выписанная для этой цели из Москвы. В отличие от меня, она всегда хотела заниматься китообразными и успела уже сделать курсовую работу по поведению белух в московском дельфинарии. Вторым волонтером поехал студент Сергей, который вместе со мной только что вернулся из медновской песчовой экспедиции. «Драйвером», т. е. водителем лодки, стал сотрудник Камчатрыбвода Николай Павлов – жизнерадостный охотовед, неутомимый турист, душа любой компании, впоследствии не раз помогавший нам в наших китологических изысканиях.

Через пару недель, проведенных в сборах и приготовлениях, мы высадились на маленьком, засиженном чайками островке, расположенном чуть южнее ворот в Авачинскую губу. Сейчас этот остров стал весьма популярен, и в разгар сезона его акватория буквально кишит катерами и ботами с жаждущими приобщиться к природе туристами, а в те годы редкими посетителями были лишь бичеватые рыбаки на моторных лодках, базировавшиеся в бухте напротив.

Мы заселились в полусгнившую хибару, неизвестно кем, когда и для чего построенную. Возможно, ее происхождение было связано с автоматическим маяком на вершине острова, поскольку от него к хибаре сквозь травяные джунгли и непролазные заросли ольхи тянулись какие-то полужасыпанные землей кабели. Сейчас там стоит новый современный маяк, работающий на солнечных батареях, а в те годы в центре острова располагался РИТЭГ – радиоизотопный термоэлектрический генератор. В советское время РИТЭГи широко использовались для питания автоматических маяков, но из-за возможности радиоактивного загрязнения были довольно опасны. Мы старались обходить его стороной.

Остров называется Стáричков в честь птиц-стáриков, которые гнездятся на обрывистых склонах. Но самые заметные его обитатели – тихоокеанские чайки, заполняющие все акустическое пространство пронзительными склочными криками, а также деловитые топорки с огромными яркими клювами. Топорки кружат над островом, как пчелы над ульем; в полете каждый из них выглядит так, будто спешит по какому-то очень важному делу, но, если проследить за птицей взглядом, нередко выясняется, что она просто летает кругами.

Стариков днем не увидишь – они либо в море, либо тихо сидят на гнездах, зато в сумерках у них начинается веселье. Их колония располагалась как раз над нашим жилищем, и по вечерам казалось, что там происходит какой-то гномий праздник: невидимые в темноте существа шуршали, шумели, переговаривались, перелетали туда-сюда. А в конце июля у них начинался сход птенцов. Птенцы стариков сходят на воду вскоре после вылупления, ночью, чтобы не попасть на зуб (точнее, в клюв) прожорливым чайкам. Происходит это так: родители слетают на воду и начинают звать птенца звонкими чирикающими свистами, и он бежит на зов, непрерывно отвечая им, чтобы не потеряться. Время от времени птенцы по ошибке забегали в нашу хибару, и мы бережно относили их к воде.

Вершина острова Старичков почти плоская и покрыта травой в человеческий рост, процветающей на отходах жизнедеятельности бесчисленных чаек. Но добраться до вершины не так-то просто – приходится лезть по крутому склону, да еще вызывая этим активное неодобрение птичьего населения. Топорки в целом довольно безобидны – максимум могут с перепугу упасть на голову, от неожиданности неловко стартанув в воздух. Зато чайки – настоящая напасть: они с возмущенными криками кружатся над тяжело пыхтящим, с трудом карабкающимся по склону человеком, стараются нагадить ему на голову, а особо агрессивные могут даже ударить клювом в макушку.

На следующий день после заброски мы впервые залезли на вершину и выбрали наблюдательную точку на мысу. Смотрит он ровно на восток, но Сергей, решительно взявший на себя руководство наземными наблюдениями, назвал его «мыс Северный». С него наблюдатели должны были в бинокль обозревать акваторию и по радиации сообщать лодочной команде о появлении косаток. Команда эта, в которую входили Хэл, Бурдин, Коля и кто-то из студентов, обшаривала окрестные бухты или просто болталась в море, ожидая сигнала сверху.

Болтанка в дрейфе оказалась нелегким испытанием для сухопутных студентов, и привычные к качке морские волки поглядывали на нас с легким сочувствием и брезгливостью. В итоге меня стали брать в лодку чаще, чем Карину, так как меня меньше укачивало – возможно, потому что у меня за плечами было уже два морских перехода с Камчатки до Медного. Во время первого из них я сутки не вылезала из койки, и, когда мы наконец встали под берегом острова – стылой громады из заснеженных скал, мне так хотелось на сушу, что даже необходимость карабкаться по этим скалам с огромным рюкзаком на горбу не слишком смущала. Из-за сильного наката мы не смогли тогда высадиться там, где обычно, – под удобной деревянной лестницей, ведущей на 70 метров вверх от уреза воды к домикам, и нам пришлось штурмовать трехсотметровые скалы с противоположного берега, но по сравнению с морской качкой это показалось мне приятной прогулкой. Год спустя тот же морской переход дался уже значительно легче и послужил неплохой тренировкой вестибулярного аппарата перед косаточьей экспедицией.

Седьмого сентября нам наконец улыбнулась удача. Сначала Сергей с Кариной сообщили сверху, что наблюдают косаток, идущих от мыса Опасного к нашему острову. Наконец-то я увижу их вблизи! Лодка запрыгала с волны на волну, неторопливо, как мне тогда казалось, продвигаясь в сторону предполагаемого местоположения группы. Пройдя немного в сторону Опасного, мы снова вызвали по радиации наблюдателей:

– Боцман-семь – Боцману-восемь! Где косатки?

Позывные «Боцман» принадлежали Камчатрыбводу, и Коля Павлов предложил их использовать в нашей экспедиции, чтобы у прослушивающих эфир пограничников не возникало лишних вопросов.

– Боцман-восемь – Боцману-семь! Косатки уже прошли мимо вас, они сейчас между вами и островом!

Мы развернулись и помчали обратно. Несколько напряженных минут, когда мы не отрывали взгляда от горизонта и в то же время старались не выпасть из лодки, и вот наконец долгожданный черный плавник мелькнул между волн. Взревел мотор, и мы понеслись вперед. Плавник исчез под водой.

Добравшись до места, где он только что был виден, мы остановились и начали осматриваться. Вскоре чуть поодаль, в нескольких сотнях метров от нас, вынырнула еще пара косаток, а затем и еще тройка недалеко от них. Медленно, чтобы не спугнуть животных, мы двинули в ту сторону. На этот раз нам повезло – к косаткам удалось подойти достаточно близко и сфотографировать их, прежде чем они исчезли в волнах. Тогда все они были для нас на одно лицо, но теперь мы знаем, что в первый день нам встретились семьи Гусли и Кармен – завсегдатаи

Авачинского залива. В семье Гусли тогда было четыре косатки: самка Гусли, два самца и подросток, а в семье Кармен – три: взрослая самка (мама Кармен), подросток Кармен и ее младшая сестра.

Косатки шли чуть поодаль друг от друга, выныривая то тут, то там, так что и нам приходилось перемещаться туда-сюда от одной к другой. После нескольких подходов Александр Михайлович решил сделать перерыв, остановил лодку, и Хэл начала доставать гидрофон, чтобы записать подводные звуки. Я к тому времени уже считала себя матерым биоакустиком, так как успела защитить курсовую работу по звукам песцов и все лето записывала их, чтобы собрать материал для диплома. Подводные звуки косаток казались мне еще более увлекательными, так что я сразу же полезла помогать Хэл с оборудованием, что оказалось весьма кстати: одному человеку и фотографировать, и записывать звуки довольно неудобно, так что к концу нашей коротенькой экспедиции обязанность заниматься гидрофоном постепенно перешла ко мне. В тот первый раз нам не особенно повезло – мы записали всего лишь несколько далеких криков и при этом потеряли косаток, которые за время нашей остановки успели уйти и скрыться, так что даже наблюдатели с мыса не смогли их снова обнаружить. Но начало было положено.

В последующие дни мы снова и снова встречали косаток и учились взаимодействовать с ними. Никто из команды не имел опыта работы с этими животными в море. Вообще-то, предполагалось, что основным специалистом по косаткам в экспедиции будет Хэл: еще при самой первой встрече Бурдин сообщил нам, что она работала с косатками в Британской Колумбии и поэтому будет нами руководить. Но получалось у нее как-то не очень, и впоследствии выяснилось, что весь опыт Хэл сводился к волонтерству в лаборатории Пола Спонга «Оркалаб», где ее функции ограничивались наблюдениями с берега и прослушиванием звуков со стационарных гидрофонов, установленных на дне моря в разных местах неподалеку от лаборатории. В море все выглядит совершенно иначе, да и условия работы здесь и даже поведение камчатских косаток существенно отличались от условий работы и поведения косаток в Канаде.

Первое время при работе с косатками меня не оставляла легкая паника, но не из-за присутствия огромных хищников, а из-за бешеного темпа работы. Лодка прыгает по волнам, на носу с огромным фотоаппаратом скачет Хэл, поминутно рискуя вывалиться за борт, фотоаппарат щелкает сериями, так что 36 кадров пленки (да-да, мы снимали тогда на пленку!) улетает за несколько минут, и нужно вовремя подавать ей новые катушки, принимать отснятые, наклепать на них заранее подписанный стикер и заполнять форму, напечатанную на листе А4, которую то сдувает ветром, то заливает солеными брызгами.

До этой экспедиции косатки были для меня тем же, чем для большинства людей, – крупными, опасными и загадочными морскими хищниками. Но их особая, ни с чем не сравнимая харизма сразу меня покорила. В результате тема моего диплома внезапно поменялась со звуков песцов на звуки косаток, так что вместо одной Карины проект обзавелся аж двумя студентами, жаждущими обрабатывать небогатый по первому времени материал.

Его скудость, впрочем, с лихвой компенсировалась глубиной поставленных задач, поскольку косатки оказались настоящим кладом научных проблем и загадок природы, а их изучение в российских водах ограничивалось случайными наблюдениями и описанием содержимого желудков. У проекта были большие перспективы, поэтому следующим летом мы снова отправились за девять часовых поясов на восток, к холодному серому морю, в те места, без которых нам уже сложно было представить свою жизнь. Но если в первый год мое участие в экспедиции было случайностью, то теперь у меня имелась четкая программа действий, вдохновленная штудированием статей.

Сорока годами ранее

Косатки – самые удивительные животные из всех, что обитают сейчас на нашей планете.

В 1964 году канадский скульптор Сэмюэл Бюрич получил от Ванкуверского аквариума заказ убить косатку и слепить с нее модель в натуральную величину. Просидев пару месяцев на острове Сатурна, он дождался-таки момента, когда косатки подошли близко к берегу, и выстрелил в молодую особь из гарпунной пушки, ранив, но не убив ее. Два других кита немедленно поднырнули под оглушенного сородича, подталкивая его к поверхности, чтобы он мог дышать. Затем раненая косатка пришла в себя и стала пытаться освободиться. Она прыгала, била хвостом и издавала пронзительные крики. Скульптор спустил на воду небольшую лодку, чтобы завершить дело. Он несколько раз выстрелил в косатку из винтовки. Позднее он говорил репортерам, что «минимум два раза» попал в животное. Но косатка не умерла.

Вскоре из Ванкувера прибыл директор аквариума и решил взять косатку живой. За лень, привязанный к гарпуну, засевшему в его спине, животное отбуксировали в Ванкувер и поместили в сетчатый вольер. Поначалу к ней относились как к опасному хищнику, но вскоре выяснилось, что это мирное и даже дружелюбное создание.

Долгое время Моби Долл, как ее называли, ничего не ела. Ей предлагали всевозможные лакомства – от живого лосося до конского сердца, но косатка лишь кружила днем и ночью по бассейну в одном и том же направлении. На пятьдесят пятый день пребывания в неволе Моби Долл прервала свой пост, начав есть по 200 фунтов рыбы в день, и почти сразу стала более активной. Но она все еще не выглядела здоровой. Из-за низкой солености воды в гавани у нее развилась кожная болезнь, к тому же, казалось, она страдала от истощения. Через месяц после того, как косатка начала есть, она умерла.

Сообщение о смерти Моби Долл облетело газеты всего мира. Лондонская «Таймс» отвела под некролог две полосы. «Ридерз Дайджест», «Лайф» и многие другие издания также опубликовали статьи о смерти косатки. Вскрытие добавило к этой истории любопытный эпизод: Моби Долл оказалась Моби Диком – самцом, а не самкой.

Шумиха вокруг Моби положила начало изменениям в общественном мнении. Из опасных хищников косатки превратились в этаких морских панд, любимцев публики. Теперь вместо того, чтобы стрелять в них, их стали ловить для океанариумов. Менее чем за десять лет в водах Британской Колумбии было выловлено около пятидесяти косаток. Поначалу это никого не беспокоило – эксперты оценивали численность этих животных в несколько тысяч особей, поэтому казалось, что в отлове нескольких десятков нет ничего страшного. Но в начале 1970-х годов под давлением общественности Департамент морей и океанов решил наконец выяснить, сколько же косаток обитает в водах вокруг острова Ванкувер на самом деле.

Эта задача легла на плечи Майкла Бигга – руководителя лаборатории морских млекопитающих, который в то время занимался в основном тюленями. Он не очень представлял, как подойти к этой проблеме, и для начала решил просто посмотреть на объект поближе. Выйдя в море и встретив косаток, Майкл и его коллеги занялись тем, что делают в такой ситуации 99 процентов человечества, – фотографированием. Поначалу они снимали просто для себя, но, рассмотрев фотографии поближе, поняли, что узнают многих животных. Форма спинного плавника и находящегося за ним светло-серого седловидного пятна может сильно различаться у разных особей, как и многочисленные естественные метки – царапины и шрамы на коже и зарубки на заднем крае спинного плавника. Так родился метод фотоидентификации косаток.

Сама по себе идея узнавать животных по естественным меткам была не нова. Еще в 1930-х годах Конрад Лоренц различал своих серых гусей по особенностям окраски. Позже этот метод применяли для исследования зебр, жирафов и других крупных млекопитающих в Африке. Но на китах его стали использовать только в 1970-х годах – сначала на горбачах, которые вежливо показывают наблюдателям свои исключительно разнообразные черно-белые хвосты перед каждым глубоким погружением, и на гладких китах, головы которых покрыты характерными светлыми наростами. А задолго до ученых, еще в XIX веке, китобой Идена узнавали дружелюбных косаток по зарубкам на плавниках. Но Майкл Бигг был первым, кто сумел систематизировать идентификацию косаток.

Чтобы как-то оценить численность вверенной ему популяции, он придумал такую методику: разослал 16 000 опросников рыбакам, маячникам и прочим людям, работавшим в водах и на побережье Британской Колумбии, чтобы они в один и тот же день – 26 июля 1971 года – зафиксировали все свои встречи с косатками. В результате оказалось, что косаток в этом регионе всего около 200–250 штук – значительно меньше, чем полагали прежде. Такие же переписи в последующие два года и работы по фотоидентификации подтвердили эту оценку. В 1976 году Бигг представил начальству свой отчет, в котором рекомендовал ограничить отлов ввиду малочисленности животных в регионе.

Отлов запретили, но одновременно с этим прекратилось финансирование работ по косаткам, и Биггу поручили вновь заниматься тюленями и морскими львами. Однако косатки так запали ему в душу, что он уже не мог остановиться и продолжал работы в свободное время на собственные средства (а иногда и в рабочее время на деньги, выделенные на исследования тюленей). На протяжении многих лет Майкл и его коллеги фиксировали даты рождения, смерти, объекты питания, социальные связи косаток. Благодаря его усилиям была собрана одна из самых подробных баз данных, а косатки Британской Колумбии до сих пор остаются самыми изученными в мире китообразными.

Одно из главных открытий, сделанных Биггом в ходе его исследований, – это существование двух разных экотипов. Раньше косаток традиционно считали безжалостными хищниками, пожирающими все живое на своем пути. Но Майкл и его коллеги выяснили, что на самом деле они очень разборчивы в еде. Чаще всего исследователям встречались рыбоядные косатки, предпочитавшие кормиться лососем. Они путешествовали большими дружными семьями, состав которых оставался стабильным из года в год. Некоторые семьи появлялись в бухтах и проливах так регулярно, что их стали называть резидентными. Но время от времени ученые встречали в тех же районах совсем других косаток, которые непредсказуемо появлялись и исчезали, за что их прозвали транзитными.

Понадобилось несколько лет тщательных наблюдений, прежде чем выявилось ключевое различие между резидентными и транзитными косатками. Оказалось, что транзитники, в противоположность резидентам, – самые настоящие хищники, они питаются тюленями, дельфинами и даже нападают на крупных китов. Поначалу ученые решили, что транзитные косатки – это изгнанники из резидентных групп. Но впоследствии выяснилось, что они относятся к отдельному экологическому типу, который специализируется на питании морскими млекопитающими. Они различаются даже внешне – формой спинного плавника и седловидного пятна. У транзитных косаток спинной плавник более треугольный и заостренный, а у резидентных чаще серповидный и слегка закругленный на верхушке. У резидентных косаток седловидное пятно может быть разной формы, нередко с вырезами, которые у отдельных особей могут занимать большую часть пятна и порой имеют довольно причудливые очертания. У транзитных косаток седловидное пятно обычно цельное, без вырезов, и, как правило, более крупное, чем у резидентных.

Рыбоядные резиденты и плотоядные транзитники обитают в одних и тех же районах, но никогда не общаются. За несколько десятилетий работы с косатками в водах острова Ванкувер ученые ни разу не видели, чтобы косатки разных экотипов приближались друг к другу, более того, транзитники нередко явно избегали

встречи с резидентами. Генетический анализ подтвердил результаты наблюдений, показав, что в природе рыбацкие и плотоядные косатки не скрещиваются.

Это неудивительно, поскольку косатки разных экотипов различаются не только пищевыми предпочтениями, но и поведением и структурой групп. Связано это прежде всего с особенностями жертв. Тюлени, дельфины и киты обладают хорошим слухом и развитым интеллектом, поэтому они могут по звукам издали обнаружить хищников. Чтобы этого не произошло, плотоядные транзитники чаще всего молчат и ходят небольшими малозаметными группами. А лосось – добыча рыбацких косаток – не слишком умен и не слышит высокочастотные звуки, поэтому резиденты могут общаться в свое удовольствие, не рискуя при этом остаться без обеда. В отличие от плотоядных косаток, ходить большими группами им даже выгодно – рассредоточившись по акватории, такая группа может прочесывать обширный район в поисках рыбьего косяка, а уж когда обнаружит его, пищи хватит на всех. Это позволяет образовывать большие семьи с уникальной социальной структурой.

Рыбацкие резиденты – одни из немногих млекопитающих, у которых особи обоих полов всю жизнь остаются в той семье, в которой родились. Типичная семья – это старшая самка-бабушка, несколько ее сыновей и дочерей и дети дочерей. Нередко бабушка доживает и до появления правнуков, так как срок жизни косаток сопоставим с человеческим. Таким образом, взрослые самцы в группе – не «главы гарема», как считалось ранее, и даже не отцы присутствующих в ней детенышей, а их братья и дяди.

Самки рожают первенца в возрасте 10–15 лет, а следующих детенышей – с периодичностью примерно раз в пять лет. В возрасте 40–45 лет самка перестает приносить потомство, но может прожить после этого еще лет 40, помогая дочерям и внукам воспитывать детей. Знания и опыт, накопленные бабушками за долгие годы жизни, способствуют благополучию всей семьи. Кроме того, старые самки приглядывают за своими взрослыми сыновьями. Самцы рыбацких косаток – настоящие маменькины сынки, даже в пожилом возрасте они сохраняют тесную связь с матерью. Когда матриарх умирает, ее дочери продолжают жить, становясь во главе собственных матрилий, а вот сыновья нередко погибают либо, если повезет, присоединяются к семье одной из своих сестер.

Впрочем, не все косатки – примерные семьянины. Средний размер группы плотоядных транзитных косаток – три особи, поэтому они не могут позволить себе, как рыбацкие, всю жизнь оставаться с матерью. Остается обычно лишь старший сын, остальные уходят и живут одиночками, присоединяясь на несколько дней к той или иной группе. Самки остаются в семье до тех пор, пока не обзаведутся собственным детенышем, после чего уходят, чтобы основать новую группу.

Такие сильные различия и репродуктивная изоляция между обитающими в одном районе экотипами наводят на мысль, что рыбацкие и плотоядные косатки являются, в сущности, разными видами. Правда, в дельфинариях они могут скрещиваться, а точнее, те и другие скрещивались с косатками из Северной Атлантики. Но в неволе многие виды китообразных дают плодовые межвидовые и даже межродовые гибриды. Например, в дельфинарии на Гавайях уже более 25 лет живет «вольфин» – от англ. *whale* (кит) и *dolphin* (дельфин) – по имени Кекаималу, гибрид дельфина-афалины и малой косатки. В отличие от многих других межвидовых гибридов, например мула – гибрида осла и лошади, Кекаималу оказалась плодовой и родила троих детенышей от самцов-афалин.

Но самыми убедительными оказались генетические различия: как выяснилось, рыбацкие и плотоядные косатки Тихого океана разошлись друг с другом сотни тысяч лет назад. Вообще ситуация с косатками сейчас напоминает ситуацию с родом *Номо* (человек) около 50 000 лет назад: существует несколько разных форм, часть из которых пересекается и может гибридизировать. У человека это были кроманьонцы, неандертальцы, денисовцы, флоресские люди и, по-видимому, множество других. Косаточьи «кроманьонцы» и «неандертальцы» – это тихоокеанские рыбацкие и плотоядные косатки, они даже в чем-то похожи:

неандертальцы тоже были более хищными и жили небольшими группами. Как и косатки, кроманьонцы и неандертальцы на протяжении долгого времени обитали в одних и тех же районах и даже иногда скрещивались друг с другом (а порой попадали друг к другу на обед – тут уж как повезет).

Кроме тихоокеанских экотипов, в мире существует еще несколько хорошо различимых разновидностей. Например, в Антарктике выделяют косаток типа «А», которые держатся поодаль от льдов и охотятся на китов, две ледовые формы – плотоядных охотников на тюленей и пингвинов типа «В» и рыбадных типа «С», а также субантарктический тип «D». Ледовые формы отличаются от всех прочих характерной окраской – они не черные, а серые, а друг от друга – формой и размером заглазничного пятна. Кроме того, косатки типа «С» очень мелкие, почти пигмеи по сравнению с другими. А косатки типа «D» имеют и вовсе необычную внешность – у них вздутая, как у гринды, голова и очень маленькое заглазничное пятно. С «нормальными» косатками они не общаются, даже когда воруют рыбу с ярусов одного и того же судна.

В Северной Атлантике ситуация еще более запутанная. Самая частая добыча норвежских и исландских косаток – это сельдь. Но некоторые группы, обычно мирно кормящиеся ею, периодически бывают замечены в охоте на тюленей и дельфинов. Похоже, здесь разделение по пищевым привычкам идет между разными группами, а не между популяциями, как в северной части Тихого океана и Антарктике. Интересно, что северотихоокеанские рыбадные резиденты оказались генетически ближе к атлантическим косаткам, чем к живущим бок о бок с ними плотоядным транзитникам. Многие специалисты склоняются к тому, чтобы официально признать их разными видами.

Наши первые находки

Всех косаток зовут Кевин. Но вы ведь это и так знаете, правда?

Камчатская природа чужда человеку и абсолютно безразлична к нему – тут нет ни домашней теплоты среднерусского леса, ни сказочного волшебства европейского Севера. Тут все очень большое – и человек кажется ничтожным, и очень отчетливо ощущаешь, что этот край ни доброжелателен, ни враждебен – он просто не замечает тебя. Поначалу это пугает, но потом начинает странным образом притягивать, и, отравленный неведомым ядом, ты тянешься к этим местам, стремишься приезжать сюда снова и снова, несмотря ни на что. В европейских сказках часто встречается тема героя, попавшего в страну эльфов. Когда он возвращается домой, все человеческое становится ему немило и влечет его только волшебная, но чуждая людям страна. Так же действует и Камчатка. Стоит побывать там – и мягкая красота среднерусской природы никогда уже не сможет полностью завладеть твоим сердцем, и самый прекрасный весенний лес в теплый солнечный день будет казаться бледным и бесцветным по сравнению с рыжими скалами, туманными сопками и вечным камчатским прибоем.

На этот раз мы приехали на Старичков в начале августа. Одной из первых наших задач стало определение состава семей. У китообразных есть два основных типа социальной организации. Один из них – так называемые «сообщества разделения-слияния» (по-английски они называются *fission-fusion societies*, а адекватного русского термина пока никто не придумал). В таких сообществах состав групп очень изменчив – дельфин Петя, встреченный сегодня в обществе дельфинов Васи и Миши, на следующий день может ходить с дельфинами Ваней и Даней, и такая смена партнеров у них происходит постоянно. При этом все дельфины, обитающие в определенной акватории, знают друг друга и имеют какие-то персональные взаимоотношения, личные счеты или, наоборот, симпатии. Типичный пример вида с такой социальной структурой – это всем известная афалина.

Противоположная стратегия – это стабильные семьи, основанные на родстве по материнской линии. В этом случае группа состоит из самки-матриарха, ее дочерей, внучек, правнуcek и их неполовозрелого потомства. У некоторых видов в таких группах остаются и самцы, тогда семья включает также сыновей матриарха, сыновей ее дочерей, сыновей ее внучек и так далее – именно такая структура характерна для рыбоядных косаток.

После работ Майкла Бигга одним из основных методов изучения косаток стала фотоидентификация, поэтому первое, что делают исследователи, встретив их в море, – стараются сфотографировать. С этого начинали и мы, и с каждой встречи наш фотокалатег пополнялся новыми животными. Такой на первый взгляд простой метод позволяет удивительно много узнать об их жизни, отслеживать ее изо дня в день, изучать взаимоотношения отдельных особей друг с другом. Можно выяснить, например, что за животные составляют отдельные группы – являются ли они родственниками, переходят ли из одной группы в другую.

Хэл старательно сопоставляла фотографии, сделанные во время встреч с косатками, и пыталась определить, кто из них относится к одной семье. Это оказалось не так-то просто – ведь, хотя члены семьи всегда держатся поблизости друг от друга, нередко они путешествуют вперемешку с животными из других семей, поскольку косатки довольно общительны. Семьи, входящие в одно сообщество, хорошо знают друг друга и часто ходят вместе. В летние месяцы они порой образуют скопления по 50 и даже по 100 особей – множество семей, собравшись вместе, общаются, играют, укрепляя социальные связи, и спариваются, чтобы дать жизнь новым членам группы. Поскольку самцы и самки в каждой семье – близкие родственники, партнеров для спаривания ищут в других семьях во время таких массовых «сходок». После плодотворного общения будущие отец и мать сразу возвращаются каждый в свою семью. Маленькая косатка никогда не узнает отца – зато она всегда под надежной защитой дядей и старших братьев.

Каждую косатку заносят в каталог под своим порядковым номером, но нередко они получают и имена. В Канаде и США, когда у косаток рождается новый детеныш, местные исследователи устраивают среди косаточьих фанатов целые конкурсы на лучшее имя. У нас же в водах Авачинского залива плавало множество безымянных косаток, так что каждый член экспедиции мог потренироваться в придумывании имен.

Первые имена нашим косаткам давала Хэл. Ее завораживало звучание некоторых русских слов – так появились Гусли, Арфа, Картина. Не обошлось и без Хуки – в каждой уважающей себя популяции должна быть косатка, носящая это имя. У нас их со временем стало даже два: старший и младший. Внешне они были очень похожи – обоих отличал крючковатый плавник и открытое пятно, хотя они принадлежали к совершенно разным семьям. Моим вкладом в историю стали Чиж и Дыркин (по именам соответствующих исполнителей – Чиж приезжал тогда с концертом на Камчатку, а песни Вени Дыркина мне просто очень нравились), а также Руадан – в честь нашей студенческой музыкальной группы.

С каждым годом каталог рос, и постепенно мы научились различать и узнавать семьи, регулярно посещавшие залив. Мы выяснили, что животные не переходят из одной семьи в другую, так что состав семей меняется, только когда кто-нибудь гибнет или рождается новый детеныш. Например, семью Гусли мы наблюдали ежегодно в течение многих лет. Это была первая семья косаток, которую мы встретили в начале нашего проекта. Тогда она состояла из взрослой самки AV019 (Гусли), ее дочери-подростка AV020, молодого самца AV018 и взрослого самца AV021. В 2004 году у Гусли появился новый детеныш AV019a. В 2006 году дочка Гусли AV020 родила своего детеныша – AV020a, но к началу полевого сезона следующего года он, к сожалению, погиб (у косаток вообще довольно высокая смертность среди новорожденных, особенно среди первенцев). В 2012 году у Гусли родился еще один детеныш, который тоже погиб. В 2013 году погиб самец AV021, а у AV020 родился второй детеныш, который также не выжил. Но никто из животных, идентифицированных в 2000 году, не покинул семью, чтобы присоединиться к другим группам. Каждый раз, когда мы их встречали, они были вместе.

Моей главной задачей к тому моменту стало описание диалектов. В 1980-х годах канадский ученый Джон Форд выяснил, что для каждого племени косаток характерен уникальный набор стереотипных звуков – диалект. Племенем канадцы к тому времени называли несколько семей (или матрилиний) косаток, которые больше половины времени проводили вместе. По-английски такое объединение называется *pod*, дословно это переводится как «стручок». В английском языке вообще очень странные традиционные названия для групп животных – например, стая ворон называется *murder* (дословно – убийство), а стая грачей – *parlament*. Отсюда же закрепившееся в русском обозначение стаи львов – «прайд», что по-английски значит «гордость».

Понятно, что стручком группу косаток нам звать не хотелось, поэтому мы договорились по-русски называть «поды» племенами. Например, семья Гусли относится к племени, в которое входят еще четыре семьи – Кармен, Каби, Чайки и Хуки Младшего; их диалекты почти неразличимы без специальных измерений. Более крупная единица сообщества косаток – это набор племен со схожими диалектами (по строгому определению Форда – племена, у которых есть хотя бы один общий тип звука). То есть структура сообщества оказалась довольно сложной: самая мелкая единица – это семья, или матрилиния, состоящая из самки-матриарха, ее детей, внуков и правнуков; затем идет племя, включающее в себя семьи, которые часто ходят вместе и имеют одинаковый или очень схожий диалект. Племена с похожими диалектами, которые имеют хотя бы один общий звук, относятся к одному клану, а с совершенно различными диалектами – к разным кланам. При этом все они общаются между собой и, похоже, прекрасно понимают друг друга.

В первые годы нам встречались только рыбацкие косатки. Хэл, работавшая раньше в Британской Колумбии, все мечтала увидеть плотоядных. Однажды мы

заметили маленькие фонтанчики белокрылых морских свиней в непосредственной близости от косаток. Хэл страшно возбудилась и, размахивая телевиком, попросила Колю как можно быстрее подъехать к животным. «Транзитники! Это может быть охота!» – восклицала она.

Но это оказались не транзитники, а наши привычные рыбацкие косатки в сопровождении группы белокрылых морских свиней. Свиньи несколько не боялись огромных родственников и, похоже, даже немного досаждали им своим суетливым мельтешением. Возможно, они надеялись поживиться остатками косачьей трапезы или просто играли. Вообще, белокрылые морские свиньи производят впечатление веселых беззаботных животных, основная цель жизни которых – найти себе какое-нибудь развлечение. Подобно многим мелким быстроходным дельфинам, они любят сопровождать суда, катаясь на носовой волне. Но нередко они следовали и за нашей маленькой лодкой, похоже просто ради удовольствия помериться скоростями, обдавая пассажиров и дорогостоящую технику тучами соленых брызг. Позже на Командорах мы наблюдали, как они донимают горбачей – морсвины сновали взад-вперед вокруг этих медлительных гигантов и, казалось, щекотали их под водой. Может быть, так оно и было – во всяком случае, однажды кит начал отмахиваться от хулиганов своим огромным хвостом.

Настоящих плотоядных косаток мы впервые встретили в 2002 году. Бурдин получил большой грант на учет китов и арендовал целое судно – краболов «Авачинский», чтобы пройти на нем вдоль восточного побережья Камчатки от Олюторского залива до мыса Лопатка. Первые косатки, которых мы увидели в этом рейсе, оказались довольно странными: три взрослых самца, у двоих из которых были упавшие плавники – у одного наполовину, а у второго полностью. Несмотря на плохую погоду, их удалось отснять и взять генетическую пробу. Вернувшись на судно, Бурдин и Хэл возбужденно рассматривали фотографии (тогда снимали уже на цифру) и тыкали в большие округлые пятна, соглашаясь друг с другом, что косатки, похоже, плотоядные.

В то время у меня было мало опыта, и возможность различать экотипы по форме пятен и плавников казалась мне сомнительной. Подобная точка зрения весьма характерна для новичков, поскольку разница между ними действительно не бросается в глаза и очевидна лишь опытному исследователю, пересмотревшему на своем веку тысячи фотографий. В тот раз наши руководители оказались правы – впоследствии генетический анализ подтвердил, что три странных самца отнесли к плотоядному экотипу. С тех пор прошло много лет, и мне не раз приходилось наблюдать, как очередной скептик с пеной у рта доказывает, что различить экотипы по внешним признакам невозможно. Многие из них, приобретя чуть больше опыта, сами впоследствии легко различали рыбацкие и плотоядные группы, но некоторые – особенно те, кто не работал с косатками в природе, – упорствуют до сих пор.

Плотоядные косатки в водах Камчатки очень редки – в первые годы мы не видели их вовсе, а потом, когда экспедиции стали длиннее, встречали их один-два раза за сезон. И лишь несколько раз мне удалось сделать качественную запись их звуков. Первый такой случай произошел на седьмой год нашего проекта, в 2005-м. В первый день осени, когда дети всей страны пошли в школу, погода с утра не предвещала ничего хорошего – было пасмурно и задувал ветерок, однако мы все же решили выйти в море. Подождав некоторое время возле острова, мы услышали очень далекие, едва различимые крики где-то в стороне мыса Опасный и двинулись туда. Полил дождь, но мы продолжали упрямо прыгать с волны на волну, приближаясь к цели. Уже возле Опасного, послушав снова, мы локализовали звуки более точно и, кроме того, обнаружили, что они нам совершенно незнакомы и вообще не похожи ни на что, слышанное от камчатских косаток прежде. Мы сразу забыли про дождь (который, кстати, к тому времени прекратился) и волны (которые, к сожалению, остались) и рванули туда, откуда доносились крики.

Через несколько минут мы увидели косаток. Их было всего две – видимо, мать с подростком. Самка имела типичный «транзитный» острый треугольный плавник и далеко заходящее вперед седловидное пятно. На пятне отчетливо виднелись

черные точки – укусы маленьких светящихся акул *Isistius brasiliensis*, которые водятся только в теплых водах. На пятнах наших рыбадных косаток такие отметины встречаются очень редко – по-видимому, они почти не заходят так далеко на юг.

Но несмотря на то что это были явные плотоядные транзитники, они постоянно кричали. Обычно косатки этого типа очень молчаливы, потому что тюлени, дельфины и киты – их добыча – прекрасно слышат издаваемые ими звуки и достаточно умны, чтобы связать их с присутствием хищника. Это рыбадные косатки могут кричать в свое удовольствие – рыба плохо воспринимает высокочастотные звуки, да и все равно не поймет, что ей грозит опасность. А плотоядным лучше молчать, чтобы их не заметили раньше времени. Но наша парочка кричала без умолку, причем постоянно повторяла одни и те же два типа звука, как будто звала кого-то. Их было трудно увидеть из-за высоких волн, и мы постоянно теряли их, но по крикам находили снова и снова. Мы прошли за ними до Вилучинской бухты, но потом нам пришлось оставить их из-за непогоды, так и не выяснив, кого они так отчаянно призывали. Много лет спустя Волкер Дике, исследовавший транзитников в Канаде, рассказал мне, что такое поведение иногда встречается и у них: когда животные не охотятся, а ищут друг друга, они могут подолгу издавать громкие дальнедистантные крики.

Другая интересная встреча с транзитниками произошла у нас год спустя. Мы дрейфовали в море напротив Старичкова в ожидании косаток, и вдруг прямо вблизи лодки над водой показались несколько черных плавников. Позже, с опытом, мы узнали, что такое поведение типично именно для плотоядных косаток – они внезапно появляются из ниоткуда прямо рядом с лодкой, «проверяют» ее и так же стремительно исчезают. Рыбадные косатки лодками обычно интересуются мало – разве что любопытные подростки, которым нечем заняться. Для транзитников же такие рекогносцировочные налеты, по всей видимости, связаны с поисками зазевавшегося тюленя или другого съедобного объекта.

Косатки занырнули несколько раз в направлении лодки, осторожно обошли ее и двинулись своим путем. Шли они на юг, но зигзагами, с занырами в разные стороны. Под водой они находились подолгу – минут по десять, а потом, чтобы отдышаться, делали по пять – семь вдохов-выдохов. Они не лоцировали, не кричали, и даже выдохи у них были тише и осторожнее, чем у резидентов. Мы прошли за ними несколько километров, когда рядом с нашей лодкой неожиданно вынырнул малый полосатик. Он был мелкий, видимо подросток. Косатки шли чуть дальше и несколько раз занырнули в разных направлениях – возможно, пытались найти китенка. Но полосатику повезло – минут через десять мимо на полной скорости пролетел большой катер, отсекая его от косаток, и, похоже, после этого они его потеряли.

Вскоре мы услышали в гидрофон далекие звуки резидентов. Транзитники отошли дальше в море и севернее, словно избегая встречи с ними, а затем снова повернули на юг. Пройдя за ними километров пятнадцать, мы решили проиграть им записи прошлогодних транзитников. Вопреки ожиданиям, они ничуть не обрадовались крикам возможных родственников и не только не ответили, но, наоборот, ускорили движение, сократили дыхательные паузы и перестали рыскать. Напротив бухты Саботажной мы снова услышали крики резидентов, которые шли ближе к берегу. Группа транзитников отвернула в море, и на этом мы с ними расстались, чтобы переключиться на резидентов.

В первые годы у нас были две отдельные команды – береговая, занимавшаяся теодолитным слежением за косатками, и лодочная, которая фотографировала животных, записывала звуки и брала биопсию. Теодолит – это прибор, позволяющий точно определить расстояние и пеленг на объект по углам наклона и горизонтального поворота наведенного на него окуляра; он обычно используется в строительстве для землеустройства и разметки расположения будущих зданий. «Китятники» приспособили его для своих целей: наблюдая за китом с берега в теодолит, можно с высокой точностью восстановить трек его движения по акватории – это позволяет оценить использование пространства и реакцию

животного на внешние раздражители.

С годами теодолитные исследования постепенно свернули, зато лодок вместо одной стало две – первая занималась фотоидентификацией и биопсией, а вторая, наша, предназначалась исключительно для акустических исследований. Это стало возможно благодаря гранту фонда Руффорда, который я получила в 2004 году, – на него мы купили вторую лодку, маленький «Зодиак» 3,8 метра длиной. Вообще, по-хорошему, для нормальной работы в море лодка эта была слишком мала – на самой легкой волне она подпрыгивала, как мячик. Но мы радовались тому, что имели, и упорно работали на нашей малютке вплоть до 2009 года, когда окончательно переместились на Командоры, оставив в Авачинском заливе команду студентов под руководством Тани Ивкович. Она к тому времени стала главным фотоидентификатором камчатских косаток.

Впервые Таня, тогда 18-летняя студентка Санкт-Петербургского университета, приехала в нашу экспедицию в 2002 году. Свой первый сезон на острове Старичков она провела главным образом в составе береговой команды, стойко перенося нападения чаек и прочие невзгоды. На следующий год Александр Михайлович предложил ей заняться фотоидентификацией, чтобы помогать Хэл. Той было тяжело работать с нами – ее сбивали с толку и возмущали чисто российские бардак и хаос, царившие тогда в организации экспедиции и в отношениях между людьми. Так что постепенно она отошла от участия в проекте и сосредоточилась на организации вейлвотчинга (туризма по наблюдению за китами) на севере Хоккайдо, а вся фотоидентификация досталась Тане. Надо признать, Таня довольно быстро достигла того, что не удавалось Хэл, – уже в 2004–2005 годах она определила состав основных семей, чаще всего встречающихся в Авачинском заливе. Тогда и у меня появилась возможность описать наконец диалекты – раньше Хэл выдавала в качестве результата длинные эксель-простыни со встречами каждой особи, а Таня могла сказать, когда какую семью мы видели, и, сопоставив эти данные со звукозаписями, можно было определить набор звуков, характерный для каждой семьи.

Сразу выяснилось несколько интересных вещей. Во-первых, мы обнаружили два акустических клана косаток, которые имели совершенно разные репертуары звуков, но никак особенно не выделялись по социальным связям, – семьи из разных кланов общались между собой точно так же, как семьи одного клана. Если бы не звукозаписи, мы никогда и не догадались бы, что семьи AV140, Командора и Цезаря чем-то принципиально отличаются от других. Но по звукам их легко узнать даже на слух, без просмотра сонограмм, по которым я обычно различаю диалекты. Их клан получил название K20 по номеру самого характерного для них типа звуков. Другой клан, к которому относились все прочие описанные к тому моменту семьи, мы называли просто Авачинским – по названию Авачинского залива, в котором проходила наша работа. Чуть позже мы обнаружили и третий клан – K19, который посещает Авачинский залив лишь изредка, зато довольно часто встречается на Командорах.

Первая наша встреча с кланом K19 была весьма запоминающейся. В тот день мы долго болтались напротив мыса Опасного, ожидая косаток. Наконец услышали далекие крики и с удивлением обнаружили, что они доносятся со стороны моря. Наши косатки чаще всего ходят вдоль берега, да и крики были незнакомые, так что мы сразу поняли, что нас ждет что-то необычное. Ориентируясь на звуки, мы нашли косаток в 13 километрах от берега – так далеко в открытое море мы еще не уходили. Более того, они продолжали решительно удаляться, уведя нас под конец дня на 30 километров от берега – и это на двух маленьких «Зодиаках»! Косаток было много, и все незнакомые. К моей огромной радости, они оказались довольно разговорчивыми и пополнили наш каталог новыми типами звуков. Поначалу мы решили, что это могут быть так называемые офшорные, то есть держащиеся вдали от берегов, косатки. Но через пару недель мы снова встретили их в компании с нашими обычными группами и поняли, что это тоже резидентные косатки, просто с немного не такими привычками, как у авачинских.

В тот день нас ждала еще одна необычная встреча. Переходя от одной группы к

другой, мы вдруг увидели небольшие «пушистые» фонтаны и длинные темные тела. Издалека они несколько напоминали малых полосатиков, но те обычно не ходят большими группами, да и фонтан у них, как правило, незаметен. Пока мы на полном ходу неслись к загадочным китам, у меня мелькнула мысль: «Северные плавуньи!» Перед сезоном коллеги показывали фотографии плавунгов из рейса по Курилам, и эта группа была очень на них похожа. Нам повезло – мы успели подъехать и отснять их на фото и видео прежде, чем они занырнули. Эти киты питаются глубоководными кальмарами и встречаются в основном над шельфовым склоном – свалом глубин, а на мелководье почти не заходят. В Авачинском заливе нам больше не приходилось встречать их, так как мы очень редко отходим так далеко от берега, и следующая встреча состоялась только три года спустя на Командорских островах, где свал глубин проходил всего в нескольких километрах от нашего лагеря.

Описав вокальные диалекты всех трех камчатских кланов и сравнив их с сонограммами в статьях Джона Форда, я выяснила еще одну интересную вещь. Оказалось, что у камчатских косаток репертуары звуков в целом значительно менее разнообразны, чем у канадских. Все косатки Авачинского клана издают четыре основных типа звуков – K1, K5, K7 и K12, хотя форма этих звуков у разных семей несколько различается. Другие типы звуков встречаются не у всех семей, а только у части из них: например, звук типа K17 встречается только у семей, принадлежащих к племенам 0209 и Немо, а звук типа K27 – только у семьи Хуки. Посмотрев на сонограммы, можно отличить каждое племя, а вот семьи внутри племен различаются очень слабо.

Кланы K19 и K20, хотя и используют в своих репертуарах не те типы звуков, что Авачинский клан, тем не менее отличаются от него и друг от друга намного меньше, чем канадские кланы A, G и R из Британской Колумбии. С чем это связано, не очень понятно. Возможно, они просто не так давно произошли от одного общего предка, и диалекты не успели достаточно сильно измениться. Но более вероятной мне представляется версия, что это связано с размером популяций и образом жизни. Канадские северные резиденты составляют небольшую изолированную популяцию численностью около 250 особей, они не общаются и не скрещиваются с живущими поблизости южными резидентами. Камчатские же косатки, похоже, составляют гораздо более открытое и многочисленное сообщество. Помимо «местных» животных, регулярно из года в год встречающихся в Авачинском заливе, мы каждый год регистрируем какие-то новые семьи, которые могут прийти один раз и никогда не появиться снова, – и «местные» косатки с удовольствием общаются и спариваются с ними. Получается, что, хотя основное ядро авачинского сообщества составляют примерно 200–300 животных, общая численность популяции существенно выше, а вероятность близкородственного скрещивания, соответственно, ниже. Канадским косаткам из разных кланов выгодно иметь как можно более непохожие диалекты, чтобы подчеркнуть свои различия и подтолкнуть самок к выбору неродственных самцов. Когда канадский исследователь Ланс Барретт-Леннард проанализировал отцовство среди северных резидентов, выяснилось, что отец детеныша чаще всего относится к другому клану. А вот камчатским косаткам скорее актуально подчеркивать сходство, а не различия – ведь когда незнакомая группа приходит издалека, местным косаткам, которые, вообще-то, не слишком жалуют чужаков, нужно определить, что гости относятся к тому же самому сообществу и надо принимать их как друзей. Поэтому, возможно, камчатские диалекты сохраняют общие черты даже у разных кланов.

Получив первые результаты, мы стали задумываться о публикациях. В современной фундаментальной науке это основной «продукт», который ученые выдают во внешний мир и по которому оценивается их работа. Тут есть много нюансов – например, существуют неплохие научные группы, которые ведут качественные исследования, но мало публикуются, а другие штампуют статьи одну за другой на одном и том же материале, лишь немного смещая акценты и переставляя слова. Но подобно тому как «демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных», так и оценка ученых по статьям – плохой, но на данный момент

единственный реально работающий способ.

На самом деле первые результаты своей работы мы представили миру еще в 2002 году – так совпало, что на третий год нашего проекта пришелся четвертый Международный симпозиум по косатке, проходивший на биостанции Чизе во Франции. Первые три симпозиума по времени не слишком сильно отстояли от четвертого, а вот после него наступил перерыв почти в два десятка лет, так что нам очень повезло, что на заре своей «китовой карьеры» мы смогли лично познакомиться с корифеями – Джоном Фордом, Лансом Барретт-Леннардом, Кристофом Гуине и другими. Мы поехали туда вдвоем – Карина, еще одна студентка и я, каждая со своим постерным докладом. Бурдин, конечно, тоже приехал на симпозиум с докладом, но самое главное – мы наконец-то встретились с загадочным содиректором нашего проекта Эрихом Хойтом.

Эрих оказался просто волшебным – совершенно обычный на первый взгляд человек, при личном общении он как будто светится каким-то внутренним светом доброжелательности и уважения к собеседнику. И это оказалось не эффектом первой встречи, а его нормальным состоянием: после знакомства на симпозиуме мы регулярно переписывались по разным деловым вопросам, встречались на конференциях и в экспедициях, и он неизменно был таким – очень корректным, безупречно держащим дистанцию, но при этом очень теплым и добрым. Он стал настоящим отцом нашего проекта – не только и не столько потому, что находил для него финансирование, но прежде всего потому, что всегда вдохновлял и поддерживал нас.

В 2006 году Эрих впервые приехал к нам в экспедицию на остров Старичков. Честно говоря, мы ждали этого события с некоторой опаской, так как жить и работать с человеком в экспедиции – совсем не то же самое, что встречаться и сотрудничать с ним в цивилизованной жизни. Мы заранее ожидали, что он приедет и возьмет на себя руководство – во сколько вставать, при какой погоде выходить в море, как работать с косатками. Подобное вмешательство в налаженный экспедиционный процесс обычно не приносит никакой пользы, но что поделаешь с начальством. Однако с Эрихом все оказалось иначе. Он не только не пытался командовать, но, наоборот, всеми силами старался не мешать и по мере возможности помогать (он даже попытался включиться в процесс дежурства по кухне, чего ни Бурдин, ни Хэл не делали никогда). Живя с нами, он проявлял удивительную деликатность даже в мелочах, оставаясь веселым и жизнерадостным и тогда, когда косаток не было и приходилось целый день без дела болтаться в море в маленькой лодке. Под конец его пребывания у нас выяснилось, что Эрих в молодости был музыкантом: перед отъездом он организовал маленький джазовый ансамбль – в ход пошли гитара Миши Нагайлика, не знавшая до этого ничего сложнее авторской песни, губная гармошка, которую Эрих привез с собой, и банка сахара в роли перкуссии.

В тот день, когда мы в первый раз вышли с Эрихом в море, погода была прекрасной – почти штиль и легкая облачность. За мысом, когда свежий морской ветер пахнул нам в лицо, Эрих обернулся ко мне и сказал: «Как же я люблю это первое дыхание ветра, когда выходишь в море!» Я часто вспоминаю эту его фразу, почувствовав первое дуновение ветра на лице, хотя далеко не всегда оно бывает таким ласковым и желанным, как в тот раз.

С косатками Эриху повезло – было начало августа, и мы видели их помногу почти ежедневно. В первый же день мы встретили скопление из нескольких семей – Галкина, Призрака, Дыркина и Фигурного. Пока мы пытались объяснить Эриху, что значат эти имена и за что мы их так называли, он фотографировал нас на фоне косаток на цифровую «мыльницу» (мобильников с камерой тогда еще не было), и внезапно прямо рядом с лодкой из воды вышел крупный самец Галкин – Эрих успел запечатлеть его во всей красе, и потом этот снимок вошел в несколько популярных статей о нашей работе.

Эрих родился в США, жил в Канаде, потом женился на англичанке и переехал в Великобританию. С косатками он впервые встретился в Британской Колумбии на

заре их исследований в 1970-х годах в составе команды киношников, снимавших о них фильм. Он не планировал задерживаться там надолго, но был так очарован этими существами, что стал возвращаться в пролив Джонстона снова и снова и в итоге провел с косатками семь летних сезонов и написал об этом книгу «Косатка – кит, которого называют убийцей» (Orca: The Whale Called Killer), которая переиздается до сих пор, хотя со дня ее первой публикации прошло больше 30 лет.

Сейчас Эрих занимается в основном продвижением на разных уровнях идеи создания охраняемых морских акваторий для китов и дельфинов и проводит большую часть времени на круглых столах и конференциях, обсуждая и отшлифовывая эту концепцию в дискуссиях с самыми разными специалистами – от биологов до политиков. Несколько его проектов уже реализовалось в виде реальных охраняемых акваторий, созданных в тропических морях.

Наш проект тоже изначально задумывался как природоохранный: уже тогда, на рубеже веков, существовали опасения, что после Канады и Исландии массовый отлов косаток начнется в России. По опыту Британской Колумбии было известно, что реальная численность этих животных обычно оказывается существенно ниже, чем предполагают эксперты до начала исследований. В Канаде отлов косаток прекратился как раз после того, как в результате подсчетов выяснилось, что их не несколько тысяч, а всего лишь пара сотен. Поэтому одной из первых задач нашего проекта стала оценка численности и статуса популяции камчатских косаток.

Впрочем, Эрих никогда не возражал против исследований, не направленных напрямую на решение этой задачи, – напротив, он всячески одобрял и поощрял любые работы, которые позволяли узнать что-то новое о наших косатках. Некоторые сомнения возникли у него только по поводу отбора проб биопсии. Эти пробы берутся с помощью арбалета, в котором используется специальная стрела с поплавком и металлическим наконечником в форме трубки, – стрела не втыкается в тело, а отскакивает, захватив только кусочек кожи и жира размером примерно с ластик на обратном конце карандаша. Такая методика отбора проб биопсии китов используется уже много лет во всем мире и не наносит животным никакого вреда, поэтому в конце концов Эрих смирился и с ней, ведь ценность полученных данных существенно превышала то небольшое неудобство, которое процедура доставляла косаткам. Из кусочка кожи можно выделить ДНК и провести генетический анализ, можно поместить его в спектрометр и провести анализ стабильных изотопов, а из жира можно выделить загрязнения и гормоны – в общем, биопсия открывает массу новых возможностей.

Уже в начале 2000-х годов пошли слухи, что ООО «Утришский дельфинарий» планирует начать отлов косаток в водах Камчатки. Эта компания принадлежала Льву Михайловичу Мухаметову, который в советское время был известным исследователем китообразных, – именно под его руководством был открыт однополушарный сон у дельфинов. Большую часть своей жизни он проработал на Утришской биологической станции, где содержались дельфины, использовавшиеся для исследований. В 1990-е, когда советская система финансирования науки развалилась, часть биостанции превратилась в коммерческую компанию, деятельность которой помогала частично оплачивать содержание «научных» дельфинов. Заключалась эта деятельность в показе представлений, а также в отлове диких животных, их приручении и продаже в другие дельфинарии, по большей части заграничные. В основном продавали белух и ластоногих, но по сравнению с ними косатки стоили баснословных денег, и Утришский дельфинарий решил освоить новую нишу.

В конце августа 2003 года нанятый ловцами рыболовный траулер «Назимово» вышел в море на поиски косаток. Первые попытки отлова были неудачными – косаток никак не удавалось быстро обметать сетью, и животные с легкостью уходили из обмета. Но 26 сентября попытки наконец увенчались успехом – то ли косатки замешкались, то ли ловцы научились работать быстрее, но им удалось окружить животных и замкнуть обмет. Случилось это прямо в Авачинском заливе, километрах в 15 южнее Старичкова, и в обмете оказалось несколько хорошо знакомых нам семей, в том числе семьи Хуки и Немо.

Наша экспедиция к тому времени уже закончилась, так что мы узнали о происходящем от знакомого инспектора Камчатрыбвода Виктора Сергеевича Никулина, который находился на судне в целях надзора за процессом отлова. Он снял все на видео, и впоследствии эти кадры разошлись по всему миру, собрав тысячи просмотров на Ютубе. На них видно, как косатки мечутся в обмете, а потом часть из них начинает уходить через верх, наваливаясь на плавающий по поверхности край сети. К сожалению, уйти смогли не все. Кадры бьющейся в сети молодой косатки сопровождаются комментарием координатора отлова: «Ну ничего, утонет – х** с ним, мы его возьмем». Он, конечно, не догадывался, что его слова запишутся на камеру и войдут в историю, но вот что он имел в виду, для чего хотел забрать утонувшую косатку – для меня до сих пор остается загадкой.

Виктор Сергеевич впоследствии так описывал происходящее: «Мы сделали десять неудачных попыток обмета разных групп косаток в Авачинском заливе, но каждый раз они легко уходили. И в тот день я был в полной уверенности, что животные не попадутся. Дело происходило по-прежнему в Авачинском заливе, около бухты Саботажной. Небольшая группа косаток медленно смещалась к югу от мыса Опасного в сторону бухты Жировой. Их было семь, и, хоть это было нарушением правил отлова, решили рискнуть. Звери кормились и на судно особого внимания не обращали. Мы их перехитрили – сделали пару кругов, усыпив бдительность, а потом уже начали обмет. В последний момент внутри невода непонятным образом обнаружилось более двух десятков косаток, но обмет уже завершили. Повторяю, я до последнего момента был абсолютно уверен, что они снова удерут. Звери стали метаться внутри невода. Неразбериха продолжалась несколько минут, потом взрослые двинулись в сторону кормы судна и стали уходить через верх невода. Происходило это удивительным образом: косатка подходила вплотную к поплавкам, а затем боком переваливалась через них, совершая оборот через спину, брюхом вверх. Молодые тем временем бросились к носу судна и пытались прорваться насквозь. Один небольшой зверь при этом запутался. Его грудной плавник угодил между буйком и стальным тросом, идущим по верхнему краю невода. Косатка билась, ее необходимо было распутать. А водолазы, до этого ходившие героями, на деле таковыми не оказались и побоялись спускаться. Их пришлось чуть ли не пинками гнать с палубы в воду. Все это заняло некоторое время. Потом косатку все же удалось отпутать, ее подняли на палубу. И только когда стали поднимать невод, обнаружился другой зверь, который запутался в сети на глубине. Он был тоже молодой и по размерам меньше первого. Пока возились с первой косаткой, другую не заметили, и она утонула. С погибшей косатки взяли пробы для генетики, а труп поднимать на палубу не стали. Это отняло бы время, а надо было спасать живую. Поэтому невод разрезали, и труп ушел под воду».

С пойманной самкой-подростком на борту судно полным ходом двинулось в Авачинскую губу, где был установлен плавучий вольер для пленницы. Несколько дней ее держали там, готовясь к отправке, и пытались кормить рыбой, но косатка наотрез отказывалась от еды и только кружила взад-вперед по вольеру. Одиночество для рыбацкой косатки – сильнейший стресс, ведь они всю жизнь проводят в компании ближайших родственников.

Все эти дни, что косатка провела в неволе, я не могла перестать думать о ней. Я представляла себе, как она мечется в вольере, не в силах понять, что за кошмар с ней происходит, представляла себе ее страх и отчаяние. Хуже всего было то, что всего лишь месяц назад мы наблюдали, как этот подросток радостно плавает, охотится и играет в кругу семьи, не подозревая, какая жуткая судьба его ожидает. Мы не сумели защитить наших косаток от отлова и ничем не могли помочь пленнице – у нас не было ни связей, ни опыта публичных кампаний, и все, что мы были в силах сделать, – это писать о происходящем на нашем сайте, который посещали от силы десятков человек в день.

В начале октября косатку самолетом перевезли через всю страну в Утришский дельфинарий на Черном море и поместили в бассейн, в котором ветеринарам было проще проводить с ней различные процедуры, чем в плавучем вольере в Авачинской губе, – ей делали инъекции, чтобы поддерживать иммунитет и

предотвратить обезвоживание, и пытались насильно кормить. Но ничто не помогало – пару дней спустя косатка стала проявлять явные признаки болезни: меньше двигалась, зависала на поверхности, дышала с трудом. Девятнадцатого октября она умерла, проведя в неволе меньше месяца. Причину смерти определили как «пневмония».

Первый отлов косатки в России вызвал большой резонанс за рубежом – письма от природоохранных организаций и известных людей ворохом посыпались в Утришский дельфинарий и в Министерство природных ресурсов (впрочем, все они получили в ответ обычные чиновничьи отписки). А вот у нас в стране это событие было встречено полным игнором со стороны как журналистов, так и природоохранников. Единственным публичным источником, где освещалось происходящее, был сайт нашего проекта, а единственными русскими, кроме нас, кого это хоть немного волновало, был десяток разбросанных по стране фанатов косаток, общавшихся на нашем форуме. Ни одна природоохранная организация – а они в те годы работали в России очень активно, еще не задавленные шпиономанией и законом об иностранных агентах, – не обратила на это событие ни малейшего внимания. Даже российские отделения крупных зарубежных организаций – WWF и Гринпис – хранили гробовое молчание, и лишь Мария Воронцова из IFAW направила запрос в Госкомрыболовство.

Первый опыт окончился неудачей, но Утришский дельфинарий был твердо намерен продолжать попытки. Однако вскоре компании стало не до косаток – она попала в серьезный переплет. Некая фирма обратилась к Л. М. Мухаметову с предложением о совместном строительстве в Москве большого дельфинария и гостиницы при нем. Предполагалось, что бассейн отойдет в собственность Утришского дельфинария, а гостиницу передадут инвесторам. Но в процессе подготовки проекта фирма потребовала подписать договор на продажу доли Мухаметова в Утришском дельфинарии в качестве залога передачи гостиницы инвестору. Согласно устной договоренности это была просто формальность, но, после того как договоры были подписаны и две трети собственности уставного капитала дельфинария оказалось под контролем фирмы, предыдущих владельцев попросту выгнали. В нескольких принадлежавших Мухаметову дельфинариях в разных городах страны объявились крепкие ребята, которые доходчиво объяснили тренерам, что они теперь работают на нового директора – или уходят прочь. Дельфинам такого выбора не предоставили, и в ходе развернувшейся борьбы некоторые из них погибли (отчего, так толком и неизвестно – старые владельцы винули новых, а новые старых). Через несколько лет хождений по судам Мухаметову удалось вернуть часть имущества и животных, но часть так и осталась у новых владельцев.

Во всей этой истории был только один положительный момент – косаток надолго оставили в покое. Лишь много лет спустя к ним обратятся взоры тех самых предпринимателей, что предложили Мухаметову злополучную сделку. К тому времени они подомнут под себя бизнес по отлову и продаже белух. Но это случится значительно позже, и речь об этом пойдет в другой главе.

Язык косаток

Биологи долгое время строили догадки относительно невероятно сложного языка косаток, они даже выявили определенные группы, «разговаривающие» на одном диалекте, однако им никак не удавалось понять значение этих звуков, разве что разделить их на относящиеся к «охоте», «опасности» и «социальному поведению». Однако, будь у них переводчик, они услышали бы примерно следующее:

– Эй, Кевин, рыба!

– О, рыба! Люблю рыбу!

– Смотри, Кевин, рыба!

– Мммм, рыба...

– Так, Кевин, дуй туда, во впадину, сделай вид, что поворачиваешь налево, сам метнись вправо, вдарь по косяку, и будет нам рыба!

– Кто-то сказал «рыба»?

– Да, рыба. Сюда, Кевин!

– Ммммм, рыба...

И далее в том же духе. На самом деле косатки не такие сложные, как предполагают ученые. В большинстве своем это просто четырехтонные балбесы, раскрашенные как патрульная машина.

Как же самец и самка из разных семей понимают друг друга при встрече, если у них разные диалекты? В ответ мне сразу вспоминается история любви Сергея Есенина и Айседоры Дункан: он так и не выучил английский, а она – русский, но им это нисколько не мешало. Когда обе стороны хорошо понимают, что им нужно друг от друга, общий язык совершенно не обязателен. Достаточно эмоциональных сигналов – мимики и жестов у людей, языка тела и переменных звуков у косаток.

На самом деле диалекты не являются языком в привычном нам смысле – то есть аналогом человеческой речи. В репертуаре каждой семьи обычно от семи до пятнадцати стереотипных сигналов, и это больше напоминает набор команд типа «майна» – «вира», чем развитую систему коммуникации. Чаще всего косатки переключаются, когда расходятся на большие расстояния и перемешиваются с членами других семей, – это помогает им не потерять своих в общей какофонии и похоже на переключку грибников, бредущих через лес. Кроме того, их система коммуникации позволяет им координировать действия, выполняя довольно сложные маневры во время охоты. Но едва ли эта система хоть сколько-нибудь похожа на человеческую речь. Тем не менее попытки расшифровки языка косаток или дельфинов исходили именно из модели человеческой речи – возможно, именно поэтому все они оказались в большей или меньшей степени безуспешными.

Как вообще расшифровывают новые языки? Прежде всего для этого нужно знать, что является элементарной единицей языка и как он устроен. Про человеческие языки мы знаем, например, что они состоят из слов, а слова – из фонем. Каким бы диким и экзотическим ни было племя, ни одному лингвисту не придет в голову пытаться включить в словарь кашель, чихание или смех. То есть мы примерно представляем себе, как выглядит и как устроена человеческая речь, и ориентируемся именно на нее.

Про косаток же совершенно неизвестно, как у них может быть организована передача абстрактной информации и есть ли она у них вообще. Для представителей семейства дельфиновых, к которым относятся и косатки, характерны три основные категории звуков – щелчки, скрипы (которые состоят из

очень быстро следующих друг за другом щелчков) и свисты. Щелчки используются для эхолокации – обнаружения предмета под водой по отраженному эху. Скрипы и свисты считаются коммуникативными сигналами, но для чего они точно нужны, достоверно неизвестно. Крики косаток являются чем-то промежуточным между скрипами и свистами – «классические» дельфины (афалины, белобочки, стенеллы и им подобные) таких звуков обычно не издают.

Пока что лишь для одной категории свистов удалось установить определенную функцию – это сигнатурные свисты, или свисты-автографы дельфинов-афалин. У каждого из них есть свой индивидуальный сигнатурный свист, как имя у человека. Но если свое имя мы произносим обычно лишь при знакомстве – «Меня зовут Вася», а дальше нас по имени называют окружающие, то дельфины сами регулярно повторяют свой сигнатурный свист, особенно когда по каким-то причинам оказываются отделены от группы. Кроме того, в отличие от наших имен, дельфин в детстве сам «придумывает» себе свой свист, постепенно формируя его в течение первого года жизни. Дальше он обычно остается неизменным, но, если дельфины дружат и все время ходят вместе (такое обычно случается у самцов), их свисты со временем становятся более похожими.

Для чего нужны все остальные свисты, скрипы и крики, не очень понятно. Джон Форд – главный канадский исследователь косаточьих звуков – писал в своих статьях, что ему не удалось обнаружить какой-либо закономерности в использовании разных типов звуков в зависимости от поведения косаток. Проще говоря, что бы животные ни делали, они могут издавать любой из звуков своего репертуара или все вперемешку, и от чего это зависит, совершенно непонятно. Но в первые годы со свойственной юным исследователям самонадеянностью я полагала, что надо лишь смотреть и слушать повнимательнее, и мы обязательно сумеем обнаружить в звуках косаток какой-то смысл. Иногда нам это почти удавалось: бывали ситуации, когда явные изменения в поведении происходили после или во время всплеска подводных криков. Как-то раз, например, мы работали с группой косаток, которая вяло молча перемещалась, и вдруг услышали в гидрофон далекие крики. Наши косатки тоже услышали их и стремительно понеслись в ту сторону, откуда они доносились. В другой раз мы шли за группой, которая разошлась по акватории и время от времени вяло «переговаривалась», издавая тихие звуки, а потом вдруг они громко закричали все вместе, развернулись и пошли в обратную сторону. Но таких случаев было мало – слишком мало, чтобы выявить общий принцип, который их объединял бы. Чаще всего косатки просто кричали (или просто молчали) без видимой связи с тем, чем они занимались в данный момент – охотились ли они, перемещались или общались. Во время общения – так называемого «социалайзинга» – они чаще используют свисты и вариabельные крики, что подметил еще Джон Форд в 1980-е годы. Но стереотипные крики, из которых состоит диалект, можно услышать при любых типах активности.

Более конкретные функции звуков косаток, да и большинства других дельфиньих звуков установить пока не удалось. Время от времени выходят статьи, описывающие контекстное использование того или иного звука, но общей картины не складывается. И тут выходит на сцену вторая проблема расшифровки их языка – трудность определения контекста. Когда лингвист расшифровывает новый язык, он делает это в контакте с носителями (я имею в виду устные языки, а не письменные источники, там история немного другая). То есть он живет с этими людьми, общается с ними, может задать им вопрос – как называется вот это или что вы говорите в таком случае. А представьте себе ситуацию, когда лингвисту надо расшифровать язык племени, которое отказывается от контактов. Допустим, он может прилететь на вертолете, наблюдать за ними сверху и записывать звуки, спустив вниз микрофон на длинном проводе. Люди сначала пугаются вертолета, потом привыкают и перестают обращать на него внимание, занимаясь повседневными делами. Живут они в густом лесу, в хижинах, поэтому видно их сверху, только когда они выходят на поляну или мелькают между деревьями. Определить, кто что именно произнес, невозможно, так как говорят они все одновременно, а если кто-то оказывается в одиночестве, он, естественно, молчит.

Как вы думаете, справился бы лингвист с такой задачей?

Между тем именно в такой ситуации оказываются исследователи дельфиньей коммуникации в природе. Животные показываются на поверхности на краткий миг и снова исчезают под водой, так что в лучшем случае вы можете определить, чем в целом занимается группа – охотой, игрой или просто куда-то направляется. Определить, кто издал звук и что он при этом делал, чаще всего невозможно.

Казалось бы, все эти проблемы можно решить в дельфинарии. Но тут тоже все непросто. Во-первых, содержание дельфина и тем более косатки – дело дорогостоящее, поэтому большинство дельфинариев предназначены вовсе не для научных исследований, а для зарабатывания денег. В некоторые коммерческие дельфинарии все же допускают ученых, но обычно с условием, что они будут вести себя хорошо и ничего не станут трогать руками. Поэтому в смысле возможности контроля над ситуацией работа в дельфинарии часто не слишком-то отличается от работы в природе. В редких случаях, когда владельцы и тренеры готовы к сотрудничеству, возникают многочисленные технические проблемы. Так или иначе до сих пор работы по расшифровке языка немногочисленны, и ничего существенного ученым достичь не удалось.

Когда я начала заниматься наукой, меня поразило, насколько научные открытия и прогресс зависят от отдельных людей. Со стороны кажется, что наука – это такая упорядоченная система, которая единым фронтом движется вперед, отодвигая грань неизведанного; что есть какой-то общий план, по которому все исследуется, и каждой проблемой занимаются наиболее компетентные в этом вопросе люди. На самом деле никакого единого фронта нет и в науке царит хаос, ибо она движима одиночками, которые ведут за собой свои группы туда, где им кажется интереснее и перспективнее в плане грантов. Часто открытия в какой-то области не происходят или качество исследований оказывается низким просто потому, что конкретному ученому не хватает нужных знаний и квалификации, а больше никто этой проблемой не занимается. (В следующий раз экзистенциальное потрясение постигло меня, когда я поняла, что то же происходит не только в науке, но вообще везде, – но это уже совсем другая история.)

Эта проблема очень хорошо видна на примере исследований дельфиньего языка. Начались они по инициативе американского нейрофизиолога Джона Лилли, который вскрыл афалину и обнаружил, что у нее большой сложный мозг, по структуре похожий на человеческий. Лилли решил, что нашел «брата по разуму», с которым нужно срочно установить контакт.

Одной из первых его «находок» стали так называемые «дистресс-свисты», или «сигналы просьбы о помощи». Лилли наблюдал несколько случаев, когда раненные или больные животные издавали стереотипные свисты и другие приходили им на помощь. Из этого он сделал вывод, что есть специальный сигнал, которым дельфин просит собратьев о помощи. Эта легенда потом долго переходила из одной книжки в другую. Лилли вообще исходил из простой модели коммуникации, когда у животного есть набор стереотипных звуков, каждый из которых издается в определенной ситуации. Такая схема коммуникативной системы того или иного вида животных почему-то очень часто живет в сознании дилетантов (а в изучении поведения Лилли – нейрофизиолог – был дилетантом; вот что происходит, когда человек берется не за свое дело), хотя на самом деле у большинства видов звуки довольно многозначны.

Дельфины тогда были в тренде из военных соображений, поэтому Лилли получил большой правительственный грант, построил лабораторию и начал учить дельфинов английскому языку. Делал он это всякими экстравагантными способами, в том числе давая им ЛСД и запирая дельфина на длительный срок в доме-бассейне с девушкой. Естественно, ничего хорошего из этого не получилось, а тема исследований языка дельфинов была скомпрометирована на много лет вперед.

Сейчас мы знаем, что неспособность произносить слова человеческой речи

совершенно не обязательно означает неспособность к пониманию и передаче абстрактной информации. В работе с человекообразными обезьянами очень успешными оказались попытки обучения животных языку-посреднику (жестовому или иконографическому). Животные научались распознавать множество сигналов, обозначающих предметы, качества или действия, и комбинировали их в последовательности, подобной простым предложениям человеческой речи. Подробно об этом можно почитать в книге З. А. Зориной и А. А. Смирновой «О чем рассказали “говорящие” обезьяны».

Проводились подобные эксперименты и с дельфинами. Их звали Акеакамаи и Феникс, и жили они в дельфинарии на Гавайях. Исследователи научили их различать жесты, обозначающие несколько предметов (мяч, корзину, обруч и прочий инвентарь), а также несколько действий (положить, принести, прыгнуть через что-то и т. п.), – всего в общей сложности несколько десятков сигналов, которые комбинировались в тысячи двух- и трехсложных предложений. Дельфины (особенно Акеакамаи) продемонстрировали понимание синтаксиса – они различали и правильно выполняли команды «положить мяч в обруч» и «положить обруч на мяч». Кроме того, с помощью рычагов, означавших «да» и «нет», они оказались способны отвечать на вопросы о наличии того или иного предмета в бассейне.

Один такой эксперимент был поставлен и с косаткой по имени Гудрун, обитавшей в океанариуме города Хардервейка в Голландии. Ее научили различать названия нескольких объектов, и она вполне успешно справлялась с этой задачей, но в самый разгар эксперимента косатку продали в другой океанариум, так что довести эксперимент до получения хоть каких-то интересных результатов так и не удалось.

К сожалению, до установления обратной связи – чтобы животное могло само использовать символы в коммуникации с человеком, как «говорящие» обезьяны, – дело не дошло. Что-то в этом роде пыталась сделать Диана Рейс (она пишет о своих экспериментах в книге «Дельфин в зеркале»), но по разным техническим и логистическим причинам из этого так ничего и не получилось. Вообще, проводить подобные эксперименты с дельфинами и тем более с косатками намного проблематичнее, чем с обезьянами, по весьма прозаическим причинам: содержать их гораздо сложнее и дороже. Китообразным нужен бассейн с системой фильтрации, да и едят они побольше. Поэтому содержат их в основном в коммерческих (либо военных) дельфинариях – подавляющему большинству научных организаций это не по карману.

Другие исследователи в это время старались расшифровать звуки естественного дельфиньего языка. В СССР, например, работала группа В. И. Маркова, которая пыталась найти смысл в дельфиньей «речи», деля свисты на категории по форме частотного контура, а потом анализируя составленные из этих свистов последовательности. По результатам этого анализа Марков и его коллеги почему-то решили, что «сигналы комбинируются в тексты», из чего сделали вывод о существовании у дельфинов «коммуникативной системы открытого типа». Правда, на каком основании они пришли к этому заключению, не очень понятно, так как функции свистов оценивать они даже не пытались. Скорее всего, значительная часть описанных ими свистов были сигнатурными, так как именно их дельфины чаще всего издают в изоляции. Группа Маркова не публиковала сонограммы свистов, а приводила только приближенные частотные контуры, так что теперь уже невозможно узнать, какие именно сигналы они анализировали.

Примерно в то же время американцы Т. Лэнг и Х. Смит рассадили дельфинов в разные бассейны и устроили им телефонную связь, прерывавшуюся каждые две минуты. Дельфины охотно пересвистывались по телефону, но в отсутствие связи тоже свистели. Извлечь из полученных записей что-то осмысленное исследователям не удалось.

Самый известный эксперимент по коммуникации дельфинов – опыты Эванса – Бастиана. Дельфины находились в бассейне, разделенные непрозрачной перегородкой, но могли слышать друг друга. У каждого животного в отсеке была пара рычагов, и они должны были синхронно нажимать на левый или правый

рычаг в зависимости от режима горения лампочки (непрерывное или мигание), которую видел лишь один из них. Если оба дельфина нажимали правильно, оба получали рыбу, если кто-то из них ошибался, то рыбу не получал никто. С этой задачей дельфины справились – т. е. первый смог как-то передать второму информацию, на какой рычаг нажимать. Но интерпретировать этот результат можно по-разному. Кто-то видит в нем неоспоримое подтверждение наличия языка, кто-то считает, что у животных просто произошла самодрессировка – в какой-то момент случайно сложилось так, что первый дельфин на мигание лампочки издал определенный звук, а второй нажал на нужный рычаг. Так как это поведение тут же поощрили рыбой, оно закрепилось, только и всего.

Совсем недавно опыт Эванса – Бастиана попытался повторить российский исследователь А. В. Агафонов из Института океанологии. Эксперимент был несколько усложнен: дельфинам нужно было выбирать не между двумя состояниями лампочки, а между несколькими предметами. Одному дельфину показывали предмет (например, мяч), а другой дельфин, который не видел образец, но мог слышать первого, должен был выбрать тот же предмет из набора предложенных (предварительно обоих дельфинов обучили «выбору предмета по образцу», так что они в целом знали, что от них требуется). Этот экзамен дельфины с треском провалили. Но и тут не следует спешить с выводами, считает Агафонов. Возможно, в их языке просто нет слов для обозначения таких чуждых предметов, как мяч и прочий инвентарь. Представьте аналогичный опыт с людьми, где первому человеку проигрывают музыкальный аккорд, а второй по словесному описанию должен выбрать его из набора предложенных. Музыканты, конечно, справились бы с такой задачей, а вот обычные люди, скорее всего, нет, так как они не знают специальных терминов для описания аккордов.

В популярных статьях часто ссылаются на исследование, показавшее, что свисты дельфинов распределяются по закону Ципфа. Однако этот закон как аналитический метод давно дискредитирован, поскольку нередко случайные процессы, например простое кидание кости, приводят к распределению полученных «слов» по закону Ципфа. Так что и распределение дельфиньих свистов в соответствии с этим законом ровным счетом ничего не значит.

Сейчас осмысленных работ по изучению языка дельфинов почти никто не ведет. Основная причина в том, что серьезные исследователи, нацеленные на успешную карьеру и большие гранты, прекрасно понимают, что эта тема – болото, в которое можно зарыться на долгие годы и ничего толком не добиться. Поэтому занимаются этим либо бессребреники-энтузиасты, вроде вышеупомянутого А. В. Агафопова, либо фрики, которые кормят публику красивыми сказками (зачастую и сами в них веря) и под это выбивают у общественности какие-никакие деньги на свои «работы». Так что в ближайшее время мы вряд ли сможем поговорить с дельфинами.

Но все это я понимаю сейчас, после многих лет безуспешных попыток и разочарований, а тогда мне казалось, что надо лишь немного постараться, и мы вот-вот поймем, о чем косатки переключаются под водой. Их сложные разнообразные крики казались такими осмысленными, а порой удавалось даже связать то, что мы видим, с тем, что мы слышим, – например, часто косатки начинали кричать перед тем, как поменять направление движения, собраться тесной группой или куда-то быстро устремиться. Но чаще все-таки никаких закономерностей не прослеживается, поскольку мы видим лишь малую часть происходящего – даже находящиеся в непосредственной близости от лодки косатки большую часть времени проводят под водой, при этом звуки, которые мы слышим, могут быть вообще от других животных, занимающихся своими делами в полукилометре от нас.

Лишь после многих лет работы и тысяч часов прослушанных записей у меня в голове начала формироваться картина функций косаточьих криков, но подтолкнули меня к этому не мои собственные наблюдения, а статьи Патрика Миллера (который стал впоследствии моим руководителем в шотландской лаборатории). В одной из статей он сравнивал уровень громкости монофонических и бифонических криков.

Бифонические, или «двухголосые», крики состоят как бы из двух разных звуков, издаваемых одновременно. Самый близкий нам бытовой пример – это скуление некоторых собак: они могут скулить голосом, могут издавать высокочастотные посвистывания, ну а некоторые умудряются издавать оба эти звука одновременно.

Косаткам и другим зубатым китам издавать бифонические звуки гораздо проще, чем наземным млекопитающим, ведь их голосовой аппарат устроен сложнее и совершеннее. Вместо одной пары голосовых связок, расположенных на выходе из трахеи, у них есть целых две пары вокальных губ, каждая в одном из каналов парных носовых проходов, находящихся прямо под дыхалом. У многих видов одна пара вокальных губ чуть крупнее другой; существует теория, что более крупная предназначена для издавания щелчков и скрипов, а менее крупная – для высокочастотных свистов. У косаток какая-то специализация почти наверняка есть, потому что их бифонические крики состоят из низкочастотной и высокочастотной составляющих, причем первая чаще всего ниже 2 кГц и почти никогда не превышает 4 кГц, а вторая, наоборот, почти никогда не бывает ниже 4 кГц и обычно находится на частоте от 6 до 10 кГц.

В диалекте каждой семьи обязательно есть как монофонические, так и бифонические крики – во всяком случае, ни в одной из популяций, с записями которых мне приходилось работать, – а это почти все популяции севера Тихого океана и две североатлантические – мне не попадались диалекты, которые состояли бы из криков только одного типа. Это наводит на мысль, что и те и другие имеют какие-то свои важные функции. Патрик Миллер измерил уровень громкости разных типов звуков канадских косаток и выяснил, что бифонические звуки в подавляющем большинстве случаев существенно громче монофонических. В другой работе он сравнил относительную громкость высокочастотной и низкочастотной составляющих бифонических звуков, записанных с разных сторон от косатки, и показал, что низкочастотная составляющая гораздо более направленная. Если в звуках, записанных со стороны головы косатки, обе составляющие были достаточно хорошо выражены, то в звуках, записанных с хвоста, низкочастотная составляющая была все еще достаточно хорошо слышна, а вот высокочастотная уже слаборазличима. Получается, что по их соотношению косатка-слушатель может определить, к ней или от нее плывет кричащая косатка, т. е. бифонические крики позволяют отслеживать ориентацию друг друга в пространстве.

В ходе своих собственных исследований я заметила еще одну закономерность, которая прекрасно укладывалась в картину, нарисованную Патриком: косатки редко издают бифонические крики, когда в акватории присутствует одна семья или две-три родственные семьи. Зато, когда мы встречаем скопление из множества семей, бифонические крики слышны со всех сторон. На самом деле меня до сих пор ужасно бесит эта косаточья особенность: когда есть возможность записать одну изолированную семью, животные не кричат или издают только низкочастотные скрипы вместо красивых разнообразных бифонических криков, которые мне от них больше всего нужны. Но стоит им собраться толпой, в которой невозможно выделить звуки какой-то одной семьи, как тут же они демонстрируют все свои вокальные способности. Из-за этой их особенности у меня ушло много лет на выполнение простой, казалось бы, задачи – собрать по десять криков каждого типа от каждой семьи, что нужно было мне для детальной оценки сходства диалектов и их изменчивости. По некоторым довольно часто встречающимся в Авачинском заливе семьям сделать выборку так и не удалось – хотя мы видим их часто, но когда они находятся одни, то не кричат, а издают звуки лишь в общей куче, когда определить их точную принадлежность невозможно.

Причина такого мерзкого поведения косаток, в общем-то, довольно прозрачна: когда идешь своей семьей недалеко друг от друга, разговаривать особенно не о чем, а для поддержания контакта (если члены семьи разошлись дальше расстояния видимости под водой) вполне достаточно тихих низкочастотных монофонических скрипов вроде K1 или K12. А вот в большом скоплении, когда все рассредоточены и перемешаны и тебя окружает множество косаток из чужих

семей, а свои где-то далеко, поддерживать с ними контакт жизненно необходимо, чтобы не разойтись ненароком дальше расстояния слышимости. Тут-то и приходят на помощь громкие бифонические звуки, по которым можно определить, куда движется издающая их особь. Обмениваясь такими криками, члены семьи могут без опаски разойтись на несколько километров и, не сговариваясь, двигаться вместе в одну сторону.

И еще одна полезная особенность есть у бифонических криков. Они сильнее различаются между племенами, чем монофонические. По одному звуку бифонических типов K5 или K7 я могу сказать, какому племени Авачинского клана он принадлежит, а иногда могу определить это даже с точностью до семьи. А вот у монофонических звуков структура гораздо менее четкая, и, хотя они тоже различаются в разных диалектах, с уверенностью определить их принадлежность получается не всегда. И это тоже укладывается в логическую картину – монофоническим звукам, которые используются в основном для общения между членами семьи на близком расстоянии, совсем не обязательно четко отличаться от звуков других семей, а вот бифоническим звукам, на которые члены семьи ориентируются, чтобы не потерять друг друга в большом скоплении, жизненно необходимо иметь четкую структуру, различающуюся между племенами и семьями.

Получается, что, хотя мы и далеки пока от понимания того, что значат отдельные типы звуков косаток, мы примерно представляем, в чем принципиальная разница между функциями бифонических и монофонических звуков. А как же быть с вопросом, который неизменно задают журналисты и внимательные слушатели научно-популярных лекций, – как косатки понимают друг друга, если у них разные диалекты?

Скорее всего, никак, да им это и не нужно. Судя по всему, стереотипные крики, составляющие диалект, не имеют какого-то фиксированного семантического значения, как слова человеческой речи. Они призваны обозначать принадлежность косатки к семье и племени. Косвенно это подтверждают и результаты наших экспериментов по проигрыванию косаткам их собственных криков. Поначалу ничего особенного не происходило – косатки то не реагировали на звуки, то собирались тесной группой и начинали от нас уходить. Но потом мы случайно проиграли семье Молока их собственную запись, и вот тут-то они среагировали – начали громко кричать в ответ и ходить вокруг лодки в поисках источника звука. Впоследствии выяснилось, что косатки почти всегда реагируют так на проигрывание звуков своего диалекта, а вот в ответ на чужие диалекты ведут себя гораздо сдержаннее – в лучшем случае молча подходят проверить, иногда отходят, но чаще всего просто не обращают внимания. Это логично, если звуки диалекта предназначены прежде всего для поддержания связи между членами семьи – ведь тогда чужие звуки для косаток действительно не особенно важны, и их можно просто игнорировать.

Правда, тут возникает другой вопрос: если стереотипные звуки нужны только для обозначения семейной принадлежности, зачем их так много в каждом диалекте? Возможно, это результат изменений в «языке», происходящих со временем. Детеныш выучивает репертуар семьи от матери и других родственников, но копия зачастую имеет небольшие отличия от оригинала. Накопление таких отличий в череде поколений и приводит к формированию разных диалектов. Однако дело не только в случайных ошибках, возникающих при выучивании звуков детенышами. Когда мы с Патриком Миллером построили компьютерную модель, имитировавшую изменение звуков косаток, выяснилось: когда звуки менялись лишь за счет случайных ошибок, они превращались в нечто «бесформенное», из чего не выделялись ни отдельные типы, ни крики разных семей. Чтобы звуки обретали различия, но образовывали четкий репертуар и были схожи внутри одной семьи, необходимы какие-то дополнительные факторы, например стремление сделать свои крики отличающимися от криков близких семей.

Такой эффект наблюдается и в человеческих языках, скажем, при образовании социолектов – диалектов отдельных социальных групп, например представителей

молодежной субкультуры, которые специально стремятся говорить на собственном сленге, чтобы отличаться от взрослых и от других молодежных группировок. При этом сленг никто не изобретает специально – он рождается как бы сам собой, когда группировка накапливает достаточное количество членов. Меня всегда завораживали такие процессы, происходящие в головах вроде бы разумных, сознательных существ совершенно независимо от их разума и без их сознательного выбора. Никто не собирается вместе и не принимает решение начать использовать слова «огонь» или «жесть» в том смысле, в каком использует их современная молодежь, – это просто происходит само собой. А ведь в наше время, всего 20 лет назад, в молодежном сленге таких слов не было.

Похоже, нечто подобное происходит и у косаток. Это гораздо сложнее выявить, хотя бы потому, что записей их звуков у нас не так много и не за такой уж длительный временной промежуток. Но иногда и в них удастся проследить нечто интересное – например, выяснилось, что крики типа K5 семей Арфы и Чижя, относящихся к одному племени, схожи во всем, кроме одного-единственного короткого слога, который стабильно различается между семьями. Получается, что косатки действительно способны вносить в свои крики направленные, пусть и неосознанные, изменения: все остальные части звука у этих семей остались одинаковыми, и только один слог изменился.

Возможно, так и возникает множество разных типов в диалектах косаток. Звуки постепенно меняются за счет тех или иных процессов, и со временем некоторые из них начинают различаться так сильно, что воспринимаются как разные типы, но в то же время другие звуки по каким-то своим причинам остаются схожими. Если внутри семьи образуются разные варианты, то тип звука может расщепиться на два – не потому, что они обозначают какие-то разные предметы или действия, а просто потому, что так получилось. Когда звуков в диалекте становится слишком много, какие-то начинают использоваться все реже и реже и постепенно забываются. Так, благодаря балансу между образованием новых звуков и забыванием старых, и проходит цикл формирования косаточьих диалектов.

Звучит не слишком впечатляюще для тех, кто надеялся прочесть, что язык косаток расшифрован и мы скоро сможем вступить с ними в контакт. Но такова реальность – при нынешних методах исследования нам едва ли удастся существенно продвинуться. Для этого нужно как минимум прикрепить к каждой косатке отдельный микроскопический гидрофон, желательно вместе с видеокамерой, акселерометром и трекером, которые станут отслеживать все ее действия, а анализировать все полученные данные должна будет искусственная нейронная сеть, потому что слабому человеческому мозгу это не под силу. И все-таки я надеюсь, что когда-нибудь мы сможем все это сделать.

Зеленый мыс

Нет ничего более проигрышного для уважающего себя натуралиста, чем изучение китообразных.

В первые годы работы в полевой лагерь нас обычно забрасывали из Петропавловска-Камчатского на небольшом судне под названием «Чайка». Иногда на его борт также брали туристов, а главным видом отдыха тогда на Камчатке был алкотуризм – когда люди выезжают на природу для того, чтобы выпить водки и, возможно, как-то еще поразвлечься, например наловить рыбы. Во время одной из забросок какой-то местный турист напился быстрее обычного и стал докапываться до нас во время разгрузки.

– Вы кто такие? – силным пьяным голосом вопрошал он, дыша алкогольными парами в лицо волонтеру, тащившему очередной груз к борту. – Москвичи? Понаехали на нашу Камчатку! Что это у вас? Туалетная бумага? Целый мешок? Вы сюда срать, что ли, приехали? Вы засрете все наши сопки! Москвичи засрут наши сопки!

Это звучало довольно забавно, учитывая, насколько эффективно сами камчадалы загаживают все места, куда только можно добраться на машине или на лодке. Наш знакомый инспектор Виктор Сергеевич Никулин по этому поводу говаривал, что в окрестностях Петропавловска любая дорога рано или поздно приводит либо в военную часть, либо на помойку. И это чистая правда. Сходить погулять в окрестностях Петропавловска попросту некуда, до любых красивых мест нужно ехать на машине.

Однако стоит чуть отдалиться от цивилизации – и начинается сказка: волшебные горы, девственные леса, голубые озера, чистые горные ручьи, горячие источники. Камчатка – одно из красивейших мест на Земле, если не считать тех ее районов, что испортила рука человека. А вот в обжитой части Камчатки все чрезвычайно уродливо: даже если нет мусора (что бывает редко), все – дома, дворы, дороги, парки, торговые центры, гостиницы – выглядит настолько уныло, что приводит непривычного человека в состояние глубокой экзистенциальной тоски (впрочем, это характерно для большинства российских населенных пунктов). Поэтому туристов на Камчатке сразу на машинах или вездеходах везут на природу, либо предлагают им морскую прогулку.

Морской туризм в районе Петропавловска начал резко развиваться в середине 2000-х. «Пионером» стало шикарное по тем временам судно «Алмаз», которое вывозило желающих на однодневные экоалкотуры (выпить водки, половить рыбки и посмотреть на птиц и тюленей). Как правило, «Алмаз» шел из ворот Авачинской губы напрямик к острову Старичков, останавливался напротив нашего лагеря и начинал по громкоговорителю рассказывать туристам о местных достопримечательностях, в число которых входили и мы: «На этом острове живут исследователи косаток, они их изучают, метят...» Не знаю уж, кто придумал, что мы метим косаток, и как они это технически себе представляли, но слышать это каждый погожий день и лицезреть наблюдающие за тобой свесившиеся с борта пьяные рожи было не очень приятно.

Впрочем, «Алмаз» хотя бы не стремился познакомиться с нами поближе – его клиенты были непритязательны и вполне довольствовались выпивкой и рыбалкой с палубы судна. Но постепенно акваторию начали осваивать и другие плавсредства, а туристы стали требовательнее и нередко хотели высадиться на берег. Учитывая размеры острова, такие постоянные экскурсии нас довольно сильно утомляли.

В 2006 году мы особенно остро ощутили, что наш островок стал как-то тесноват, и начали задумываться о том, чтобы перебраться в более труднодоступные места, тем более что и косатки перестали кормиться возле Старичкова и проплывали мимо него, а самое интересное происходило у них на юге, за мысом Опасным. Причиной этому стала деятельность местных рыбаков – в начале 2000-х у нас на

глазах развернулась маленькая, но самая настоящая экологическая катастрофа.

В Авачинском заливе рыбацкие катки питаются в основном несколькими видами лососей и северным одноперым терпугом. На терпуга они охотятся в местах его нереста – обычно это происходит напротив мысов, возле которых есть выдающиеся в море каменистые гребни. Самцы терпуга охраняют отложенную самками икру, подолгу оставаясь на одном месте, поэтому катки точно знают, где их найти. Так что, несмотря на небольшие размеры этой рыбы, она оказывается ценным пищевым ресурсом (ну и, кроме того, терпуг очень жирный, а катки любят жирную пищу).

Когда мы впервые приехали на Старичков, терпуг нерестился даже возле острова, и его можно было наловить на ужин буквально за несколько минут, просто закинув в воду голый крючок, – самцы, охраняющие икру, не могут оставить свою вахту ради кормежки, поэтому они очень голодные и бросаются на все, что движется. На рыбалку к острову постоянно приезжали небольшие металлические моторки с бичеватыми рыбаками, которые набивали полную лодку рыбы, прежде чем убраться восвояси. За год-два они опустошили скопление возле Старичкова и переключились на мыс Опасный, где терпуга было гораздо больше. Косатки в те годы почти всегда задерживались порыбачить на Опасном. Иногда они охотились поодиночке, рассредоточившись в большой акватории, но нередко устраивали и совместную охоту.

Сначала до Опасного добирались только самые смелые и жадные рыбаки – в те годы еще не было мобильных с картой и GPS, а отдельный навигатор мало кто мог себе позволить, поэтому для маленькой алюминиевой моторки такое путешествие могло и впрямь стать довольно опасным, если неожиданно опускался обычный в тех местах туман и приходилось возвращаться домой вслепую. Но когда на Старичкове терпуг закончился, а терпуговая лихорадка продолжала захватывать все больше народу, мыс стал похож на оживленную гавань – от моторок и прочих маломерных судов было не протолкнуться. Хэл называла их «москитный флот», что очень подходило этим мелким, противно жужжащим плавсредствам, а при взгляде в бинокль со Старичкова сборище действительно выглядело как комариная стая.

Народ на москитных лодочках ходил очень разный. Кроме откровенных бичей, попадались и вполне уважаемые рыбаки, и некоторые из них, кто не пропивал все заработанное, успевали накопить себе на джип, а то и на квартиру – ловля терпуга была делом сверхприбыльным. На берегу напротив нашего острова в бухте Спасения (называемой в народе Спасенкой) вырос рыбацкий стан, от которого шла грунтовая дорога в сторону Вилючинска. Выгружать там рыбу было гораздо быстрее и удобнее, чем тащиться с ней до города, и бизнес начал набирать обороты. Рыбоохрана вяло пыталась обуздать это безумие, но толку было мало, точнее, даже получалось больше вреда, чем пользы, – часть рыбы из-за этого пропадала, и рыбаки браконьерили еще активнее, чтобы покрыть убытки.

Официально терпуга можно было ловить только по лицензиям, но все, конечно, ловили столько, сколько могло влезть в лодку. Если проходил слух, что в Спасенку приехал рыбинспектор, рыбаки выгружали свой улов на Старичкове и ехали проверять, а потом возвращались за рыбой.

Как-то раз очередные рыбаки выгрузили несколько мешков терпуга прямо рядом с тем местом на берегу, где мы ставили лодки, и не вернулись. Наверное, инспектор пробыл в бухте слишком долго, ну а потом рыба уже протухла (в те дни стояла жара), и они решили ее бросить. Вернуться, чтобы выкинуть ее в море, им, конечно, в голову не пришло. Несколько сотен килограммов рыбы гнили на берегу возле наших лодок, источая нежнейший запах. Через несколько дней мы не выдержали и перетаскали это зловонное месиво к морю, разрезав мешки и выкинув содержимое в прибой, но вонь тухлой рыбы продолжала преследовать нас до конца экспедиции.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Терпуга становилось все меньше и

меньше, и году к 2006-му он почти совсем перестал ловиться даже на Опасном. Москитный флот лишился своего источника дохода, а косатки – важного кормового ресурса. Теперь они не останавливались у Опасного, а проходили мимо, торопясь на юг, к скалистым мысам, где еще оставался терпуг и где также можно было удачно поохотиться на мигрирующего лосося. Приходилось и нам ездить за ними все дальше и дальше на юг. Это было не очень удобно – времени и бензина тратилось гораздо больше, к тому же если резко поднимался ветер (а это на Камчатке бывает нередко), то приходилось пробиваться до дома 30 километров против волны – занятие малоприятное и опасное.

Мы стали задумываться о том, чтобы перенести лагерь южнее, но как реализовать эту идею, было не очень понятно. Остров Старичков в сравнении с береговыми бухтами имел несколько больших преимуществ. Во-первых, слабый накат. На открытых пляжах всегда есть какой-то прибой, а наш причальный пляж располагался с обратной стороны от открытого моря, так что остров закрывал его от зыби, и накат обычно был небольшой, что существенно облегчало выход в море и возвращение на берег. Во-вторых, отсутствие медведей. Медведи на Камчатке – это вообще очень неприятная штука, их любят только туристы и фанаты-зоологи, а все остальные терпеть не могут, потому что они делают опасными и малопригодными для жизни прекрасные во всех других отношениях места. Они вездесущи – высадившись на берег в любой бухте, обязательно обнаружишь на берегу медвежьи следы. Многие медведи не боятся ни человека, ни даже фальшфейера, так что бывает нелегко заставить их держаться подальше. Но самое плохое – их страсть все портить и рвать, в особенности надувные лодки. Для нас лодка – это основной рабочий инструмент, и мы такого допустить, конечно, не могли.

Мы присматривались к разным бухтам, высаживались в поисках места для лагеря, но медвежьи следы были повсюду, так как во всех бухтах в море впадали реки, а во все реки шла рыба. Но вот однажды после долгого дня работы с большим скоплением косаток мы возвращались домой мимо бухты Вилучинской и решили остановиться доесть остатки ланча и допить чай из термосов. Бухта Вилучинская – очень длинная и узкая, и ее мы даже не рассматривали в качестве кандидата для размещения лагеря, так как выезжать из нее каждое утро было бы неоправданной тратой бензина (к тому же в ней располагался рыбацкий стан, а жить рядом с рыбаками у нас не было ни малейшего желания). На входе в эту бухту из берега выдается небольшой мысок под названием Зеленый. На нем торчит автоматический маяк, но в целом с моря мысок выглядит так, будто разместиться на нем негде. Однако нам очень хотелось на берег, так что мы решили высадиться там, чтобы поесть и отдохнуть.

Совершенно неожиданно это место оказалось маленьким раем. С внутренней стороны мыса располагался небольшой песчаный пляж, куда удобно причаливать на лодках, с соседней сопки стекал ручей, достаточно мощный, чтобы воды хватало для хозяйственных нужд, но слишком отвесный, чтобы в него заходила рыба. А нет рыбы – нет и медведей, и – о чудо! – следов на берегу мы не нашли. Еще одно чудо – на самом мысу обнаружилась достаточно большая ровная площадка, вполне пригодная для обустройства лагеря. В общем, мы поняли: это оно, то самое место, о котором мы мечтали.

На следующий год мы высадились в бухточку у мыса Зеленого с горой нашего обычного скарба и провианта, двумя большими палатками и кучей стройматериала. Одну из палаток мы только что купили в Петропавловске – это была брезентовая армейская палатка советского образца размером пять на пять метров с утеплением и специальной дырой в крыше под печную трубу. Вторая – канадская арктическая палатка из ПВХ с алюминиевым каркасом и настоящей твердой дверью – досталась нам в наследство от канадского исследователя медведей Джона Пачковского, много лет работавшего на Камчатке. Он сотрудничал с тем же институтом, что и мы, – Камчатским филиалом Тихоокеанского института географии – и хранил свое экспедиционное оборудование в том же подвале, на соседних полках с нашим. Как-то раз Джон

приехал к нам в гости на Старичков посмотреть на косаток. Вероятно, косатки ему понравились, потому что, когда через год выяснилось, что наш фанерный домик не пережил зимние шторма, Джон сам предложил нам воспользоваться его палаткой. Ну а потом его проект завершился, а оборудование осталось, и палатка постепенно перешла в наше постоянное пользование. Она оказалась отличной, очень удобной, теплой и ветроустойчивой, и единственным ее недостатком было то, что ее нужно было устанавливать на ровную поверхность. Приходилось сооружать настил из досок, который на Старичкове каждую зиму смывало штормами.

На Зеленом место для лагеря находилось метрах в двадцати над уровнем моря, так что шторма там были не страшны, но зато все наше барахло, включая тяжеленные деревянные нары, нужно было затаскивать вверх по крутой тропинке. Вдобавок ко всему после высадки пошел мелкий моросящий дождик, немедленно превративший уютный зеленый мыс в противное, серое, мокрое, скользкое и грязное место. Критичнее всего это оказалось для установки армейской палатки, так как ее нужно было сначала развернуть на земле, а земля на месте лагеря, перекопанная для выравнивания и размываясь дождем, превратилась в полужидкую черную жижу. Палатку мы кое-как поставили, но брезент и особенно новенькая чистая белая подкладка извозились в грязи, и нам так никогда и не удалось отчистить и отстирать их до исходного состояния.

Впрочем, когда мы преодолели тяготы заброски и первых дней обустройства лагеря, а дождь наконец закончился, выяснилось, что Зеленый – действительно райское место. После Старичкова мы наслаждались отсутствием птичьих колоний, и лагерь наш пах не гуано, а травой и цветами. Их на мысу оказалось великое множество: в отличие от острова, почти сплошь покрытого разросшимся на богатом птичьем помете шеломайником в рост человека, на склонах Зеленого мыса нас радовали синие ирисы, красные камчатские рододендроны, оранжевые лилии и фиолетовая герань. Стекающий с горы чистый и полноводный ручей также был значительно приятнее, чем вонючий и периодически пересыхающий ручеек на Старичкове.

Копаясь в земле вокруг лагеря, мы выяснили, что были не первыми его обитателями: обнаружился целый культурный слой раковин от съеденных улиток, а некоторым участникам экспедиции повезло найти настоящие обсидиановые наконечники стрел – следы пребывания коренных жителей Камчатки: ительменов или, может быть, айнов, заплывших сюда с Курильских островов.

Через пять дней после заброски мы наконец вышли искать косаток. С моря катила двухметровая зыбь, так что мы для начала решили не уходить далеко, а подождать возле бухты. Проболтавшись около часа на волнах, мы неожиданно заметили одиночную косатку, бодро направлявшуюся на север. Бросились в погоню, но не тут-то было – в такой зыби уследить за косаткой почти невозможно, ей достаточно вынырнуть пару раз в ложбине между волн, чтобы мы перестали понимать, где она находится. Так и вышло – вскоре мы ее потеряли и продолжали двигаться на север в надежде разве что случайно снова наткнуться на нее. Так мы доехали до Опасного, остановились там и распаковали ланч-боксы и термосы. В таком режиме ожидание стало менее тягостным, и к вечеру наше терпение было наконец вознаграждено – мы встретили наши старые знакомые семьи Гусли и Кармен. Сразу же узнали и радостные, и печальные новости – в семье Кармен родился новый детеныш, а вот в семье Гусли прошлогодний детеныш, к сожалению, погиб. Проведя с косатками часа три, отсняв их и записав немного звуков, поздно вечером мы вернулись домой. Непривычно было возвращаться на новое место, но лагерь встретил нас уютом, готовым ужином и умиротворяющим ворчанием генератора.

Начались обычные экспедиционные будни. Днем, когда погода позволяла, все участники экспедиции, кроме одного дежурного, двумя лодками выходили в море на поиски косаток. Обязанностями дежурного было, во-первых, охранять лагерь, где оставались ноутбуки, жесткие диски с данными и прочее ценное оборудование, а во-вторых, готовить ужин к нашему возвращению. Медведи нас не беспокоили, хотя, как выяснилось впоследствии, они регулярно посещали ольшаник на склоне

горы над лагерем. Тем не менее лодки мы на ночь на всякий случай обносили электропастухом, который вместе с канадской палаткой достался нам в наследство от Джона.

В один из первых рабочих дней, спустившись утром на пляж, мы обнаружили на песке цепочку лисьих следов. Они уверенно вели к лодкам и, несмотря на провод электропастуха, несколько раз обходили их вокруг. Мы порадовались, что это не медведь, и отправились в море к косаткам, а вечером оставшаяся дежурной Женя Лазарева рассказала, что кто-то пытался украсть из армейской палатки, служившей складом продуктов, большой шмат сала. Женя была в этот момент в жилой джоновской палатке и слышала странный шум. Заглянув в продуктовую палатку, она никого не обнаружила, однако шмат сала лежал совсем не там, где следовало, и в таком положении, что было ясно: вора только что спугнули. Мы стали осматривать окрестности и обнаружили следы грязных лисьих лап на лежавшей возле палаток фанере. Преступление было раскрыто, но вор ускользнул.

Через некоторое время он явился к нам сам посреди бела дня. Поначалу лис приходил робко, когда в лагере был один дежурный, но потом начал нагло шастать по окрестностям даже в непогоду, когда все восемь человек были дома. В такие моменты половина экспедиционеров хваталась за фотоаппараты и гурьбой ходили за лисом в поисках красивого кадра, но его это ничуть не смущало.

Как-то раз в нерабочий день в нашей бухте причалила лодка с местными охотоведами и серой охотничьей лайкой. Пока мужики пили чай, мы были рады потискать симпатичного пса, но, пообнимавшись с нами, он начал рыскать по окрестностям, и в этот момент мы с ужасом заметили в траве под маяком рыжий лисий хвост. Казалось, это конец: для лайки догнать и задавить лиса – минутное дело. Но пока пес рыскал по зарослям, вынюхивая свежие следы, лис как-то умудрился проскользнуть мимо него и спуститься вниз. Мгновения спустя мы уже видим, как лис рыжей стрелой несется по пляжу, а за ним еще быстрее серой тенью мчится собака. Спрятаться на берегу было совершенно негде, и мы, затаив дыхание, ожидали ужасной развязки – отозвать лайку в пылу погони не смогли бы даже хозяева, если бы и захотели. Лис проскользнул под электропастухом, вспрыгнул на лежавший за лодками валун и вдруг начал подниматься по отвесной, как нам казалось, скале с такой легкостью и скоростью, как будто бежал по ровной тропинке. Когда пес добежал до лодок, лис был уже в десятке метров над землей. Пробегая под проводом, лайка взвизгнула – видно, ее так испугало током, но не замедлилась ни на миг. На полной скорости она взлетела на валун, начала карабкаться вверх – и позорно скатилась вниз. При всех охотничьих достоинствах пса скалолазанье явно не относилось к его сильным сторонам. Возмущенно погавкав внизу и понарезав круги по берегу, он ни с чем вернулся на мыс к хозяевам, лис же с ехидной ухмылкой свернулся калачиком на едва заметном уступе скалы и лежал там, пока рыбаки не уехали.

Впрочем, осадочек у него все же остался, потому что днем в тот сезон он к нам больше не приходил. Зато на следующий год вскоре после заброски явился с подругой, которая (помимо очевидных половых признаков) отличалась от него только цветом глаз – у самца они были ярко-желтые, а у самки светло-карие. Похоже, что лисят у них в тот сезон не было, потому что они совершенно безответственно шатались по мысу и играли в догонялки на пляже, как пара щенков. Нас они совершенно не боялись, подпуская на расстояние в два-три метра.

Через несколько дней, выйдя утром из палатки, мы обнаружили, что все окрестности засыпаны чем-то белым и сверху покрыты всяким мусором для пущей красоты. Оказалось, что ночью лисы раздербанили пластиковый бак, служивший помойкой, и нашли там пакет с испорченной прошлогодней мукой. На радостях от такого события, судя по следам, они начали бегать с разодранным пакетом вокруг палаток, посыпая мукой все вокруг. Остатки мусора из бака придали картине гармонию и завершенность.

Убрав последствия лисьих попыток самовыражения, мы спрятали мусорный бак и плотно закрыли его крышкой. Но на следующее утро Миша Нагайлик, выйдя из

палатки, не нашел свою кроссовку. Дело в том, что кроссовки его начали пахнуть, и девушки попросили Мишу оставить их на ночь снаружи. Похоже, что лисам запах как раз понравился, и они решили его расширить и дополнить, потому что после недолгих поисков мы обнаружили злополучную кроссовку в траве, благоухающую свежей лисьей меткой. С тех пор Нагайлик перестал любить лис, а прочие члены экспедиции, наоборот, еще больше прониклись к ним уважением.

Косатки нас тоже радовали – мы встречали их почти каждый день, когда погода позволяла выйти в море. Большинство встреченных семей были нам знакомы, новые попадались довольно редко – похоже, к тому моменту мы уже инвентаризировали все постоянное косаточье население Авачинского залива. Работа постепенно превратилась в рутину в стиле *just another day in the office* – находим косаток, фотографируем, пишем звуки, описываем поведение. Мы работали двумя лодками – одна занималась в основном фотографированием, а другая (наша) – записью звуков. Это позволяло не только сделать больше записей и фотографий, но и полнее оценить происходящее – когда косаток было много, лодки могли разойтись на несколько километров с разными группами и наблюдать совершенно разное поведение. Бывало и так, что косатки расходились и лодки следовали за разными группами, воссоединяясь лишь через несколько часов. Наши рации позволяли держаться на связи лишь на расстоянии до пяти километров, так что, если мы уходили дальше, приходилось потом искать друг друга вслепую.

Как-то раз мы встретили возле бухты Фальшивой группу косаток, в которой был самец с упавшим плавником. Спинной плавник у китов не имеет внутреннего скелета и держится только за счет упругости соединительной ткани и давления крови в сосудах. В неволе у самцов косаток плавник с возрастом почти всегда опадает; иногда такое случается и в природе. У нас уже была знакомая, но редко приходящая группа с Коллапсом – так мы называли самца с упавшим плавником, потому что по-английски такой плавник называется *collapsed fin*. Встретив снова похожего самца, мы были уверены, что это он же, потому что в природе упавшие плавники встречаются довольно редко.

Косатки весь день лениво ходили туда-сюда недалеко от бухты, иногда кормились и перекликались. Наша акустическая лодка весь день оставалась с ними, наблюдая, как они кормятся и отдыхают, и сделала несколько довольно удачных записей. В это время дальше в море фотолодка встретила других косаток – семьи Арфы, Гусли и Кармен – и ушла с ними на север. Когда мы вечером вернулись в лагерь, я посмотрела на компьютере сонограммы записанных от якобы Коллапса звуков и была поражена: у редкой, малознакомой семьи оказался диалект, идентичный репертуару хорошо известных нам семей Винни и AV2! Услышав об этом, Таня проверила фотографии и обнаружила, что это и вправду была семья AV2, а самец с упавшим плавником – AV1, за год до этого имевший прекрасный прямой плавник. По какой причине он упал, мы так и не узнали, но, скорее всего, это было связано с какими-то проблемами со здоровьем. В тот сезон мы еще несколько раз встречали семью AV2 с этим самцом, а вот на следующий год его с ними уже не было – очевидно, он погиб.

Работа с двух лодок имела не только преимущества, но и недостатки. Самым большим из них было омерзительное жужжание мотора фотолодки, когда мы писали звуки, а она находилась поблизости. Под водой звуки громче и разносятся дальше, чем на воздухе. Гул двигателей больших судов слышен за несколько десятков километров, небольших сейнеров-мэрээсок – километров за пять – десять, лодок – за два-три. Поэтому, когда фотолодка работала на расстоянии нескольких сотен метров от нас, наши замечательные записи оказывались безнадежно испорченными. Мы договорились, что будем иногда просить ребят на фотолодке остановиться и подождать, потому что выбрать подходящее время для фотографирования гораздо проще, чем застать удачный момент для звукозаписи. Но в запале они не всегда слышали наш вызов по рации.

Как-то раз после долгой череды дней без работы и с плохой погодой мы наконец встретили большую агрегацию косаток, и обе лодки радостно устремились в гущу животных. Мы заехали перед тесной группой, бросили в воду гидрофон, и, к нашей

радости, косатки наградили нас мощным потоком вождельных звуков. Но радость была недолгой: через пару минут в красивые, звучные крики влилось мерзкое назойливое жужжание, которое стремительно нарастало. Мы схватились за рацию и принялись отчаянно взывать к фотолодке, а потом, когда она подъехала еще ближе, стали просто кричать. Все тщетно: увлеченные фотографированием, коллеги не обращали на нас ни малейшего внимания, и, лишь проезжая мимо нас, Таня обернулась и радостно крикнула нам: «Это Спайки!» Спайки – самец косатки из семьи Капли, который обычно ходит чуть поодаль от других, поэтому довольно долго не удавалось установить, к какой семье он относится. Возможно, он не сын нынешнего матриарха, а ее брат – это объяснило бы слабую связь между ними. Часто, когда старая самка умирает, ее сыновья тоже гибнут через какое-то время, но бывает и так, что они присоединяются к семье одной из сестер. Так или иначе, Таня была счастлива снова увидеть загадочного Спайки и спешила поделиться с нами своей радостью. После того случая выражение «Это Спайки» стало расхожим мемом в нашем проекте.

Косатки нередко ходят большими дружными агрегациями, но случаются у них и приступы социофобии. Как-то раз мы долго шли на юг за семьей Хуки. Косатки вели себя не очень активно, спокойно перемещались и иногда вяло покрикивали. Возле мыса Кекурного мы услышали далекие крики других косаток. В этот момент животные из семьи Хуки окончательно замолчали, собрались тесной группой и отошли ближе к берегу. Постояв у Кекурного, мы дождались новых косаток, которые шли на север. Среди них были семьи Кармен и Гусли и малознакомая семья, которую мы видели до этого лишь однажды в 2005 году. Семья Хуки молча пропустила их, а потом пошла своей дорогой на юг, явно не желая с ними встречаться, – довольно нетипичное поведение для общительных рыбацких косаток. Мы же последовали за новыми косатками обратно на север, к дому, и долго наблюдали, как они кормятся лососем – не вместе, как они часто делали это при охоте на терпуга, а поодиночке, разойдясь на большие расстояния и перекидываясь, чтобы не потерять друг друга.

Что характерно, когда мы шли за семьей Хуки на юг, ветер был южным, и нам приходилось двигаться против волны. Когда же мы повернули на север, ветер как раз поменялся, и нам опять пришлось всю дорогу идти против волны. Дальневосточные ветра вообще имеют такое иррациональное свойство: в каком бы направлении ты ни перемещался, большую часть времени приходится идти против волны.

Но настоящий ветер был у нас впереди. В конце июля, возвращаясь вечером в лагерь, мы почувствовали в море приятный запах нагретой солнцем тундры. Через несколько минут легкое дуновение с берега превратилось в весьма ощутимый ветерок, а когда мы из-за прикрывавшего нас мыса повернули в бухту, выяснилось, что волна уже разошлась не на шутку – в длинной Вилучинской бухте ветру было где разгуляться. Когда мы подходили к Зеленому, вода уже хлестала нам в лицо через борт, и на берег мы высадились мокрые до нитки. Порадовавшись, что вовремя успели вернуться, мы вскарабкались на мыс и развесили одежду сушиться. Но радость наша, как выяснилось, была преждевременной.

К ночи ветер не стих, а стал еще сильнее. Спать было невозможно – палатки трясло и трепало, громко дребезжала жестяная печная труба. Под утро, часов в пять, армейскую палатку начало срывать. Джоновской палатке это не грозило – она была прочно закреплена стропами, охватывавшими ее полукруглую крышу, а снизу тент из ПВХ по всему периметру был прикреплен к алюминиевому каркасу и деревянному настилу. А вот советская брезентуха оказалась значительно менее ветроустойчива – веревки удерживали только вертикальные столбы, а горизонтального каркаса у нее не было вовсе, да и в целом парусность была существенно выше, чем у канадской. Когда ветер вырвал из земли пару железных кольев, к которым крепились веревки, удерживавшие столбы, мы поняли, что надо что-то делать, и начали в панике бегать в темноте вокруг палатки и скидывать к наветренной стенке все тяжелое, что у нас было: если бы брезент задрало ветром, то вся палатка превратилась бы в огромный парус, ее унесло бы и разорвало.

Тяжелых вещей оказалось как-то мало (существенно меньше, чем когда их приходилось таскать по тропинке наверх), поэтому часть людей просто повисла на веревках, удерживая их своим весом. Это тоже не особенно помогало, и мы решили уже было, что палатку надо заваливать прямо поверх содержащегося в ней имущества, иначе ее просто порвет. Но в этот момент порывы ветра, будто удовлетворившись нашей суетой, начали потихоньку ослабевать, и, повисев еще немного на канатах, мы перевели дух и пошли в палатки отсыпаться.

Впоследствии на лагерь еще не раз обрушивался шквальный ветер с берега. Эта особенность оказалась едва ли не единственным недостатком мыса Зеленого – из-за особенностей рельефа западный ветер ощущается там гораздо сильнее, чем на Старичкове. Но постепенно мы приспособились к этому – армейская палатка была разжалована и отправилась в ссылку на остров Беринга, а все прочие строения модифицированы для достижения повышенной ветроустойчивости. Мы научились чувствовать приближение такого ветра в море – как правило, это происходило в солнечную погоду, и непосредственным предшественником был тот самый запах нагретой тундры, который приносило первым дуновением. Едва почуяв его, мы срочно сворачивали работу и на полной скорости неслись домой. Однажды, уже после того как мы с Иваном Федутинным полностью перебазировались на остров Беринга, наши коллеги с Зеленого не успели вовремя вернуться, прежде чем ветер достиг шквальной силы, и им пришлось остаться на ночевку в соседней бухте с двусмысленным названием Саботажная, где очень кстати располагался охотничий домик с радушным сторожем, приютившим их на ночь.

В остальном же Зеленый оказался идеальным местом для лагеря, и до сих пор экспедиция по исследованию авачинских косаток базируется именно там. После того как мы с Иваном стали работать на Командорах и в других местах, руководство авачинской экспедицией постепенно перешло к Тане Ивкович, и уже много лет она твердой материнской рукой направляет исследования косаток в этом районе.

Люди и косатки

Людам трудно признать тот факт, что они могут быть неинтересны косатке.

Косатки – образ неоднозначный, и даже с названием этих животных люди до сих пор не могут определиться. В русском языке постоянно соперничают простонародное «касатка» и научное «косатка», нередко порождая в интернете забавные холивары о правильном написании этого слова. В английском тоже существуют два названия – *killer whale*, т. е. кит-убийца, и *orca*, происходящее от латинского названия вида *Orcinus orca*. Англоязычные любители косаток часто предпочитают второе название, считая, что называть этих животных китами-убийцами несправедливо, ведь они убийцы не в большей степени, чем львы, волки и особенно люди. Как-то раз мне даже пришло сообщение от менеджера Общества охраны китов и дельфинов с требованием заменить встречавшееся в нашем фильме название *killer whale* на *orca*, поскольку последнее «способствует созданию более позитивного имиджа».

Косатки вызывают у людей самые разные чувства – от фанатичной любви до ненависти или страха, но мало кого оставляют равнодушными. Кто-то представляет их добродушными «братьями по разуму», которые мечтают установить контакт с людьми, тянутся к нам изо всех сил, и только наши человеческие косность и тупость не позволяют начаться трогательной дружбе. Для других косатки – это что-то вроде более умной (и оттого еще более коварной) версии акул из голливудских триллеров, только и ждущей, как бы сожрать зазевавшегося моряка. К сожалению, мало кого интересует, какие же они на самом деле. Удивительно, как много людей считает себя любителями косаток и мечтает посмотреть на них в природе, но не удосуживается узнать о них хоть что-нибудь достоверное. Похоже, они любят не самих косаток, а тот романтический образ, который создали и с которым себя ассоциируют. Многие такие любители искренне полагают, что косатки моногамны и всю жизнь сохраняют верность своей «половинке», и изрядно расстраиваются, узнав, что у косаток вообще нет ничего подобного человеческим брачным связям.

А совсем недавно, вплоть до середины прошлого века, косаток считали жестокими и коварными хищниками. В те времена в приключенческих книжках эти киты неизменно выступали в роли монстров, которые раскусывали пополам лодки и отправляли на дно охваченных ужасом моряков. Если верить этим зловещим историям, все живое, что обитало в море или случайно попадало туда, служило пищей китам-убийцам. Косаток ненавидели и боялись с тех пор, как человек вышел в море и встретился с ними – настоящими хозяевами океана.

Вот как, например, описывает свою первую встречу с косатками советский ученый-китобой Зенкович:

Впервые я встретился с косатками, как говорится, лицом к лицу в августе 1931 года. Вместе с группой своих товарищей, научных работников и студентов, я плыл на научно-исследовательской шхуне «Росинант». Работу мы вели в Татарском проливе, недалеко от Советской Гавани. Некоторые работы производились под моим наблюдением с большого спасательного вельбота. Мы почти закончили свою работу, как вдруг в близком от нас расстоянии появилась группа косаток. Косатки подошли к нам на расстояние шести-семи метров и затем остановились. Но одна из них, крупный самец с высоченным узким спинным плавником, который возвышался над поверхностью воды больше чем на полтора метра, подплыла к самому вельботу и остановилась. Вода была настолько прозрачна, что даже темно-фиолетовые глаза косатки были ясно видны. Она всматривалась в нас, и глаза ее чем-то напомнили мне глаза крупных осьминогов с их зловещим выражением холодной злобы. Положение становилось неприятным, а так как со мной была хорошая полуавтоматическая винтовка, то я решил отогнать ее выстрелами. Но бывшие со мной в вельботе матросы и рыбаки – уроженцы здешних мест просили этого не делать, так как убить косатку с первого выстрела не всегда удается, а раненые косатки почти всегда бросаются на шлюпки и опрокидывают их, чему они были неоднократно

свидетелями. Мы были вынуждены прекратить работу. Минуты шли, а косатки от нас не отходили, быть может, ассоциируя белый цвет нашего железного вельбота с белухой, за которой косатки часто охотятся. Заметив наше затруднительное положение, шхуна пошла к нам на выручку. Капитан нашего судна, также местный уроженец, хорошо знал повадки косаток и поэтому спешил к нам, опасаясь за экипаж вельбота. Только приближение шхуны отогнало косаток, но с тех пор я не мог забыть дьявольский, холодно-свирепый взгляд косатки.

После многих лет работы с косатками в дальневосточных морях читать такое довольно забавно. Тысячи раз мы подходили к ним на маленькой надувной лодке, надоедали постоянным жужжанием мотора над ухом, даже стреляли в них из арбалета, чтобы взять пробу кожи, – и ни разу косатки не попытались атаковать нас в отместку, даже когда было за что. Получается, что все в описании Зенковича, кроме самого факта подхода косаток к вельботу, – плод его воображения, разыгравшегося на фоне рассказов о свирепых волках моря.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что так было не везде и не всегда. Многие коренные народы относились к косаткам с уважением и симпатией. Косатки были важной частью культуры и религии индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки. Мифы племени хайда рассказывают, что косатки под водой принимают обличье человека и живут в подводных городах. В эти города уходят и те, кто утонул в море. Индейцы племени квакиутл считали косаток правителями подводного мира, сивучей – рабами, а дельфинов – воинами. Квакиутли и индейцы племени нутка верили, что умершие вожди могут возрождаться в теле косатки. Тлингиты Юго-Восточной Аляски называли косаток стражами моря и благодетелями людей.

В индейских рисунках и резных деревянных скульптурах часто встречается образ гигантской тотемной косатки. Внутри нее изображаются морские создания и человеческие лица. Этот образ восходит к тлингитской легенде о появлении косаток. Искусный резчик по дереву Нацилан женился на дочери вождя. Сыновья вождя завидовали его таланту и популярности и сговорились бросить его в море во время традиционной охоты на сивучей. Оставленный умирать на маленькой скале, Нацилан был спасен сивучем, который унес его под воду и попросил вылечить своего сына, раненного копьем во время охоты. После того как Нацилан вытащил наконец копье, вождь сивучей наделил резчика великой силой и помог ему вернуться на берег. Оказавшись там, Нацилан, все еще пребывавший в ярости из-за того, что его бросили в море, стал вырезать статуи великого кита из разных пород дерева. Первые две фигуры, опущенные в воду, просто уплыли прочь, но третья, вырезанная из кипариса, ожила. Нацилан послал ее отомстить своим обидчикам. Кит-убийца разбил их каноэ и утопил братьев. Но Нацилана стала мучить совесть за то, что он совершил, и, когда кит вернулся к нему, он велел ему никогда больше не нападать на людей.

Чукотские эскимосы верили, что косатки помогают охотникам добывать моржей, и приносили им небольшие жертвы вроде рассыпаемого в море табака. В эскимосских легендах зимой косатки превращаются в волков, а летом обратно в косаток. Считалось, что даже в облике волка они помогают охотникам убивать северных оленей. Некоторые из этих поверий имели под собой основания – до сих пор чукчи и эскимосы иногда пользуются плодами охоты косаток, подбирая трупы убитых ими серых китов. Но самая удивительная история сотрудничества человека и косаток произошла в среде вполне цивилизованных людей. В небольшом городке Идене в бухте Туфолд на юго-востоке Австралии несколько десятилетий группа косаток помогала китобоям.

Этот город был основан в 1830–1840-х годах для прибрежного китобойного промысла, процветавшего здесь благодаря пролежавшим вдоль берега путям миграции гладких и горбатых китов. Косатки охотились на китов в этих водах еще до регулярного промысла, но неизвестно точно, когда они начали сотрудничать с китобоями. Первые упоминания об этом относятся к 1870-м годам. По воспоминаниям очевидцев, в этот период косатки делились на три группы общей

численностью 27 особей. Многих из них китобой различали по форме плавника, царапинам и зарубкам, подобно тому как это делают по фотографиям современные исследователи. У самца по имени Том был особенно высокий плавник с выемкой возле вершины. Плавник Хампи был завален набок и почти касался бока животного, а у Хуки скошен вправо под углом около 45 градусов. По-видимому, их плавники были повреждены во время атак на китов. Помимо этих троих, китобой различали также Стрэнджера, Купера, Джексона, Типи, Кинчера, Джимми, Альберта, Старого Бена и Молодого Бена. Каждая группа имела собственное название по имени одной из приметных косаток – Хуки, Стрэнджера и Купера. Косатки приходили к бухте Туфолд каждый год в китобойный сезон, длившийся с июня по ноябрь. Обычно они появлялись примерно за неделю до прибытия мигрирующих китов.

По рассказам, косатки находили и атаковали китов в море неподалеку от бухты, а затем одна или две из них плыли к берегу и прыжками и громкими хлопками по воде сообщали об этом китобоям. Когда люди на вельботе выходили в море, косатки вели их к месту охоты, нередко на приличное расстояние – до двух миль от бухты, в то время как остальные члены группы продолжали атаку, удерживая кита до подхода китобоев. В благодарность за помощь, убив кита, китобой на некоторое время оставляли труп в море, позволяя косаткам выесть язык.

Это удивительное сотрудничество продолжалось примерно до середины 1920-х годов, когда численность китов снизилась из-за неограниченной добычи и китобойный промысел начал постепенно хиреть. Косатки перестали регулярно приходить в Туфолд, и лишь изредка одного-двух животных видели в море. В 1930 году в бухте был обнаружен мертвый самец косатки, погибший за день или два до этого. Старые китобой опознали его как Тома. Они решили сохранить скелет, и его до сих пор можно увидеть в местном музее.

Несколько передних зубов в черепе «Тома» отсутствуют – по утверждениям китобоев, он потерял их из-за привычки во время охоты хватать и тянуть зубами линь, привязанный к гарпуну, вонзившемуся в спину кита. Однако при детальном осмотре специалистами выяснилось, что отсутствие зубов – результат абсцесса. Кроме того, под вопросом оказался и возраст животного – сосчитав слои на спиле зуба, ученые пришли к выводу, что самцу косатки в момент гибели едва ли было более 35 лет. Получается, что он никак не мог быть тем самым Старым Томом, сотрудничавшим с китобоями в 1870-х годах. Впрочем, как часто бывает с историями, передающимися из уст в уста, правду установить оказалось невозможно, так что скелет продолжает красоваться в музее с табличкой «Старый Том», на радость туристам.

Вообще, тут стоит отметить, что, хотя известен лишь один пример сотрудничества людей и косаток, с дельфинами подобные истории происходят регулярно в разных точках земного шара. В муниципалитете Лагуна в Южной Бразилии группа рыбаков и группа дельфинов-афалин совместно рыбачат на протяжении многих поколений. Как и с чего это началось – никто уже не помнит, потому что это было раньше, чем родился любой из ныне живущих людей или дельфинов. Рыбалка происходит возле илистых берегов в лагунах: рыбаки заходят в воду по колено или чуть выше, чтобы забросить сеть на глубину. Добравшись до одного из определенных мест на берегах лагуны, они привлекают внимание дельфинов, хлопая руками и сетями по поверхности воды. Если поблизости оказывается подходящая добыча (чаще всего это кефаль), то дельфины начинают гнать рыбу на илистую отмель, где ждут рыбаки. Те внимательно следят за их движениями, ожидая определенного сигнала, когда дельфин заныряет, высоко изогнув спину над водой. По этому сигналу рыбаки бросают сети перед собой, ловя загнанный косяк. Рыбаки получают свой улов, а дельфинам достается та рыба, которая успевает в панике метнуться назад либо вырваться из сетей.

Рыбаки легко отличают дельфинов друг от друга и знают, что лишь некоторые из них склонны к сотрудничеству. Их награждают именами бывших президентов Бразилии, футболистов и звезд Голливуда. Рыбаки также знают «плохих» дельфинов, которые не помогают им, и даже не пытаются рыбачить, если те

оказываются поблизости. В чем причина разделения популяции на «хороших» и «плохих» и как вообще зародилась эта традиция – непонятно. Неясно также, является ли дельфиний сигнал, на который ориентируются рыбаки, преднамеренным (как полагают они сами), или дельфины совершают это движение по каким-то своим причинам, а люди просто научились на него ориентироваться?

Другой пример сотрудничества рыбаков и дельфинов можно наблюдать в водах реки Ирравади. В отличие от бразильских коллег, местные рыбаки бросают сети не с берега, а с маленьких каноэ. Во время загона они подают ирравадийским речным дельфинам сигналы, шлепая по воде различными предметами, а также с помощью особых горловых звуков, а животные сигнализируют им разными позами и движениями плавников. Дельфины гонят рыбу в сторону каноэ, и рыбаки должны в определенный момент сбросить сети. Дельфинам достается та рыба, которая успевает увернуться от сетей либо оказывается оглушена или повреждена ими.

Впрочем, такая идиллия все же скорее исключение, чем правило, – гораздо чаще дельфины (включая косаток) оказываются для рыбаков не помощниками, а вредителями. Дельфины нередко воруют рыбу из сетей, и некоторые из них достигают в этом такого мастерства, что могут заходить в трал во время движения и выходить обратно без малейшего ущерба для себя.

Косатки в последние пару десятилетий стали настоящим бичом ярусного промысла. Ярус – это такая длинная (до нескольких километров) веревка, на которую насажено множество поводков с наживленными крючками. На ярус ловят крупную рыбу с больших глубин – палтуса, треску, а в Южном полушарии – клыкача. Когда этот промысел стал набирать популярность, косатки во многих районах независимо друг от друга обнаружили, что теперь необязательно тратить силы и энергию, ныряя за рыбой на глубину, – достаточно приплыть на звук лебедки и встать возле выбираемого яруса, чтобы получить шикарный обед на любой вкус. Кое-где они прицельно снимают с крючков синекорого палтуса, оставляя нетронутой менее вкусную треску (если вы когда-нибудь пробовали свежего палтуса, то легко сможете их понять).

Рыбаки, конечно, пытаются защищать улов, используя любые средства – от взрывпакетов до нарезного оружия. Но это приводит лишь к тому, что косатки подходят к судну под водой, а выныривают отдышаться поодаль, вне досягаемости, поэтому тратят больше энергии и едят еще больше рыбы. Случается, что они съедают основную часть улова. Ущерб при этом исчисляется десятками тысяч долларов. Это большая и серьезная проблема для ярусного промысла во многих районах. Например, у нас в Охотском море рыбаки жалуются на косаток с начала 2000-х годов. Правда, точный ущерб оценить сложно – сами рыбаки говорят, что косатки съедают около 60 % улова, а по подсчетам научных наблюдателей, эта доля составляет не более 20 %. Есть мнение, что остальной ущерб рыбаки списывают на косаток, чтобы скрыть свои ошибки или махинации (например, нелегальную продажу улова в море).

Так или иначе, успешного решения этой проблемы до сих пор не найдено. Косаток пытались отпугивать звуком, но оказалось, что это действует лишь первое время, а потом они быстро соображают, что опасности нет, и перестают реагировать. В Южном полушарии пытались вешать на крючки особые сетки, закрывающие пойманную рыбу, но это настолько усложняло процесс захода и выборки, что оказалось нецелесообразным. Единственное, что позволяет снизить ущерб, – это особая стратегия поведения судна: быстрые длительные переходы между заходами. Помогает также кооперация между бригадами, когда выборка происходит одновременно с нескольких близко расположенных ярусоловов: в таком случае косатки концентрируются на одном из них, а остальные успевают выбрать улов нетронутым. Правда, в российских водах эту стратегию применяют немногие, так как наши рыбаки не особенно склонны к кооперации, но среди зарубежных ярусоловов этот метод набирает популярность.

Среди ученых, которые занимаются этой проблемой, принято подчеркивать, что ущерб наносится не только рыбакам, но и косаткам. Действительно, некоторые

животные гибнут от пуль рыбаков, а выживших украшают многочисленные шрамы от пулевых ранений. Но они упорно продолжают объедать ярусы – похоже, ценность бесплатного обеда перевешивает риск ранения или даже гибели. Реальный размер ущерба для косаток смогли оценить французские ученые, проанализировав рождаемость и смертность в группах этих животных возле островов Крозе на юге Индийского океана.

Косатки, которые воруют там клыкача с ярусов, в другое время года охотятся на детенышей морских слонов на лежбищах Крозе и даже освоили особый метод их добычи – они с разгона частично выскакивают на берег, чтобы схватить зазевавшегося у уреза воды детеныша. Есть семьи, которые охотятся только на морских слонов, а рыбу не воруют, а есть семьи, которые кормятся и там и там. Сопоставив демографические показатели за много лет, ученые обнаружили, что у «честных» семей, питающихся только морскими слонами, стабильно низкая смертность, но в то же время очень низкая рождаемость. Настолько низкая, что за период исследований с 1970-х годов до нынешнего времени несколько таких семей просто вымерли от старости, а несколько других близки к этому. У «вороватых» семей и смертность, и рождаемость выше. Пик смертности пришелся на 1995–2001 годы, когда в регионе рыбачило много браконьерских ярусоловов, с которых воровавших рыбу косаток отстреливали (официальные ярусоловы этого не делают, так как на каждом есть наблюдатель). Сейчас с проблемой браконьерства более-менее справились, но смертность все же немного выше нормы – видимо, какое-то количество браконьеров осталось.

Ну, со смертностью более-менее понятно. В чем же причина различий в рождаемости? Очевидно, в количестве пищи. После того как в середине XX века китобойные флотилии перебили большую часть китов, косатки переключились на морских слонов. Это привело к резкому сокращению численности последних, так что хищники вскоре оказались на голодном пайке. Видимо, для поддержания жизни взрослых животных еды все же хватало, а вот для беременности и родов – уже нет. Когда в середине 1990-х стал развиваться ярусный промысел, часть семей научились воровать рыбу и получили ценный источник пищи, что позволило им начать размножаться.

Получается, что для косаток в том районе воровство рыбы – это спасение для популяции. Если бы не ярусоловы, то большинство семей, вероятно, вымерли бы в течение ближайших десятков лет. Это отсроченный результат массового китобойного промысла в прошлом веке, так что в каком-то смысле косатки таким образом компенсируют ущерб, нанесенный им человеком.

Так или иначе, большинство контактов косаток с человеком связано с пищевым вопросом. Вообще же в норме, вне пищевого контекста, люди ни дельфинам, ни косаткам не интересны. Романтически настроенные фанаты часто хотят «вступить с ними в контакт» и тщетно свешиваются с борта туристического судна, надеясь, что косатки почувствуют эзотерическую связь и подойдут познакомиться. Но любопытство по отношению к людям обычно проявляют лишь подростки, и то не в смысле «вступить в контакт», а так, из праздного интереса – рассмотреть поближе этих странных и бесполезных существ. Взрослые косатки, как и большинство взрослых диких животных, осторожны и нелюбопытны.

Впрочем, иногда в контакт с человеком вступают одиночные китообразные, по тем или иным причинам оказавшиеся в изоляции от сородичей. Одна из таких историй – о детеныше косатки по имени Луна из Британской Колумбии. Несмотря на девчачье имя, Луна был самцом – когда новорожденным косаткам дают имена, определить их пол еще невозможно, если только они не выпрыгнут из воды, показав исследователям окраску своего пузика.

Луна родился в водах американского штата Вашингтон в популяции косаток, которых обычно называют южными резидентами (в противоположность северным резидентам, населяющим воды северной части острова Ванкувер). Он был странным ребенком с самого рождения. Начать с того, что сразу после появления на свет его видели с одной самкой (как решили исследователи, с матерью), а через

несколько дней – с другой, с которой он оставался довольно долго, а потом вернулся к первой. Но даже после возвращения Луна часто отлучался и проводил время рядом с другими членами группы. Это совершенно нетипично – обычно детеныши косаток после рождения несколько месяцев почти не отходят от матери.

Когда ему было около полутора лет, он исчез из родной семьи и впоследствии был обнаружен в заливе Нутка на западном побережье острова Ванкувер. Это узкий фьорд, глубоко вдающийся в побережье, и косатки туда обычно не заходят. Так что у Луны было мало шансов встретить сородичей, и он стал искать себе компанию среди тех, кто имелся «под рукой», – среди людей. (Между делом он пытался навязать свое общество и другим живым существам, например морским львам, но те не оценили его добрые намерения.) Сначала он сопровождал паромы, потом прибил к лагерю лесорубов, затем к туристам-рыболовам, в общем, пошел по рукам. Интересно, что от людей ему не было нужно ничего, кроме внимания и общения, – рыбу он прекрасно умел ловить сам и совершенно не выглядел истощенным.

Все шло хорошо до тех пор, пока об этом не прознали в Департаменте рыболовства и океанов (ДРО), который занимается мониторингом и регулированием морских ресурсов, включая морских млекопитающих. ДРО собрал совет с участием специалистов по косаткам, и те объяснили чиновникам, что такая ситуация в будущем может стать довольно опасной и уже сейчас надо придумывать, что с этим делать.

Предложений было много, но ДРО колебался и выбрал самое слабое решение – оставить все как есть, попытавшись ограничить контакт косатки с людьми. Для этого выделили специальную лодку, которая ездила за Луной и запрещала людям его трогать. Конечно, это не сработало – ну кто способен помешать восторженным туристам пообщаться с тонной чистого обаяния, которая сама лезет к вам в лодку?

Между тем годы шли, Луна рос, и его игры с маломерными плавсредствами становились все более опасными. Как-то раз он отломал от лодки важную и дорогую деталь. Возмущенный владелец заявил на него в полицию, но там ему ответили, что Луна – американский кит и не подпадает под юрисдикцию канадской полиции.

В итоге ДРО, активно подгоняемый общественностью, наконец решил что-то предпринять. Был принят план возвращения Луны на родину – его собирались отловить, на грузовике отвезти на юг острова и выпустить в те воды, где часто встречалась его бывшая семья, в надежде, что он к ней присоединится (хотя мне лично кажется, что они просто хотели переместить его из канадских вод в американские, переложив проблему на плечи соседей).

Но этому плану внезапно воспротивились местные индейцы. У них была своя теория – они считали Луну реинкарнацией вождя, который умер незадолго до его появления и обещал вернуться в виде косатки. Индейцы в Канаде очень хорошо умеют качать права и играть общественным мнением, так что они быстро настроили окрестных жителей (которые, вообще-то, сами хотели избавиться от Луны) против этого плана. На специалистов из Ванкуверского аквариума, приглашенных для отлова, стали смотреть как на врагов народа. Несколько дней индейцы водили Луну за собой на своих каноэ, чтобы не дать заманить его в сеть. В какой-то момент это все же удалось сделать, но сеть не закрыли вовремя, и Луна снова ушел. После этого попытки отлова прекратили и процедуру под давлением общественности свернули.

На некоторое время Луну оставили в покое, но его это совершенно не устраивало – он жаждал внимания и добивался его всеми возможными способами. Несколько групп ученых и любителей предлагали ДРО детальные планы шефства над ним – выделить группу людей, которые будут заниматься его воспитанием и держать вдаль от лодок и каякеров, которым он может навредить.

Но ДРО отверг все эти планы, продолжал выжидать и дождался. Проблема решилась сама собой: Луна заигрался и случайно попал под винт большого парома. Так закончилась эта история – история упущенных возможностей и нереализованных планов уникальных исследований свободной, но ручной косатки в естественной среде.

Примерно в то же время приблизительно в том же районе случилась похожая история, закончившаяся хорошо и потому менее известная широкой общественности. Почти одновременно с Луной объявилась потеряшка того же возраста, но только это была самочка с мужским именем Спрингер из сообщества северных резидентов, заблудившаяся в акватории штата Вашингтон. В ее случае причина была более понятной: мать Спрингер погибла. Так как дело происходило в американских водах, а косатка, в отличие от бодрого Луны, была истощена и ослаблена, госорганы в этом случае действовали гораздо более решительно: детеныша отловили и посадили в загон, в котором соорудили специальный рукав для доставки рыбы, чтобы Спрингер не привыкала к людям. Когда она поправилась и пришла в себя, ее перевезли обратно в Канаду и поместили в сетной вольер в том месте, мимо которого часто проходила ее родная семья. И вот в один прекрасный день родичи Спрингер появились на горизонте. Все инстанции были приведены в полную боевую готовность, и, когда дикие косатки проходили мимо, ворота вольера открыли. Спрингер со всех ног, точнее, плавников, метнулась к своим, отвечая на звуки родного диалекта точно такими же криками. Но счастливого воссоединения не случилось. Косатки настороженно замерли, и Спрингер, почувствовав их напряжение, осталась в отдалении. Несколько дней она ходила за своей семьей, оставаясь изгоем, и лишь со временем они постепенно приняли ее назад. Одна из взрослых самок в конце концов взяла над ней шефство, и для исследователей стало настоящим праздником, когда они увидели, как эта самка по-матерински оттирает приемыша от лодки. Спрингер жива до сих пор и недавно сама стала матерью.

Получается, что даже члена собственной семьи, отсутствовавшего всего несколько месяцев, косатки приняли не сразу. На что же рассчитывали спасители, затеявшие кампанию по выпуску в природу косатки Кейко, отловленного в Исландии в возрасте двух-трех лет и всю свою сознательную жизнь проведшего в океанариуме? Кейко – актер, исполнявший роль Вилли в нашумевшем детском блокбастере «Освободите Вилли». Когда продюсеры искали косатку на эту роль, все крупные океанариумы отказали им, едва узнав, что в сценарии содержание в неволе выставляется в неприглядном свете. Киношники обратились к Эриху Хойту, и тот вспомнил об одиноком самце косатки, много лет маявшемся в крошечном бассейне мексиканского дельфинария.

Это стало поворотным моментом в судьбе Кейко. Фильм вызвал такой отклик, что организовалась целая кампания за его возвращение в природу. Худшего кандидата на выпуск трудно было придумать – разве что косатки, родившиеся в неволе, могли бы конкурировать с ним за это звание. Кейко был отловлен в Исландии в совсем юном возрасте и вырос в тесном бассейне, он не умел ни охотиться, ни общаться, а это ключевые навыки для любой дикой косатки. Но общественности нет дела до рациональных аргументов – средства были собраны, на них Кейко выкупили, оборудовали большой морской загон и наняли экспертов, которые учили его быть дикой косаткой. Прежде всего они научили его ловить живую рыбу, но, как выяснилось, бытие дикой косаткой этим не ограничивается. Когда его привезли на родину, в Исландию, и за маленьким суденышком стали выводить в море к сородичам, выяснилось, что он совершенно не представляет, как общаться с этими монстрами. Его робкая попытка присоединиться к ним была встречена без энтузиазма – что там у них произошло под водой, доподлинно неизвестно, но больше попыток приблизиться к собратьям Кейко не предпринимал. В расстроенных чувствах он уплыл от своих опекунов в открытое море и примерно за месяц прошел от Исландии до Норвегии. Когда его увидели в норвежском фьорде, он не выглядел истощенным – очевидно, ловлю рыбы Кейко вполне освоил и был способен поддерживать себя физически, но вот психологически он оставался зависим от человека – этаким Маугли наоборот. В Норвегии он сразу же выплыл к людям и стал активно искать контакта с ними. Некоторое время его опекали там, не зная,

что с ним делать, а потом он умер от пневмонии.

Хотя выпуск Кейко был очевидным фиаско, зоозащитники тем не менее считают его успехом и часто приводят в пример – с их точки зрения, тот факт, что Кейко смог сам научиться ловить рыбу, уже говорит о его возвращении в природу. К сожалению, для косаток с их тесными социальными связями выпуск одинокого животного, долго прожившего в дельфинарии, – это почти всегда провал. Несмотря на это, активисты до сих пор требуют выпустить на свободу косатку Лолиту из популяции южных резидентов, одиноко доживающую свои дни в океанариуме Майями, и норвежскую косатку Морган, содержащуюся в Лоро-парке на Тенерифе.

История Морган вообще довольно интересна. В июне 2010 года ее нашли маленьким детенышем на пляже в Голландии истощенной и умирающей и поместили в дельфинарий города Хардервейка. Выглядела она плохо, и на успешный исход никто особо не надеялся, но, на удивление, в бассейне Морган вскоре почувствовала себя лучше и начала набирать вес. Вскоре после того, как она пришла в норму, активисты стали требовать выпустить ее на свободу. Возглавила это движение Ингрид Виссер из Новой Зеландии. Ингрид когда-то довольно активно изучала новозеландских косаток и даже защитила на эту тему диссертацию и опубликовала несколько статей. Но со временем стремление к публичному признанию победило в ней любопытство ученого. Сначала она искала известности, снимаясь в научно-популярных фильмах, публикуя автобиографию и давая женским журналам интервью под скромным прозвищем Принцесса китов, но потом нашла себя в движении против дельфинариев.

Ингрид и ее единомышленники организовали кампанию под названием “Free Morgan”, требуя выпустить в море одинокого маленького детеныша косатки. К тому времени ученые по репертуару звуков Морган установили, что она относится к норвежской популяции. К сожалению, определить ее семью, как это сделали со Спрингер, было невозможно – норвежские косатки пока еще плохо изучены, и отдельные семьи с их диалектами почти не описаны. Все, что мои коллеги из Сент-Эндрюсского университета смогли сообщить команде активистов, – это то, что Морган родом откуда-то из Норвегии. Но Ингрид и ее товарищей это не смутило – они без тени сомнения начали врать в своих публичных заявлениях, что семья Морган найдена и дело за малым – вернуть ее туда. Тут еще есть такой нюанс, что распределение норвежских косаток довольно изменчиво, так как следует за распределением стад зимующей сельди, и даже если бы действительно удалось установить, к какой семье относится Морган, на ее поиски мог бы уйти не один год. Тем не менее кампания “Free Morgan” набирала обороты, щедро финансируемая добрыми и эмоциональными сторонниками, которые верили всем заявлениям Ингрид и ее команды и не жалели средств, чтобы «вернуть маленькую косатку в семью».

Через некоторое время дельфинарий Хардервейка договорился о передаче Морган в Лоро-парк на Тенерифе, где уже содержалось несколько косаток, родившихся в неволе. Ее приняли там не сразу – косатки отнюдь не добродушные морские панды, какими их представляют себе фанаты, и маленькую Морган поначалу шпыняли и кусали, но со временем она влилась в коллектив. И вот тут-то выяснилось одно интересное обстоятельство – Морган оказалась глухой. Сначала это обнаружили тренеры, а потом подтвердили ученые с помощью метода вызванных потенциалов: на кожу головы животного крепятся присоски-электроды, регистрирующие потенциал, который возникает в слуховом нерве, когда животное слышит звук. Скорее всего, именно глухота послужила причиной того, что Морган отбилась от семьи и, одинокая и умирающая, выбросилась на берег в Голландии. Но, очевидно, глухой она была не с рождения, так как успела выучить репертуар криков своей семьи.

Новость о глухоте Морган прозвучала как гром среди ясного неба для португальского студента по имени Мигел – моего коллеги по лаборатории в Сент-Эндрюсском университете, где я в тот момент работала. Мигел писал магистерскую диссертацию по акустическому репертуару Морган, и предполагалось, что основной упор в исследовании будет сделан на вокальное

обучение – освоит ли она какие-то звуки из репертуара местных косаток после того, как попадет в Лоро-парк. К тому моменту Мигел как раз завершил анализ записей ее звуков, сделанных в Хардверейке, и собирался ехать в Лоро-парк за новыми. Когда в лабораторию пришла новость о глухоте Морган, Мигел стал известен в университете как «единственный в мире студент, изучающий вокальное обучение глухой косатки».

Впрочем, диссертацию Мигел все-таки защитил, сместив акценты на описание разнообразия репертуара Морган и комбинаторные типы звуков, которые характерны для норвежских косаток, но редки в других популяциях. А вот активисты кампании “Free Morgan” продолжали стоять на своем – освободить ее, и хоть ты тресни. Глухая косатка в океане – это как слепой человек в лесу, ведь слух для этих животных – основной канал передачи информации, и даже ориентируются они в значительной степени с помощью эхолокации – щелчков, отраженных от различных препятствий. Это понимала даже Ингрид, поэтому факт глухоты Морган активисты сначала замалчивали, а потом стали отрицать, заявляя, что это просто зловредные слухи.

Справедливости ради стоит сказать, что такой подход характерен не только для антидельфинарщиков, он вообще распространен среди активистов. Один весьма уважаемый и заслуженный работник известной природоохранной организации как-то раз кратко и емко сформулировал его суть следующим образом: «Мы не имеем права признавать свои ошибки».

Современная природоохранная деятельность – это не отмывание птиц от нефти, не ловля браконьеров и не спасение китов из сетей. Это прежде всего политика. Для того чтобы эффективно работать в условиях существующей реальности, необходимо уметь пользоваться теми же методами, что и оппоненты. Большинство активистов приходят в эту область из стремления изменить мир к лучшему, но чистый идеалист, полный благих намерений, не знает, как их реализовать. Если он хочет этому научиться, ему нужно понять, как работает этот мир, и приспособиться к его идиотским законам. Чем успешнее человек это делает, тем больше у него возможностей что-то изменить, но меняется и он сам. Мало кому удастся чего-то добиться, не растеряв часть своих идеалов, и, как правило, чем большего человек смог достичь, тем меньше идеалов он сохранил. Поэтому у того, кто хочет бороться, например, за охрану природы, по большому счету есть два пути: остаться чистым и честным и ограничить свое влияние посадкой деревьев и подписанием петиций в Фейсбуке либо стать профессиональным природоохранным политиком, который заботится не столько о природе, сколько о стратегической правильности решений с точки зрения источников финансирования.

Правда, это тоже работает далеко не всегда: организации, которые подвергаются нападкам активистов, имеют свои защитные механизмы. Поэтому Морган до сих пор остается в Лоро-парке и даже недавно родила дочь, получившую имя Ула. Для океанариумов Морган очень ценна тем, что не является родственницей остальным косаткам, содержащимся в неволе. За годы, прошедшие с запрета отловов в США, Канаде и Исландии, происходящие оттуда косатки успели многократно перемешаться в океанариумах, и сейчас большинство животных второго и третьего поколений в той или иной степени родственны друг другу. Морган для Лоро-парка – «свежая кровь», которая дает надежду на успешное продолжение программы размножения косаток в неволе, чтобы наплодить еще больше черно-белых Маугли для развлечения публики и выкачивания денег из ее карманов.

Карагинский квест

Будучи канадцем американского происхождения, в работе с русскими я усвоил одно: что бы вы ни предложили – идею или способ сделать что-то, – они, скорее всего, тут же нахмурятся и назовут миллион причин, по которым это не сработает.

Когда меня спрашивают, что самое трудное в полевой работе, я без колебаний отвечаю: логистика. Не жизнь вдали от цивилизации, не холод и сырость, не отсутствие душа и интернета и даже не (весьма иллюзорная) опасность быть съеденным или покалеченным объектами исследований, а вот эта вот вечная необходимость организовывать перемещение людей и оборудования из пункта А в пункт Б делает экспедиционную работу такой тяжелой и изматывающей. Представьте, что раз в полгода вам приходится упаковывать все свое добро и перевозить на новое место. Представили? А теперь представьте, что дорог и сухопутного транспортного сообщения между пунктами А и Б нет, и вам каждый раз приходится подгадывать, когда туда выйдет судно, и лично договариваться о перевозке вашего груза.

История эта началась с того, что мы очень захотели попасть на остров Карагинский. Авачинский залив уже порядком поднадоел нам, хотелось новых косаток и новых горизонтов. В рейсе 2002 года Карагинский залив запомнился нам тихой солнечной погодой, спокойной, «как в ложке», водой и обилием косаток, но провели мы там до обидного мало времени – всего-то пару дней. Много лет мы вынашивали планы, как бы добраться туда и поработать хотя бы месяц. Наконец в августе 2008 года мы начали реализовывать программу по освоению Карагинского.

В организации подобных экспедиций есть два основных этапа. Первый – добраться до населенного пункта, расположенного неподалеку от предполагаемого места работы. Поскольку между населенными пунктами, как правило, хоть иногда курсирует какой-то транспорт, то перемещение осуществляется его силами. Это значительно дешевле, чем нанимать специальное судно, но влечет за собой массу разнообразных последствий.

Второй этап – из этого населенного пункта добраться до собственно места исследований. Точнее, до места расположения полевого лагеря, потому что место исследований-то у нас находится в море, но пребывать там круглосуточно, не имея достаточно большого плавсредства, увы, невозможно. В принципе, при большом желании можно работать и из населенного пункта. Но, как правило, населенные пункты находятся не в самых хороших для работы местах, к тому же жить там гораздо дороже, чем в полевом лагере, и возникает много дополнительных трудностей – например, где оставлять лодку и бензин.

В случае с Карагинским заливом роль перевалочного пункта играл поселок Оссора – местный административный центр. По камчатским меркам это довольно большое селение – около 2000 жителей, имеющее регулярное сообщение с городом по воздуху и по морю. Самолет нам не подходил – во-первых, дорого, во-вторых, груз все равно нужно отправлять морем, а подгадать так, чтобы прилететь прямо к приходу судна, в условиях камчатской действительности почти невозможно. Кроме того, у нас была надежда, что капитан согласится высадить нас без захода в Оссору прямо на остров, что сэкономило бы массу времени, сил и денег.

Бурдин, поначалу смотревший на все это с долей здорового скептицизма, в итоге все-таки заразился нашим энтузиазмом и даже сам решил отправиться с нами. Правда, сразу поехать он не смог и собирался догнать нас через пару недель. Александр Михайлович всегда гордился своими обширными связями, и в Оссоре у него тоже оказался знакомый – сокурсник по Кировскому охотоведческому Василий Пермяков, работавший в местном рыбнадзоре. В телефонном разговоре Пермяков выразил готовность встретить нас, найти жилье и место для хранения оборудования и договориться насчет заброски на остров. Впрочем, мы искренне надеялись, что все это не понадобится, поскольку уже договорились с капитаном

идушего в Оссору ПТР (приемно-транспортного рефрижератора), что он выгрузит нас прямо на острове.

Пэтээр – небольшое суденышко, большую часть которого занимают трюмы с грузом. Часть груза едет на палубе, причем на Камчатке пэтээры нередко нагружают так, что ватерлиния уходит на метр-полтора под воду. Изначально они предназначались для перегрузки и перевозки рыбной продукции с судна на судно или на берег при работе больших рыболовецких флотилий, но с приходом на Дальний Восток постсоветской разрухи на какое-то время пэтээры стали едва ли не главным морским транспортом. Из города на них везли по поселкам продукты, автомобили и что угодно еще (однажды даже пришлось видеть на верхнем мостике овцу и пару тонн сена в придачу). В обратный рейс они загружались икрой и рыбой, а по случаю и цветметом. За верткость и предприимчивость команд, а также за способность самостоятельно загрузиться и разгрузиться пэтээры на Камчатке прозвали «воровайками». Пассажиров на такие суда официально брать запрещалось, так как не было условий для их перевозки – достаточного количества спасательных средств, а зачастую и просто спальных мест. Но летать самолетом – дорогое удовольствие с непредсказуемым результатом, поэтому многие старались добраться на грузовых судах нелегальными пассажирами.

Лишних кают на судне не оказалось, так что нам предложили ехать в кают-компанию – комнатухе размером с кухню, большую часть которой занимал стол на шесть – восемь человек. За этим столом нам предстояло провести ближайшие три дня, за исключением тех моментов, когда у команды был завтрак, обед, полдник или ужин, – на это время нам приходилось выбираться наружу и торчать наверху, прячась от холодного ветра за рубку. Ночью двое из нас – Женя Лазарева и Саша Волков – спали на скамьях, каждая из которых была чуть поуже и покороче полки в плацкарте, а двое других (мы с Иваном Федутиним) – на полу под дверями кают стармеха и старпома, открывавшихся прямо в кают-компанию. Вахта стармеха приходилась как раз на ночь, так что он постоянно спотыкался о наши сонные тела и путался тапочками в спальниках.

Но хуже всего был телевизор. Свободные от вахты члены экипажа приходили в кают-компанию посмотреть какое-нибудь кино и поиграть в нарды. Выбор фильмов у них был небогатый и подобранный под вкус аудитории, поэтому целыми днями нам приходилось смотреть жесткое рубливо пополам с сюрреалистическим трэшем.

Отдельного упоминания заслуживает устройство галюна. Я не знаю, кто проектировал суда типа ПТР и из каких соображений он решил сделать вход в галюн снаружи. Возможно, он заботился о том, чтобы запах не проникал в жилые помещения. Но в результате при любой мало-мальской волне поход в галюн превращался в настоящее приключение. Волна жизнерадостно хлестала в шпигаты и заливала страждущего в лучшем случае по колено, а нередко и целиком.

Уже на второй день пути стало ясно, что к Карагинскому мы подойдем ночью. Ждать ради нас утра никто, естественно, не собирался. Посоветовавшись, мы решили все-таки попробовать выгрузиться в темноте, так как идти в Оссору никому не хотелось.

На третий день мы прошли мыс Озерной, и на горизонте показался остров Карагинский. Ближе к вечеру нас позвали на мостик – вахтенные заметили впереди несколько китов. Это оказались горбачи, но мы никак не рассчитывали на такую встречу, и все наши фотоаппараты были тщательно упакованы и заложены в груду барахла, распаханного в щелях между контейнерами на палубе. Проявив чудеса акробатики, Женя все-таки умудрилась достать фотоаппарат и успела отснять хвост одного из китов. Мы посчитали это добрым предзнаменованием. И ошиблись.

На закате начал подниматься ветер, крепнувший по мере приближения к острову. Мы сидели в кают-компании, с тревогой ощущая усиливающуюся качку. Когда глубокой ночью судно подошло к перешейку, на который планировалась высадка,

стало ясно, что ничего не выйдет. Ветер разыгрался не на шутку, вдоль бортов катились частые острые волны с пенистыми гребнями. В такую погоду даже простой выход на лодке был бы опасным мероприятием, а уж о разгрузке и вовсе не могло быть и речи.

Следующее утро мы встретили на пирсе поселка Оссора. Ветер продолжал задувать, небо затянуло плотными облаками, а окружающие постройки выглядели угрюмо и негостеприимно. Мы стали звонить Василию Пермякову. Мобильный оказался недоступен, а по домашнему жена объяснила, что он уехал на охоту и вернется, возможно, завтра. Или послезавтра.

Делать было нечего – мы пошли в Оссору искать альтернативные выходы из ситуации. В поселке была гостиница, но цены в ней оказались слишком высоки для нашего экспедиционного бюджета, к тому же это не решало проблему, куда девать оборудование, продукты и бочки с бензином.

Мы решили зайти к жене Пермякова, чтобы объяснить ей ситуацию и спросить, нельзя ли воспользоваться их гаражом в качестве склада. Она встретила нас вежливо и сочувственно и даже напоила чаем с бутербродами, но видно было, что мы и наши проблемы ей сейчас совершенно неинтересны. И все-таки именно она нашла для нас выход из ситуации. В попытке решить вопрос со складом она позвонила человеку со странным именем Аттила. Выяснилось, что склад есть, и вскоре на большом кузовном джипе подъехал сам Аттила. Он быстро и деловито организовал разгрузку нашего барахла и на взявшемся неизвестно откуда тракторе отвез его в большой полупустой ангар. Когда погрузка-разгрузка была закончена, Аттила спросил, где мы остановились.

– Нигде, – честно ответили мы и рассказали свою печальную историю.

Аттила окинул нас внимательным взглядом, быстро переговорил с кем-то по телефону и кивнул в сторону джипа:

– Поехали. Будете жить у нас.

Оказалось, что он не местный житель, а рыбинспектор из Петропавловска, вдвоем с напарником командированный на лето в поселок для надзора за рыбным промыслом. Их история покорения Оссоры началась так же бесславно, как и наша. Сойдя с самолета и сравнив командировочные с ценами на гостиницу и еду, они поняли, что попали. Но ребята не растерялись и быстро взяли в оборот местных рыбопромышленников, выбив себе квартиру и бесплатную кормежку на рыбзаводе. Квартира была двухкомнатной – в одной комнате жили Аттила со вторым инспектором Сергеем и телевизором, а в другой предложили разместиться нам. Когда мы спросили о владельцах квартиры, ребята то ли в шутку, то ли всерьез ответили, что хозяйку забрали в рабство. Что это значит, мы на всякий случай решили не выяснять.

Наши гостеприимные хозяева представляли собой колоритнейшую парочку российских госслужащих – венгр и кореец, они постоянно подшучивали над происхождением друг друга и спорили, кто из них более русский. Когда они не разъезжали на своем джипе по округе в поисках нарушителей, то большую часть времени смотрели телевизор. Особой популярностью пользовался телесериал «Ко мне, Мухтар!», который они смотрели уже в третий раз и выучили наизусть. Во время просмотра Аттила и Сергей язвительно комментировали действия персонажей и наперегонки с теми озвучивали реплики и диалоги.

Немного освоившись и разобравшись, что к чему, мы стали искать способы заброски на Карагинский. Эта часть наших приключений больше всего напоминала компьютерную игру-квест, когда в незнакомом городе неизвестным способом нужно найти человека, который поможет достичь желаемой цели. Декорации, на фоне которых разворачивался наш квест, придавали всему действию особый колорит. Оссора удивительным образом сочетает в себе провинциальную безблагодатность среднерусской глубинки с казенной эстетикой северных

поселений бывшего СССР и беспощадной практичностью рыболовецкого порта. Частные домики с кружевными занавесками в стиле колхозной деревни соседствуют с уродливыми сооружениями из силикатного кирпича и многочисленными складами, ангарами и помещениями для обработки рыбы, в изобилии пересыпанными скелетами давно умершей и ржавеющей на ветру техники – от деталей сельскохозяйственных машин до рыболовных сейнеров. Дополняют пейзаж меланхоличные коровы, пасущиеся в сквере с остатками советских скульптур, и бесчисленные джипы разных марок, мастей и степеней сохранности, одинаково заляпанные грязью в результате передвижения по тому, что за неимением лучшего здесь принято считать дорогами.

В поисках человека, который позволит нам перейти на следующий уровень нашего квеста, мы пообщались с вернувшимся с охоты и протрезвевшим Пермьяковым, с другим местным рыбинспектором, с несколькими рыбаками и даже с корреспондентом местной газеты. Все они высказывали сомнения в реалистичности нашей затеи, и единственный разумный совет, который они смогли нам дать, – обратиться к главе села Карага Валерию Анатольевичу Кудашову, у которого на острове летом живут жена и дети. Аттила и Сергей, взявшиеся помочь решать наши идиотские проблемы, отвезли нас в Карагу на своем джипе.

Валерий Анатольевич принял нас в кабинете – грязные и запыленные, в мешковатых туристических штанах и потертых флисках, мы чувствовали себя чужими в этой официальной обстановке. Но все прошло на удивление гладко: Кудашов с ходу предложил нам помочь в заброске на остров – перевезти наши вещи на моторных лодках, на нашей и на его собственной. Выяснилось, что он регулярно ходит на моторке через пролив, и по хорошей погоде это вполне реально.

На следующий день мы приехали в Карагу со всем своим скарбом. Найти машину для перевозки тоже оказалось делом непростым – ведь нужен был грузовик, а знакомых с грузовиком у нас в Оссоре еще не завелось. Тут снова пригодились Женины коммуникативные способности – она каким-то образом достала нам грузовик, просто спрашивая людей на улице.

Пока мы ехали по пыльной дороге из Оссоры в Карагу, шофер Евгений развлекал нас местными байками. Узнав, что мы изучаем косаток, он немедленно поделился своими «традиционными экологическими знаниями» об этом виде морских млекопитающих.

– Я косаток хлебом кормил, – рассказывал он. – Раз иду на катере, и тут косатка к борту подходит, рот разевает. Я ей туда буханку хлеба – рраз! Проглотила. Я еще одну – рраз! Проглотила.

Мы вежливо посмеялись остроумию водителя – таких баек слышать нам еще не доводилось. С годами работы на Дальнем Востоке мне стало понятно, откуда взялись многие странные факты из жизни китообразных, описанные в научной литературе советского периода.

Погода была нелетная, и Валерий Анатольевич предложил нам переночевать в его доме, так как жена с детьми как раз была на Карагинском и дом стоял пустой. Перед сном он свозил нас посмотреть местную достопримечательность – свалку рыбных отходов, на которую по ночам собираются медведи. Местные жители приезжают туда вечерами на своих джипах полюбоваться на диких зверей, как в каком-нибудь национальном парке в Штатах.

На следующий день погода тоже была не очень, но мы решили идти. Собрали лодку, дождались, когда подойдет «Прогресс» коряка Антона – родственника жены Кудашова, и двумя лодками пошли через пролив. Дорога была непростая, но дошли без приключений, не считая треснувшего под весом бочки с бензином пайола нашего «Зодиака». На том берегу, следуя за «Прогрессом», мы зашли в устье небольшой речки и оказались в поселке Ягодное – точнее, в том, что от него

осталось. Когда-то там было несколько десятков домов и несколько сотен жителей, но к концу 2000-х сохранились всего два жилых дома, баня и сарай. В одном доме жила жена Кудашова с двумя сыновьями – семилетним Русланом и пятилетним Янеком. Развлечений на острове было немного, поэтому дети приветствовали нас и нашу кучу вещей с восторгом соскучившихся щенков. Главный вопрос, который они задавали нам каждую минуту, показывая на тот или иной предмет, – «Это у кого?». Имелось в виду, кто хозяин предмета. Мы быстро поняли, почему Валерий Анатольевич так легко согласился принять нас в своем доме. Дети радовались нам, как новым игрушкам, а их мама с гордостью рассказывала, что до нас тут были энтомологи, и мальчики ходили с ними на экскурсии ловить бабочек.

К счастью, общество детей на работе нам не грозило – все-таки в море их брать никто не собирался. Но в поселке они непрерывно крутились рядом. Чтобы как-то отвлечь их и хоть немного отдохнуть, мы ставили им мультики, кормили сгущенкой и придумывали разные нелепые отговорки. В то же время, когда они отвлекались от нас и начинали заниматься своими делами, наблюдать за ними было довольно интересно. Братья были полной противоположностью друг другу. Янек, хотя ему было уже пять лет, не умел сморкаться и завязывать шнурки. Руслан, хотя ему было всего семь лет, самостоятельно плавал на маленькой надувной лодочке по речной заводи, умело управлялся с веслами и ловил камбалу с помощью тяпки.

В Ягодном нам выделили отличный дом с несколькими комнатами, где без труда разместились мы сами и весь наш скарб (что случается не так уж часто в нашей полевой жизни). На следующий день, собрав оборудование, после обеда мы вышли в море. Где искать косаток, мы слабо себе представляли – до этого нам доводилось работать в районах, где глубины уходят на сотню метров уже в нескольких километрах от береговой линии, и в таких местах косатки обычно идут вдоль берега и встретить их довольно легко. А вот в проливе Литке между островом Карагинским и Камчаткой по всей его ширине глубина почти нигде не превышает 50 метров, и косатки могут оказаться где угодно. Поначалу мы прочесывали акваторию галсами и даже высаживались на берег, чтобы посмотреть сверху. Пройдя за день больше сотни километров, на обратном пути, уже на подходе к Ягодному, в сумерках мы встретили наконец группу косаток. Для фотографий было уже слишком темно, поэтому мы смогли только записать немного звуков. В лагерь вернулись в кромешной тьме в половине одиннадцатого ночи.

На следующий день мы сразу ушли подальше от берега, в район мыса Семенова – это такая длинная песчаная коса, которая отходит на запад от середины острова Карагинского и тянется в пролив километров на 15. Через некоторое время мы нашли там косаток и довольно продуктивно поработали, дойдя за ними до самой середины пролива.

В последующие дни удача нам изменила – то не было погоды, то не встречали косаток, так что получилось лишь немного поработать с горбачами. В последний день августа в Оссору наконец прилетел Александр Михайлович, и мы привезли его в Ягодное на лодке. Он с энтузиазмом включился в работу, и на следующий же день мы нашли скопление из десятка горбачей, которых удалось неплохо отснять и взять пробы. А затем началось самое «интересное».

Когда я вспоминаю самые экстремальные моменты нашей работы на Дальнем Востоке, на первом месте всегда стоит Карагинский. Пролив Литке вообще известен своим коварством из-за сильных приливно-отливных течений и частых сулоев, так что даже большие суда иногда попадают там в западню. Мы на своей маленькой лодочке старались не ходить в море в непогоду, но и сидеть на берегу, зная, что до отъезда осталась всего неделя, было нелегко. Самое обидное, что ветер обычно поднимался к обеду и стихал к вечеру, когда выходить было уже поздно, а ночью вообще часто стоял полный штиль. Устав ждать погоды, Александр Михайлович решил с южным ветром пройти на север до речки Маркеловской, а вернуться вечером, когда ветер стихнет. Но он не стих, а даже, наоборот, усилился. Делать было нечего, и пришлось возвращаться 50 километров против сильной волны. Сначала все шло не так плохо, мы двигались вдоль берега, где волна была чуть пониже. Но на пути у нас лежала коса Семенова, которую необходимо было

обогнуть. Уже в сумерках мы вышли из-за косы навстречу ветру, и вот там-то нас встретили огромные волны, разогнавшиеся на просторах пролива Литке и усиленные течением и мелководьем. Кажется, никогда больше мне не было так страшно на море. Лодка взбиралась на каждую новую волну, как на гору, и казалось, что она вот-вот опрокинется. Кое-как проползли мы пару километров вокруг оконечности косы и двинулись к берегу, где волна была поменьше. Ровно в этот момент в баке стал кончаться бензин, а если бы мотор заглох, то лодку мгновенно поставило бы «лагом» к волне и, вполне возможно, перевернуло бы. Совместными усилиями, держа канистру на весу, мы долили бензин через трубку, не прерывая движения. Но при заходе в речку нас ждало новое приключение. Был сильный отлив, встречное течение в устье усилилось, и накатывающиеся на берег волны на мелководье превращались в пенистые бары. Зайти в устье на моторе, как обычно, у нас не получилось – было слишком мелко, к тому же в темноте мы не видели фарватер. Пришлось вылезти из лодки и тащить ее волоком в устье вверх по течению – а из-за наката ее залило водой по самые борта, «пеликаны» и бензобак свободно плавали по ней туда-сюда, и толкать эту тяжесть против течения даже впятером было невозможно. В конце концов Ваня завел мотор, и совместными усилиями мотора и людей лодку провели через устье до отмели, где уже отчерпали воду и погрузились обратно. Во всем этом был один плюс – мы согрелись, хотя и промокли насквозь.

На следующий день была прекрасная солнечная погода, мы сушили и разбирали лодку, в которую при штурме устья набилось много песка. Еще через день мы все же вышли в море, решив на этот раз сразу идти на юг, чтобы вечером быстро вернуться по волне. Но вышло все иначе. В 60 километрах от дома, возле южной оконечности острова, у нас отказал мотор: стартер работал, но искры не было. Не появилась она и после замены свечей и предохранителей, и найти поломку на воде было нереально – сложный четырехтактный мотор имел немало слабых мест, проверять которые мы не имели ни времени, ни возможности. Запасного мотора у нас с собой в тот раз не было – когда мы обсуждали еще в Петропавловске, какой мотор взять запасным, Александр Михайлович уверенно сказал: «Что вы, ребята, это очень надежный мотор, я работал на нем много лет и уверен в нем, так что не берите запасной, это лишний груз». Впрочем, впоследствии выяснилось, что он был не так уж и неправ, – поломка, из-за которой не заводился мотор, произошла из-за того, что при штурме устья реки два дня назад залило водой замок ключа зажигания, и там замкнуло контакты. Не будь первого приключения, не случилось бы и второго. Так или иначе, тогда мы не знали об этом, и нам оставалось только грести к берегу. Стоило нам добраться до него, как опустился туман и стал задывать встречный ветерок. Грести на плоскодонном «Зодиаке» и так непросто, а против ветра и подавно, поэтому мы стали тянуть его волоком, меняясь через каждый километр, – один человек шел вдоль кромки воды и тянул веревку, второй в это время пытался отдышаться, остальные в лодке гребли, чтобы ее не притянуло к берегу. Бурдин в свою вахту не только тянул бечеву, но и громко пел веселые песни пионерской молодости. Конечно, шансов добраться таким образом до Ягодного у нас не было – слишком далеко, да и берег не везде проходим. Единственная надежда была на гипотетических маячников, которые вроде бы должны были жить неподалеку, километрах в пятнадцати.

Уже к вечеру, в сумерках, мы добрались до цистерн на берегу, от которых к маяку шла наезженная грунтовка. Погода портилась основательно, заморосило, подходил циклон. Мы вытащили лодку, спрятали ее в ложбине и развели костер, чтобы согреться и просушить мокрые и соленные костюмы. Двоих самых молодых и безответных членов экспедиции – Сашу и Женю – отправили пешком на маяк за помощью. Дорога там не особенно длинная – около пяти километров, но в тяжелых болотных сапогах ходится медленно, так что была уже совсем ночь, когда мы увидели вдалеке свет фар и услышали приближающееся урчание грузовика.

Оказалось, что на маяке в тот момент жила супружеская пара маячников с маленькой кудлатой собачкой и десятком кошек. Собачка-то и помогла нам обрести достойный ночлег, потому что к тому моменту, как пришли наши гонцы, маячники уже погасили свет и легли спать, и едва ли в темноте ребята смогли бы

их отыскать, если бы не звонкий собачий лай. Маячник Анатолий проникся серьезностью ситуации и поехал спасать нас на машине, оказавшейся при ближайшем рассмотрении не грузовиком, а автоцистерной для перевозки дизеля к маяку из берегового хранилища. Цистерна была мало приспособлена к перевозке пассажиров, так что мы набились в кабину, как селедки в бочку, и в таком виде преодолели несколько километров, отделявшие нас от маячного поселения.

Жена Анатолия уже ждала нас за накрытым столом. После дня гребли на холодном ветру казалось, что мы попали в рай. Хозяйка, соскучившаяся по человеческому обществу, расспрашивала нас и рассказывала о своей жизни. Оказалось, что они живут здесь уже лет пятнадцать почти безвылазно, но в следующем году как раз собрались уезжать и покупать квартиру в Петропавловске-Камчатском. Работа маячника, как выяснилось, довольно-таки выгодное дело, если вас не смущает перспектива круглогодично торчать вдвоем в заброшенном поселке в отрыве от цивилизации и самостоятельно заниматься жизнеобеспечением: возить уголь и соляру с берега, пилить дрова, чинить дизель-генератор. Все необходимое им завозили гидрографические суда, а зарплата, довольно неплохая даже по камчатским меркам, копилась на счетах, так как тратить ее на острове было решительно не на что и негде. Самое забавное, что маяк давно уже не работал, но это никого не беспокоило, так как никому он там не был нужен: у всех судов давно стояли спутниковые навигаторы, и даже нечасто добиравшиеся на маломерных лодках до этой части острова местные жители к тому времени научились пользоваться GPS. Но маячников в поселке продолжали держать, снабжать и платить им зарплату, поскольку уменьшение количества обслуживаемых маячных постов неизбежно привело бы к снижению госфинансирования, выделяемого гидрографической службе, а этого ее начальство никак не могло допустить.

Накормив нас и обогрев, наши спасители отвели нас на ночевку в отдельную квартиру. Дом, где они жили, представлял собой двухэтажный барак с двумя подъездами и четырьмя квартирами на каждом этаже. Одну из квартир на своем этаже Анатолий целиком переделал под баню, в другой – бывшем ленинском уголке со множеством книг – жил десяток кошек, еще несколько квартир стояли с выбитыми окнами и прогнившей крышей, но было несколько сухих и относительно сохранных, в такую нас и поселили.

Утром, пока Бурдин по спутниковому пытался договориться, чтобы кто-то забрал нас с маяка и довез до Ягодного, мы обследовали то, что осталось от маячного поселка. Вид был колоритный, в этих декорациях вполне можно было бы снять какой-нибудь постапокалиптический блокбастер. Повсюду наблюдались следы былого величия империи: ржавые останки циклопических антенн, склады, забитые вперемешку запчастями и мусором, трижды устаревшие ламповые приборы неясного назначения, горы бочек. Рядом с обшарпанным желтым баракком тянулся длинный полуразрушенный сарай с остатками оборудования, а вокруг простиралась тундра, более или менее равномерно заполненная ржавыми скелетами старой советской техники – вездеходов, грузовиков, снегоходов и даже одного неведомо как попавшего на этот край света старенького ЛуАЗа без стекол, но еще с остатками краски на корпусе. Дальше в тундре виднелись еще несколько заброшенных зданий и три огромные, уходящие в небо радиомачты высотой 140 метров, расположенные в ряд вдоль перешейки на расстоянии около двух с половиной километров друг от друга. Когда и зачем их построили, неизвестно, но все они были давно заброшены, а маленькие будки с оборудованием у подножия каждой антенны разграблены охотниками за цветным металлом.

На следующий день циклон ослаб, все дрова на маяке были переколоты и уложены в ленинской комнате, и заняться было уже решительно нечем. Мы снова попытались вызвать какую-то помощь, чтобы добраться до Ягодного, но безуспешно. Кудашов пообещал послать к нам кого-то, если представится возможность, а окрестные рыболовные суда на вызовы по рации не отвечали. Ближе к обеду маячник собрался на своей автоцистерне съездить к морю, чтобы проверить поставленную там рыболовную сеть, и позвал нас с Женей составить ему компанию, а заодно проверить нашу лодку, спрятанную на берегу. Едва мы

выехали на пляж, как заметили поодаль, метрах в пятистах, небольшую мэрээску, уткнувшуюся носом в берег. Женя сразу же сделала на нее стойку – у нее уже два дня как закончились сигареты, а на маяке никто не курил, поэтому первая мысль, которая возникла у нее при виде суденышка, – что у матросов-то уж точно должен быть табак. Анатолий остался выбирать сеть, а мы пошли к мэрээске. Матросы поначалу вели себя как-то странно – посмотрели на нас издали, засуетились, подняли трап и попрятались в рубке. Когда мы дошли до судна и встали прямо напротив него на берегу, игнорировать нас, видимо, стало совсем уж неудобно, поэтому они опасливо выбрались на палубу. Впрочем, услышав про сигареты, они сразу же расслабились и стали заметно приветливее. Выяснилось, что они пропьянствовали в море две недели и, совсем уже одурев от водки, решили выбраться на сушу, чтобы «подышать». Часть команды на дрожащих ногах расползлась по тундре – дышать и по грибы, а те, что остались, были на стреме, опасаясь наткнуться на пограничников. Остров был погранзоной, и для высадки на берег требовалось разрешение. Поняв, что бояться нечего, они снова скинули в воду трап и позвали нас на борт. До трапа, по которому можно было залезть на нос судна, мы дошли по воде с трудом, раскатав болотники как можно выше – вплотную к берегу мэрээска подойти не могла. На палубе Женя обрела желанные сигареты и немедленно закурила. Мы рассказали похмельным рыбакам свою невеселую историю и спросили между делом, не могут ли они случайно подбросить нас до Ягодного за умеренную плату. «Да без проблем», – ответили ребята.

Маячники, по-моему, даже немного расстроились из-за нашего скорого отбытия. Мы обменялись контактами, поблагодарили гостеприимных хозяев, и Анатолий отвез нас на автоцистерне обратно на пляж, где мэрээска все еще ждала гулявших по берегу членов своей команды. Мы погрузили на борт «пеликаны», привязали «Зодиак» сзади судна, дождались рыбаков с грибами и стартовали в сторону Ягодного. Расстояние, которое за эти полтора дня стало казаться нам почти непреодолимым, мы прошли часа за два, напротив Ягодного перегрузились в лодку и без проблем добрались на веслах до берега.

На этом наш карагинский квест бесславно завершился, но такие, как мы, не понимают с первого раза, поэтому на следующий год было решено снова попытаться счастья на Карагинском.

На этот раз мы подошли к делу более основательно. Чтобы не застрять опять в Оссоре, мы сразу договорились с судном (это тоже был пэтээр, но уже другой), что нас выгрузят в поселке маячников. Это место нам показалось более перспективным для работы, чем Ягодное, так как находилось с внешней, океанической стороны острова, шельф там поуже, и в целом мы решили, что косаток там встретить должно быть проще. К тому же там не было детей.

Наши спасители Анатолий с супругой к тому времени уже были в Петропавловске, и мы связались с ними, чтобы узнать, как обстановка на маяке. Выяснилось, что там отбывают вахту какие-то новые люди. Мы ехали почти тем же составом, только вместо Саши Волкова был Миша Нагайлик. Дорога и выгрузка прошли штатно – во всяком случае, с нашей стороны, а вот для новых маячников это, кажется, стало серьезным потрясением, когда после полугода, проведенного в одиночестве на почти необитаемом острове, к их берегу неожиданно подошел пэтээр и выгрузил кучу странного груза и четырех всклокоченных биологов с безумными глазами. Честно говоря, я бы на месте маячников была совсем не рада незванным гостям, но нам повезло – в отличие от меня, они оказались добрыми людьми и встретили нас тепло и гостеприимно. Через несколько часов после выгрузки мы уже сидели у них на кухне и уплетали домашний суп под оживленную беседу.

Маячников на сей раз оказалось не двое, а трое – к традиционной супружеской паре, какими обычно укомплектовывают маяки, зачем-то добавили холостого мужичонку по имени Дима. Будучи классическим петропавловским бичом и алкоголиком, Дима сам не помнил, как нанялся на маяк, и пришел в сознание уже на борту гидрографического судна, идущего на Карагинский. После того как Дима перевел на брагу весь доступный сахар из годовых запасов маячников, остатки продуктов заперли на ключ, а ему стали выдавать положенную долю раз в неделю.

Он разобиделся и демонстративно отказался работать, чего, впрочем, и до того не делал. В маячном поселке пить стало нечего, и высвободившуюся энергию он направил на то, чтобы донимать соседей, чем и занимался всю зиму. К нашему приезду Саша и Дима не разговаривали уже несколько месяцев и, по обоюдному признанию, не убили друг друга только благодаря миротворческой деятельности Сашиной жены. Обе стороны обрадовались новым людям и возникшему временному перемирию. Но в особенности рад был Дима, который следовал за нами неотвязно и бесконечно нудил, высказывая свои претензии к соседям и к миру в целом, время от времени уверяя, что, вообще-то, он афганец и служил в той самой Девятой роте.

Звериное население маячного поселка с прошлого года ничуть не изменилось – те же диковатые кошки в шалаше посреди ленинской комнаты и маленькая черная собачонка Тишка, которую уехавшие маячники оставили на попечение сменщикам. По ночам из тундры приходил молодой кудлатый лис, который заигрывал с кошками и собакой. Едой он не очень интересовался, и складывалось впечатление, что он просто изнывает от скуки. Мимо поселка изредка проходили олени, медведь и даже россомаха, оставляя свои следы на песчаной лаиде.

Прибыли мы на остров в самом начале июня и, похоже, поторопились – в море плавали льдины, а из китообразных первое время нам попадались в основном обыкновенные морские свиньи. Кроме того, несколько раз мы видели довольно крупных акул, а вот косаток не было. Погода стояла отличная, солнечная и почти безветренная, и мы безнадежно плавали взад-вперед вдоль восточного берега Карагинского, вокруг южного мыса Крашенинникова и даже заходили довольно далеко в пролив Литке, но косаток не было.

Первых китов мы встретили только 9 июня, и то это оказались не косатки, а горбачи – две пары кормились недалеко от южной оконечности острова. В то время мы еще не особенно интересовались горбачами, но в отсутствие косаток решили поработать хотя бы с ними, и не зря – оказалось, что двоих из этих китов в том же Карагинском заливе встречал Бурдин в рейсе 2004 года. Такая привязанность к определенным местам обитания – то, что в английской литературе называется *site fidelity*, – очень характерна для горбачей, особенно для самок. Из года в год они совершают тысячекилометровые миграции, чтобы из одной и той же точки зимовки прийти в одну и ту же точку нагула. Впрочем, бывают среди горбачей и путешественники-авантюристы, которые осваивают новые места в поисках лучшей жизни, – вероятно, именно благодаря им этот вид после восстановления численности так быстро распространился на севере Тихого океана, а в последние годы, по мере потепления климата, продвигается все дальше, в Арктику.

Первая группа косаток встретила нас только 16 июня. Сначала мы услышали далекие крики в гидрофон и пошли вдоль берега, постоянно останавливаясь и осматривая горизонт в бинокль. Прошло не меньше часа таких поисков, прежде чем Миша заметил под берегом далекий плавник. Группа оказалась небольшой – два взрослых самца, самка с детенышем и один «другой». «Другие» – это сборная категория, к которой мы относим животных, чей пол и возраст не удалось точно определить. Взрослые самцы отличаются высоким прямым плавником, присутствие детеныша позволяет нам определить самок-матерей, а вот самки без детенышей и молодые самцы внешне неразличимы (если, конечно, не выпрыгнут из воды, показав окраску генитальной области, по которой животные разного пола хорошо различаются).

Один самец, с виду постарше, все время шел поодаль от остальных, а второй, помоложе, держался рядом со всеми. Мы заехали вперед, чтобы сфотографировать их и записать звуки, когда они будут проходить мимо, но вместо этого косатки вдруг остановились и начали кормиться. Некоторое время они охотились почти на месте, а потом стали медленно смещаться на север, в нашу сторону, рассеянной шеренгой, из которой то одно, то другое животное то и дело отвлекалось на ловлю рыбы. Кого именно они ловили, мы так и не поняли – в какой-то момент мы видели сквозь воду нечто похожее на морского окуня, но с широкими поперечными полосами, однако, кто это был и на него ли охотились косатки, неизвестно.

Мы провели с ними весь день, и они так и шли на север, то и дело отвлекаясь на охоту. Детеныш время от времени пытался поиграть, дельфинируя или хлопая хвостом, но потом снова возвращался к еде. Мы записали немало звуков, хотя в этом деле нам ужасно мешала проходившая мимо плавбаза, шумевшая под водой, как взлетающий самолет. Отправляясь на Карагинский, я надеялась, что хотя бы там смогу записать чистые звуки косаток, без шума судовых двигателей, которые постоянно портили мне записи в Авачинском заливе. Но не тут-то было – это, казалось бы, удаленное от цивилизации место оказалось еще более шумным. Косатки вроде бы не обращали на это внимания, но шум воздействует на китообразных так же, как на привычных к нему жителей большого города, – даже если они сами его не замечают, все равно он вызывает постоянный фоновый стресс, снижает иммунитет и подрывает здоровье.

В нашем каталоге эта семья косаток получила название «семья Марика» – одного из самцов мы назвали Мариком в честь коряка из группы местных жителей, недавно заехавших в маячный поселок. Эти дети природы пришли из Караги на одной надувной лодке за птичьими яйцами на небольшой островок у южной оконечности Карагинского. Набрав яиц и переночевав на берегу, наутро они обнаружили, что бензина у них на обратную дорогу не хватит, поэтому поехали на маяк просить топливо. У маячников бензина тоже не оказалось – у них все работало на соляре, поэтому в роли спонсора традиционных промыслов поневоле пришлось выступить нам.

Диалект у семьи Марика (косаточьей, а не человеческой) оказался очень интересным. Главным характерным отличием авачинского клана является наличие звуков типа K7 – это бифонические звуки с двумя частотами, нижняя из которых лежит в районе 2 килогерц, а верхняя – в районе 6–7 килогерц. У других кланов таких звуков нет, для них характерны в основном звуки с нижней частотой в районе одного килогерца и верхней выше восьми – такие звуки встречаются у всех рыбоядных косаток Дальнего Востока и во многих других популяциях, а вот K7 уникальны именно для нашего авачинского клана. Так вот, у семьи Марика были звуки, очень похожие на K7, – с нижней частотой в районе двух, но с чуть более высокой верхней – в районе восьми с небольшим.

Такие находки очень интересны для понимания того, как диалекты меняются во времени. Подобные крики могли возникнуть как минимум тремя способами. Во-первых, возможно, это более архаичная, предковая версия K7, которая сохранилась у этой семьи, но изменилась у тех семей, которые мы обычно наблюдаем в Авачинском заливе. Во-вторых, это может быть, наоборот, результат прогрессивного изменения K7 в процессе культурной эволюции – тогда у авачинских семей мы наблюдаем более архаичную версию. И наконец, возможно, что это результат так называемого горизонтального переноса, когда K7 в этой семье изменился под влиянием криков других семей с более высокой верхней частотой, и поэтому верхняя частота в нем тоже повысилась.

Три дня спустя мы снова встретили семью Марика, но на этот раз в составе большого скопления из нескольких семей. Приглядевшись и прислушавшись к звукам, мы поняли, что это наши знакомые авачинские косатки – семьи Икара, Немо и Дыркина. Они общались с животными из семьи Марика, как со старыми друзьями. Истосковавшись по обществу косаток, мы работали с ними до тех пор, пока проливной дождь не прогнал нас на берег.

Дальнейшее наше пребывание на острове оказалось небогато на косаток, зато богато на горбатых китов. Мы обнаружили их излюбленное место кормежки за самой южной точкой острова – мысом Крашенинникова. С конца июня горбачи держались там почти постоянно, охотясь на мелкую стайную рыбу – тихоокеанскую песчанку. Эта рыбка предпочитает районы обширных мелководий и служит прекрасным кормом для морских птиц и млекопитающих. Там, где стайки песчанки поднимаются к поверхности, образуются огромные «птичьи пятна» – истошно орущие и непрерывно жрущие скопления чаек, моевок, кайр и других морских птиц. У каждого вида птиц своя роль в таком «птичьем пятне». Важнее всего кайры – именно они, ловко ныряя под воду и плавая там, как пингвины,

сбивают песчанку в плотный косяк и заставляют подниматься ближе к поверхности. Чайки и моевки атакуют рыбу сверху, выхватывая друг у друга из клювов и отчаянно сражаясь за возможность оказаться чуть ближе к вожаке косяка. Буревестники могут нырять под воду, хоть и не так глубоко, как кайры, а вот моевкам и чайкам приходится добывать корм у поверхности или отнимать его у тех, кто способен нырнуть. Песчанка удивительно беззащитна против таких атак – тонкая, извилистая, как змейка, но совсем не проворная рыбка, она просто тупо плывет стаями, даже не особенно пытаясь увернуться от хищников (наверное, у песчанки есть какой-то секрет выживания, иначе при таком поведении она давно была бы съедена подчистую).

Время от времени к «птичьим пятнам» присоединялись нерпы, которые осуждающе зыркали на нас из-под воды и уплывали прочь, растопырив усы. Но нередко случалось и так, что птичий шум и гвалт привлекали внимание голодного горбача; кит подходил к пятну, делал один большой глоток – и вся стая песчанки оказывалась у него в ротовом мешке, а птицам оставалось лишь недоуменно покачиваться на волнах, размышляя, куда же делась рыба. Так мы в очередной раз убедились, что в жизни не все бывает как в книжках, – обычно пишут, что птицы кормятся на остатках добычи китов (и мы действительно не раз наблюдали это впоследствии), а тут получалось, что киты «паразитируют» на птицах, съедая стаю, которую те обнаружили и обозначили громкими криками.

Между тем уже подошел срок, в который планировалось сниматься с острова. Мы просили Бурдина, остававшегося в Петропавловске, договориться с каким-нибудь сухогрузом, чтобы он забрал нас прямо с Карагинского, потому что снова выбираться через Оссора совершенно не хотелось – одна мысль об этом милом поселочке навевала глубокую тоску на всех участников прошлогодней экспедиции. Но судно что-то никак не находилось, никто не хотел делать крюк, чтобы забрать нас с перешейка.

Неделю спустя Бурдин наконец отыскал капитана, который согласился взять нас на борт, но он направлялся не на юг, а на север – в Тилички и Пахачи, а потом уже возвращался обратно в Петропавловск. Делать было нечего – мы решили, что лучше уж оказаться на судне, которое рано или поздно точно придет куда нам нужно, чем в Оссоре с непонятными перспективами. Так как судно шло западным берегом Карагинского, нам предстояло с помощью безотказного маячника перевезти свое имущество к нашим любимым цистернам на пляже перешейка. Пара дней ушла на сборы и транспортировку, а за день до назначенного срока мы перегнали на западный берег лодку, обойдя остров с юга, – это было проще, чем разбирать ее, везти по суше и собирать заново. Когда мы наконец все перевезли и вернулись в поселок, Женя пошла напоследок побродить по берегу и поснимать пейзажи. Конечно же, первое, что она увидела, посмотрев на море, – плавники косаток. Эти паршивцы где-то шлялись две недели, пока мы страдали без работы, но стоило нам перегнать лодку на другой берег – и вот они, тут, почти в самой бухте под маячным поселком!

На следующий день мы попрощались с гостеприимными хозяевами, и маячник отвез нас с остатками вещей к цистернам. Мы сели ждать обещанное судно. Предполагалось, что оно придет после обеда, но мы проводили закат, а никто так и не появился. Лишь после полуночи вдалеке показались огни пэтээра. Грузиться в темноте нам казалось безумием – это был верный шанс потерять что-то из нашего ценного оборудования, но капитан не собирался задерживаться тут надолго, так что пришлось зажечь все имеющиеся фонарики и нашаривать разложенные по пляжу вещи в полной темноте.

Наутро, отоспавшись и придя в себя, мы выбрались в кают-компанию и познакомились с командой. Капитан Олег Будимирович при ближайшем рассмотрении оказался отличным мужиком, энергичным и позитивным. Он с интересом расспрашивал нас о нашей работе и о китах и сам постоянно рассказывал какие-то случаи из жизни – не в навевающей тоску манере профессиональных любителей травить байки, а очень живо и по-настоящему.

Пару дней спустя пэтээр пришел в Тиличики. Пока судно грузилось, мы пошли побродить по поселку. В целом он мало чем отличался от Оссоры – та же провинциальная советская архитектура, приправленная морским дальневосточным колоритом и щедро посыпанная разнообразным мусором. Поселок расположен на прибрежной террасе и прижат к морю береговым обрывом, на который ведет основательная длинная лестница. Из досужего любопытства мы поднялись по ней вверх и попали в совершенно другой мир. Вместо тесного полуразрушенного поселка мы оказались в бескрайней тундре, в которой тут и там стояли красивые новенькие коттеджи. Выяснилось, что этот микрорайон был построен всего два года назад после землетрясения, основательно разрушившего нижний поселок. Коттеджи выглядели как на рекламной картинке, но местные, как говорили, все равно были недовольны: в старых домах было лучше.

После Тиличиков пэтээр направился в Пахачи. Это последнее поселение на берегу Берингова моря, куда ходят сухогрузы из Петропавловска-Камчатского, – дальше на север берег необитаем до самой Чукотки. Порт, точнее, то, что осталось от порта этого поселка, находится в лагуне, куда даже такое небольшое судно, как пэтээр, может зайти только по приливу. Прождав его полдня, мы наконец высадились на пирс, пришвартовавшись между парой ржавых корпусов давно оставленных судов. Пахачи оказались такими же безнадежно тоскливыми, как Оссора и нижние Тиличики, только еще более заброшенными и наполовину вымершими. По косе между лагуной и морем тянулась бесконечная череда развалин советских рыбзаводов – какие-то полуразрушенные ангары, сараи, ржавые скелеты машин и катеров и, конечно же, неперенный атрибут таких мест – рассыпанные повсюду горы мусора.

После Пахачей людей на борту пэтээра заметно прибавилось – капитан взял на борт множество нелегалов, которым нужно было попасть в город. Пассажирских судов на этом направлении не существует, добираться по воздуху (вертолетом, а потом самолетом) – дело дорогое, долгое и муторное, поэтому многие стараются договориться с капитанами грузовых судов. На обратном пути, пока мы не зашли в пролив Литке, судно изрядно качало, и измученные морской болезнью пассажиры столпились на палубе вдоль бортов. Кроме суровых, просмоленных табаком и промаринованных годами беспробудного пьянства небритых трудяг в телогрейках, среди пассажиров было немало женщин, в том числе совсем молодых девушек в розовых курточках и лосинах со стразами, которые смотрелись на этом ржавом судне посреди Берингова моря совершенно сюрреалистично.

Всю дорогу, когда погода была более-менее нормальной, мы старались наблюдать с мостика за морем в надежде увидеть китов, но встретили только нескольких малых полосатиков и белокрылых морских свиней. Уже на обратном пути, в середине пролива Литке, наши усилия наконец увенчались успехом – мы заметили вдалеке знакомые черные треугольнички. За несколько дней до этого Женя выбила у Олега Будимировича обещание разрешить нам поработать с косатками, если они встретятся по дороге. Обещание свое капитан сдержал – едва мы сообщили о косатках, он дал команду остановить судно и спустить нашу лодку. Не веря своему счастью, мы попрыгали в «Зодиак» и понеслись к животным. Погода была отличная, почти штиль, косатки, правда, оказались так себе, но с грехом пополам нам удалось отснять половину группы. Как выяснилось впоследствии, это было очень ценное наблюдение, поскольку эту же группу мы сфотографировали в августе того же года на острове Беринга, зарегистрировав таким образом первую повторную встречу одних и тех же особей между акваториями Карагинского и Беринга.

Нечеловеческий интеллект

Как биолог вы должны остерегаться того, чтобы видеть смысл там, где его нет, и находить поведению объяснения, не подтверждающиеся фактическими данными. Например, отвечая на вопрос «Почему они прыгают?», можно сказать, что это часть невероятно сложной системы коммуникации, и, возможно, вы даже будете правы, но очевидный и, вероятно, правильный ответ таков: киты просто дурачатся.

Как-то раз исследователи Ланс Барретт-Леннард и Джон Дурбан наблюдали за плотоядными косатками, поедавшими убитого серого кита в проливе Фолс-Пасс на Восточных Алеутах. На поверхность неподалеку от лодки всплыл большой кусок китового жира. Поскольку косаток поблизости не наблюдалось, ученые решили отрезать кусочек для генетического анализа. Надев резиновые перчатки и вооружившись скальпелем и пинцетом, Ланс перегнулся через борт. В этот момент крупный самец косатки резко вынырнул рядом с лодкой, схватил кусок жира и утащил его под воду.

– Он меня до смерти перепугал, – рассказывал потом Ланс. – Я отпрыгнул назад и чуть не проткнул Джону глаз скальпелем.

Тем временем самец отплыл метров на триста и выплюнул вожаденный кусок. Ученые выждали некоторое время и, когда им показалось, что кит потерял интерес к добыче, медленно приблизились к ней. Когда до куска оставалось всего ничего, самец снова резко вынырнул перед лодкой и уволок приманку. Он проделывал это снова и снова, семь или восемь раз подряд.

– Он явно играл с нами, – говорит Ланс. – Каждый раз, когда он бросал кусок, мы видели его удаляющийся плавник, как будто он уплывал прочь. А затем он незаметно разворачивался под водой.

Тогда исследователи решили взять пробу жира с помощью дробика для биопсии, который, по идее, должен отскакивать, захватив кусочек ткани. Но он не отскочил, а застрял, и теперь кит дразнил исследователей куском жира с торчащим дробиком. Тогда ученые не без труда выкопали из груди своего оборудования арбалет, который стреляет большими стрелами, предназначенными для взятия биопсии с горбатых китов. Правда, он хранился в разобранном виде, и никто из них раньше его не собирал. Качаясь на морской зыби, они попытались собрать его по прилагавшейся инструкции, но получилось задом наперед. Исследователи разобрали его обратно и собрали снова, на этот раз как надо. Все это время самец косатки держался неподалеку, всем своим видом показывая полное равнодушие к злополучному куску жира, но, едва ученые подъехали ближе, кит тут же опять вынырнул рядом и утащил его. Со второго раза они попали в кусок из арбалета, и стрела отскочила вместе с пробой. Стоило исследователям подобрать стрелу, как игра закончилась – самец потерял к куску жира интерес и уплыл прочь.

Те, кто близко общался с косатками, могут рассказать немало подобных историй, свидетельствующих об их уме, игривости и любопытстве. Молодые косатки нередко подходят к лодкам и идут прямо за винтом мотора или выныривают рядом со стоящими лодками, изучая незнакомый объект. Особенно отличаются этим плотоядные косатки – у них не только молодые, но и взрослые часто подходят вплотную к лодкам, пугая рыбаков и вызывая восторг у туристов.

Но у всех этих историй есть один существенный недостаток – их никак нельзя использовать для формальной оценки интеллекта косаток. Проблема в том, что такие ситуации единичны – их нельзя повторить, чтобы убедиться, что это не случайное стечение обстоятельств, неверно интерпретированное наблюдателями. Люди часто испытывают искушение увидеть в поведении животных нечто большее, чем есть на самом деле. Так, синицу, исследующую труп сородича на предмет съедобности, люди склонны объявлять горюющей по ушедшему другу, а случайное приближение дельфина к лодке с туристами могут интерпретировать как попытку

вступить в контакт. Именно поэтому так важны формальные, стандартизированные методы исследования.

Когда перед животным встает какая-то проблема, существует три основных способа, которыми оно может ее решить. Первый способ – инстинктивный. Большинство животных в естественной среде сталкиваются с ограниченным набором типовых задач, и обычно для таких задач у них есть врожденные готовые решения. Дрозд знает, как строить гнездо, даже если вырос в клетке, а кошка, родив котят, начинает их вылизывать, хотя ее никто этому не учил.

Если готового решения нет, животное переходит ко второму способу – методу проб и ошибок. Оно действует наугад, как человек, осваивающий без инструкции новую компьютерную программу. Множество беспорядочно совершаемых хаотических действий в некоторых случаях позволяют добиться цели, и тогда животное запоминает те из них, что привели к успеху, и отбрасывает ошибочные. Впрочем, бывает и так, что к удачному исходу совершенно случайно приводят никак не связанные с ним действия, но животное тем не менее запоминает их и в следующий раз бездумно повторяет. Однако не будем судить его строго – с этим сталкивался каждый, кто хоть раз пытался настроить домашнюю сеть.

Третий способ – наиболее продвинутый вариант, когда животное не мечется беспорядочно в поиске решения, а сразу понимает, что именно нужно сделать для достижения цели. Этот способ называется мышление или инсайт, и при всех его видимых плюсах у него есть один большой минус – чтобы им воспользоваться, нужно иметь достаточно высокий уровень интеллекта, поэтому он доступен далеко не каждому.

Первые два способа еще с начала прошлого века пристально изучали две основные поведенческие школы – европейские этологи и американские бихевиористы. Третий же долго игнорировали, хотя еще в начале XX века психолог Вольфганг Келер поставил свой знаменитый эксперимент с шимпанзе, доказавший наличие мышления у животных, не относящихся к виду *Homo sapiens*. Келер подвешивал банан высоко в воздухе и предлагал обезьянам несколько ящиков. Большинство подопытных догадывались составить ящики в пирамиду, чтобы дотянуться до вожделенного лакомства. Обезьяны искали решение не методом проб и ошибок – они не метались беспорядочно по клетке, пробуя все подряд, как крысы в ящике бихевиориста Скиннера или подростки в компьютерном квесте. Нет, они приходили к решению путем размышления, а найдя разгадку, сразу брали ящики и составляли их в пирамиду без сомнений и колебаний.

До того как поведение животных стали исследовать научными методами, точка зрения на их внутренний мир колебалась между двумя полюсами: с одной стороны, животных часто очеловечивали, приписывая им мотивы и способы мышления, присущие только людям, а с другой стороны, многие полагали, что животные – не более чем высокоорганизованные автоматы, и объясняли любое их поведение через призму этих представлений.

Одним из первых ученых, попытавшихся понять, как животные думают и решают проблемы, был британский психолог Ллойд Морган. Область его интересов лежала на стыке инстинктов и интеллекта. Наблюдая за собственной собакой, Ллойд Морган заметил, что она удивительно ловко управляет с дверными запорами – например, умеет открывать калитку, чтобы выбежать погулять. Ученый стал выяснять, как разные собаки решают проблему открывания дверей, и обнаружил, что они не понимают саму идею этого процесса – что запор соединяет дверь со стеной и эту связь необходимо прервать. Нет, они просто совершали множество различных действий, делали много ошибок и постепенно запоминали те действия, которые приводили к успеху. То есть то поведение, которое у человека мы интерпретировали бы как понимание принципа работы защелки, у собаки означало лишь то, что она механически выучила последовательность действий, приводящих к открыванию двери или калитки. Поэтому в книге «Введение в сравнительную психологию» Ллойд Морган описал свой знаменитый принцип: «Ни в коем случае не следует интерпретировать поведение в терминах высших психологических

функций, если его можно объяснить в терминах функций, находящихся ниже на шкале психологической эволюции и развития».

С одной стороны, это звучит вполне логично: такой подход можно считать разновидностью бритвы Оккама, примененной для исследования поведения животных. С другой стороны, как и бритва Оккама, принцип Ллойда Моргана порождает ряд классических редукционистских проблем. В частности, его можно применить и к поведению человека: в конце концов, кто сказал, что мы учимся открывать дверь не методом проб и ошибок?

И если в случае с человеком это воспринимается скорее как шутка (я имею в виду в примере с дверью – во многих других ситуациях люди действительно решают проблемы методом проб и ошибок, оказываясь в этом смысле ничуть не сообразительнее собак), то к высшим животным, таким как человекообразные обезьяны, принцип Ллойда Моргана применяют довольно часто и сводят таким образом все многообразие их поведения к набору механически заученных действий. Поэтому редукционисты с восторгом ухватились за принцип и стали цитировать его к месту и не к месту, в результате чего сам Ллойд Морган обрел славу ученого, отрицающего наличие интеллекта у животных.

Огорченный таким злоупотреблением, во втором издании своей книги Ллойд Морган написал: «Следует добавить, чтобы исключить неправильное понимание диапазона действия принципа, что он отнюдь не исключает интерпретацию конкретного вида деятельности как высших процессов, если у нас уже есть независимые свидетельства их проявления у животного». То есть если мы уже знаем из корректно поставленных научных экспериментов, что шимпанзе способна понимать концепции вроде той, что защелка связывает дверь со стеной, то мы имеем полное право интерпретировать открывание обезьяной двери как результат мышления, а не обучения методом проб и ошибок. Впрочем, до сих пор принцип Ллойда Моргана то и дело цитируют в оправдание поведенческого редукционизма, конечно же забывая добавить вторую часть, а может быть, даже не зная о ней.

Такие редукционисты нередко встречаются среди биологов старой школы, но еще чаще – среди гуманитариев. Последние изучают в основном человека, поэтому, естественно, он кажется им совершенно уникальным, ведь о животных они почти ничего не знают. Они со студенчества усваивают парадигму, что человек принципиально отличается от животных очень многим – наличием речи, сознания, культуры и других возвышенных черт. Проблема в том, что у большинства этих понятий нет четких общепринятых определений, а те, что есть, либо позволяют применить их к некоторым животным, либо оставляют за чертой часть представителей вида *Homo sapiens*. Яркий пример – не утихающие до сих пор споры о том, есть ли у животных культура. Многие традиции животных вполне подпадают под разнообразные научные определения этого термина, а когда его искусственно пытаются сузить, то приходится исключать из него и некоторые явления, определенно относящиеся к человеческой культуре. Скажем, некоторые исследователи предлагают одним из критериев культуры считать ее обязательное усложнение во времени – но тогда нам придется перестать считать таковыми многие традиционные человеческие культуры, сохраняющиеся неизменными на протяжении тысячелетий. Правда, гуманитарии часто обходят эту проблему, вместо уточнения термина просто добавляя в определение слово «человек» или «человеческий», но это уже явное жульничество.

Биологи изучают жизнь на Земле во всем ее многообразии, и для большинства из них человек – всего лишь один из многих видов животных, каждый из которых имеет свои уникальные особенности. Поскольку эволюция постепенна, ни одно свойство не возникает внезапно из ниоткуда, у всего есть свои предпосылки, так что, если смотреть на человека в ряду вымерших предков, а не ныне живущих родственников, четкую границу между еще-не-человеком и уже-человеком провести невозможно. Поэтому у биологов и гуманитариев зачастую совершенно разные картины мира – у первых единый мир животных с человеком в качестве одного из его представителей, а у вторых дискретный мир с уникальным сложным человеком в центре и неинтересными тупыми зверушками на периферии. Истина

же, как обычно, где-то посередине. По этому поводу хорошо высказался Стивен Пинкер (кстати, гуманитарий), сравнив речь человека с хоботом слона. И тот и другой признак уникальны и больше ни у кого не встречаются, и речь кажется нам более уникальной, чем хобот, лишь потому, что мы сами – люди. Будь мы слонами, невнятное бормотание этих двуногих казалось бы нам ничем не примечательным, а вот хобот – это сила!

На самом деле, конечно, у человека есть много интересных и уникальных черт, выделяющих его среди прочих живых существ. Но все они в той или иной зачаточной форме присутствуют и у других видов, да и у самих людей развиваются постепенно. Подумайте: в каком возрасте, с вашей точки зрения, ребенка можно считать человеком? Новорожденный, он в смысле наличия разума и речи не особенно отличается от котенка или щенка. В возрасте около года ребенок, как умная собака, может понимать многие слова, но сам еще не говорит. Зеркальный марк-тест, о котором речь пойдет ниже, дети начинают проходить в полтора-два года – т. е. до этого возраста в смысле наличия самосознания они недотягивают до взрослых шимпанзе. Примерно в это же время или чуть позже дети начинают обгонять по владению речью шимпанзе, обученных языкам-посредникам.

Следует ли ввиду этого проводить границу между человеком и животными по двухлетним детям? Думаю, это мало кому понравится. К тому же неясно тогда, как быть, например, с аутистами, которые могут не разговаривать лет до шести-семи (а иногда и вообще всю жизнь), но при этом часто способны делать невероятные вещи, совершенно недоступные обычным людям, – скажем, проводить в уме сложные вычисления с многозначными числами.

Вообще, что касается сравнения интеллекта людей и животных, в последние лет сто казавшаяся непреодолимой пропасть между ними постепенно заполнялась благодаря все новым и новым исследованиям, в которых положительных результатов («животные могут») было много больше, чем отрицательных («животные не могут»).

Когда речь заходит о том, какие животные самые умные, кроме шимпанзе и слонов, обязательно вспоминают дельфинов. А среди дельфинов, по мнению многих тренеров и ученых, самые умные – косатки. Так ли это на самом деле?

Тут сразу возникает несколько проблем. Главная из них – отсутствие четкого определения, что такое интеллект, и вытекающие из этого проблемы с его измерением и сравнением. Точных методик измерения интеллекта не придумано даже для нашего вида. Традиционные человеческие тесты на интеллект – IQ-тесты – вызывают множество сомнений и споров среди профессионалов и просвещенных обывателей. Дело в том, что интеллект – штука многомерная, и его невозможно однозначно измерить по одномерной шкале. Талантливый инженер может быть совершенно не способен написать связный читабельный текст, а доктора наук в повседневной жизни нередко проваливают банальные задачи на здравый смысл.

Попытки измерить интеллект животных насчитывают уже более чем столетнюю историю, и все это время исследователи пытаются придумать какой-то критерий, который позволил бы сравнивать разные виды. Один из «простых» способов оценки интеллекта – сравнение размера мозга. Действительно, если посмотреть на эволюцию предков современного человека, этот показатель у них со временем возрастал, а с ним улучшались и когнитивные способности. Но если считать человека самым разумным существом на Земле, то размер мозга – не лучший критерий, ведь мозг слона больше человеческого, а самый большой мозг у кашалота.

Попытки оценивать отношение размера мозга к размеру тела тоже ни к чему хорошему не привели, так как по этому параметру даже мыши оказались более мозговитыми, чем люди (что блестяще обыграл Дуглас Адамс в книге «Автостопом по галактике»). Поэтому пришлось ввести другой критерий – так называемый коэффициент энцефализации, отражающий, насколько отношение размера мозга к

размеру тела больше или меньше, чем среднее для животных того же размера. По этому параметру действительно человеку нет равных, но сразу за ним следуют дельфины, превосходя даже человекообразных обезьян.

На самом деле коэффициент энцефализации – тоже довольно спорный критерий. Ведь он зависит от массы тела, которая может очень сильно меняться, никак не влияя на интеллект. Например, при одной и той же массе мозга у 50-килограммовой девушки коэффициент энцефализации будет выше, чем у 100-килограммового мужчины (или у той же самой девушки, растолстевшей на 50 кг). Единственное, о чем неоспоримо свидетельствует коэффициент энцефализации, – это о том, что у нашего вида значительно больший мозг, чем у других животных сравнимого размера. Мозг – дорогая штука, он потребляет много энергии, поэтому, чтобы оправдать содержание такого большого мозга в таком тщедушном теле, он должен давать существенные преимущества. У китообразных такой проблемы нет, у них крупные тела, способные, не сильно напрягаясь, прокормить мозг такого же, как наш, и даже большего размера.

Зачем же им такой объемный мозг? Да и зачем вообще нужен большой мозг, например, обезьянам (включая нас с вами), ведь другие звери выживают и даже благоденствуют в тех же условиях с мозгом значительно меньшего размера?

Одна из гипотез связывает рост интеллекта с особой фуражировочной стратегией, направленной на питание ценным, но редко встречающимся кормом (например, плодами, а не листьями). Предполагается, что интеллект нужен для того, чтобы запоминать расположение источников пищи. Существует также мнение, что более высокий уровень интеллекта свойствен животным, питающимся разнообразной пищей, по сравнению со специализированными на определенном типе корма. Эти гипотезы находят подтверждение при сравнении некоторых видов, но не работают для других, и для объяснения когнитивных способностей самых разумных млекопитающих – высших приматов, слонов и дельфинов – требуется более обоснованная концепция.

В последние годы популярной стала гипотеза о том, что большой мозг нужен для жизни в сложной социальной среде, для общения, сотрудничества и соперничества с другими членами группы. Это так называемая «гипотеза макиавеллианского интеллекта», сформулированная приматологом Франсом де Ваалем. Ее основная идея состоит в том, что развитые когнитивные способности приматов и дельфинов – это приспособление к сложной социальной жизни, а не к решению несоциальных проблем вроде поиска пищи и избегания хищников. У приматов и дельфинов между особями в группе формируются сложные взаимоотношения и личные связи. Для поддержания этих отношений необходимо понимать поступки и мотивы соплеменников, а это крайне сложная и ресурсоемкая вычислительная задача. Ведь соплеменники, чье поведение нужно научиться моделировать у себя в голове, сами являются высокоорганизованными животными со сложным поведением, предки которых тоже находились под действием отбора на «макиавеллианский интеллект».

Почему «макиавеллианский интеллект»? Иногда говорят о «гипотезе социального интеллекта», но это не совсем точно. Многие виды животных социальны, некоторые из них живут в группах большего размера, чем приматы и дельфины. Сообщества приматов и дельфинов отличает их сложная структура, склонность к формированию альянсов и коалиций. В этом контексте социальные взаимоотношения нередко принимают форму манипуляций и обмана, благодаря чему их и называли «макиавеллианскими» (по имени знаменитого итальянского политика XV–XVI веков Никколо Макиавелли).

Например, Франс де Вааль в своей книге «Наша внутренняя обезьяна» описывает интриги самцов в группе шимпанзе. Постаревшего самца Йеруна однажды сместил с должности лидера более молодой и сильный самец Лейт. Несколько лет спустя бывший патриарх завел дружбу с другим молодым самцом Никки, едва вышедшим из подросткового возраста. Пользуясь покровительством старика, Никки стал все чаще задираť Лейта, и тому приходилось в одиночку противостоять обоим.

Постепенно Никки вошел в силу и сумел захватить власть. Но удержать ее он мог лишь при поддержке Йеруна – Лейт был сильнее каждого из них по отдельности, однако пасовал перед коалицией. Никки стал лидером группы, но старик тоже находился на привилегированном положении – в частности, ему позволено было спариваться с самками, хотя обычно вожак старается не допускать к ним других самцов.

У дельфинов-афалин также известны подобные коалиции самцов, которые создаются для того, чтобы успешнее охранять от соперников рецептивных самок. Более того, помимо долговременных альянсов двух-трех самцов, существуют кратковременные коалиции второго и третьего порядка – «банды», в которые объединяются для более эффективной борьбы с соперниками. Чем больше банда, тем проще победить внешних врагов, но тем сильнее внутренняя конкуренция – в непрерывном стремлении передать свои гены следующему поколению самцы балансируют между двумя крайностями, и коалиции то возникают, то распадаются.

Гипотеза «макиавеллианского интеллекта» предполагает, что более высокий социальный интеллект некоторых членов группы создает давление отбора в сторону усиления социального интеллекта у других ее членов, и так возникает интеллектуальная «гонка вооружений» в эволюционных масштабах. Что же это означает на практике? Действительно ли дельфины умнее человекообразных обезьян и способствует ли развитие «макиавеллианских» склонностей к манипулированию сородичами улучшению других когнитивных способностей – например, к решению логических задач?

Когда мы пытаемся сравнить интеллект разных видов, приспособленных к жизни в совершенно разных условиях, довольно часто получается так, что по одним тестам вид А может превосходить вид Б, а по другим – наоборот. Это неудивительно – ведь разные виды животных обладают специфическими навыками, которые могут облегчать им решение определенных типов задач. Например, с задачей на мысленное вращение фигур голуби (голуби!) справляются быстрее и лучше, чем люди. В этом тесте испытуемым предлагается образец и несколько фигур, идентичных ему или несколько отличающихся от него. Если все фигуры расположены под одним углом, то люди легко решают эту задачу, а вот если фигуры повернуты относительно образца, время решения задачи тем выше (а точность – ниже), чем больше угол поворота. Это понятно – ведь нам, чтобы сравнить, нужно сначала мысленно повернуть фигуру в положение образца. А вот у голубей такой связи нет: независимо от угла они решают задачу с одинаковой скоростью (и быстрее, чем мы!). По-видимому, они не поворачивают фигуры, а сравнивают их каким-то другим, более эффективным способом.

Изучение интеллекта человекообразных обезьян насчитывает уже более чем вековую историю – Келер поставил свой эксперимент с шимпанзе и бананом еще в начале XX века, намного опередив свое время. Понятно, что предлагать такой тест дельфину бессмысленно – не потому, что он глупее, а потому, что в бассейне пирамиду из ящиков не построишь. Но как тогда сравнить умственные способности этих животных?

Для того чтобы уравнивать технические возможности приматов и дельфинов, было разработано множество тестов, в которых животному нужно было сделать выбор из нескольких предметов по определенному признаку. Некоторые задачи включали выбор по абстрактному признаку. Например, нужно было выбирать коробочку ровно с тремя пятнами на крышке, которые при этом могли быть любой формы, размера и цвета, или определенную геометрическую фигуру (скажем, треугольник) независимо от других параметров (цвета, размера, ориентации). В других тестах выясняли, может ли животное выбирать новый, ранее не предъявлявшийся предмет именно по признаку новизны и можно ли побудить его пользоваться относительными признаками («больше – меньше», «выше – ниже»), выбирать объект, соответствующий образцу, или оперировать символами предметов вместо самих предметов.

За прошедшие десятилетия было проделано множество подобных экспериментов с

приматами, дельфинами и другими животными, однако связь между изучаемыми в них характеристиками и интеллектом по-прежнему остается под вопросом. Советский биолог Л. В. Крушинский предложил принципиально иной подход к этой проблеме. По его мысли, интеллект независимо от своей специализации должен улавливать эмпирические закономерности, связывающие предметы и явления окружающей среды, и уметь оперировать этими закономерностями. В этом случае правильное решение задачи должно не задаваться экспериментатором, а вытекать из объективных свойств предметов в эксперименте.

Самый известный из тестов Крушинского – экстраполяционный: на глазах у животного движущаяся приманка скрывается за непрозрачной ширмой. Для правильного решения этой задачи животному нужно экстраполировать траекторию движения приманки и понять, что она появится с противоположного края ширмы. Тест оказался по силам многим представителям животного мира, причем не только млекопитающим, но и птицам. Например, кролики, куры и голуби плохо справлялись с задачей, а собаки и вороны – хорошо. Иногда граница проходила внутри одного вида: дикие пасюки успешно проходили тест, а лабораторные крысы нет.

Дельфины легко справлялись с этой задачей, независимо от того, перемещалась ли приманка в воде или над водой, так что для них был разработан более сложный эксперимент. Его целью была оценка способности животных понимать концепцию объема. Для успешного решения задачи дельфин должен был понять, что объемный предмет может быть помещен только в объемную, но не в плоскую фигуру.

Опыты проводили с двумя молодыми дельфинами-афалинами. В качестве приманки была выбрана их любимая игрушка – мяч, поскольку игру они нередко предпочитали кормежке. В эксперименте одному из дельфинов нужно было выбрать, в какой из двух геометрических фигур – объемной или плоской – следует искать мяч. Дельфин не видел, куда кладут мяч, так как в этот момент установка была скрыта ширмой. Затем ширму убирали, и дельфин мог подплыть и рассмотреть фигуры из воды и с воздуха. Для правильного решения задачи он должен был приблизиться к объемной фигуре и нажать на педаль, и тогда получал мяч. В каждом опыте использовали новую пару геометрических фигур. Они были одного цвета, и их фронтальные проекции всегда совпадали.

Оба дельфина с первого раза правильно решили эту задачу. Впоследствии тест проводили на других животных: обезьянах, собаках, кошках и морских львах. Выполнить его без специального обучения смогли только обезьяны и афалины.

Задачи Крушинского оказались хороши для измерения общего уровня интеллекта у самых разных видов, но ум не ограничивается способностью улавливать закономерности в поведении неживых предметов. Если гипотеза «макиавеллианского интеллекта» верна, то умные животные также должны уметь разбираться в поведении живых существ, прежде всего сородичей. Одним из ключевых понятий в исследованиях интеллекта животных стала «модель психики других» – способность приписывать ментальные состояния (убеждения, намерения, желания, знания) себе и другим и понимать, что другие могут иметь убеждения, намерения, желания и знания, отличающиеся от твоих собственных. Существует теория, согласно которой самосознание связано именно с моделью психики других, – оно возникает, когда способность моделировать психику других особей направляется на самого себя.

По-английски эта концепция называется теорией разума (*theory of mind*), потому что каждый может прийти к выводу о существовании собственного внутреннего мира путем самоанализа, но ни у кого нет прямого доступа к внутреннему миру другого, и, соответственно, допущение, что окружающие также имеют внутренний мир, является лишь теорией. Обычно мы предполагаем, что у других есть внутренний мир, аналогичный нашему собственному, исходя из его внешних проявлений – слов, действий, эмоций. Модель психики другого позволяет нам представлять себе мысли, желания и намерения других людей, предсказывать и

объяснять их действия.

По-видимому, у людей эта способность врожденная, но для полноценного развития требует многолетнего социального опыта. У разных людей способность понимать психическое состояние других может быть выражена в разной степени; у детей она развивается постепенно.

Выделяют ряд элементов, предшествующих развитию полноценной модели психического состояния: понимание внимания, понимание намерений других, имитация других. Понимание внимания у человеческих детей проявляется в возрасте семи – девяти месяцев. В этом возрасте ребенок начинает осознавать, что избирательное направление взгляда отражает внимание, что смотрящий оценивает объект как «интересный». Дети учатся манипулировать вниманием, указывая на что-то жестами, – это акт совместного внимания, требующий принимать в расчет психическое состояние другого.

Понимание внимания, связанного с направлением взгляда, отмечено у многих социальных животных. Даже не слишком интеллектуальные виды реагируют, когда на них смотрят, – вероятно, потому, что такое умение повышает шансы избежать гибели в зубах или когтях хищника. Более сложный уровень восприятия – отследить направление взгляда, когда смотрят не на тебя, а на что-то другое. Первоначально такая способность была описана у приматов, но потом оказалось, что ею обладают и другие млекопитающие (например, собаки и козы), а также птицы (в частности, врановые). Третий уровень – способность определить, на что именно смотрят. Даже общепризнанные интеллектуалы, такие как человекообразные обезьяны и врановые, на удивление плохо умеют использовать направление взгляда человека для того, например, чтобы найти спрятанную еду. Однако это легко делают собаки, которые значительно уступают обезьянам и воронам в тестах на абстрактное мышление и общий уровень интеллекта. Более того, собаки прекрасно понимают указательные жесты, в отличие от шимпанзе, хотя, казалось бы, существу с почти человеческой анатомией эта задача должна даваться легче. Оказывается, тут дело в одомашнивании – указательные жесты способны понимать не только собаки, но и другие домашние животные, в отличие от диких. За одним исключением. Американский биолог Луис Херман, на протяжении многих лет занимавшийся изучением интеллекта дельфинов, выяснил, что они способны спонтанно понимать указательные жесты экспериментатора. Похоже, на данный момент это единственный вид диких животных, для которых была описана такая способность.

Еще один показатель уровня развития модели психики других – способность к имитации действий. Важна именно точная имитация, потому что существует много типов социального обучения, и животные могут вести себя подобно другим особям по разным причинам. Нередко само присутствие сородичей приводит к изменению в уровне возбуждения, что облегчает освоение навыков. Поведение других может привлекать внимание к какому-либо месту или объекту: например, следование за матерью вырабатывает предпочтение определенных районов кормежки. Наблюдая за сородичами, животное может обучиться достигать нужного результата, но не обязательно тем же самым способом. Точная спонтанная имитация действий не так уж часто встречается в природе, потому что она требует довольно высокого уровня развития модели психики других, – ведь для этого нужно иметь представление о себе, представление о другом и уметь сопоставить свои действия с действиями другого.

Чтобы оценить способности к имитации, можно использовать тесты, в которых животное обучают повторять то, что делает другая особь; это могут быть как знакомые, так и абсолютно новые для тестируемого животного действия. Испытанием для веринового интеллекта является также понимание абстрактного смысла команды «повторяй», так как обычно тестируемые особи привыкли в ответ на определенную команду выполнять одно конкретное действие. Дельфины, и особенно косатки, успешно справляются с подобными заданиями. Человекообразные обезьяны решают их несколько хуже, а собаки способны к этому только после длительного обучения.

На косатках такой эксперимент провели во французском океанариуме «Маринлэнд». Трое животных, принимавших участие в эксперименте, довольно быстро (в среднем за 20 попыток) поняли, что от них требуется, и вскоре по команде копировали все знакомые действия демонстратора (т. е. другой косатки). Сходные опыты на обезьянах и дельфинах показали значительно менее впечатляющие результаты: у обезьян процесс понимания занял от трех до восьми месяцев, нетренированным дельфинам понадобились сотни и тысячи попыток, дельфинам, тренированным работать в паре, – от 17 до 26 попыток. Когда косаткам скопировать незнакомое действие, они легко справились и с этой задачей. Самая младшая из косаток, восьмилетняя самка Вики, с первой попытки копировала все новые действия со 100-процентной точностью.

Впрочем, имитировать незнакомые действия дельфины могут не только в эксперименте, но и по собственной воле. В океанариуме города Порт-Элизабет в ЮАР исследователи Тэйлор и Сэйман наблюдали удивительные примеры спонтанного подражания у дельфинов-афалин. Однажды перед шестимесячным детенышем афалины, наблюдавшим за людьми сквозь стеклянную стенку бассейна, курильщик выпустил облако дыма. Дельфиненок немедленно подплыл к своей матери, приложился к соску, сразу же вернулся и выпустил перед стеклом облако молочного «дыма», очень похожего на табачный. Взрослая самка из того же бассейна постоянно имитировала поведение и движения капского морского котика, содержавшегося вместе с дельфинами. Она научилась подгребать передними плавниками, как котик лапами, лежать на поверхности воды на боку или на спине и даже подражать движениям котика при груминге. Самец из этой группы нашел себе другую ролевую модель – ныряльщиков-людей, которые чистили подводное стекло в бассейне. Подобрал чайчье перо, дельфин стал скрести им стекло, при этом имитируя звук акваланга и выпуская из дыхала медленную струю пузырьков воздуха, как это делают дайверы. В последующие дни он пробовал применять разные орудия – рыбу, которой их кормили, камни и обрывки бумаги – и при этом агрессивно защищал «свое» стекло от вторженцев.

Известны случаи спонтанного подражания и в природе. В 1988 году в Южной Австралии дикая самка афалины на три недели была помещена в дельфинарий для лечения и реабилитации. Эти три недели она провела в бассейне вместе с его постоянными обитателями, которые были обучены исполнять разнообразные трюки для посетителей. Одним из этих трюков было «хождение на хвосте», когда дельфин сильно и часто бьет хвостом, что позволяет ему стоять вертикально над водой и даже двигаться назад в таком положении. После того как дикая самка, получившая имя Билли, выздоровела и была выпущена в море, она начала проделывать этот трюк на воле, хотя никто ее этому не учил и никакой видимой пользы это поведение ей не приносило. Потом эту привычку подцепила от нее другая самка из того же сообщества, которая стала проделывать это даже чаще, чем Билли. Еще четыре самки и несколько детенышей со временем тоже стали демонстрировать поведение, очень похожее на этот трюк. Билли умерла в 2009 году, но традиция «хождения на хвосте» не угасла даже после ее смерти.

Модель психики других подразумевает не только понимание наличия у других намерений, знаний и желаний, отличных от твоих собственных, но и осознание, хотя бы на некотором уровне, своих собственных намерений, знаний и желаний, т. е. наличие самосознания. У детей в онтогенезе и у животных в процессе эволюции оно развивается постепенно.

На самом деле никто не знает, что такое сознание. Существует множество разных определений, но ни одного достаточно хорошего, чтобы сознание стало полноценным научным термином. Сейчас это понятие часто используют в разных смыслах, иногда довольно противоречивых. Современные нейрофизиологи не знают ответов на вопросы, откуда берется сознание, каким образом оно формируется в результате физической активности мозга и может ли оно появляться в небиологических системах, таких как компьютеры.

Одна из проблем разработки теории сознания – в том, что этим часто занимаются люди, которые слабо разбираются в поведении животных и потому не способны

адекватно оценивать его в сравнительном аспекте. Например, известный нейрофизиолог Вилейанур Рамачандран сплошь и рядом безосновательно отказывает животным во всем подряд – вплоть до того, что в своей книге «Мозг рассказывает» пишет: «Люди, как было доказано, единственные существа, сохраняющие способность к игре и во взрослом возрасте». У него что – никогда не было собаки или кота?

Неспециалисты вообще в целом плохо оценивают интеллект животных – они склонны сильно недооценивать его в одних аспектах и переоценивать в других. Это связано с тем, что в самих себе мы неправильно оцениваем, что в нас звериного, а что человеческого. Например, часто можно услышать от людей, наблюдающих какую-нибудь звериную мамашу: «Ну, прямо как человек!» Они имплицитно полагают, что материнская любовь и все с этим связанное – это некая возвышенная, чисто человеческая черта (причина чего, возможно, лежит в сакрализации материнства в нашей культуре). А между тем это как раз совершенно животная черта, и в плане общих механизмов поведения, связанных с заботой о потомстве, человеческая мать мало чем отличается от окотившейся под забором кошки.

Вообще, многие почему-то считают, что эмоции – это чисто человеческая черта, и даже спрашивают, есть ли они у животных. Вот как раз эмоций-то у них сколько угодно, и, скорее всего, они даже более мощные и яркие, чем у нас, так как им не мешает рассудок. Правда, рефлексировать свои эмоции они (скорее всего) не способны – но это и для многих людей оказывается непосильной задачей.

При этом люди нередко полагают, что их домашние любимцы способны понимать человеческий язык. Это потому, что для нас самих такая способность совершенно естественна и не представляет никакого труда. (Кстати, многим людям также бывает сложно осознать, что иностранец не способен понять их речь, – вместо того чтобы говорить помедленнее и более простыми фразами, они повторяют одну и ту же абракадабру снова и снова, с каждым разом все громче.)

Хотя никто не знает, что такое сознание и самосознание, существуют тесты, направленные на выяснение вопроса, есть ли у данного вида самосознание или нет. Самый знаменитый из них – тест на распознавание своего отражения в зеркале.

Когда животное впервые сталкивается с отражением, оно обычно воспринимает его как другую особь своего вида. В дальнейшем знакомство с зеркалом, как правило, проходит в несколько стадий. Сначала животное изучает отражение и пытается взаимодействовать с ним как с социальным партнером, при этом первое время регулярно пробует заглянуть за зеркало. Многие виды так и застревают на этой стадии, упорно воспринимая отражение как другую особь. Более интеллектуальные рано или поздно замечают, что отражение копирует их собственные действия. В этом случае начинается стадия «проверки случайности» – животное совершает повторяющиеся движения конечностями, головой или всем телом, проверяя, будет ли чужак в зеркале делать то же самое. Это уже более высокий уровень взаимодействия, показывающий, что животное в состоянии сознательно отслеживать собственные действия и сопоставлять их с движениями других.

До третьей стадии – самоисследования – доходят лишь самые интеллектуальные виды. На этой стадии они используют зеркало, чтобы изучить те части своего тела, которые не могут рассмотреть без него (например, открывают рот и разглядывают зубы). Подобное поведение говорит о том, что животное осознает факт собственного существования, т. е. в некотором смысле оно способно к самосознанию. Самоисследование с помощью зеркала ярко выражено, например, у шимпанзе и удивительно напоминает поведение человеческих детей в аналогичной ситуации. Более того, З. А. Зорина и А. А. Смирнова в книге «О чем рассказали “говорящие” обезьяны» описывают случай, когда шимпанзе занималась самоисследованием с помощью подключенной к монитору видеокамеры, засовывая ее себе в рот, чтобы разглядеть, что же находится глубже, в горле. Поневоле

вспоминаешь собственную детскую досаду на то, что зеркало не позволяет рассмотреть загадочные глубины, скрывающиеся за корнем языка.

Некоторые животные не способны узнать в зеркале самих себя, но понимают, что оно отражает находящееся перед ним пространство, и умеют этим пользоваться. Домашние собаки, хорошо знакомые с зеркалами, иногда используют их для того, чтобы увидеть нечто, находящееся вне области их обзора (например, спрятавшуюся за диваном кошку). Свиньи тоже могут использовать видимую в зеркале информацию: в эксперименте семь из восьми свиней смогли обнаружить миску с кормом за стеной, пользуясь отражением в зеркале. Восьмая свинья попыталась отыскать миску за зеркалом.

Главная проверка на способность животного понимать, что оно видит в зеркале именно свое собственное изображение, – это так называемый марк-тест. Он состоит в том, что тестируемой особи незаметно наносят метку на ту часть тела, которую она может увидеть только в зеркале. Если помеченный зверь перед зеркалом начинает вести себя так, будто понимает, что метка находится на его собственном теле, – касаться ее, пытаться стереть или поворачиваться таким образом, чтобы рассмотреть ее получше, – тест считается пройденным.

Человеческие дети начинают успешно проходить этот тест в возрасте полутора-двух лет. Среди других животных тест прошли сороки, слоны, шимпанзе, бонобо, орангутаны, гориллы, дельфины-афалины, косатки. С другими видами результаты менее однозначны. Интересно, что некоторых животных удается этому научить, хотя спонтанно пройти тест они не способны. Например, зафиксированных в специальном штативе макак обучали касаться точки от лазерной указки в таких местах, которые они могли увидеть только в зеркале, – сначала на окружающих предметах, а потом на своем собственном теле. Научившись касаться точки на себе, макаки фактически стали проходить марк-тест, но самое интересное – после этого они начали спонтанно проявлять перед зеркалом элементы самоисследования: рассматривать части своего тела, видные только в отражении. Получается, что они не просто механически научились использовать отражение, а поняли сам принцип, на котором оно основано, и что они видят в зеркале именно свое тело. Видимо, в каком-то зачаточном состоянии представление о себе у них все-таки имеется.

С косатками марк-тест проводили все в том же океанариуме «Маринлэнд». В эксперименте приняли участие четыре особи: две взрослые самки Шаркан и Фрея, дочь Шаркан по имени Шука и ее отец, взрослый самец Ким. На одном из подводных окон в бассейне установили одностороннее зеркало, позволявшее наблюдать все действия животного снаружи, как через прозрачное стекло. Новшество сразу заинтересовало косаток: все четверо проводили перед зеркалом больше времени, чем перед обычными окнами, но больше других увлеклась им Шаркан. Киму удавалось посмотреться в зеркало лишь тогда, когда самки пускали его, временно пресытившись новой игрушкой.

Перед зеркалом косатки демонстрировали явные признаки «проверки случайности»: трясли и качали головой, открывали рот, высывали язык, при этом старательно наблюдая за действиями отражения. Иногда они приносили к зеркалу кусочек рыбы и играли с ним, отпуская и хватая вновь, шевелили грудными плавниками и выпускали из дыхала пузырьки воздуха. Перед обычными окнами они не проделывали ничего подобного, кроме разве что открывания рта и качания головой, но это происходило значительно реже, чем перед зеркалом.

После того как косатки достаточно освоились с зеркалом, с ними провели марк-тест. Метки наносились на кончик морды путем втирания антисептических мазей: белой в черную кожу верхней челюсти и темно-зеленой в белую кожу нижней. Метили только самок: Шаркан и Шуку дважды, а Фрею три раза. Когда всех трех самок метили одновременно, они подходили к зеркалу и демонстрировали все описанное выше поведение «проверки случайности», но результаты было трудно интерпретировать, поэтому исследователи провели один индивидуальный тест с Фреей. Помеченная, она подплыла к зеркалу и поводила головой в стороны,

наблюдая за своими движениями. Затем она подплыла к стенке бассейна и потерлась своим раскрашенным носом, вернулась к зеркалу, поводила головой туда-сюда и снова потерлась об стенку. Так она делала трижды, и каждый раз после потирания на ее роструме оставалось все меньше мази.

Из описанного ясно, что Фрея прошла марк-тест, но единичность этого случая не позволяет с уверенностью говорить о виде в целом. Впрочем, мало кто действительно сомневается в способности косаток узнавать себя в зеркале – ведь дельфины-афалины тест прошли, а косатки не только не уступают им по интеллекту, но, судя по всему, даже превосходят их.

Бухта Полуденная, XXI век

– Эти острова только затем на карте обозначены, чтобы корабли не натыкались.

Остров Беринга. Село Никольское. Утро. Просыпаюсь от стука в дверь. Иду открывать, по дороге пытаюсь вспомнить, кто я и где я. На пороге две приветливые, очень прилично одетые тетушки начинают бодро рассказывать, что вот они тут распространяют важную интересную информацию, и, может быть, я захочу посмотреть (суют мне буклет) и узнать, в чем смысл жизни и про Бога... Иеговисты.

Впервые на Командоры мы попали 2007 году. Точнее, для меня это был уже третий раз – после двух песцовых экспедиций на остров Медный в 1999 и 2000 годах, но на этот раз мы работали не на Медном, а на самом большом и единственном населенном острове архипелага – Беринга. Он назван так в честь командора Витуса Беринга, командовавшего Второй Камчатской экспедицией. На двух маленьких пакетботах – всего по 24 метра длиной каждый – экспедиция, состоявшая изначально из 143 человек, дошла с Камчатки до западного побережья Северной Америки. На обратном пути пакетбот, на котором шел Беринг, попал в шторм, и его выбросило на скалы у северо-восточного побережья острова, в месте, которое теперь называется бухтой Командор. Случилось это поздней осенью, и команде пришлось зазимовать на острове в наспех вырытых землянках. Моряки страдали от цинги и других болезней, и многие погибли, включая самого командора. Могила Беринга в бухте Командор – одна из достопримечательностей острова.

Перезимовав, выжившие соорудили новое судно из остатков прежнего и добрались до Усть-Камчатска. Они везли с собой шкуры песцов и каланов и рассказы о бесчисленных котиковых лежбищах. На Командоры потянулись промышленники. Первой их жертвой стала стеллерова корова – гигантский родич дюгоней и ламантинов, представитель отряда сиреновых. Сиреновые – единственные полностью растительноядные морские млекопитающие, а ближайшими родственниками им приходятся слоны и даманы. Стеллеровы коровы носят имя Георга Стеллера – натуралиста из команды Беринга, который даже в условиях терпящей бедствие экспедиции не прекращал свои исследования и по мере возможностей описывал фауну и флору острова. В честь него названы несколько видов животных и географических объектов, например самая высокая точка острова Беринга – гора Стеллера – и красивая скала в форме буквы П – арка Стеллера (правда, в народе ее также называют «штаны Тетеринова», причем, кто такой был этот Тетеринов, история умалчивает).

Стеллеровы коровы были совершенно беззащитными животными, они медленно плавали и не имели шансов спастись от зверобоев, жаждавших пополнить запасы свежего мяса. С момента их открытия Стеллером до полного истребления в 1768 году прошло всего 27 лет. Та же судьба постигла еще одного эндемика Командорских островов – гигантского нелетающего стеллерова баклана, который был окончательно истреблен к 1852 году.

В бухте Командор осталось много артефактов от экспедиции Беринга, в том числе пушки с пакетбота «Святой Петр». Много лет они пролежали в грунте, и лишь в 1935 году несколько пушек, вымытых штормом, обнаружили местные жители. (История находки этих пушек в художественной обработке показана в фильме «Стеклянные бусы»; вообще, фильм этот довольно интересен старыми съемками Никольского, хотя мальчика-алеута там играет казах, а вместо командорских песцов использованы белые материковые.) Правда, вывезти их тогда не удалось, потом их снова замыло, и лишь в 1946 году первые три пушки удалось извлечь. Две из них перевезли в Никольское, а одну отправили в краеведческий музей в Петропавловск-Камчатский. Впоследствии пушки из Никольского забрали, чтобы передать их на родину Витуса Беринга – в Данию – для улучшения политического климата в годы холодной войны.

Следующую партию из семи пушек откопали только в 1981 году, а потом еще четыре – в 1991 году. Часть из них снова отправили в Петропавловск, а семь пушек остались в Алеутском краеведческом музее в Никольском. В самом здании поместились только три, а оставшиеся четыре были выставлены под стеной музея снаружи, где они благополучно пролежали много лет, вплоть до 2012 года. Весной, когда вокруг музея в очередной раз растаял снег, обнаружилась недостача одной пушки. Тут стоит упомянуть, что пушки эти длиной около двух метров и весят по 200–300 килограммов, т. е. это не совсем тот предмет, который можно унести в кармане. В самом Никольском, понятное дело, пушка никому не нужна, так что для реализации ее необходимо было как-то вывезти в город – а сделать это можно только морем. Погрузка на пирсе производится с помощью крана при большом стечении народа, т. е. необходимо было замаскировать пушку под что-то другое или тайно протащить ночью. Так или иначе, мероприятие это требовало спланированных усилий и продуманной организационной подготовки, что автоматически исключало из списка подозреваемых большинство местных жителей.

Было очевидно, что пушку вывезли еще зимой, задолго до того, как была обнаружена ее пропажа, и два года ее дальнейшая судьба оставалась загадкой. А потом ее нашли – где бы вы думали? – на пункте приема металлолома в Петропавловске-Камчатском. Пушку экспедиции Витуса Беринга, большую историческую ценность, попытались сдать на металлолом! Идиотизм этого поступка был очевиден всем, кроме самого сдававшего. Его задержали, и через него удалось выйти на организатора «идеального преступления» – им оказался местный депутат. Он организовал похищение и вывоз пушки, планируя продать ее на дачу какому-то толстосуму, но по неизвестной причине сделка сорвалась на последнем этапе. В итоге пушка так и осталась в Петропавловске – ее передали в местный краеведческий музей. Чтобы обезопасить остальные пушки, с лужайки перед музеем их переместили на главную площадь Никольского и поставили на лафеты за спиной алеутского Ленина, грозно направив их наружу, в море, хотя история похищения как бы намекала, что основная опасность таится внутри.

Эта история при всей ее трагикомичности – прекрасная аллегория происходящего на Дальнем Востоке в целом. На попытки развития этого региона тратятся огромные усилия и деньги, но все они в основном вылетают в трубу, потому что красиво смотрящееся на бумаге оказывается никому не нужно в реальности. Как и в науке, чаще финансируются яркие и харизматичные проекты (а также те, на которых можно больше «распилить»), а не действительно необходимое. Большинство дальневосточных поселков, которые мне приходилось видеть, – от Эвенска до Провиденция – выглядят так, будто там случилась эпидемия чумы или ядерная война. Обшарпанные дома, множество брошенных полуразрушенных зданий с мертвыми окнами-глазницами, кучи мусора, торчащее повсюду ржавое железо, улицы, состоящие сплошь из пыли в сухую погоду и из грязи в дождливую. Привести все это в порядок не так дорого в масштабах многочисленных бессмысленных и ненужных проектов, но никто этим не занимается. В этом смысле Никольское – счастливое исключение: году в 2010-м там начали красить и ремонтировать здания, и теперь оно радует глаз разноцветными домиками, издалека слегка напоминающими скандинавские деревушки. Вблизи, конечно, разница существенная, но все равно сейчас село выглядит гораздо симпатичнее, чем скопление серых бараков, представшее перед нами в 2007 году.

Мы с моим партнером и коллегой Иваном Федутиним приехали тогда поработать на остров Беринга, воспользовавшись давним знакомством с Николаем Павловым, который участвовал в нашем проекте в первые годы, а к тому времени стал директором Командорского заповедника. Правда, в те времена у заповедника не было ни финансирования, ни инфраструктуры, так что максимум, чем он мог нам помочь, – это выделить одну лодку и инспектора в помощь. Мотор для лодки мы позаимствовали у начальника командорского пункта Севвострыбвода Дмитрия Шитова. Жена Димы, Марина, пару лет назад приехала работать в Командорский заповедник из Кирова (там находится один из трех российских вузов, выпускающих охотоведов, поэтому на Дальнем Востоке среди инспекторов и научных

сотрудников довольно много людей, происходящих из этого региона). Когда она немного обжилась в Никольском, к ней присоединились Дима с дочкой. Дима оказался человеком опытным, надежным и добросовестным, и ему почти сразу предложили работу в Севвострыбводе. Дима и Марина стали нашими хорошими друзьями и постоянно помогали нам во время наших экспедиций. Без этой помощи мы едва ли смогли бы сделать и малую долю тех открытий, которые ждали нас в командорских водах.

Никольское – единственный населенный пункт на Командорах. Раньше на Медном было село Преображенское, но в 1970 году его решили закрыть ввиду нерентабельности, а всех жителей переселили в Никольское. На месте Преображенского осталась только погранзастава, но после трагического случая в начале 2000-х, когда нескольких пограничников унесло в море (они перегоняли вдоль берега бревна, связанные в плоты, и внезапно поднялся отжимной ветер), погранзаставу тоже закрыли. С тех пор единственными человекообразными обитателями Медного стали наезжающие на лето научные сотрудники – сивучатники и песчатники.

Хотя Командорские острова были необитаемы до того, как экспедиция Беринга случайно открыла их в 1741 году, существенную часть жителей села Никольского составляют представители КМНС – коренных малочисленных народов Севера. Это потомки алеутов, когда-то переселенные на Командоры с Алеутских островов Российско-американской компанией.

В целом «коренные» и «некоренные» командорцы живут дружно, и не всегда можно понять, где кончаются одни и начинаются другие, тем более что на протяжении десятков лет они неоднократно перемешивались друг с другом. В этом суровом краю люди часто нуждаются в помощи, поэтому особенно ценят прочные социальные связи. У каждого постоянно возникают проблемы, вроде застрявшей в речке машины или сломавшегося в тундре квадроцикла, и здесь просто необходимо иметь друзей, которые готовы все бросить и прийти к тебе на помощь, даже когда она очень трудоемка и рискованна. Поэтому каждый житель Никольского имеет сложную разветвленную сеть друзей и доброжелателей.

Ноту раздора традиционно вносят квоты на вылов рыбы, по которым КМНС имеют существенные преимущества по сравнению с прочим населением. По этой причине в алеуты записываются все, кто только может, – имеющие хоть малую долю алеутской крови или даже просто некровные родственники, скажем жены и мужья КМНС. Естественно, это кажется несправедливым «некоренным», которые родились и прожили на острове всю жизнь, и они порой поминают КМНС недобрым словом, но и те не остаются в долгу. А еще КМНС любят при первой же возможности повесить лапшу на уши неопытным слушателям. Один алеут, по случаю заглянувший в наш полевой лагерь, как-то с очень серьезным лицом рассказывал нам: «Если у чаек забрать две кладки, то в третью они откладывают яйца уже насиженными. А бакланьи яйца невозможно варить – у них такая толстая скорлупа, что даже в кипящей воде яйцо остается сырым». За рубежом сейчас стало довольно популярно использовать в научных статьях про морских млекопитающих так называемые «традиционные экологические знания», т. е. те байки, которые эскимосы рассказывают заезжим бледнолицым ученым за чашкой чая. Встречая в статье ссылку на «традиционные знания», я каждый раз вспоминаю того алеута и его чаек, откладывающих насиженные яйца.

В первый год работ на острове Беринга основной нашей целью была разведка – много ли там косаток. Мы даже не выходили в море – просто сидели на берегу бухты Полуденной в центре юго-западного побережья острова и учитывали всех увиденных в бинокль китообразных. А их оказалось немало: на горизонте то и дело виднелись фонтаны кашалотов, время от времени мимо бухты проходили группы северных плавунов, а уж косаток было столько, что сомнений не оставалось – работать тут просто необходимо!

Место наблюдений, которое Ванюха выбрал по карте, оказалось очень удачным – тут ближе всего подходит к берегу свал глубин. Океанское дно неоднородно – оно

состоит из мелководного шельфа, окружающего материка и острова, и океанического дна, отстоящего на несколько километров от поверхности океана. Переход между ними – свал глубин, – как правило, отличается повышенным биоразнообразием и концентрацией морских организмов, чем привлекает китов. Плавуны и кашалоты встречаются там потому, что питаются глубоководными кальмарами и придонными рыбами, которых бывает особенно много вдоль свала. Другие киты, например горбачи, могут скапливаться над свалом в районах апвеллинга – подъема воды с глубины. Апвеллинг выносит на поверхность вещества, необходимые для роста водорослей, которые быстро расходуются в освещенном слое, поэтому в районах апвеллинга всегда высокая продуктивность.

Ширина шельфа сильно различается в разных районах – обычно это около 10–20 километров, но кое-где, например в восточной части Берингова моря или в арктических морях, он может простирается на несколько сотен километров от берега. А в некоторых местах шельф бывает очень узок, и тогда вблизи от берега можно наблюдать глубоководные виды – например, кашалотов или северных плавунов. Одним из таких удачных мест и оказалась наша бухта Полуденная. Впрочем, тогда, на заре командорского проекта, нас интересовали в основном косатки.

На следующий год, воодушевленные успехом, мы прибыли в Полуденную уже в пятером, прихватив с собой Таню Ивкович и двух моих тогдашних студентов – Женю Лазареву и Мишу Нагайлика. Мы договорились, что двое из нас будут оставаться на берегу и наводить лодку, отыскивая косаток в бинокль, а трое – работать в море. Поначалу все шло отлично. В первый же день дежурный наблюдатель разбудил всех в семь утра, увидев косаток вскоре после начала вахты. Мы резво собрались и вышли в море. Погода была хорошая, косатки не слишком вредные, и мы смогли их неплохо отснять и даже записать немного звуков. Второй день тоже начался с ранней побудки. И третий тоже. Косаток было так много, что мы работали каждый день без отдыха, и в сочетании с бытовыми проблемами на новом месте это быстро привело к тому, что мы совершенно вымотались. Спасением стала пара дней плохой погоды, задержавшей нас на берегу, после чего мы взялись за косаток с новыми силами.

Один из важнейших вопросов, которые мы надеялись разрешить, состоял в том, ходят ли камчатские косатки на Командоры, или эти сообщества полностью изолированы. Поначалу мы встречали только незнакомых косаток – Таня никого не узнавала и тщательно просматривала каталог. Но на третий день в одной из групп, державшейся чуть поодаль от основного скопления, мы заметили подозрительно знакомый крючковатый плавник. Хуки! Да, это был он и вся его семья в полном составе. Они не смешивались с местными и держались несколько обособленно, но тем не менее они были здесь, на Командорах, в скоплении командорских косаток.

Дальше стало еще интереснее. Отработав с семьей Хуки, мы заметили еще одну группу и направились к ней. Но этим косаткам наша лодка совсем не понравилась – они не подпускали даже на расстояние приличного снимка, заныривая при нашем приближении и выныривая, непредсказуемо меняя направление (впоследствии мы часто сталкивались с этой техникой избегания, особенно характерной для командорских косаток, но изредка встречающейся и на Камчатке). Все, что нам удавалось от них получить, – это фото маленьких черных треугольничков на горизонте. В одну из таких попыток Таня вдруг вскрикнула от неожиданности: «Там белая косатка!» Увеличив фото черных треугольничков, она и вправду смогла разглядеть и показать нам на экранчике фотоаппарата детеныша необычно светлого окраса. Он был не чисто-белым, а скорее желтым – маленькие косатки часто имеют желтоватый оттенок тех частей тела, которые становятся белыми у взрослых. Желтый малыш немедленно получил кличку «Лимон». Впрочем, толком отснять его семью нам так и не удалось: они упорно уходили от нас. В какой-то момент показалось, что косатки наконец привыкли к нам, – они перестали вилять и спокойно шли, подставляя бока под объектив фотоаппарата. Мы радовались ровно до того момента, пока не сообразили, что животных стало как-то мало. Огляделись по сторонам и заметили основную группу почти на

горизонте. Рядом с нами шли всего четверо – двое взрослых самцов и двое «других» – самок или молодых, отвлекая наше внимание от семьи с детенышами. Через некоторое время, решив, что задача выполнена, они тоже вынырнули и исчезли. Мы не стали их преследовать, поскольку такой маневр как бы намекал, что мы достали их окончательно. Приличных снимков Лимона в тот раз нам сделать так и не удалось, но история с белыми косатками имела продолжение двумя годами позже.

Еще через три дня мы встретили нашу первую плотоядную командорскую косатку. Дежуривший на точке наблюдения Миша заметил ее случайно – вообще-то, он рассматривал в бинокль стадо северных оленей, пасшихся на прибрежной террасе. Косатка шла так близко к рифам, что, если бы не Мишино досужее любопытство, он едва ли ее увидел бы, ведь основное внимание при сканировании акватории направлено на более удаленные от берега участки. Косатка была одна, и она зашла в самую бухту – такое случалось всего дважды за всю нашу работу на Командорах. Когда мы выскочили к ней на лодке, она, по обычаю транзитников, пару раз вынырнула у самого борта, изучая нас то ли на предмет съедобности, то ли просто из любопытства. Потом потеряла к нам интерес, и мы долго шли за ней вдоль рифов, безуспешно пытаясь подобраться поближе. Вскоре мы ее потеряли и никогда больше не встречали.

Вечером того же дня нас ждала еще одна встреча со старыми друзьями. Вперемешку с командорской группой, с которой мы работали два предыдущих дня, шла наша авачинская семья Чиж! Тут уже не было сомнений – камчатские и командорские косатки плыли бок о бок, жизнерадостно общаясь друг с другом. Вопрос об изолированности сообществ был снят.

Все это происходило во второй половине мая. А в июне потеплело, и на остров Беринга опустился туман. Плотный, беспросветный, он скрыл от нас море, не оставив ни малейших шансов на работу. Погода держала нас на берегу целую неделю – тогда это казалось несправедливо долгим сроком. Мы обрабатывали данные, строили баню из найденных на берегу досок и полиэтилена и с нетерпением ждали новых встреч с косатками.

Наконец просветлело, и мы снова начали выходить в море. Нам встречались все те же командорские рыбацкие группы и один раз – семья Хуки (похоже, она так и держалась весь месяц в акватории Командор). Потом снова сгустился туман, но мы продолжали наблюдать за тем клочком моря, который было еле видно сквозь белую пелену, потому что из заповедника по радиации нам сообщили об угрозе цунами. Это, конечно, была глупость – точно прогнозировать цунами можно только после породившего его землетрясения, но уж никак не заранее. Тем не менее отдельные представители нашего маленького отряда, отягощенные непосильным грузом ответственности, постановили из соображений безопасности круглосуточно наблюдать за морем. Если бы не это, мы никогда не заметили бы двух самцов, выныривавших на самой границе тумана.

Лодка срочно отправилась в море и вскоре настигла этих самцов. Оказалось, что выныривают они не просто так – они что-то ели под водой. На поверхность всплывали куски мяса, но их мгновенно выхватывали вездесущие чайки, глупыши и альбатросы, не оставляя научным сотрудникам ни малейшего шанса. Еле-еле мы смогли поймать маленький кусочек, но по какой-то причине ДНК из него выделить впоследствии так и не удалось, так что видовая принадлежность добычи для нас осталась загадкой. А этот вопрос оказался более серьезным, чем нам казалось в тот момент. Дело в том, что в восточной части Тихого океана – у североамериканского побережья – обитают не два, а целых три экотипа косаток: описанные выше рыбацкие резиденты, плотоядные транзитники и третья группировка, которая генетически близка к резидентным, но держится обычно вдали от берегов, поэтому редко попадает в поле зрения ученых и пока еще плохо изучена. Их называют офшорными или мористыми косатками. Считается, что они питаются в основном рыбой, и несколько раз наблюдали охоту этих косаток на акул. Увидев всплывающие куски добычи наших двух самцов, мы не сомневались, что это останки какого-то морского млекопитающего, скорее всего тюленя, так как

на рыбу это было совершенно не похоже. Но в тот момент мы не знали о диете офшорных косаток, и нам даже в голову не пришло, что это могут быть куски акульею мяса.

В российских водах офшорные косатки до сих пор не обнаружены, хотя они встречаются на Центральных Алеутах, что по косаточьим меркам не так уж далеко от Командор. Что же заставляет меня предполагать, что те два самца могли быть офшорными? Все дело в звуках. Пока Миша с Таней пытались выловить из моря кусочки мяса, Женя записала звуки, и они оказались весьма необычными. Это были стереотипные свисты очень высокой частоты, отчасти даже в ультразвуковом диапазоне. Мне никогда не доводилось слышать ничего подобного ни у резидентных, ни у транзитных камчатских косаток. Но несколько лет спустя, работая с записями канадских косаток в Ванкуверском аквариуме, я внезапно наткнулась на файл с точно такими же свистами. Совпадало все – и форма модуляции, и частотный диапазон. Посмотрев комментарии, я узнала, что это запись офшорных косаток во время охоты на акулу.

Биопсию у двух наших самцов мы взять не смогли, из кусочка добычи ДНК выделить не удалось, а по различимым на фото внешним признакам они могли быть как транзитниками, так и офшорниками. Так что возможны две версии: либо командорские транзитники умеют издавать точно такие же стереотипные высокочастотные свисты, как канадские офшорники, либо, что более вероятно, те два самца все же относились к офшорному экотипу. Так или иначе, точного ответа на этот вопрос мы получить не смогли, а других встреч с офшорными косатками в российских водах пока не отмечено, так что эта загадка остается неразрешенной.

В целом опыт работы на Командорских островах был успешным, но нас постоянно ограничивала погода. Даже по сравнению с довольно открытыми водами Авачинского залива Командоры оказались слишком ветреными для работы на надувных «Зодиаках» – мы теряли очень много потенциально рабочих дней из-за условий, которые были бы вполне переносимыми на чуть более крупном и защищенном от брызг судне. На открытой плоскодонной маленькой лодочке прыганье по волнам каждый раз приводило к насквозь промокшим «непромокаемым» морским костюмам и к проблемам с позвоночником. Мы стали задумываться о приобретении катера.

Благодаря удачному стечению обстоятельств в 2010 году наша мечта стала реальностью. На скопленные деньги мы купили во Владивостоке 25-футовый катер без мотора, а Бурдин со своего гранта приобрел к нему в Петропавловске мотор. В конце мая наш старый знакомый капитан Олег Будимирович, с которым мы за год до этого снимались с Карагинского, выгрузил нас вместе с катером в Никольском. С некоторой опаской, впервые управляя таким килеватым суденышком, по широкой зыби мы отправились в Полуденную.

Уже заходя в бухту, мы встретили лодку Командорского заповедника с директором, инспектором, английским туристом и мотором без колпака. Директором незадолго до этого был назначен Андрей Леонидович Стрельников, сменивший на этой должности нашего друга Николая Павлова. Поездка с английским туристом была одним из первых его выходов в акваторию заповедника. Англичанин не говорил по-русски, а директор и инспектор толком не могли объясниться по-английски, так что все они очень обрадовались, обретя переводчиков в нашем лице. После недолгой беседы выяснилось вот что: англичанин был бердвотчером и приехал на остров, стремясь увидеть красноногую говорушку – редкий вид в фауне России, который гнездится на Командорских островах. Ближайшая колония располагалась в бухте Дикой, километрах в пятнадцати на юг от Полуденной. Проникнувшись ответственностью задачи, директор сам решил поехать провожатым, прихватив еще инспектора, который считал себя бывалым мореходом. Они вышли из Никольского тем же утром чуть раньше, чем мы. К сожалению, бывалым мореходом инспектор в действительности не был, но он компенсировал недостаток опыта лихостью и беспечностью. В результате по дороге лодка налетела на подводный камень, так как шла слишком близко к берегу. Им повезло – мотор серьезно не пострадал, только колпак слетел от удара и безвозвратно пропал в

море. Впрочем, это ничуть не обескуражило отважного инспектора – он решил, что причалит в Полуденной и приладит вместо колпака картонную коробку. Когда выяснилось, что картонную коробку мгновенно сдувает ветром и смывает «писалкой» мотора, он решил продолжить путешествие как есть. Тут-то мы и встретили их на выходе из бухты. У англичанина, который, в отличие от инспектора, имел хоть какой-то здравый смысл, глаза уже лезли на лоб от всего этого идиотизма, но поделаться он ничего не мог, так как сопровождающие почти ничего не понимали из его протестов. Едва услышав от нас первые английские слова, он разразился длинной эмоциональной речью, общий смысл которой заключался в том, что у него в рюкзаке оборудование на тысячи долларов, а эти идиоты везут его сами не зная куда на сломанном моторе, не умеют пользоваться GPS и вообще ничего не соображают. Когда я в смягченной форме перевела эти претензии инспектору, он возмущенно возразил, что пользоваться GPS он прекрасно умеет, а на камень налетел просто случайно. «Эти англичане такие трусливые», – с презрением добавил он. Впрочем, после коротких переговоров удалось добиться того, чтобы они отказались от дальнейшего путешествия и согласились вернуть туриста в Никольское.

Ну а мы остались в Полуденной и начали учиться работать с катера. Это оказалось не так-то просто: по сравнению с верткой лодкой катер ощущался таким неповоротливым автобусом, и гоняться на нем за проворными командорскими косатками было нелегко. Отдельную проблему представляла собой «парковка» катера. Лодки мы каждый раз, возвращаясь в лагерь, вытаскивали на берег, где им был не страшен накат, так как Полуденная хоть и довольно закрытая по командорским меркам бухта, но более или менее сильный прибой есть там почти всегда, и брошенную в воде у берега лодку очень быстро стерло бы до дыр. Полуторатонный катер с хрупким пластиковым днищем мы, конечно, не могли вытаскивать на берег, поэтому пришлось соорудить для него якорную стоянку на безопасном расстоянии от берега. Сначала это был один буй, толстым фалом привязанный к лежащей на дне сетке с камнями. Но при сильных ветрах катер вместе с буюм и грузом довольно сильно таскало туда-сюда по бухте, нередко подтягивая близко к рифам, о которые с шумом разбивались волны. Поэтому через некоторое время мы установили второй, а потом и третий буй и стали растягивать катер веревками между ними. Такая конструкция прошла проверку временем, выстояв множество штормов и циклонов, и имеет лишь один существенный недостаток – длительность и трудоемкость выхода в море и возвращения. Чтобы добраться до катера, нам нужно сначала спустить на воду лодку, загрузить в нее оборудование и людей, доехать до катера, выгрузить в него оборудование и людей, подъехать к каждому бую, отвязать от него веревки и смотать их (а это толстые длинные канаты, покрытые склизкими серовато-желтыми водорослями), привязать к одному из буюв лодку и перепрыгнуть с нее на стартующий катер. При возвращении на берег все это продельвается в обратном порядке, с тем нюансом, что если за время нашей работы в море поднимается ветер, то подойти на катере к лодке, прыгнуть в нее и привязать к бую носовой конец становится очень сложно, так как катер непрерывно сносит ветром, а компенсировать снос движком получается не всегда из-за большого радиуса разворота. В общем, то еще развлечение.

Но все эти трудности с лихвой компенсируются погодной устойчивостью катера, которая, конечно, не идет ни в какое сравнение с условиями работы на надувной лодке. Длинный килеватый корпус защищает от тряски на встречающих волнах, а кабина закрывает от брызг, так что на катере нам случалось работать и в такую погоду, в какую на лодке мы даже не рискнули бы выйти в море.

В 2010 году – в наш первый год работы с катера на Командорах – мы провели на острове Беринга четыре месяца – с начала июня до конца сентября. Больше мы не задерживались там так надолго, потому что в конце сентября начинаются осенние шторма, и нам хватило одной встречи с таким штормом, чтобы всеми силами избегать повторения.

А встреча эта произошла так: к концу сезона мы уже довольно спокойно

относились к циклонам, которые то и дело проносило над островом. Ветер, туман, дождь – все это было, конечно, довольно неприятно, но не представляло серьезной опасности ни для нас, ни для нашего оборудования. Правда, катер на буях иногда таскало ветром взад-вперед по бухте, поэтому, когда по радию из заповедника нам передали прогноз на сильный северо-восточный ветер, мы решили на ночь закрепить катер у берега: северо-восток дует прямо по долине реки Полуденной с противоположного берега острова на наш и, разгоняясь вдоль долины, нередко достигает приличной силы. Мы опасались, что катер может оттащить на глубину, где причальные буи уже не будут доставать до дна, и тогда его может вовсе унести в море. Поэтому мы поставили его под берег, закрепив парой канатов.

Ночью ветер дул, как по прогнозу, и катер стоял как задумано – его оттягивало ветром от берега, и накат был слабым. С утра ветер несколько утих или, скорее, изменил направление, так что нашу бухту закрыли от него окрестные сопки. Зато в море поднялась высокая зыбь, и накат стал подтягивать катер к берегу, грозя выкинуть его на пляж и разбить. Мы решили поставить его назад на буи, но это оказалось не так-то просто. Едва мы стащили лодку к урезу воды, пришла очередная порция высокой зыби. Волны в море вообще обычно идут сериями – то сильнее, то слабее, я выучила это еще на Медном в свой первый студенческий год, проведенный с песцами. При работе на берегу нам постоянно приходилось проходить «непропуски» – выходящие в море скалы, которые можно обойти низом по отливу, а по приливу вода подступает вплотную, и приходится лезть через верх либо ждать отлива. Когда на море сильный накат и полуприлив, волны разбиваются о скалы и откатываются назад, и, выждав промежуток, когда они чуть ослабеют, можно успеть перебежать по оголившемуся дну (правда, если не рассчитать, то волна может накатить в процессе, налив неудачливому «перебегайцу» полные болотники холодной соленой воды, а то и утянув его в море).

Пока мы стаскивали лодку, как раз шла серия относительно слабых волн. Я держала ее, стоя по колено в воде, а Ванюха стал заводить мотор – и в этот момент пришла первая большая волна. Ощущение было такое, будто бухта Полуденная – это чашка, и ее слегка наклонила гигантская рука. Без всякого предупреждения вода вокруг нас вдруг резко поднялась и закрутила лодку, на которую я едва успела вспрыгнуть. Что было дальше, я плохо помню, кажется, мы пытались выровнять ее веслами, а потом наконец завелся мотор, и мы поехали к катеру. Высадившись на катер, мы отвели его к буям, закрепили и только тогда осмотрелись по сторонам. Картина была жутковатая: на рифах, окружавших бухту с севера и юга, зыбь ломалась, вставая стенами вспененных бурунов, а те волны, что докатывались до пляжа, уже начали подступать к нашим бочкам с бензином и прочему лодочному барахлу, сваленному в верхней части лайды, почти под самой травой. Мы стали прикидывать, как нам высадиться обратно при таком накате. Подойдя к берегу, мы не могли сразу вытащить лодку – для нас двоих она была слишком тяжела, и вытягивали мы ее обычно электрической лебедкой, закрепленной на вкопанном в землю деревянном упоре. Причалив, нужно было зацепить лодку за трос, добежать до лебедки, включить ее и ждать, пока она вытянет лодку, – а крутится она медленно. При такой зыби был шанс, что лодку подхватит накатом и утащит раньше, чем мы успеем ее зацепить, либо что ее будет болтать волнами, пока мы будем ее вытягивать.

Понаблюдав немного за окрестностями, мы сообразили, что накат на пляже можно предсказать за минуту-другую, глядя на буруны на рифах. Когда шла серия высокой зыби, на рифах вставала ревущая пенная стена воды, и через некоторое время зыбь начинала накатываться на лайду. Потом буруны на рифах чуть опадали, и накат на короткий период уменьшался до приемлемого уровня. Выждав такой момент, мы стартовали с катера и как раз успели зацепиться и запустить лебедку, так что новая серия высокой зыби лишь поддавала лодке под зад, но уже не в силах была стащить ее в море.

Лодку мы подтянули выше чем обычно – выше гравия на пляже, на поросшую травой платформу. Потом пришлось спасать все то, что было разложено на лайде,

тоже вытаскивая на траву, так как волна уже подступала вплотную. К вечеру зыбь стала еще выше и начала заходить на платформу. Легкими, непринужденными движениями море слизало у нас половину гравия с лайды, так что пляж стал подниматься под значительно более крутым углом, чем до шторма. Всю ночь мы слушали рев наката на рифах и гадали, что ждет нас с утра; воображение рисовало наш драгоценный катер, выброшенный на берег, с пробитым днищем. Но буи выдержали. Катер немного стащило с места, но он был все еще на безопасном расстоянии от берега и рифов. Зыбь к тому времени ослабла, ветер немного утих, и можно было перевести дух. Как только погода наладилась, мы быстро собрались и уехали в Никольское. В последующие годы мы снимались не позже середины сентября. Хотя сентябрь обычно хороший месяц, богатый на китов, но у нас нет ни малейшего желания снова встретить такой шторм в Полуденной.

А в Никольском между тем нас уже ждал начальник местной погранзаставы. В моем (тогда еще советском) детстве в число обязательных к прочтению детских книг наряду с «Незнайкой» и «Винни-Пухом» входили истории про отважных пограничников и их верных остроухих псов, отслеживающих подлых шпионов, которые то и дело норовят с коварными целями проникнуть на территорию Советского Союза. Мне и в голову не приходило, что когда-нибудь в числе этих нарушителей окажусь и я.

Прибрежная акватория Камчатки и Командорских островов формально является пограничной зоной. Никого не волнует, что до границы с США отсюда несколько сотен километров и располагается эта граница посреди Тихого океана, так что нарушить ее частному лицу, не располагающему достаточных размеров плавсредством, физически невозможно. Впрочем, как известно, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения, так что, пока мы работали на самой Камчатке, особых проблем с пограничниками у нас не возникало. Не возникало их и на Командорских островах до тех пор, пока на здешнюю погранзаставу не прислали нового начальника. Поговаривали, что его сослали на этот «край света» за склочный характер и допущенные в связи с этим профессиональные перегибы в месте предыдущей дислокации. В небольшом социуме села Никольского эти качества расцвели пышным цветом.

Началось все довольно мирно – при нашем очередном визите в поселок майор очень вежливо и дружелюбно объяснил нам, что теперь мы должны уведомлять пограничников по радию о каждом своем приходе в село и уходе из него. Ну ладно, подумали мы, чем бы дитя ни тешилось. Стали уведомлять. Кроме того, майор потребовал нарисовать на носу катера круг, разделенный на черную и белую половинки, – в каком-то устаревшем законе он раскопал, что все маломерные плавсредства в пограничной зоне должны иметь такой рисунок. Круг красуется на катере до сих пор – любопытствующим мы объясняем, что это стилизованная косатка, вид спереди.

Когда мы снялись с полевого лагеря, то пришли в Никольское, ведя на буксире лодку, которую весь сезон использовали для того, чтобы добираться с берега до катера. Подходя к селу, как обычно, сообщили по радию свой номер и количество людей на борту. Когда же на следующий день зашли на заставу, чтобы оформить какие-то бумажки, майор все с тем же дежурным дружелюбием заявил нам, что мы нарушили закон, не уведомив пограничников о том, что буксируем за катером лодку. Признаться, мы несколько охренели от подобного идиотизма, но майор был совершенно серьезен.

Пришлось заплатить штраф, но, поговорив с друзьями и знакомыми, мы выяснили, что были далеко не первой жертвой майора и, в общем, легко отделались. Особо яркими звездами в шлейфе его подвигов того лета сияли два случая. Во-первых, он оштрафовал «за незаконный выход в пограничную акваторию» рыбаков, завопивших сеть в устье речки и зашедших в море в болотных сапогах. Во-вторых, как-то раз ночью к селу подошло научное судно «Георг Стеллер», направлявшееся на Медный, и по причине большой срочности не стало дожидаться утра, так что двум людям из Никольского пришлось выйти к нему на лодке прямо ночью. Естественно, они не стали посреди ночи звонить на погранзаставу, чтобы

сообщить, что собираются проехать по священной погранзоне 300 метров до судна. А зря – по возвращении их ждал майор с готовыми протоколами.

Впрочем, приключения с катером и злоключения с пограничниками были далеко не единственными запоминающимися событиями того сезона. Тем летом на Командорах было отмечено появление огромных скоплений горбатых китов, которых мы не наблюдали там ни до, ни после. А еще мы встретили белого самца косатки.

Единственный в мире белый самец косатки

Люди умеют сделать жизнь интересной! Знаете ли вы, что во вселенной, полной чудес, им удалось изобрести скуку?

Из всех наших находок и открытий только одно оказалось достаточно интересным для широкой публики, чтобы попасть в новости на Первом канале. Причем с нашей точки зрения это было даже не открытие, а так – любопытное наблюдение, забавный казус природы. Но журналистам, представляющим и формирующим вкусы и интересы публики, встреча с белым самцом косатки показалась значительно более важной, чем все прочие наши исследования – все эти диалекты, социальные структуры и поведенческие экологии, вместе взятые.

На самом деле первой нашей белой косаткой был не самец, а маленький детеныш, которого мы увидели в 2008 году. В последующие годы Лимон, как мы его называли, попадался нам еще несколько раз – похоже, необычная окраска ему не особенно вредила, так как он быстро рос и выглядел вполне жизнерадостным. В 2009 году в другой семье мы повстречали взрослую самку белой окраски. В отличие от Лимона, ее удалось более-менее красиво отснять, и она даже попала на какие-то календари. Ее мы назвали Мама Таня в честь Тани Ивкович за похожую «расцветку». А в 2010 году нам встретился взрослый белый самец, которого впоследствии Эрих нарек Айсбергом, – он-то и стал сенсацией.

Это был один из тех дней, когда кажется, что все косатки северной части Тихого океана собрались, чтобы поглумиться над нами. Прямо перед нашей бухтой на несколько километров растянулось скопление из нескольких десятков косаток, все они плавали туда-сюда без определенной цели, общались и отдыхали, а мы в панике пытались отснять хоть кого-то. Получалось не очень – день был солнечный и ветреный, косатки то скрывались в волнах, то поворачивались против солнца, то просто уходили подальше, так, что все море вокруг было покрыто черными плавниками, находящимися вне досягаемости нашего фотоаппарата. Запись звуков тоже не радовала – криков было много, но все далекие, невнятные и непонятно от кого. И в этот драматический момент прямо перед нашим катером из воды показалось белое лезвие спинного плавника Айсберга, окруженного десятком черных собратьев. Освещенный солнцем на фоне синего моря, он был очень красив, и мы на время бросили все, чтобы снять его на фото и видео. Айсберг не слишком стремился позировать, но мы упорно преследовали его и смогли сделать кое-какие фотографии.

Три дня спустя огромная агрегация косаток снова пришла к нашей бухте. Похоже, они собрались еще с ночи – первый наблюдатель, поднявшись в шесть утра на точку, сразу заметил черные треугольнички и немедленно устроил всем экстренную побудку. Косаток было очень много, больше сотни – по всему горизонту то тут, то там выныривали группы, идущие в разных направлениях. Это была одна из так называемых суперагрегаций, когда косатки из многих семей собираются вместе, общаются, спариваются и решают какие-то свои серьезные косаточьи вопросы. Довольно скоро мы заметили в одной из групп Айсберга. На этот раз мы не смогли уделить ему много времени, так как старались снять побольше косаток, пока они не разошлись или не испортилась погода. Опасения насчет погоды вскоре начали оправдываться – стало задувать с юга, а косатки, как водится, шли против волны, что весьма затрудняло нашу работу. Дойдя с ними до уровня бухты Дикой, мы решили оставить их, так как большая часть групп, находившихся в поле зрения, уже была отснята, и идти за ними дальше против волны казалось нецелесообразным. Мы поехали назад и тут же наткнулись на пару новых групп. Отсняли их, осмотрелись, никого больше не увидели и снова повернули в сторону дома. Не тут-то было – через несколько минут перед катером снова вынырнула группа, и в ней мы увидели белую самку – нашу старую знакомую с 2009 года по прозвищу Мама Таня. Получается, в этой суперагрегации встретились два из трех наших командорских «альбиносов»! Правда, они шли в разных группах, но с утра, в разгар веселья, вполне могли столкнуться лицом к лицу. Нам, конечно, сложно представить, как относятся косатки к своим белым

собратьям. Может быть, это и не играет для них такой роли, как для людей, – ведь для них главное не зрение, а слух, и цвет кожи сородича может не иметь большого значения.

Белый самец со своим высоким прямым плавником, конечно, смотрится на фоне черных сородичей более впечатляюще, чем самка или детеныш, – но не более того, поэтому нас несколько удивило, когда Эрих, узнав об этой новости и посмотрев фото, попросил их пока не распространять, как будто это было что-то чрезвычайно важное. Через некоторое время с помощью своего друга он организовал пресс-релиз, который пошел гулять по мировым новостям, удивительно преобразившись в процессе. Так родился мем «единственный в мире белый самец косатки», вынесенный в заголовок некоторыми журналистами.

Конечно, Айсберг не был единственным в мире – белых самцов косатки не раз наблюдали и до него, и подобный заголовок вызвал законное негодование у некоторых наших коллег. Ингрид Виссер из Новой Зеландии даже дала местному телеканалу целое интервью, в котором подробно объяснила, что, во-первых, Айсберг вовсе не белый, а просто «блондин», а во-вторых, вовсе не первый, так как сама она больше 10 лет назад наблюдала самца светлой окраски, будучи гидом на круизном судне, которое проходило через российские воды.

В действительности еще в 1952 году Зенкович писал о встрече с белым самцом в Анадырском заливе в середине 1930-х годов. В августе 1993 года белого самца наблюдали у острова Святого Лаврентия в Беринговом море, а в августе 2000-го – на центральных Алеутских островах, возле острова Адак. Интересно, что тот же самый алеутский самец был повторно встречен почти в том же месте восемь лет спустя, в 2008 году, другой группой исследователей. Поначалу мы думали, что, может быть, это и был наш Айсберг, так как по косаточьим меркам Адак находится не так уж далеко от острова Беринга, но, посмотрев на фотографии хорошего разрешения, мы убедились, что это два разных животных. В то же время мы неоднократно слышали от инспекторов, работавших на ярусоловах в Охотском море, что среди косаток, ворующих рыбу с ярусов, встречается белый самец, а порой и целая семья белых косаток.

Гораздо более интересен вопрос, является ли Айсберг и прочие наши белые косатки настоящими альбиносами или, как утверждала Ингрид, они «блондины», т. е. имеют просто осветленный окрас, подобно людям со светлыми волосами. Действительно, все белые косатки, которых удавалось хорошо сфотографировать вблизи, оказывались не чисто-белыми. Как правило, они имели легкий кремовый оттенок на тех частях тела, которые у нормальных косаток черные, а белые отметины так и оставались чисто-белыми и были хорошо заметны на этом желтоватом фоне.

Ключевое отличие альбинизма от других форм светлой окраски в том, что он происходит от дефектов в биохимической цепочке, задействованной в формировании меланина – пигмента, придающего цвет волосам, коже и глазам. Также светлая окраска может быть следствием лейкоизма (или лейцизма), при котором пигмент вырабатывается нормально, а изменения возникают в пигментных клетках. Лейкисты могут быть частично белыми, частично окрашенными, хотя встречаются и полностью белые животные – но даже в этом случае, как правило, они имеют нормально окрашенные глаза. У альбиносов же, поскольку поломка происходит на базовом уровне, пигмент отсутствует по всему телу, в том числе в глазах – в этом случае они обычно выглядят красными (из-за просвечивающих кровеносных сосудов) или голубыми, если пигмент «сломался» не до конца.

На самом деле есть много разных видов альбинизма, так как цепочка производства меланина длинная и сложная, и ломаться она может в разных местах. Если дефект влияет только на пигмент, то альбиносы могут быть почти здоровыми, если не считать уязвимости к прямым солнечным лучам. Но бывает и так, что проблема возникает в той части цепочки, которая оказывает влияние не только на выработку меланина, но и на какие-то другие жизненно важные процессы. Так было с Чимо –

единственной косаткой-альбиносом, содержавшейся в неволе. Чимо относилась к популяции плотоядных косаток Западного побережья США и Канады и была поймана еще детенышем вместе с несколькими другими нормально окрашенными членами своей семьи. В 1970 году их подкараулили и заперли сетями в бухте Педдер, где они и оставались на протяжении долгого времени, отказываясь от пищи (тогда еще не знали про различия между плотоядными и рыбающими косатками и пытались кормить их лососем). Впрочем, Чимо и еще одну молодую косатку быстро переправили в дельфинарий, где посадили в бассейн к жившему там рыбающему самцу, – и тот быстренько объяснил дикарям, как нужно есть лосося. Чимо прожила в неволе несколько лет, но в итоге все-таки погибла – и тогда выяснилось, что она страдала синдромом Чедиака – Хигаси, формой альбинизма, связанной с мутацией белка в лизосомах, что ведет к ухудшению фагоцитоза. Животные с таким синдромом подвержены повышенному риску гнойных инфекций, нейропатии и альбинизму.

Как и Айсберг, Чимо не была чисто-белой – судя по фото, черные в норме части тела были у нее светло-серого цвета. Кремовая окраска наших белых косаток похожа на другую разновидность альбинизма, которая у людей называется альбинизмом 2-го типа и выражается в желтой окраске волос, слабопигментированной коже и ослабленной окраске радужки. Мыши с той же самой мутацией имеют красные глаза и светло-серый или кремовый мех.

Альбинизм, как правило, рецессивен, т. е. если в двойном наборе хромосом (который в норме присутствует во всех клетках млекопитающих, кроме половых и некоторых специализированных клеток) одна хромосома несет дефективный аллель альбинизма, а другая – нормальный, то животное будет нормального окраса. Для того чтобы получилось животное-альбинос, на обеих хромосомах должны присутствовать аллели альбинизма. Поэтому альбинизм так редко проявляется – ведь вероятность, что в одном животном сойдутся два редких аллеля, невысока. По той же причине, хотя альбиносы обычно меньше живут и хуже размножаются, естественному отбору не всегда удается полностью «вычистить» дефектный аллель из популяции – он может существовать в скрытом виде у животных нормальной окраски, благополучно передаваясь от родителей к детям без всякого видимого проявления. Так что в большинстве естественных популяций диких животных время от времени рождаются альбиносы, хотя у некоторых видов, для которых критична маскировочная окраска, они не успевают дожить даже до половозрелости.

Для косаток альбинизм не так страшен – на них никто не охотится, и они очень мало времени проводят на солнце; возможно, поэтому среди них он встречается относительно часто. Другая возможная причина – близкородственное скрещивание. Так как у родственников вероятность наличия одного и того же редкого аллеля выше, то возрастает и вероятность того, что эти аллели сойдутся в одном животном, породив альбиноса. Популяции косаток по меркам млекопитающих довольно малочисленны – как правило, они насчитывают несколько сотен, изредка несколько тысяч особей, поэтому скрещивание родственников вполне возможно. Правда, у косаток есть приспособления для того, чтобы его избегать; одно из них – это система диалектов. Так как диалекты передаются по материнской линии и постепенно меняются со временем, они похожи у животных, недавно произошедших от одной самки, а у далеких родственников по материнской линии различаются сильнее. К сожалению, для выявления родственников по отцу такая система не работает, так что вероятность скрещивания, например, полубрата и полусестры, имеющих разных матерей, но общего отца, остается относительно высокой.

Вообще, в альбинизме как таковом нет ничего особенного, единственная причина его привлекательности для широкой публики – необычная внешность, которую он придает животным. Людям, далеким от науки, почему-то сложно понять, что любая самая обычная черно-белая косатка обладает набором поистине феноменальных качеств. Окружающий мир кажется таким людям скучным и банальным, и, чтобы хоть как-то привлечь их внимание и разбудить любопытство, нужно что-то яркое,

вроде косатки-альбиноса, подобно тому как крикливая попса выигрывает в популярности у классики или джаза.

Единственное, что привлекает публику сильнее, чем яркие, выдающиеся животные и явления, – это то, что трогает ее эмоционально. Но научные открытия, как правило, не способны сделать это напрямую – для этого им требуется посредничество журналистов. Пример тому – история 52-герцевого кита. В 1990-х годах, когда закончилась холодная война, США на некоторое время предоставили ученым-китоведам доступ к системе стационарных гидрофонов, смонтированных на дне Тихого океана для слежения за советскими подводными лодками. Помимо прочих важных и интересных данных, ученые обнаружили на записях странные крики, которые были не похожи на крики других китов. Они напоминали звуки синего кита, но были значительно выше – в районе 52 герц, в то время как синие киты кричат в диапазоне 10–40 герц. Звуки появлялись на записях из года в год в один и тот же сезон и перемещались по сходной траектории – как все нормальные сородичи, 52-герцевый кит совершал ежегодные миграции. Он путешествовал вдали от берегов, и найти его в море было почти нереально, так что загадка его странного голоса так и осталась загадкой. Кто-то считал, что это гибрид синего кита и финвала, другие полагали, что это какая-то мутация или дефект развития голосового аппарата. Эта история так и осталась бы забавным курьезом, известным лишь десятку специалистов, если бы не журналисты. Они подхватили ее и трансформировали, превратив главного героя в «самого одинокого в мире кита». По версии журналистов, 52-герцевый бедняга плавал по морям один-одинешенек и жестоко страдал от одиночества, так как другие киты не способны были его услышать.

Люди любят трогательные истории. А поскольку они крайне эгоцентричны, то трогают их лишь те истории, в которых они могут увидеть самих себя. Просто кит, который кричит на чуть более высокой частоте, чем собратья, никому не интересен. Другое дело – «самый одинокий в мире кит». Концепция одиночества людям – одним из самых социальных животных – близка и понятна, и никому нет дела до того, что диапазон слуха усатых китов достаточно широк, чтобы слышать и 52-герцевого, и 152-герцевого кита, а такая проблема, как одиночество, для этого животного может быть вообще неактуальна. История должна быть трогательной, и к черту подробности!

Несколько лет назад эта история имела забавное продолжение. Исследователи из Института Скриппса, просматривая свои записи, неожиданно наткнулись на звуки, очень схожие с теми самыми 52-герцевыми криками из 1990-х. Когда они проанализировали звуки с разных гидрофонов и определили направление на источник, выяснилось, что их стало двое, – печальный одинокий странник больше не был одинок. Так был разрушен романтический образ «самого одинокого кита в мире». Впрочем, это не остановило любителей дешевых сенсаций – немедленно группа киношников начала краудфандинговую кампанию по сбору средств на то, чтобы найти в море 52-герцевого кита и снять о нем фильм. Нереализуемость этой затеи была очевидна только специалистам, поэтому средства в объеме более 400 000 долларов собрали довольно быстро. Кита, правда, найти так и не удалось, но это не смутило хитрых киношников – они сняли фильм о своих безуспешных поисках и представили его восхищенной аудитории. На эти деньги можно было бы организовать несколько действительно полезных и интересных исследований.

Нам часто задают вопрос: зачем вообще изучать косаток? Какая от них польза – ведь их не едят и особой роли в жизни человека они не играют? На этот вопрос можно отвечать по-разному. Можно вспомнить о том, что косатки питаются рыбой, которую также ловят люди, поэтому нам важно изучать их, чтобы оценить, какой ущерб они наносят рыбным косякам. Можно порассуждать о независимой эволюции интеллекта в двух совершенно разных ветвях эволюции – приматов и китообразных. Но на самом деле правильный ответ на этот вопрос очень прост. Наши работы по изучению косаток и других китов – это так называемая фундаментальная наука. В отличие от прикладной науки, которая направлена на решение каких-то конкретных, сиюминутных полезных для человечества задач

(например, добыча нефти или создание ядерной бомбы), фундаментальная наука, по сути, занимается одним-единственным вопросом – как устроен мир. Она изучает любые его аспекты независимо от текущих проблем и ограничена лишь воображением ученого и наличием финансирования. Фундаментальная наука часто кажется бесполезной и порой действительно бывает таковой. Но именно она приносит человечеству открытия, на которых строится научный прогресс. Когда Максвелл занимался изучением электричества или супруги Кюри исследовали радиоактивность, никому и в голову не приходило, что от этого может быть какая-то практическая польза, – они делали это из чистого естествоиспытательского любопытства. Если бы не любопытство ученых, не было бы ни автомобилей, ни микроволновок, ни телефонов, ни компьютеров.

И совершенно неясно, какие из кажущихся сегодня бесполезными исследований станут завтра основой прогресса. Очевидно одно – страны, в которых фундаментальная наука процветает, в перспективе оказываются лидерами и в технологии, а те, которые финансируют только прикладные исследования, загоняют себя в тупик, и в будущем им придется покупать или воровать технологии за рубежом.

Что касается конкретно исследований косаток и вообще китообразных, у них много разных связей с другими областями – от экологии до подводной акустики. Но прежде всего киты – важный компонент экосистем, вершина трофической пирамиды. По состоянию их популяций можно судить о том, что происходит с экосистемой в целом. Они для этого очень хорошо подходят, так как, в отличие от рыб, постоянно всплывают на поверхность, и их численность и распределение можно довольно точно оценить. Для устойчивого использования морских ресурсов люди должны понимать, как работает вся экосистема в целом, и киты – очень важная ее часть.

А белых косаток мы после того случая видели еще не раз. В 2014 году нам встретился белый подросток на Северных Курилах. Забавно, что ровно через день после этого двух белых косаток – самку с детенышем – наблюдало круизное судно в Охотском море на восток от Сахалина; фотографии этой встречи впоследствии прислал нам гид с того судна Брэд Сивиор. Конечно, это не могли быть одни и те же животные – встречи произошли на расстоянии в несколько сотен километров, и даже быстроногие (точнее, быстрохвостые) косатки не способны преодолеть его за столь короткий срок.

Айсберга мы снова встретили в 2015 году, и снова в огромной толпе косаток. Погода была получше, чем в первый раз, так что мы смогли к нему подойти и как следует отснять и на фото, и на видео. С ним было несколько сородичей, которых мы встречали и тогда, в 2010-м, – видимо, члены его семьи, но точный состав установить снова не удалось, так как все шло очень разрозненно и постоянно сходились и расходились с другими семьями. Белая командорская самка Мама Таня продержалась дольше – после нескольких встреч в 2010 году она успешно избегала нас вплоть до 2018 года, когда ей снова не повезло попасть в наши объективы. А летом 2019 года белые косатки засветились в японских новостях – на севере Хоккайдо туристы сняли на видео группу, где были два белых животных. Но Айсберг благодаря поднятой в прессе шумихе до сих пор остается самой известной (кроме разве что Чимо) белой косаткой.

Не только косатки

Никто не знал, почему горбатые киты поют. Четверть века Нейт слушал их, наблюдал за ними, фотографировал их и тыкал в них палками, и тем не менее он до сих пор понятия не имел, зачем они это делают.

В отличие от Авачинского залива, в командорских водах, помимо косаток, оказалось множество других китов. В самом начале, в 2008 году, мы как-то встретили большую группу северных плавунцов и даже смогли ее неплохо отснять. Тогда мы делали это без определенной цели, просто по въевшейся привычке фотографировать всех китообразных, и только в шутку рассуждали о том, что можно было бы заняться их фотоидентификацией. Прошло несколько лет, прежде чем мы стали задумываться об этом всерьез. Плавунцы попадались редко, лишь по несколько раз за сезон, но, когда накопилось достаточно материала, Ванюха и вправду взялся разбирать эти фотографии – и стал первым в мире исследователем социальной структуры северных плавунцов.

С этими китами связана особая интрига, так и не раскрытая до сих пор. Японцы добывают их у своих берегов, и по промысловым отчетам вырисовывается странная картина: если среди молодых животных (до 20 лет) пропорция самцов и самок примерно одинакова, то среди более старших преобладают самцы, и их доля с возрастом становится все больше. Интересно также, что у плавунцов оба пола имеют зубы. У всех их ближайших родственников – клюворылов и ремнезубов – они есть только у самцов, самки же полностью беззубы. Эти зубы предназначены не для охоты, они – турнирное оружие, и самцы сплошь покрыты царапинами от зубов соперников.

Сопоставив факты, японский ученый Тосио Касуя предположил, что самцы плавунцов могут принимать участие в заботе о потомстве, – для этого они и живут дольше, а самкам зубы нужны, чтобы сражаться друг с другом за самцов. Корни этой идеи лежат в том, что в мире животных, как правило, конкуренция за партнера определяется родительским вкладом каждого пола. Среди млекопитающих вклад обычно выше у самок: ведь они и вынашивают детеныша, и выкармливают его молоком. Поэтому самцы сражаются за самок или соревнуются в красочных брачных демонстрациях, а самки стараются выбрать своему потомству отца с лучшими генами – того, кто сможет победить или затмить всех остальных. Но у других животных бывает и так, что родительский вклад самца оказывается выше: самка лишь оставляет ему яйца или икру, а он берет на себя дальнейшую заботу о потомстве. В таком случае конкуренция за партнеров возникает уже среди самок, и тогда они устраивают демонстрации и дерутся за самцов (впрочем, не всегда – ведь они «инвестируют» в потомство довольно много энергии, выращивая внутри себя кладку яиц или икринок, и это может уравнивать вклад самца). Поэтому Тосио и решил, что раз у самок есть боевые зубы, значит, самцы должны заботиться о детенышах. Впрочем, дальше логика в этой гипотезе пошла наперекосяк. У китообразных отцы обычно не заботятся о детях – ведь для этого нужно быть уверенным в собственном отцовстве, что почти нереально для этих подвижных и сексуальных животных. Поэтому Тосио предположил, что самцы плавунцов заботятся о своих родственниках по материнской линии – младших братьях и сестрах, племянниках и т. д. Но в таком случае совершенно непонятно, для чего же самкам боевые зубы, – ведь тогда получается, что за партнеров сражаются им все-таки незачем. Эта гипотеза также совершенно не объясняла более высокую долю самцов среди взрослых и старых животных.

Так или иначе, плавунцы оставались загадкой, ведь, кроме данных японского промысла, о них не было почти никакой информации. Оно и неудивительно – эти киты предпочитают районы свала глубин, так что обычно ходят слишком далеко от берега, чтобы их можно было изучать с небольших исследовательских лодок и катеров. Кроме того, с ними вообще очень сложно работать: они выныривают отдышаться на несколько минут, а потом заныряют как минимум минут на двадцать, а иногда на сорок и больше. За это время плавунцы могут пройти под водой приличное расстояние, так что их очень легко потерять, но, даже если

удается дожидаться их следующего выхода, он нередко оказывается слишком далеко, и, пока мы несемся к ним сломя голову, они успевают снова занырнуть. В общем, работа с плавунами, перефразируя Кристофера Мура, представляет собой моменты сумасшедшей активности, перемежающиеся долгими периодами ожидания. Она отнимает массу времени при зачастую не слишком-то многообещающих результатах. Идентифицировать плавуну тоже непросто – хотя каждое животное, кроме совсем молодых, покрыто индивидуальным рисунком царапин и шрамов, при разном освещении этот рисунок может довольно сильно различаться; кроме того, плавуну показывают над водой разные части тела – то голову, то переднюю часть спины, то область спинного плавника, и, чтобы выяснить, какой плавник приделан к чьей спине, приходится пристально просматривать и сравнивать десятки фотографий каждой особи.

Когда Ванюха разобрал снимки первых лет и составил каталог, сразу выяснилось, что, хотя за лето обычно у нас выходило не больше трех – пяти встреч, мы довольно часто встречали одних и тех же животных. Состав групп оказался довольно изменчивым: в отличие от рыбоядных косаток, которые всегда ходят со своей семьей, плавуну могут объединяться в группы с разными сородичами. То есть мы не нашли стабильных матрилинейных групп, которые соответствовали бы гипотезе Тосио Касуи. Но состав групп не был и совершенно случайным: некоторые животные из года в год предпочитали ходить вместе. Например, двух плавуну под номерами 001 и 007 мы впервые сфотографировали в одной группе в 2008 году; в 2010 и 2013 годах они встречались еще четырежды и всегда были вместе. Двух других китов под номерами 004 и 008 мы все время наблюдали вместе в 2008–2011 годах, и лишь в 2013-м восьмой впервые встретился без четвертого. Такие стабильные альянсы в составе изменчивых групп уже описаны для некоторых видов китообразных, например для всем известных дельфинов-афалин или для атлантических родственников плавуну – высоколобых бутылконосов.

По мере возможности мы старались брать биопсии с плавуну, хотя это и непростая задача. Помимо прочего, биопсии позволяют определить пол животных. Сделав это, мы не обнаружили описанного японцами преобладания самцов, хотя выборка пока невелика – из 37 биопсированных особей 20 оказались самками и 17 самцами. Так что, мне кажется, результат японцев отражает не реальное распределение полов в популяции, а то, какие животные чаще попадают к им под гарпун. Может быть, взрослые самки реже заходят в те районы или просто с возрастом становятся достаточно умными, чтобы избегать китобоев.

Кроме определения пола, эти биопсии сыграли важную роль в еще более интересном исследовании. В 2013 году японские ученые выпустили статью о существовании двух форм северного плавуну – классической «серой» и более мелкой «черной», которая раньше не была описана. Американские исследователи заинтересовались этой проблемой и стали собирать биопсии для генетического анализа по всей северной части Тихого океана. Вошли туда и наши пробы. В результате выяснилось, что по гаплотипу митохондриальной ДНК «черные» плавуну отличаются от «серых» на видовом уровне – более того, разница между мелкими «черными» плавунами и большими «серыми» оказалась сопоставима с разницей между «серыми» и южными плавунами, обитающими в Южном полушарии. «Черные» плавуну были обнаружены только в двух районах – на севере Японии и на Восточных Алеутских островах. Все наши командорские плавуну оказались «серыми», но впоследствии, обработав сборы от выброшенных на берег животных с Сахалина и Южных Курил, Ванюха нашел среди них несколько проб с гаплотипом «черного» плавуну. Скорее всего, «черный» плавун заходит от Японии довольно далеко на север, в глубокие воды центральной части Охотского моря.

Вторым видом китообразных, которым мы начали постепенно заниматься на Командорах, стали горбатые киты. Горбачи – это афалины среди усатых китов: самые заметные, харизматичные и лучше всех изученные представители этой группы («лучшие всех изученные» в данном случае означает, что остальные усатые киты изучены еще хуже). Если вы видите в интернете фотографию прыгающего кита, скорее всего, это горбач – присмотревшись, вы сможете отличить его от

других видов по длинным, похожим на крылья грудным плавникам. Песни китов – это тоже про горбачей; помимо поверхностной загадочности этих звуков глубин, неизменно притягивающей людей со склонностью к эзотерике, они несут в себе немало настоящих научных загадок. Поют только самцы и почти исключительно в зимний период, когда они собираются в теплых тропических водах. Вся жизнь горбачей подчинена циклу миграций – летом они нагуливаются в холодных водах высоких широт, а на зиму большинство из них откочевывает в тропики – есть там нечего, зато можно переждать холодную зиму в тепле и заодно, чтобы не терять время зря, заняться размножением. Самки рожают там детенышей, чтобы они успели окрепнуть в теплых водах, прежде чем весной отправиться в долгое путешествие на север (или – в Южном полушарии – на юг). Самцы на зимовке ищут рецептивных самок, чтобы спариться с ними и продолжить свой род. Там-то они и поют свои длинные, сложные и красивые песни, состоящие из структурированных серий инопланетных звуков, объединяющихся в темы, которые повторяются в определенном порядке.

Внешне это похоже на пение певчих птиц – у них тоже самцы поют в брачный период, и логично предположить, что, как и у птиц, песня китов предназначена для привлечения самок и отпугивания соперников. Но у этой гипотезы есть один существенный недостаток – она совершенно не согласуется с наблюдениями. Исследователи, много лет изучавшие поведение горбачей в районах размножения, обнаружили, что самки никогда не подходят к поющим самцам. Все киты, приближавшиеся к певцам, сами оказывались самцами. Однако, против ожидания, такое сближение не вызывало драк или другой видимой агрессии – напротив, нередко самцы вместе отправлялись на поиски самок. Так или иначе, до сих пор никто не знает, зачем поют горбатые киты, и все предложенные на данный момент научные гипотезы ничуть не более обоснованы, чем идея, изложенная Кристофером Муром в новелле «Хвостовой плавник» (Fluke), посвященной исследователям горбачиных песен.

Еще одна загадка песен горбачей – их постоянные и синхронные изменения. В один и тот же период все самцы одной популяции поют одну и ту же песню, но постепенно в течение сезона она меняется, причем одновременно у всех китов; очевидно, разные самцы вносят в общий мотив небольшие модификации и копируют их друг у друга. Отправляясь в районы нагула, они перестают петь, а осенью снова начинают с той песни, на которой остановились весной, и продолжают постепенно менять ее. Через десяток лет песня может измениться почти до неузнаваемости. Эта картина удивительно напоминает капризы человеческой моды, которая тоже постепенно меняется из года в год путем отдельных модификаций, быстро копируемых большинством. Зачем это нужно китам – загадка; впрочем, зачем мода нужна людям, тоже не до конца понятно. Одна из гипотез, подходящая для объяснения обоих явлений, состоит в том, что и китам, и людям кажется привлекательным знакомое с небольшой долей новизны. Слишком много новизны пугает, слишком мало – навеивает скуку. Точно отмеренная доля новизны может быть показателем хороших генов – она означает, что носитель достаточно здоров и умен, чтобы выдержать необходимую пропорцию. Это не единственная гипотеза – есть много других, но, к сожалению, большинство из них невозможно проверить, особенно в свете того факта, что сама функция горбачиных песен до сих пор остается загадкой.

Интересное объяснение их функции предложил австралийский ученый Майк Ноад. Он прославился исследованиями горбачиных песен еще в начале 2000-х, когда описал «культурную революцию» у австралийских китов. Майк и его коллеги обнаружили, что в компанию самцов восточноавстралийской популяции, певших полагающуюся им по статусу восточноавстралийскую песню, внезапно затесался один певец, исполнявший западноавстралийскую песню. Местные киты не только не возмутились, но, наоборот, быстро стали копировать новую мелодию и через несколько лет полностью переключились на «западные» песни. Статью об этом Майку удалось опубликовать в журнале *Nature*, после чего она разлетелась по научным новостям всего мира и вошла в учебники. Правда, впоследствии выяснилось, что это был не единичный случай, – оказалось, что песни с западного

побережья Австралии попадают на восточное довольно часто, а оттуда они распространяются дальше, на острова Новая Каледония, Тонга и другие. Причины и механизмы такого «западного переноса песен» неясны до сих пор, но многолетние записи четко показывают, что процесс этот происходит регулярно. Майк и сотрудники его лаборатории опубликовали об этом несколько статей, правда уже не в *Nature*.

Так вот, этот самый Майк Ноад придумал следующую теорию, объясняющую, зачем самцы горбачей поют в одиночестве и почему к певцам не подходят самки, но иногда подходят самцы. Горбачи порой поют, преследуя рецептивную самку, однако, если бы они делали это только во время преследования, песня служила бы безошибочным сигналом другим самцам о наличии самки и, таким образом, привлекала бы массу конкурентов. Поэтому самцы поют и в одиночестве, когда им нечем заняться, чтобы обмануть потенциальных вторженцев. Получается, что большинство песен не сигнализируют о наличии самки, так что плыть к их источнику самцам особого смысла нет, и лишь иногда, когда они все равно проплывают мимо, они на всякий случай подходят проверить.

Есть и у меня своя гипотеза о функции песен горбачей. Эти киты, помимо всего прочего, известны своей привычкой отгонять плотоядных косаток от добычи – описаны случаи, когда они спасали так тюленей, китят других видов и иных косаточьих жертв. Один такой интересный случай наблюдал известный американский ученый Роберт Питман – если бы не авторитет этого исследователя и не доказательства в виде фотографий, поверить в это было бы очень сложно. Вот как он описал это наблюдение: «...группа косаток атаковала тюленя Уэдделла на льдине, но тут в схватку вмешалась пара крупных горбачей. В какой-то момент хищники успешно смыли тюленя с льдины. Перед лицом неминуемой смерти в открытой воде тюлень метнулся к горбачам в поисках убежища, возможно, не осознавая даже, что это живые существа (таким же образом в Северной Пацифике морские котики спасались от атакующих косаток на нашем катере). Как только тюлень подплыл к ближайшему горбачу, огромное животное перевернулось на спину – и 180-килограммовый тюлень оказался на груди кита между его массивными грудными плавниками. Затем, когда косатки подошли ближе, горбач изогнул грудь, подняв тюленя над водой. Вода, стекающая с этого островка безопасности, чуть не утянула тюленя обратно в море, но затем горбач слегка подтолкнул его плавником обратно на середину груди... Чуть позже тюлень сполз с кита и уплыл к ближайшей льдине, где он был в безопасности». Авторы интерпретируют это поведение как проявление родительского инстинкта, но в конце добавляют: «Когда человек защищает попавшего в беду представителя другого вида, мы называем это сочувствием. Когда то же самое делает горбатый кит, мы называем это инстинктом. Но иногда разница не так уж и очевидна».

Наблюдались и другие случаи, когда горбачи спасали от косаток тюленей или китят – причем не только горбачиных, но и, например, детенышей серого кита. Благодаря своим длинным шишковатым «рукам» горбачи лучше других видов защищены от косаток – прочие могут обороняться только ударами хвоста, а горбач способен и грудным плавником вполне ощутимо засветить косатке по голове, так что получается, что эти киты вооружены и сзади, и спереди. Вероятно, поэтому, а также благодаря привычке ходить парами взрослые горбачи не особенно боятся плотоядных косаток, но очень их не любят и при каждом удобном случае стремятся проявить эту свою нелюбовь.

Возможно, изначальная функция такого стремления – защищать самок с новорожденными детенышами, так как всегда есть вероятность, что детеныш окажется родственником спасающему его самцу, а сам самец при этом ничем не рискует – косаткам он не по зубам. Возвращаясь к моей гипотезе о функции песен, можно предположить, что они служат маркером, указывающим на наличие потенциального защитника, и самкам с детенышами выгодно держаться поблизости от поющих самцов, но вот подходить к ним есть резон только в случае нападения косаток. Самцы же получают от этого, во-первых, присутствие самок в окрестностях, а во-вторых, возможность спасти потенциально родственного

детеныша.

К сожалению, и у моей гипотезы, и у теории Майка есть существенный недостаток – их довольно трудно проверить на практике. В принципе, конечно, можно придумать серию экспериментов, которые позволят доказать или опровергнуть их, но провести такие эксперименты имеющимися у исследователей силами и средствами в настоящее время нереально.

Горбачи не слишком быстро плавают и часто держатся вблизи берегов, но самая удобная их особенность – разнообразная окраска нижней части лопастей хвоста, которые они поднимают над водой перед глубоким заныром. Эта окраска может быть как чисто-белой, так и чисто-черной, но чаще бывает черно-белой в разных комбинациях, и уникальный рисунок позволяет отличить каждую особь. Фотоидентификация горбачиных хвостов проще и приятнее, чем косаточьих плавников; графичные черно-белые паттерны, нередко напоминающие полотна абстракционистов, делают это занятие привлекательным для художественных натур. Так и произошло в нашей экспедиции – студентка Женя Лазарева, изначально занимавшаяся эхолокацией и охотничьим поведением косаток, постепенно полностью переключилась на горбачиные хвосты.

Первые работы по идентификации горбачей в российских водах провел Бурдин в своих рейсах 2002–2005 годов. В это время американцы организовали крупномасштабный проект по исследованию горбачей во всей северной части Тихого океана – от Аляски и Чукотки на севере до Мексики, Гавайев и Филиппин на юге. Бурдин был основным российским участником этого проекта и собирал данные в водах Камчатки и Чукотки. Разбором хвостов занималась в основном Карина, которая так устала от острова Старичков и теодолитных наблюдений, что после защиты диссертации сбежала от нас в рейсы.

Основной задачей проекта было оценить общую численность и выяснить миграционные связи между районами нагула и размножения. На севере Тихого океана известно три основных района размножения – в Мексике, на Гавайях и в Азии (в водах Южной Японии и Филиппин) – и множество районов нагула – североамериканское побережье от Калифорнии до Аляски, Алеутские и Командорские острова, побережье Камчатки и Чукотки. Но как связаны между собой эти районы? Ходят ли на Камчатку только горбачи, размножающиеся в Японии и на Филиппинах, или у нас можно встретить гавайских и мексиканских китов? Приходят ли они из года в год в одни и те же районы, или могут ходить туда-сюда – то на Гавайи, то в Мексику, то на Аляску, то на Камчатку? Проанализировав тысячи фотографий хвостов со всей северной части Тихого океана, исследователи выяснили, что в основном киты довольно консервативны и чаще всего из года в год посещают одни и те же районы нагула и размножения, но бывают и исключения, особенно среди самцов – они более подвижны и чаще отправляются на поиски новых горизонтов. Соответствие районов нагула и размножения тоже оказалось не слишком строгим: например, возле камчатского побережья встречались в основном азиатские киты, а на Командорах и на Чукотке – азиатские, гавайские и даже мексиканские.

Американский проект завершился в 2008 году – как раз тогда, когда мы начали работать на Командорах. Поначалу мы фотографировали горбачей просто по инерции, не имея особенных планов по собственным исследованиям в этой области. Но это занятие постепенно затянуло нас – отчасти потому, что горбачи присутствовали в акватории почти постоянно и давали возможность заняться чем-то полезным, когда поблизости не оказывалось более интересных китообразных. Кроме того, в 2010 году у нас случился настоящий горбачиный бум.

Это был первый наш полноценный – с июня по сентябрь – полевой сезон на Командорах и первый год работы на катере. В июне погода не радовала, так что, несмотря на мореходные качества катера, китов мы встречали мало. Лишь ближе к концу месяца стали попадаться скопления из десятка-другого китов, активно кормившихся на одном месте. Обычно вокруг таких скоплений вились стаи тонкокловых буревестников. Эти птички гнездятся в Южном полушарии, а к нам

прилетают во время южной зимы и нашего северного лета. Кормятся они в основном крилем и могут нырять за ним довольно глубоко – неожиданно глубоко для такой сублильной и хилой с виду птицы. Когда они с размаху бросаются в воду и исчезают в глубине, как-то сразу проникаешься к ним уважением, но, пока наблюдаешь их в воздухе или на поверхности воды, недоумеваешь, какую именно птицу неискушенный в орнитологии Горький имел в виду под «буревестником, черной молнии подобным».

В конце июня, пройдя пару десятков километров на юг от нашей бухты, мы внезапно набрели на огромное кормовое скопление горбачей. Китов было больше сотни, но даже приблизительное их число оценить было невозможно. Куда ни погляди, во всех направлениях виднелись фонтаны и хвосты. Студентка Настя из Санкт-Петербургского университета назвала это зрелище «Петергофом» из-за сходства со знаменитыми фонтанами, и название оказалось таким удачным, что прижилось на долгие годы. Женя Лазарева, исполнявшая тогда роль фотографа, «стреляла» очередями во все стороны от катера и наснимала за день почти сотню новых хвостов.

Киты активно питались, постоянно занывая на небольшую глубину. Вокруг них вилась туча буревестников – это косвенно указывало на то, что киты кормятся крилем. Такой предварительный вывод мы впоследствии подтвердили с помощью анализа стабильных изотопов – это уже ставший классическим метод исследования питания животных. Чаще всего используют стабильный изотоп азота N и углерода C . Доля стабильного изотопа азота по отношению к обычному азоту N растет в зависимости от положения организма в трофической цепи – у растений она совсем низкая, чуть выше у растительноядных животных, а самая высокая – у хищников верхнего уровня. Доля углерода связана с разными типами фотосинтеза и в морских экосистемах обычно указывает на положение источника первичной продукции – являются ли растения в основе трофической цепи прибрежными или пелагическими.

На самом деле в реальности все несколько сложнее – содержание изотопа азота, например, может сильно варьировать в зависимости от района. У тихоокеанского побережья Аляски и Канады доля изотопа N в фитопланктоне – основе пищевой цепи – существенно выше, чем в водах Камчатки и Командорских островов, так что животные одного и того же трофического уровня там имеют более высокое содержание этого изотопа, чем у нас. Но в пределах одного региона эти показатели отражают трофический уровень более-менее точно.

Когда мы сравнили содержание стабильного изотопа азота в пробах кожи горбачей, собранных в Карагинском заливе и на Командорах, выяснилось, что в Карагинском оно было существенно выше. И действительно, мы наблюдали там, как киты кормятся песчанкой – мелкой стайной рыбкой, которая по трофическому уровню находится выше криля – предположительного корма горбачей на Командорах.

Там же, в кормовых скоплениях на Командорах, мы впервые увидели «пузырьковую сеть». Это особый метод охоты, изобретенный горбачами, чтобы лишний раз не напрягаться при ловле добычи. Суть его состоит в том, что кит плавает вокруг стайки рыбы или криля и выпускает из дыхала пузыри воздуха. Поднимаясь к поверхности, они образуют как бы стену, которую рыба и криль боятся преодолеть. Киту остается лишь сделать огромный «ам», и весь корм оказывается у него во рту.

Есть две модификации охоты с «пузырьковой сетью». Самая простая – это одиночная охота, она довольно обычна в разных точках земного шара, и именно ее мы наблюдали на Командорах. Она выглядит не слишком впечатляюще – сначала по воде кругом идут пузыри, а через некоторое время рядом всплывает удовлетворенно пыхтящий кит; все самое интересное происходит под водой. Другой вариант, гораздо более зрелищный, – групповая охота, которая в основном встречается у горбачей, охотящихся на сельдь в водах Аляски. Там собирается целая группа китов, которая плавает вокруг косяка сельди, выпуская пузыри и издавая особые звуки, которые называют «пастушьими криками» (*herding calls*), –

считается, что они пугают сельдь и заставляют ее сбиться в более плотный косяк (скорее всего, так и есть, потому что очень похожие звуки используют для той же цели косатки в Исландии). Когда рыба оказывается окружена и в достаточной степени напугана, киты все разом подныривают под косяк и гонят его вверх по образованной пузырями трубе, а у поверхности все резко, как по команде, открывают рты, и сельдь оказывается зажата между поверхностью, стеной из пузырьков и бездонными мешками китовых ртов. Большинство выбирает рты, хотя некоторым удается ускользнуть. Снаружи это выглядит так, будто поверхность воды внезапно взрывается китовыми мордами с раскрытыми челюстями, из которых в панике выпрыгивают отдельные самые проворные селедки.

Хотя горбачи известны своими песнями, но поют они их зимой в местах размножения, а в районах нагула не особенно разговорчивы. Мы не раз бросали гидрофон в присутствии кормящихся парами горбачей, но чаще всего они молчали. А вот в скоплении они оказались довольно общительными: то и дело можно было услышать низкие урчащие звуки и высокочастотные чириканья, совсем не подходящие этим серьезным с виду животным. Когда киты делали «пузырьковую сеть», они издавали звук, напоминающий множественную отрыжку или хрюканье.

В тот день мы наснимали почти сотню китов, и в последующие дни их тоже встречалось много и зачастую большими скоплениями – казалось, не меньше тысячи горбачей собралось по какой-то неизвестной нам причине у западного берега острова Беринга. Тогда мы думали, что все дело в росте численности, – в этот период популяции горбачей по всему миру впервые после китобойного промысла достигли достаточных размеров, чтобы их прирост стал заметен невооруженным глазом. Когда мы начинали работать в Авачинском заливе, встретить там горбача было почти так же маловероятно, как синего кита. В 2005 году это случилось там с нами впервые, причем кита мы увидели с берега острова Старичков; никогда еще мы не собирались и не выходили в море так быстро – от первого крика «Горбач!» до спуска лодки на воду прошло не больше 10 минут. Потом киты начали потихоньку встречаться по одному-два за сезон, а затем встречи стали регулярными; сейчас горбач – вполне обычный вид в Авачинском заливе. Примерно то же происходит и в других частях света, так что мы решили, что наше горбачиное нашествие на Командорах – всего лишь закономерное следствие этого процесса. Но в последующие годы горбачей было меньше, чем в 2010-м, и таких огромных скоплений мы уже не наблюдали. Похоже, дело было не только в росте численности, но и в каких-то неизвестных нам флуктуациях в океанографических параметрах и распределении горбачиного корма.

Наш горбачиный каталог стремительно рос, и ему настоятельно требовалась хозяйская рука. У меня заниматься анализом китовых фотографий не было тогда ни времени, ни желания – мне вполне хватало головной боли с данными по косаткам. Поначалу горбачей разбирала Женя Лазарева, так как ее возвышенная натура гораздо больше тяготела к перебиранию фотографий китов, чем к анализу охотничьего поведения косаток, которое теоретически было темой ее (так и не состоявшейся) диссертации. Чтобы лучше запомнить китов, Женя давала им имена, отражавшие ее внутренний мир, такие как Шагал, Пикассо и Вивальди. В 2010 году к нам присоединилась студентка Маша Шевченко, которая писала диплом по горбачам, – именно на ее плечи лег разбор бесчисленных фото горбачиного нашествия. Маша тоже давала китам имена, но к их выбору подходила несколько проще – так в каталоге появились Веник, Крючок, Паровозик и Мухобойка. А в 2012 году в нашу команду влилась Ольга Титова – сначала как волонтер, а потом и как полноправный член экспедиции. Она взяла горбачей в свои руки, и имена китов приобрели новый уклон – не такой утонченный, как у Жени, но более оригинальный. В каталоге появились такие шедевры, как Буревестник пешком, Дырявая акула, Комплементарность и Битва с мельницами. Несколько лет спустя, когда искусственные нейронные сети научили различать горбачиные хвосты и появился проект Narwhale, объединивший каталоги из разных районов севера Тихого океана, наш каталог так и вошел туда со всеми этими именами.

Наблюдая изменения в численности и распределении горбачей из года в год, мы не могли не размышлять о том, что является их причиной. Нашей квалификации для такого анализа было недостаточно, ведь мы ничего толком не знали ни об океанографических параметрах, ни о планктоне. Мы стали искать людей, которые могли бы нам с этим помочь. Поэтому, узнав, что Бурдин каким-то образом выписал из университета в Ростове-на-Дону пару студентов-океанологов, мы обрадовались, понадеявшись, что они смогут провести какие-нибудь океанологические исследования и рассказать нам что-то новое о нашей акватории. Но не тут-то было – студенты, как выяснилось, знали об океанологии даже меньше, чем я, и ждали, что мы будем говорить им, что делать. Базовым состоянием этих ребят, в которое они возвращались, если их оставляли без надзора, было сидеть на кухне и разговаривать о футболе. Киты их не особенно интересовали: поразевав рты первую пару дней, студенты быстро заскучали и потом просто сидели на катере, уткнувшись в телефоны.

Единственным китом, которому удалось добиться от них должного внимания, стал Контакттер. В тот день мы работали в большом, но довольно разреженном скоплении горбачей. Мы переезжали от одной пары китов к другой, фотографируя их и записывая наблюдения, а один из студентов сидел на корме и, как обычно, тупил в телефон. Мы остановились на несколько минут, чтобы осмотреться и оценить, каких китов мы уже сняли, а каких нет. И вдруг прямо за кормой, буквально в метре от борта катера, из воды поднялась огромная, обросшая баянусами китовая башка.

На наши возгласы студент оторвался от телефона, обернулся и отпрыгнул на середину катера, а меж тем китовая голова медленно и степенно погрузилась обратно в воду. Потом кит еще некоторое время ходил вокруг катера, время от времени выставляя голову из воды, так что мне удалось сфотографировать его так близко, что видны были чувствительные волоски-вибриссы у него на подбородке.

Вспомнив китовых фанатов, которые считают, что киты хотят вступить с людьми в контакт, мы называли любопытного горбача Контакттером. Вообще, с горбачами такое случается редко – они в целом довольно равнодушны к катерам и лодкам и обычно не обращают на нас внимания. Кроме Контакттера, я могу вспомнить лишь пару случаев, когда киты взаимодействовали с катером, и оба раза выглядело это недружелюбно.

В первый раз вина была целиком на мне. Мы преследовали пару горбачей, пытаясь взять с них биопсию. Неожиданно нужный нам кит вынырнул совсем рядом, прямо перед носом катера. Не успев даже подумать, я нажала на спуск, стрела ударила кита в бок, и он от неожиданности взмахнул хвостом, обрушив на катер несколько ведер холодной морской воды. Существенная ее часть вылилась мне за шиворот, так как я была на носу, перед кабиной, но кое-что долетело и до кабины, и – самое печальное – до Оли с фотоаппаратом. Фотоаппарат безнадежно залило, и остаток дня Ванюха провел, разбирая его на мельчайшие детали и протирая их спиртом. К счастью, это помогло – фотоаппарат тот жив до сих пор.

Во втором случае никто так до конца и не понял, что произошло. Мы шли за группой из трех китов, медленно двигаясь позади них в 30–40 метрах. Горбачи вальяжно заныривали и через какое-то время выходили снова. В один из таких заныров, очевидно, какой-то из китов перестал двигаться вперед и решил почему-то постоять на месте, а мы поняли это слишком поздно. Так или иначе, мы внезапно увидели огромную горбачину «руку», поднимающуюся из воды рядом с правым бортом. Ванюха резко дал полный назад, отчего мотор заглох, а корпус катера сотрясли мощные удары – кит начал из-под воды колотить хвостом по днищу. Он нанес пять или шесть ударов, после чего погрузился и исчез, оставив нас оценивать размер урона. Удары были такой силы, что, казалось, корпус должен был треснуть, но нам повезло – катер выдержал. Что было причиной нападения? Возможно, кит просто всплывал брюхом кверху и случайно оказался под нами, а хвостом стал молотить от испуга. Но не исключено и то, что он напал на нас сознательно – может быть, играя, а может быть, и всерьез рассердившись на назойливо жужжащий над ухом катер.

К счастью, наш Контактёр явно не имел никаких агрессивных намерений, а просто любопытствовал – возможно, хотел разглядеть поближе странных людей, которые в море, полном китов, сидят, уставившись в телефоны. Через несколько дней мы снова наткнулись на него, и он опять пытался вступить в контакт, напугав на этот раз второго студента. После таких переживаний все остальное, что могли продемонстрировать горбачи, казалось студентам скучным и неинтересным, так что оторвать их в море от телефонов стало совсем уж невозможно.

Отчаявшись заинтересовать их хоть чем-то околонульным, мы стали использовать студентов просто как рабочую силу: они носили гравий, чтобы посыпать раскисшие от дождя дорожки, закапывали мусор, доставшийся нам от предыдущих обитателей Полуденной, и вырыли отличную новую мусорную яму, которой мы пользуемся до сих пор. Тем не менее я испытала облегчение, когда они наконец уехали.

На перекрестке косаточьих дорог

Где-то через год постоянный туман слегка рассеялся, и с Сент-Джорджа стал виден еще один остров.

Для современного человека один из самых отвратительных в мире звуков – это звук будильника. Я не исключение.

Полшестого утра. Конец июня. Домик выстыл за ночь, холодина градусов десять, и меньше всего на свете хочется вылезать из теплого, уютного спального мешка. Тем не менее я вяло вытаскиваю себя из спальника и выглядываю наружу, размышляя, почему в свое время мне не пришло в голову пойти учиться, например, на бухгалтера. Снаружи еще холоднее, дует ветер, достаточно сильный, чтобы пробирать до костей, но недостаточно сильный, чтобы погода считалась нерабочей и можно было залезть обратно в спальник. Серое унылое утро, низкая облачность (а возможно, высокий туман) висит на высоте около 100 метров, съедая вершины окрестных сопот и придавая миру некоторую двухмерность. Но на высоте точки наблюдений – около 30 метров – видимость хорошая, так что придется наблюдать.

Быстро ставлю чайник, чтобы чашка кофе хоть немного согрела это стылое утро. Надеваю на себя всю имеющуюся в наличии одежду, беру «набор наблюдателя» – бинокль, часы, рацию и блокнот с ручкой, вторую рацию оставляю включенной на столе. Несмотря на мою довольно громкую возню, коллеги спят мертвым сном в своих спальниках, чем-то напоминая группу морских слонов на калифорнийском пляже.

С чашкой горячего кофе, парой галет в кармане и набором наблюдателя к шести часам поднимаюсь наверх. От домика до точки наблюдений – три минуты ходу, но в тапочках не пройдешь, приходится надевать ботинки, так как до сих пор не растаял наметенный за зиму снежник под склоном. Сейчас он всего метра два высотой, а когда мы приехали, был почти четыре. Снежник – это удобно, мы храним на нем скоропортящиеся продукты.

Записав в блокноте дату, погоду и время начала наблюдений, беру бинокль и начинаю скан. Ничего интересного, только пара горбачиных фонтанов на горизонте. Пятнадцатиминутный скан уже подходит к концу, и тут в волнах мелькает черный треугольный плавник. Выругавшись про себя, внимательно всматриваюсь в это место – и точно, группа косаток жизнерадостно движется на юг. Почти сразу неподалеку выходит еще одна группа – в общей сложности около 15 косаток бодро выныривают против волны с самодовольством жаворонков, искренне наслаждающихся этим серым холодным утром.

Дрожащей рукой включаю рацию, представляя себе уютно свернувшихся в спальниках коллег, надеющихся поспать еще хотя бы пару часов, пока не встанет дежурный и не затопит печку. Но делать нечего – погода рабочая, косатки на севере и движутся на юг, так что у нас есть все шансы успеть выйти в море и найти их прежде, чем они окажутся слишком далеко. Максимально извиняющимся тоном говорю в рацию: «Домик – точке. Вижу группу косаток на 280 градусов, одна риска. Идут на юг» – и замолкаю в ожидании.

Примерно через минуту сонный голос осведомляется, что там с погодой. Докладываю ситуацию и продолжаю следить в бинокль за косатками. Они немного замедлились, что нам очень на руку. Из домика постепенно начинают выползать заспанные люди. Кто-то идет в туалет, кто-то наливает бензин, кто-то тащит к лодке «пеликаны» с оборудованием. Минут через двадцать ко мне на точку поднимается волонтер, изо всех сил пытающийся выглядеть бодрим, но получается у него плохо. Показываю ему косаток и спускаюсь как раз к раздаче овсянки быстрого приготовления, которую мы глотаем еще быстрее, чем она готовится, и начинаем одеваться по-морскому. Завершив это нелегкое дело, спускаемся к лодке, скатываем ее в воду, загружаем оборудование, залезаем сами и едем к катеру. Выгружаем на катер оборудование и часть людей, после чего вдвоем едем

отвязывать канаты – я рулю, волонтер ловит буи и развязывает узлы. Еще один волонтер на катере в это время укладывает веревки в бухты в носовом рундуке.

Когда все готово, привязываем лодку к последнему бую, перелезаем на катер и наконец-то стартуем. Косатки к тому времени уже зашли за мыс, ограничивающий обзор с точки наблюдений, но у нас хорошие шансы их найти – идут они недалеко от берега, их много, и прошли они совсем недавно.

Едем в ту точку, где наблюдатель видел косаток в последний раз, и оттуда начинаем двигаться на юг. Минут через пятнадцать замечаем впереди черные плавники. Чтобы не спугнуть их, обходим по большой дуге, заезжаем вперед метров на пятьсот, глушим мотор и бросаем в воду гидрофон.

Конечно же, они молчат. Командорские косатки вообще очень часто молчат, кроме тех случаев, когда собираются большой агрегацией в несколько десятков особей. Ко всему прочему, катер сносит ветром, отчего гидрофон не уходит вниз, а тянется вдоль и из-за этого адски шумит. Косатки приближаются, и я достаю фотоаппарат в надежде снять их, пока они будут проходить мимо. Не тут-то было – они проныривают под нами так, что мы успеваем увидеть лишь их удаляющиеся спины. Вздохнув, сматываем гидрофон, заводим мотор и едем следом.

На этот раз мы пытаемся подойти к ним сбоку, чтобы сфотографировать. Заходим издали – метров с трехсот постепенно начинаем сближение. Они спокойно выныривают вплоть до той дистанции, когда на фотографиях можно разглядеть что-то, кроме далеких черных треугольничков. В этот точно выверенный момент они заныряют и исчезают. Проехав немного в прежнем направлении, останавливаемся и осматриваемся по сторонам. Проходит пара минут, и далеко сзади показываются удаляющиеся в противоположном направлении плавники.

Все понятно – это одна из многочисленных командорских групп, которая не хочет иметь с нами ничего общего. Такие группы встречаются в этих водах гораздо чаще, чем в Авачинском заливе. Скорее всего, дело в том, что авачинские косатки привыкли к шуму моторов и поэтому спокойно относятся к исследовательской лодке, а в заповедной акватории Командорских островов стоит почти первозданная тишина, нарушаемая лишь оглушительным тиканьем эхолокационных серий кашалотов. Лишь раз в несколько недель в отдалении проходит направляющийся в Никольское сухогруз или круизник, да браконьерские сейнеры изредка забегают в заповедные воды, чтобы ухватить по-быстрому богатый улов из этого нетронутого района.

Медленно, осторожно едем за косатками в надежде, что они постепенно привыкнут к нам и сменят гнев на милость. На этот раз они не уходят, а просто отворачивают, вместо нужных нам боков подставляя совершенно непригодные для идентификации спины. На некоторое время мы оставляем их в покое, а потом делаем еще одну попытку подойти, на этот раз более удачную, – я успеваю снять седловидные пятна двух или трех животных. Еще пара часов подобных попыток – и мы имеем сносные фотографии примерно половины особей.

Мы не знаем, что это за косатки, – в отличие от Авачинского залива, куда регулярно приходят одни и те же семьи, которые мы давно успели запомнить в лицо, на Командорах нам постоянно встречаются все новые и новые группы. Когда каталог перевалил за 900, студентка Настя, занимавшаяся фотоидентификацией, сломалась и вышла замуж за программиста, бросив свою едва начатую диссертацию. Похоже, Командоры – это своего рода перекресток, где сходятся пути косаток из разных районов, а Авачинский залив – тихий провинциальный уголок, куда чужаки заглядывают лишь изредка.

Пока мы работаем с косатками, поодаль пару раз выныривают кормящиеся горбачи, но мы игнорируем их. У нас есть строгая иерархия приоритетов, с кем работать, и горбачи находятся в самом низу. Косаткам мы обычно отдаем предпочтение, потому что они приходят и уходят и в целом более интересны для нас, а горбачи присутствуют в акватории почти всегда и могут целый день

болтаться на одном месте. Но абсолютный приоритет мы отдаем северным плавунам – они встречаются редко, и если нам улыбается удача и мы встречаем их в море, то бросаем ради них даже косаток.

Так происходит и в этот раз. В километре от нас вспыхивают невысокие пушистые фонтаны, по которым можно безошибочно отличить плавуну. Честно говоря, на этот раз косаток я оставляю без сожаления – за три часа работы они вымотали нам все нервы (а мы – им, ну тут уж они сами виноваты, могли бы сразу дать себя снять, и мы оставили бы их в покое). Со всей возможной скоростью, насколько позволяет волна, несемся к плавуну, но, конечно же, не успеваем – они занывают прежде, чем мы успеваем подъехать на дистанцию фотографирования. Плавуну ныряют глубоко и надолго – обычно на 20–40 минут – и потом несколько минут отдышавшись, лежат на поверхности, прежде чем зануть снова. За это время нужно успеть подскочить к ним и сфотографировать, а если повезет, то и взять биопсию.

Заехав в то место, где они занули, начинаем осматриваться. Мы пока не знаем, идут они в каком-то определенном направлении или просто выныривают то здесь, то там, как бывает, когда они кормятся. Сейчас наша задача – заметить их как можно быстрее при следующем выходе, чтобы успеть подъехать и сделать фото. Поэтому мы всматриваемся в море, вытянув шеи, как стая обеспокоенных гусей.

Наконец один из волонтеров замечает фонтаны в нескольких сотнях метров по корме. Развернувшись, несемся к ним, постепенно снижая скорость по мере приближения. Группа довольно большая – штук десять плавуну лежат на поверхности, как бревна, и старательно дышат. Фотоаппарат стрекочет почти как кинокамера – плавуну мы снимаем сериями, чтобы ничего не упустить. В идеале нам нужно снять их с обеих сторон, причем и спину, которая видна над водой, пока они лежат, и спинной плавник, расположенный ближе к хвосту, – у лежащих китов он часто бывает скрыт под водой и показывается только в тот момент, когда они начинают занывать. Но чаще всего нам удается снять лишь несколько отдельных частей тела от разных китов с одной стороны, и Ванюха потом собирает их, как мозаику, – с одной встречи в каталог попадает только спина справа, потом к ней присоединяется плавник справа, а со временем, если повезет, получается «привязать» к ним левую сторону того же животного.

Плавуну снова занывают, и мы снова всматриваемся в волны, но на этот раз тщетно. Проходит 20, 30, 40 минут, а китов все нет. На самом деле им ничего не стоит пронырнуть под водой пару километров, и тогда при такой погоде мы их точно потеряем – скорее всего, именно это и произошло. Ветер крепчает, и на волнах тут и там появляются белые барашки, которые маскируют фонтаны. В таком море очень сложно найти хоть каких-то китов и еще сложнее ездить за ними – катер прыгает по волнам, раскачиваясь из стороны в сторону, брызгами заливая стекло кабины, а если не успеваешь увернуться, то и объектив фотоаппарата. Ко всеобщему облегчению, решаем ехать домой. Посиневший от холода волонтер спускается с точки наблюдений и идет в домик ставить чайник.

Так в основном протекают наши рабочие дни на острове Беринга. Хотя случаются и добрые косатки, которые щедро кричат в гидрофон и подставляют свои бока под объектив, и хорошие плавуну, с которыми удастся поработать несколько часов, прежде чем они исчезнут, и даже интересные горбачи, которые кормятся у поверхности, так что становятся видны волочащиеся раздутые горловые мешки, полные воды, и темные загадочные глубины их ртов. Бывают и другие интересные встречи.

Этот день начинался довольно безрадостно – густым туманом. Ветра не было, и мы решили поехать в Никольское за бензином. Там подзадержались, чтобы свозить друзей на рыбалку, и в лагерь возвращались уже в шестом часу вечера. Туман давно разошелся, погода была отличная, и мы решили пройти вдоль свала в надежде встретить горбачей или косаток. Уже напротив нашей бухты в волнах мелькнул долгожданный черный плавник. Подъехав поближе, мы увидели несколько групп косаток, которые медленно ходили вперед-назад, в целом

смещаясь на юг. Бросили гидрофон – и океан расцвел их пронзительными криками. Казалось, они не могут решить, куда двигаться дальше, – один самец отошел на юг и висел на месте, поджидая своих, еще несколько животных кружили туда-сюда, и все это под аккомпанемент громких нетерпеливых криков. В конце концов победила коалиция, склонявшаяся к движению на юг, и косатки пошли, собравшись в несколько тесных групп. Тогда и мы поехали фотографировать их. Косатки вели себя хорошо – спокойно подпускали нас и давали себя снять. Задняя группа состояла из нескольких самок с детьми, а впереди шли несколько самцов. Когда мы начали их догонять, они вдруг пошли быстро и стали выходить все вместе, синхронно, и мы увидели, что самцов там довольно много – пять или шесть, плюс один молодой самец и всего два «других». Когда мы подъехали совсем близко, они пошли еще быстрее, почти полностью выскакивая из воды, – косатки делают так иногда, когда движутся с большой скоростью. При этом они не отворачивали от нас, как обычно, когда хотят избежать сближения, – нет, они неслись параллельно катеру, как будто вдруг вспомнив о своем родстве с легкомысленными дельфинами. Когда мы догнали их, они притормозили, пошли спокойнее, чуть быстрее обычного, и дали себя отснять. Что это было? С первого взгляда это выглядело как гонка наперегонки с катером – убедившись, что мы быстрее, они потеряли интерес к игре. Но не исключено, что мы тут были ни при чем и до катера им вовсе не было дела. Вечером в лагере, посмотрев фотографии, мы обнаружили, что в этой группе были самцы из разных семей. Кто знает – может быть, в этой бешеной гонке они решали какие-то свои серьезные самцовые вопросы – например, кто из них самый быстрый, или просто дурачились.

В другой раз первый вахтенный увидел в море косаток, уходящих на юг, но едва мы вышли из бухты, как заметили высокие плавники совсем неподалеку. Приглядевшись, мы поняли, что это два самца – и никого больше! Поначалу мы решили, что это транзитники, но самцы беззаботно лоцировали и перекликались, а потом мы разглядели открытое пятно одного из них и окончательно убедились, что косатки – рыбацкие. Мы встали неподалеку от них, опустили гидрофон и стали наблюдать. Самцы ныряли в разных направлениях на расстоянии одной-двух сотен метров друг от друга, никуда особенно не смещаясь, – похоже, кормились. Потом к одному из них подошла группа белокрылых морских свиней и некоторое время вплотную следовала за ним. Чуть погодя мы заметили дальше в море третьего самца и решили было, что сейчас подойдет остальная группа, но не тут-то было – три самца продолжали ходить туда-сюда напротив бухты. Несколько раз они начинали было двигаться в одну сторону, выстроившись дисперсной шеренгой на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга, но потом снова разворачивались, координируя свои перемещения с помощью громких криков. В конце концов они все же ушли на север. Погода портилась, поэтому мы не смогли последовать за ними и выяснить, когда и где они воссоединились со своей группой.

Кроме трех наших основных объектов – косаток, горбачей и плавунов, в акватории Командорских островов встречаются и другие китообразные – это и уже упомянутые кашалоты, белокрылые морские свиньи и малые полосатики, и другие более редкие виды. Дважды мы встречали японских гладких китов – их общая численность в северной части Тихого океана не превышает нескольких сотен. Во времена китобойного промысла гладких китов выбили в первую очередь, так как они не тонут после смерти и их было легко разделявать. Популяции гладких китов в Северном полушарии не восстановились до сих пор.

Белокрылых морских свиней местные моряки часто называют дельфинами, но в действительности к дельфинам они не особенно близки. Настоящие дельфины редко заходят так далеко на север и предпочитают более теплые воды. Но бывают и исключения.

В тот день погода с утра, против обыкновения, стояла прекрасная: почти штиль и легкая облачность, которая гораздо лучше для нашей работы, чем яркое солнце. Мы шли за довольно спокойной группой косаток, которая дала хорошо себя отснять, хотя и не снизошла до интервью в гидрофон. В группе был совсем маленький детеныш, который выныривал как-то странно, и окраска мне показалась

необычной. Уже дома, посмотрев фотографии, я раскрыла рот от удивления – это оказался не детеныш косатки, а самый настоящий тихоокеанский белобокий дельфин! Я видела их раньше на Южных Курилах и в Британской Колумбии, так что ошибиться было невозможно. Но в море среди косаток он держался так, будто был полноправным членом группы, и мне даже в голову не пришло, что здесь есть какой-то подвох. Все два часа, что мы работали с этой группой, он ходил с ними как привязанный.

Это была первая задокументированная встреча тихоокеанского белобокого дельфина в акватории Командорских островов. Четыре года спустя наш друг Сергей Фомин, выросший в Никольском внук известного на островах охотоведа Сергея Мараква, встретил пару дельфинов напротив мыса Островной – и снова рядом с косатками, хотя на этот раз и не в группе с ними. Дельфины шли рядом с лодкой, а в сотне метров параллельным курсом двигалась группа косаток. Когда лодка отвернула, они так и шли дальше совместно. Судя по фотографиям, дельфины были не такие, как виденный нами, но еще год спустя мы снова встретили того же самого одиночного дельфина (его легко отличить по характерной зарубке на плавнике), и снова в тесной группе косаток. На этот раз его разглядели почти сразу. Он неотрывно следовал за косатками, заныривал и выходил синхронно с ними, иногда слегка обгоняя. Косатки неплохо подпускали, но дельфина подловить на фото было трудно, так как он очень быстро выходил и заходил. Тем не менее удалось сфотографировать его достаточно хорошо, чтобы можно было уверенно утверждать – дельфин тот же самый, что и пять лет назад. Мы назвали его Вжик. А вот группа косаток, как мы потом установили по фотографиям, была другая – т. е. Вжик не имел привязанности к определенной семье, ему важно было просто находиться рядом с косатками.

Такое стремление легко понять: рыбацкие косатки – самая надежная в мире защита от плотоядных косаток, которые старательно избегают встреч со своими дальними родственниками; кроме того, возможно, такое соседство дает шанс поживиться отходами рыбной трапезы. На Командорах гораздо чаще, чем в Авачинском заливе, мы наблюдали, как разные морские млекопитающие следуют за рыбацкими косатками в непосредственной близости. Обычно так делают морские коты и белокрылые морские свиньи. Но почему дельфин забрался так далеко на север, да еще и в одиночестве? Или он пришел сюда, как раз следуя за косатками? Скорее всего, этого мы никогда не узнаем. Но в последние годы тихоокеанские белобокие дельфины, похоже, стали чаще заходить на Командоры – пару дельфинов возле группы косаток мы снова встретили в июне 2019 года. Возможно, это как-то связано с глобальным потеплением, а может быть, Вжик рассказал своим собратьям о богатых кормом командорских водах.

Плотоядные косатки встречались нечасто, и лишь однажды нам повезло наблюдать их успешную охоту. При этом в 50 километрах к северо-западу, возле лежбищ морских котиков, транзитники ходят регулярно, и не менее регулярно отмечаются их успешные нападения на котиков, нередко превращающиеся в целые представления с погонями и полетами над водой несчастной жертвы, выброшенной в воздух мощными ударами плавников. Сами мы возле лежбищ не работали – катер поставить там негде, да и других китов, кроме плотоядных косаток, почти не встречается, так как в том районе широкий мелководный шельф уходит далеко в море. Кроме того, на лежбищах работали наши коллеги, специалисты по котикам Ольга Белонич и Сергей Фомин, и не было особого смысла дублировать их наблюдения. Но, сравнив их каталог с нашим, мы с удивлением обнаружили, что они почти не пересекаются, – похоже, что транзитники, которые охотятся на лежбищах, ходят какими-то своими путями, минуя Полуденную, а «наши» транзитники не имеют привычки подходить к лежбищам. Рыбацкие же косатки возле тех лежбищ не встречались вовсе. Вот так, сидя в разных местах одного и того же острова, можно наблюдать совершенно разную картину.

В нашей части акватории мы наблюдали охоту плотоядных косаток в июле 2013 года. Рано утром верхний наблюдатель сообщил, что видит трех косаток, проходящих мимо бухты довольно близко от берега. У меня сразу мелькнула мысль,

что это могут быть плотоядные косатки, поскольку рыбацкие почти никогда не ходят такими маленькими группами. Пока мы собирались, животные скрылись из виду. Плотоядные косатки менее предсказуемы, чем рыбацкие, – они могут идти вплотную к рифам или, наоборот, отойти далеко в море, поэтому надежда отыскать их была невелика. Но нам повезло – напротив бухты Дикой среди многочисленных горбачей мы заметили острые плавники нашей группы. Их действительно было трое – один самец с округлым, широким и более коротким, чем обычно, плавником и двое «других». И по пятнам, и по плавникам это были типичные плотоядные косатки. Они решительно шли на юг тесной шеренгой километрах в четырех от берега. На нас они не обращали особого внимания, так что их удалось неплохо отснять.

Погода была хорошая, день только начинался, так что мы решили некоторое время последить за ними в надежде выяснить, куда же они так целеустремленно движутся. Мы шли в нескольких сотнях метров за группой с той же скоростью, что и они. Море вокруг было полно жизни: куда ни глянь, то и дело всплывали валяжные горбачи, спали на воде и выпрыгивали на ходу на манер дельфинов морские котики, а время от времени мимо катера проскакивали легкокрылые группы стремительных белокрылых морских свинок, взметывая характерные фонтанчики брызг. Один горбач неподвижно лежал на воде прямо на пути косаток – похоже, спал. Группа в очередной раз занырнула метров за пятьдесят до него, и вдруг кит возмущенно выдохнул, перевернулся на бок и ударил хвостом. Мы были уверены уже, что сейчас станем свидетелями атаки хищников на морского гиганта, – но нет, острые плавники снова показались уже по ту сторону горбача. Кит же, осуждающе пыхтя, развернулся и поплыл за ними следом, так что некоторое время, пока он не отстал, картина скорее напоминала атаку горбача на косаток. Не знаю уж, что там у них произошло под водой, – то ли косатки из озорства дернули спящего кита за его длинные «руки», то ли просто он как-то обнаружил их присутствие и, внезапно пробудившись от сладкого сна, решил, что лучший способ защиты – это нападение...

Между тем наши косатки, благополучно оторвавшись от разбуженного горбача, продолжали решительно двигаться на юг, постепенно удаляясь от берега. Они шли, как это часто делают киты, чередуя долгие погружения с сериями коротких выходов, чтобы отдышаться. В один из заныров мы вдруг заметили с другой стороны от катера «блины» на воде и среди них – несколько белокрылых морских свинок. Внезапно прямо из центра «блинов» в воздух взлетело стремительное черно-белое тело в куче брызг и снова скрылось под водой. «Охота!» – сразу поняли мы. Вот оно, наконец-то, на тринадцатый год работы с косатками и шестой год работы на Беринга мы наблюдаем охоту плотоядных косаток. Впрочем, никакой стремительной погони и летающих по воздуху жертв в стиле *National Geographic* мы не увидели – все заняло меньше минуты. После единственного прыжка косатки начали выходить все вместе, медленно, как будто подталкивая что-то под водой головами. На фотографиях позднее удалось разглядеть нечто похожее на кусок мяса перед мордой одной из них. Мы осторожно приблизились в надежде рассмотреть добычу поподробнее и по возможности взять пробу тканей, чтобы позднее точно определить вид с помощью генетического анализа. Вдруг в воде мелькнуло что-то ярко-красное. Подъехав, мы увидели связку внутренностей, плавающих на поверхности. К этому моменту косатки уже отошли от добычи, то ли ободрав с нее все самое вкусное, то ли испугавшись нашего приближения. Подойдя к остаткам трапезы, мы не без труда вытащили их на палубу и обнаружили, что это голова и ребра белокрылой морской свиньи с легкими (они-то и держали всю конструкцию на поверхности воды), сердцем, печенью, кишечником и прочими внутренностями. Генетический анализ для определения вида явно не требовался – достаточно оказалось простого взгляда. Грудина была цела, но позвоночник полностью вырван, жир и мясо тщательно ободраны, да так аккуратно, будто хищники действовали не зубами, а ножом и вилкой. Кожа и жир были объедены даже с крошечной по сравнению с пастью косатки головки морской свиньи, включая мелон – «жировую линзу», служащую для фокусировки звуков. Зубы у жертвы оказались совсем маленькие, едва показавшиеся из десен, – похоже, косатки выбрали из группы самого младшего.

С окровавленными останками морской свиньи на палубе мы продолжали следовать за хищниками в надежде еще раз увидеть охоту и рассмотреть ее повнимательнее – в первый раз все произошло слишком уж неожиданно и быстро, и мы едва успели понять, что случилось. Они оправдали наши ожидания, но лишь отчасти, – следующая охота была более зрелищной и продолжительной, но закончилась безуспешно. Началось все с того, что группа, как и в прошлый раз, внезапно исчезла, и вдруг посреди стайки морских свинок в воздух почти вертикально взметнулся огромный черно-белый снаряд. Мне никогда раньше не приходилось видеть косатку, выпрыгивающую так высоко. Это было очень красиво, но так неожиданно, что никто из нас не успел даже поднять камеру. Следующие несколько прыжков удалось заснять, но они были не вертикальные, а горизонтальные – быстрые выходы из воды в погоне за стремительной морской свиньей. На этот раз свинья оказалась быстрее – через три или четыре таких рывка косатки прекратили охоту и двинулись дальше своим путем.

К этому времени они зашли уже очень далеко на юг, почти на уровень мыса Монати – самого южного мыса острова Беринга. Обычно мы стараемся не уходить так далеко от лагеря: хотя по хорошей погоде это всего пара часов ходу, но, если погода испортится и нам придется возвращаться против сильной волны, это может занять очень много времени, да и есть риск, что бензин закончится. Мы начали уже подумывать о том, чтобы оставить косаток в покое, когда внезапно почти рядом, в 200–300 метрах, вынырнула огромная группа северных плавунцов. Сначала показались первые двое-трое, потом еще и еще, они все появлялись и появлялись из-под воды – в итоге их оказалось около 40 особей.

Косатки, конечно, тут же были забыты, и вот мы уже на полной скорости несемся к плавунцам. Они вели себя очень интересно – всплывая, многие из них били хвостами, выставляли головы, некоторые выпрыгивали из воды на полкорпуса, как бы ударяя кого-то головой и туловищем. Некоторые выставлялись из воды дугой и с силой заваливались немного боком, как бы притапливая соседа. В общем, мы застали момент активной социальной жизни. Вскоре они разошлись на несколько групп, которые выходили попеременно, сбивая нас с толку, – прежде чем мы это поняли, успели изрядно поездить туда-сюда. Пока мы с ними работали, день начал клониться к закату, но плавунцы были такими хорошими, что мы не могли найти в себе силы бросить их, пока не стало слишком темно, чтобы снимать (и то после этого мы еще некоторое время постояли, записывая их щелчки и свисты). На наше счастье, погода так и не испортилась, так что домой мы неслись по гладкому морю на полной скорости, но все равно в бухту пришли уже в полной темноте, в 10 вечера, проведя в море 12 часов.

Море вокруг Командорских островов кишит жизнью, а вот на суше единственный аборигенный вид млекопитающих – это песец. В отличие от материковых, имеющих в основном белую или серую окраску и в целом довольно изящных и гармоничных, командорские песцы обычно бурые или коричневые (хотя в маркетинговых целях обычно называются голубыми), а выглядят нередко так, будто тяжело больны и вот-вот сдохнут, особенно в начале лета, когда зимняя шерсть лезет клочьями. По отношению к людям у них есть две противоположные стратегии. Одни песцы панически боятся человека и убегают, едва заметив его на горизонте. Другие человека не боятся вовсе и совершенно игнорируют его присутствие, кроме тех случаев, когда у них возникает подозрение, что у того может быть при себе что-то съестное. В 2008 году, во второй год нашей работы на острове, возле домика постоянно крутился один из таких песцов, клочной из-за недовылинявшей шерсти; мы назвали его Кутей. Время от времени мы оставляли ему недоеденные остатки обеда или ужина, и, поскольку добрые дела не должны оставаться безнаказанными, в один прекрасный день он прокрался на кухню и спер целый шмат сала. В последующие годы песцы тоже не обходили нас своим вниманием – стоило по недосмотру оставить что-то на улице или просто повесить рыбу сушиться, всеми правдами и неправдами они старались урвать желанный кусок. Как-то раз мы поймали небольшого палтуса и повесили его на ночь довольно высоко на гвоздь, вбитый в стену избы. Наутро нижняя половина палтуса была обгрызена, а рубероид на стенке весь исцарапан когтями – похоже, песец

подпрыгивал, хватался зубами за рыбину и жевал ее, висая и пытаясь упереться лапами в стену. В другой раз мы повесили разделанную рыбу сушиться на веревке, растянутой между столбами. Вскоре появилась песчиха, которая, ничуть не смущаясь, прямо у нас на глазах попыталась допрыгнуть до рыбы, а потом, убедившись в тщетности своих усилий, подошла к столбу, схватилась за свисавший с него кончик веревки и начала дергать с таким упорством, что наверняка добилась бы своего, если бы мы ее не прогнали.

Помимо песцов, на острове Беринга обитает еще несколько видов млекопитающих, вольно или невольно завезенных людьми. Самый заметный среди них – северные олени, которых специально заселили на остров для пропитания местных жителей. По долинам рек живут американские норки, предки которых много лет назад сбежали со зверофермы. А самые неприятные поселенцы – это два вида грызунов: красная полевка и вездесущая серая крыса. Крысы удивительным образом расселились по всему острову и встречаются даже в отдаленных бухтах, включая Полуденную. В разбросанных по острову домиках они портят и растаскивают припасы, гадят, шумят и создают массу неудобств двуногим сожителям. Как и на материке, самое действенное средство от крыс – это кошка. Со временем своя кошка появилась и у нас.

Ямаха была настоящей алеутской кошкой с тяжелым детством. Известные нам события ее жизни начались с того, что алеуты нашли ее на свалке. Свалка в Никольском находится в паре километров от села, прямо в тундре, – весь мусор туда просто привозят и бросают. В самом селе помоек нет (ну, то есть по замыслу нет – на самом-то деле мусора там повсюду разбросано немало), а отходы пару раз в неделю собирает специальный трактор – он медленно ездит между домами и сигналит, и все, кто успел, выбегают из подъездов с мешками мусора и бросают в кузов. Кто не успел – ждут следующего раза или вывозят мусор на свалку самостоятельно.

Ну так вот, приехав в очередной раз на свалку, местный алеут обнаружил там истошно орущего совсем еще маленького черного котенка (способность истошно орать, не прерываясь, на протяжении многих часов, которая спасла Ямахе жизнь, оставалась ее характерной чертой долгие годы). Он отвез котенка на пирс, где команда алеутов как раз трудилась над приведением в божеский вид небольшого металлического катера под названием «Везучий» (в народе «Везунчик»). Там кошечку подкармливали прошлогодней соленой горбушей, но потом «Везунчик» спустили на воду, и она перебралась из алеутского сарая под вагончик, принадлежащий Леониду Палычу – капитану никольской баржи. Леня, сын Палыча, и предложил нам котенка в какой-то очередной наш приезд в Никольское. У нас в домике в Полуденной тогда как раз хозяйничала крыса, так что кошка была нам очень нужна, пусть даже сама она размером была тогда не сильно крупнее крысы. Мы посадили орущего котенка в кабину катера и выдали ему кусок сырого гольца, пойманного несколько дней назад, который возили с собой в качестве наживки на случай морской рыбалки. Истошное мяуканье тут же сменилось утробным урчанием, напоминающим рычание уменьшенного в сто раз тигра. Тщедушный котенок вцепился в гольца и начал его жевать, всасывая куски внутрь себя и не разжимая при этом зубов, чтобы рыбу ненароком не отняли. Всю обратную дорогу психическое состояние заморыша колебалось между паникой от пребывания в страшной, незнакомой грохочущей и качающейся кабине и сосредоточенностью на том, чтобы сожрать гольца, не выпуская его изо рта. Когда мы наконец приехали в Полуденную и отнесли кошечку в дом, она сразу же заснула, обессиленная, свернувшись калачиком на чьем-то спальнике.

Свою основную функцию кошка выполнила мгновенно и на 100 процентов – крысу мы больше не видели и не слышали, она то ли ушла в тундру, то ли повесилась с горя, учув появление своего естественного врага. Кошечка оказалась очень ласковой, она постоянно старалась залезть на руки (а лучше на голову) и трогательно пыталась сосать и когтить мой шерстяной свитер, наверное напоминавший ей чем-то материнский бок. Кроме способности истошно орать, у нее обнаружилась способность громко мурчать – настолько громко, что мы

несколько раз путали ее мурчание с далеким звуком лодочного мотора и выходили с биноклем наружу поглядеть, кого там еще принесло. В связи с этим кошка получила имя Ямаха (так как Судзуки и Тохатсу звучали несколько хуже).

На экспедиционном пайке Ямаха росла как на дрожжах, но не обходила своим вниманием и обитавших в тундре вокруг домика полевок. Уезжая, мы оставили ее на зиму в Никольском, а следующим летом снова взяли в Полуденную, чтобы пугать крыс. К тому времени она изрядно растолстела и обнаглела (хотя скромностью не отличалась и в детстве). Одним из ее любимых занятий стало входить и выходить через окно рядом с нашими нарами. Особенно нравилось ей делать это посреди ночи. После долгого скучного дня, когда все работали с китами в море, оставив бедную кошечку одну, она просыпалась в час ночи и начинала орать у окна, требуя, чтобы ее выпустили. Ванюха сквозь сон высовывал руку из спальника, открывал окно, выпускал кошку и закрывал его. Через минуту Ямаха начинала орать снаружи, требуя впустить ее обратно. Как только ее требование бывало удовлетворено, походив по нашим спящим телам, она снова начинала орать, чтобы ее выпустили. Так могло продолжаться довольно долго.

На вторую зиму мы снова оставили ее в Никольском нашей знакомой, но в октябре кошка пропала, и мы очень переживали, пока она не вернулась месяц спустя. Ямаха стала нам дорога, так что после третьего лета в Полуденной мы решили забрать ее в Москву. Никаких приспособлений для этого, кроме кошачьей шлейки с поводком, у нас не было, и в самолет Никольское – Петропавловск мы несли ее на руках, понадеявшись на ее крепкую психику. Это было ошибкой.

Сначала она спокойно спала у меня на коленях, но, когда самолет стал взлетать, шум моторов привел ее в панику, глаза округлились, и она начала орать. Но это было еще полбеды. Мы сидели на самых передних сиденьях, прямо за кабиной пилотов, а пилоты не закрыли с нашей стороны дверь, так что с моего места была видна часть кабины. Когда паника охватила Ямаху целиком и полностью, она совершила отчаянный рывок к тому, что казалось ей спасительным выходом, а на самом деле было окном кабины пилотов. Я успела схватить ее в полете, заработав несколько глубоких царапин. Не знаю, что было бы, если бы она вырвалась и запрыгнула к пилотам, – скорее всего, этот случай вошел бы в историю как самая нелепая в мире авиакатастрофа, если, конечно, остался бы в живых хоть кто-нибудь, кто смог бы об этом рассказать.

С большим трудом мы с Ванюхой запихали Ямаху в рюкзак для ручной клади, предварительно вытряхнув из него все ценное оборудование. Она продолжала орать всю дорогу без перерыва и к тому же обгадилась. Орала она и тогда, когда мы приземлились в городе и сели в такси. В такси она орала так, что заслужила неодобрительный комментарий водителя. И только когда мы приехали в квартиру, вытряхнули ее в ванну, обмыли, обтерли и выпустили в комнату, она наконец заткнулась. При этом она не выглядела хоть сколько-нибудь обескураженной происходящим. По-хозяйски обойдя помещение, слопала предложенный корм и улеглась спать.

Первое, что мы сделали на следующий день, – купили ей в зоомагазине большую крепкую переноску. Потом мы купили билеты в Москву и забронировали ей место в салоне. Но когда мы на следующий день засунули ее в переноску и сели в такси, то под аккомпанемент ее методично-истерических мявов наши планы относительно перевозки кошек несколько изменились. Мы представили себе девять часов полета с непрерывно орущей Ямахой и решили все-таки сдать ее в багаж.

Полет кошка перенесла хорошо – когда мы забирали ее в Домодедове, она продолжала орать, не прерываясь ни на минуту, и видно было, что она орала так всю дорогу и готова орать еще сколь угодно долго, пока ей не вернут законную свободу. Рядом стояли клетки с двумя собаками, которым не повезло девять часов лететь с ней в одном отделении. Вид у собак был очень задумчивый. Кажется, этот полет раз и навсегда изменил их мнение о кошках.

Разбудите меня, когда подует северо-западный ветер

Что вы любите, косатки? – Любим чай не очень сладкий.

Ну а вы что, горбачи? – Любим с маком калачи.

Что едите, плавунцы? – Лижем мед и леденцы.

Ну а вы, морские свинки? – От баранок серединки.

Ветра бывают разные.

Летом на острове Беринга чаще всего дуют ветра южных румбов. Так бывает во время циклонов, когда южный или юго-восточный ветер тянет вдоль острова, принося с собой серую хмарь, бус, а порой и самые настоящие дожди. Эти ветра нам не страшны – летом они редко достигают штормовой силы, сдвинуть с места растянутый на трех буях катер им не под силу, а волна разбивается о рифы южнее бухты, выступающие в море подобно гигантскому волнорезу. Южный ветер может дуть несколько суток подряд, превращая зеленый берег в унылое, бесприютное место, даже в середине июня придавая ему отчетливый привкус осени. Но в таких днях есть своя прелесть – никуда не нужно торопиться, можно не спеша разобрать фотографии и записи предыдущих дней, внести наблюдения в базу, отоспаться. В непогоду наш маленький домик становится средоточием тепла и уюта – снаружи бушует циклон, а внутри трещит печка, щедро делясь с нами жаром и сухостью. Когда ветер чуть стихает, можно побродить по берегу, разглядывая свежесброшенные дары моря, или пойти в тундру, где в такую погоду особенно остро ощущается благословенное одиночество и особенно хорошо думается о всяких важных и не очень вещах.

Но бывает и другой южный ветер. Он приходит в солнечные дни после полудня. Наверное, его можно назвать бризом – я думаю, его порождает нагревающийся воздух над материком, а направление с юга на север придает сила Кориолиса, заставляющая отклоняться вправо любое движение в Северном полушарии. На Камчатке он бывает чаще, чем на Командорах. Этот ветер, приходящий внезапно, испортил нам немало рабочих дней, заставляя бросать косаток в самый разгар наблюдений. Но в прибрежных водах Камчатки у него есть старший брат, дующий с запада и гораздо более опасный для малых судов.

Он тоже возникает в солнечные дни и тоже часто после полудня, но иногда может дуть и по несколько дней кряду. Главная опасность – это внезапность и непредсказуемость этого ветра. Многолетний опыт позволяет иногда предугадывать его появление, но порой он все равно застает нас врасплох. Первые признаки – это облака в виде округлых бляшек, висящие над горами, и запах нагретой солнцем тундры. Я очень люблю этот запах, но в море он может означать лишь одно – грядет ветер с берега. Самое разумное в таком случае – немедленно повернуть домой. Если поддаться искушению поработать еще немного по гладкому морю или если расстояние до дома слишком велико, возвращение может превратиться в неприятное и даже опасное для жизни приключение. За полчаса ветер с берега может достигнуть почти штормовой силы. Причиной тому горы – ровный западный ветер сначала «копится» за ними, а потом, не выдержав, резко срывается с вершин. Он оставляет всю свою влагу на той стороне и разогревается на спуске, поэтому он сухой и теплый – в других местах такие ветра называют фёнами. Но нам от этого не легче – волны хлещут в лодку, и до дома все доберутся мокрыми насквозь.

Лучшие ветра – северные или северо-западные. Летом они обычно означают хорошую погоду. Случаются они и во время циклонов, но и тогда приносят немалую пользу. На Командорах северо-западный ветер дует вдоль берега, но из-за силы Кориолиса вызванное им движение водных масс отклоняется вправо, т. е. от берега, и создает силу, подсасывающую воду из глубин. Так возникает прибрежный апвеллинг – явление, которому обязаны своей продуктивностью многие районы

Мирового океана. Вода из глубин приносит с собой биогенные вещества, необходимые для роста водорослей, – без подпитки они быстро истощаются в прибрежном слое. За вспышкой численности водорослей следует рост зоопланктона, который служит пищей рыбам и китам.

Свал глубин или шельфовый склон, как его еще называют, – это район, любимый многими китообразными. Но не всеми: некоторые виды – например, серые киты, белухи и обыкновенные морские свиньи – предпочитают районы обширных мелководий. А вот кашалоты и северные плавуны на мелководьях почти никогда не встречаются. Но бывают и «универсальные» виды, которых можно увидеть и в мелководном Карагинском заливе, и в открытом море, – например, те же горбачи, финвалы, косатки или белокрылые морские свиньи.

Ключевая причина таких различий – в пищевых предпочтениях разных видов. Например, серые киты питаются в основном бентосом – организмами, которые обитают в иле на морском дне, поэтому они кормятся у дна, засасывая ил в рот и процеживая его сквозь пластины китового уса, чтобы отделить бокоплавов и прочих вкусных беспозвоночных. Это довольно оригинальный способ питания – из всех усатых китов только серые кормятся таким образом, остальные виды делают это в толще воды или у поверхности. Впрочем, у них тоже есть разные способы добычи пищи. Гладкие и гренландские киты процеживают воду сквозь длинные пластины китового уса «на ходу» – кормом им служат мелкие рачки, у которых не хватает скорости увернуться от плывущего кита. А вот представители семейства полосатиков (горбачи, финвалы и прочие) освоили более крупную добычу – криль и мелкую стайную рыбу. Для этого полосатики обзавелись огромным горловым мешком, который может растягиваться и складываться; полоски на горле, из-за которых эти киты получили свое название, – это как раз складки горлового мешка. Обнаружив скопление добычи, кит разгоняется, атакует резким рывком и в последний момент открывает рот, захватывая в свой мешок тонны воды вместе с мечущимися в ней рачками или рыбками. Затем рот закрывается так, что остается только узкая щель, прикрытая пластинами китового уса; вода выдавливается через эти пластины, а все съедобное остается внутри.

Большинство видов усатых китов каждый год мигрирует из низких широт в высокие и обратно. Весной они стремятся на север (или в Южном полушарии – на юг), в районы нагула, где все лето интенсивно питаются. Летом в холодных водах высоких широт для китов гораздо больше корма, чем в тропиках. Тому есть несколько причин.

Основа пищевой пирамиды океана – мельчайшие одноклеточные водоросли, или фитопланктон. Там, где есть для этого условия, они размножаются очень быстро, обеспечивая бесперебойный источник корма для следующих уровней – зоопланктона, рыбы и прочих морских обитателей, включая китов. Главные условия роста водорослей – это свет и биогенные вещества, т. е. «удобрения». В тропиках света достаточно круглый год, но вот вещества в верхнем освещенном слое воды быстро истощаются, а из нижних слоев они подняться не могут, так как легкий слой нагретой воды лежит на поверхности подобно одеялу. Лишь там, где есть мощные течения или прибрежные ветра, обеспечивающие апвеллинг, в тропиках образуются морские районы с высокой продуктивностью.

В умеренных и приполярных водах ситуация другая. Каждую зиму верхний слой воды охлаждается и опускается, перемешиваясь с нижними слоями, богатыми биогенными веществами. Правда, зимой водоросли не могут этим воспользоваться – из-за постоянного перемешивания воды они слишком много времени проводят в затененных глубоких слоях, да и температура не способствует быстрому росту. Зато весной, когда верхний слой прогревается, водоросли в нем начинают бурно размножаться, тем более что световой день весной и в начале лета в высоких широтах очень длинный.

Сами киты тоже отчасти способствуют развитию водорослей. В океане основной поток вещества направлен под воздействием силы тяжести вниз – и постепенно все, что не обладает активной или пассивной плавучестью, опускается. Именно из-

за этого необходимые для роста водорослей вещества постепенно истощаются в верхнем слое: мертвые организмы тонут, вместо того чтобы включиться в круговорот. Киты же обычно кормятся на глубине, а испражняются у поверхности, вынося таким образом ценнейшие вещества наверх, – это явление даже получило название «китовый насос». Сложно сказать, насколько большую роль китовый насос играет в общем круговороте веществ в экосистеме, но не исключено, что до китобойного промысла, когда китов было значительно больше, в отдельных районах он мог вносить довольно большой вклад в удобрение морских огородов.

Осенью отъездившие за лето киты уходят обратно на юг – ведь в районах нагула зимой кормиться нечем, а в теплых водах хотя бы не нужно тратить много энергии на обогрев, хотя еды там тоже немного. Всю зиму киты живут за счет накопленных летом жировых запасов. Более того, самки многих видов китов зимой рожают детенышей и несколько месяцев кормят их молоком – и все это тоже только за счет жировых запасов.

Схемы миграций усатых китов бывают довольно причудливы. Вот, например, горбачи – у них есть несколько основных мест размножения в Тихом океане: Азия (Филиппины, Огасавара и Окинава), Гавайи, Мексика и Центральная Америка. Казалось бы, логично из России ходить зимовать в Азию, а из Мексики – в Британскую Колумбию и на Аляску. Большинство так и делает, но некоторые особо оригинальные киты не ленятся совершать ежегодные миграции из Мексики к нам на Командорские острова.

У серых китов все еще интереснее. Как-то раз наши коллеги, изучающие этих китов на Сахалине, спросили у местных рыбаков:

– А вы знаете, где «нерестятся» киты?

Вопрос поставил рыбаков в тупик. Действительно, они знали, что лосось нерестится в реках, мойва – в песке вдоль линии прибой, треска – на глубине, но вот о нересте китов как-то раньше не задумывались. Они с жаром стали обсуждать эту тему, предлагая разные более или менее оригинальные гипотезы.

На самом деле, где «нерестятся» сахалинские серые киты, толком не знают даже ученые. Раньше считалось, что есть две разные популяции серых китов – восточная, которая зимует и размножается в лагунах Калифорнийского полуострова, а нагуливаться ходит в Берингово и Чукотское моря, и западная, которая нагуливается на Сахалине, а размножается где-то в Азии. Но потом на сахалинскую китиху поставили спутниковую метку и проследили ее путешествие через весь Тихий океан до Калифорнийского полуострова и обратно. Теперь ученые спорят – кто-то считает, что все тихоокеанские киты относятся к одной популяции, размножающейся у Калифорнийского полуострова, а другие утверждают, что часть сахалинских китов все-таки ходит в Азию. Результаты генетического анализа указывают на то, что отдельная группировка, видимо, существует, но где она размножается – пока неизвестно.

Среди зубатых китов наиболее оригинальная схема миграций у самого крупного их представителя – кашалота. Самки кашалотов вообще обычно не покидают теплые воды, всю жизнь проводя в тропиках и субтропиках. Они живут тесными группами, основанными на родстве по материнской линии, почти как косатки, за одним исключением – самцы у них не остаются в семье, а с возрастом покидают ее, сначала образуя группировки из молодых животных, а потом и вовсе становясь одиночками. Отважных самцов не пугают холодные воды, и они уходят кормиться в высокие широты, вплоть до полярных морей. У нас на Дальнем Востоке встречаются почти исключительно самцы. На зиму они откочевывают южнее, встречаясь с группами самок и продолжая свой род, а потом опять возвращаются на север.

Что делают зимой наши косатки, мы точно не знаем, поскольку работать в этот сезон на Камчатке с маленькой лодки невозможно (и к тому же незаконно – навигация для маломерных плавсредств закрыта). Какие-то косатки регулярно

встречаются возле рыболовных судов, но из каких районов они приходят – неизвестно. Зато мы знаем, что на коже плотоядных косаток часто присутствуют округлые шрамы – следы от укусов небольшой акулы, обитающей в теплых водах южнее 40-й широты. Значит, плотоядные косатки регулярно мигрируют далеко на юг. А вот на коже рыбацких косаток в нашем регионе такие шрамы почти не встречаются – видимо, они так далеко обычно не заходят.

У северных плавучих таких круглых шрамов очень много, не встречаются они только у совсем маленьких детенышей. Есть у них и другие следы далеких миграций – у нескольких командорских плавучих имеются хорошо заметные шрамы от китобойных гарпунов. Этих животных довольно активно добывают в прибрежных водах Японии – они считаются «малыми» китообразными (хотя и существенно крупнее малых полосатиков, относящихся к «большим») и поэтому не подпадают под юрисдикцию Международной китобойной комиссии, так что любая страна может добывать их в свое удовольствие без оглядки на международное сообщество.

Но самые распространенные шрамы на разных видах китов – это следы от рыболовных сетей. В наше время не китобойный промысел, а именно запутывание в сетях – наиболее серьезная угроза китообразным со стороны человека. Страшно подумать, сколько сетей расставлено по морю и сколько их плавают бесхозных, сорванных штормом и несомых течениями, изготовленных из прочного пластика, не разлагающегося веками. Дельфины и морские свиньи, запутываясь в них, обычно гибнут сразу, а крупные киты иногда могут вырваться, но нередко сети зацепляются за плавники или хвост и волочатся за китом, замедляя его и оставляя на теле глубокие шрамы. Однако поскольку захватывающее кино в стиле «Китовых войн» про это не снять, общественность об этом почти ничего не знает. Упоминание о китобойном промысле или добыче гринд на Фарерах неизменно вызывает у зоозащитников бурную реакцию – китобоев поливают самыми грязными словами, называют нелюдьми и желают им самим оказаться в роли загарпуненного кита. Но я ни разу не слышала подобных высказываний в адрес рыбопромышленников, на счету которых намного больше китовых жизней.

На Командорах мы неоднократно наблюдали китов, запутавшихся в обрывках сетей или веревках. Как-то раз мы встретили горбача, который вообще не поднимал хвост над водой и даже почти не горбился, прежде чем занырнуть, да и шел он как-то медленно, как будто бы с трудом. Подойдя поближе, мы увидели, что, когда кит выныривает, в десятке метров позади него на поверхности появляется ряд продолговатых желтых поплавков-бальбер, какие обычно обрамляют рыбацкую сеть. Саму сеть в волнах было не видно, но, судя по тому, как тяжело двигался кит и как далеко от него появлялись поплавки, обрывок сети у него на хвосте висел очень большой. Мы ничем не могли помочь бедняге – у нас не было никакого снаряжения, чтобы нырнуть под воду, да и распутывать кита без специальных навыков – занятие для самоубийц, поэтому мы просто оставили его в покое, чтобы хотя бы наш катер не был для него дополнительным источником стресса.

Летом 2018 года мы встретили одну из хорошо знакомых нам китих по имени Флажок с детенышем, у которого через весь корпус перед плавником шла врезавшаяся в кожу веревка. К счастью, позже горбаченок умудрился как-то избавиться от нее – когда мы снова увидели эту пару несколько недель спустя, о веревке напоминала только оставшаяся на коже глубокая вмятина посреди спины. Детеныш выздоровел и выжил – несколько лет спустя наши американские коллеги сфотографировали этого уже выросшего китенка на Гавайях. А вот детенышу косатки, которого мы встретили как-то с упаковочной лентой на шее, скорее всего, повезло меньше. Косатенок был совсем маленьким, но плотное кольцо упаковочной ленты уже ощутимо врезалось ему в тело. Мы больше не видели эту группу косаток, так что дальнейшая судьба детеныша нам неизвестна, но едва ли у него был шанс освободиться от смертельного ошейника.

Ежегодно тысячи морских млекопитающих – не только китов и дельфинов, но и тюленей, котиков, сивучей – гибнут из-за запутывания в снастях и пластиковом мусоре. В некоторых развитых странах есть специальные команды по распутыванию морских млекопитающих. Они проходят тренинги, используют все

меры предосторожности, но все равно иногда их работа заканчивается трагедиями. В июле 2017 года Джо Хоулетт, член канадской команды, погиб от удара хвоста гладкого кита, с которого он только что срезал веревки. Он занимался распутыванием около 15 лет и спас десятки китов, но даже для людей с таким опытом это занятие может кончиться плохо.

В России единственная команда, прошедшая специальный тренинг по распутыванию китов, была недавно сформирована на базе сахалинской инициативной группы «Друзья океана». В том районе очень распространен промысел лосося ставными неводами. Ставной невод – это такая большая ловушка из сетей, в которую лосось может зайти, но из которой не может выйти из-за особого устройства входных отверстий. Она устанавливается на мелководье на некотором расстоянии от берега, а между ней и берегом натягивается дополнительная сеть – «крыло», заставляющая идущего вдоль берега лосося повернуть в сторону невода. Конечно же, китообразные, которые ходят по мелководьям, – серые киты, плотоядные косатки и гренландские киты из вымирающей охотоморской популяции – натыкаются на эти сетные стены и, пытаясь их обогнуть, запутываются либо в них, либо в самом неводе. Позже, когда промысловый сезон подходит к концу, рыбаки часто ленятся снимать изодранные за лето и уже ненужные им сети и оставляют их в море. Их срывает штормами и в лучшем случае выбрасывает на берег, а в худшем – уносит в море, навстречу ничего не подозревающим китам.

Но еще более опасны дрейферные сети. Это многокилометровые стены из тонкой, почти невидимой в воде сетки, которые ставят в море в местах миграции лососей и оставляют плавать на буйках на несколько часов, пока в них не запутается достаточно рыбы. При выпутывании улова сетки часто рвутся, но это никого не беспокоит – стоимость их невысока, всегда можно выкинуть рваную секцию и взять новую. Выброшенные фрагменты нередко оказываются в море. Но даже если такие сети просто стоят на буйках, как положено, в них все равно запутывается и гибнет множество морских млекопитающих и птиц. В российских водах дрейферные сети были запрещены в 2016 году, но они по-прежнему используются на путях миграций лососей в районах, прилегающих к Курильским островам.

Еще одна неочевидная, но очень серьезная опасность для китов проистекает от судоходства. Это может показаться странным – ведь океан так велик, и в нем, казалось бы, совсем несложно избежать встречи с движущимся судном, тем более что звук двигателя под водой слышен издали. Тем не менее крупные киты регулярно становятся жертвами столкновений с судами. На Командорах мы не раз встречали кита, спина и бок которого были исполосованы множеством параллельных шрамов – следов от соприкосновения с работающим винтом судового двигателя. На Чукотке мы наблюдали серого кита с точно так же располосованной лопастью хвоста. Но этим китам еще повезло – по крайней мере, они остались в живых. Сколько китообразных гибнет в результате таких столкновений, оценить сложно, так как большинство подобных трагедий проходят незамеченными даже для команды судна-убийцы. Лишь малая часть погибших китов обнаруживается либо плавающими на поверхности моря, либо выброшенными на берег; бывали также случаи, когда крупные быстроходные сухогрузы приходили в порт с трупом кита, висющим на «бульбе» – находящемся чуть ниже ватерлинии выступе носа судна, как будто специально предназначенном для того, чтобы таранить китов.

Почему киты не уворачиваются от судна, хотя слышат звук, издаваемый его двигателем и винтом? Возможно, тут дело в том, что им сложно определить точное направление и расстояние до источника этого звука или они просто не понимают степень его опасности. Во многих районах с развитым судоходством киты привыкли к шуму и почти не реагируют на него. Правда, это не делает воздействие шума менее пагубным – кроме опасности столкновения, судоходство несет и другие угрозы китам, связанные именно с шумовым загрязнением среды.

Во-первых, шум сам по себе является вредным фактором. На примере жителей больших городов было показано, что люди, проживающие в непосредственной близости от крупных шумных автострад, чаще имеют различные проблемы со

здоровьем, чем живущие в тихих районах. По-видимому, непрерывное воздействие шума создает неосознанный хронический стресс, который ведет к снижению иммунитета, что служит пусковым механизмом для целого ряда проблем.

Во-вторых, шум маскирует подводные звуки. Звук очень важен для ориентации и общения китообразных, так как видимость под водой низкая, и в таких условиях именно звук становится основным источником информации о происходящем вокруг. Зашумленность снижает расстояние, на котором кит может услышать крики другого кита или звуки, издаваемые косяком рыбы. Животным становится сложнее найти корм и друг друга в бескрайнем океане. Может показаться, что это не так уж страшно, – ну подумаешь, услышать нужные звуки не за пятнадцать, а за десять километров, – но в масштабе всей жизни кита в совокупности с другими исходящими от человека проблемами это может оказывать существенное влияние на скорость воспроизводства китовых популяций.

В-третьих, громкий шум может вызывать изменения в поведении китов – например, они могут перестать кормиться и уплыть на поиски менее шумного места. Такое воздействие на первый взгляд тоже не кажется критичным, но, когда это происходит постоянно, китиха может не набрать достаточно жира для того, чтобы родить и выкормить детеныша.

Все эти негативные воздействия человека на китов становятся особенно существенными в последние годы, когда постепенное изменение климата приводит к резким сдвигам в балансе морских экосистем. С повышением температуры воды обитатели умеренных вод заходят все дальше на север, внося хаос в устоявшееся равновесие арктических биоценозов. Покоряющая Арктику тихоокеанская треска выедает мелкую рыбу, в частности песчанку, обрекая на голодную смерть морских птиц и других местных хищников, жизнь которых тысячелетиями основывалась на этом ресурсе. Косатки все чаще застают гренландских китов вдали от спасительных льдов, а моржи, оставшись без удобных для отдыха ледовых полей, истощают запасы корма в окрестностях береговых лежбищ и начинают голодать и гибнуть. Это лишь самые очевидные, бросающиеся в глаза примеры – большинство трагедий, разворачивающихся в глубине арктических вод, остаются скрытыми от нас.

В поисках критических местообитаний

Жизнь Клэя Демодока была полна приключений, но сам он их не искал. Как и Нейт, он не жаждал опасностей, риска и не стремился покорять силы природы. Он любил хорошую погоду, ласковое море, комфортабельное жилье, добрых и благонамеренных людей и безопасность и только ради работы готов был пожертвовать чем угодно из этого.

Остров Беринга – прекрасное место для работы с китами, но Дальний Восток велик, и другие районы продолжали манить нас своей загадочностью и недостижимостью. В большинстве этих районов работать нашим традиционным способом – с небольшой лодки, базируясь в полевом лагере, – по разным причинам было невозможно. Где-то не находилось подходящего места для лагеря с достаточно закрытой бухтой, где-то киты ходили слишком далеко от берега, куда-то просто невозможно было заброситься из-за удаленности от человеческих поселений. Многие из этих мест мы прошли в рейсах в первой половине 2000-х годов, когда у Бурдина были большие гранты и он мог позволить себе нанять на месяц полноценное судно. Нам очень хотелось поработать там снова, но время больших грантов прошло, и всех денег, которые уходили у нас за лето на обе экспедиции – на Зеленом и на Беринга, едва хватило бы на три дня аренды судна.

Помощь пришла откуда не ждали. В Петропавловске стало постепенно возрождаться сообщество яхтсменов, почти совсем захиревшее в 1990-е, после распада советской системы яхт-клубов. Какие-то энтузиасты все же оставались – еще во времена работы на Старичковке мы несколько раз встречали яхту «Арктур», проходившую на моторе мимо мыса Опасного, но в целом дело это было не слишком популярно, и мы никогда не рассматривали яхту как возможное средство базирования в наших исследованиях.

Но в 2010-х годах ситуация начала меняться. На Камчатке стал потихоньку развиваться туризм, рос спрос на небольшие недорогие плавсредства, способные возить группы туристов на большие расстояния, и яхты идеально подошли для этой задачи. Не такие быстрые, как глиссирующие катера, яхты гораздо более мореходны и экономичны в потреблении топлива, что позволяет им бесстрашно ходить по всему Дальнему Востоку, тогда как даже крупные катера не могут отойти от ближайшей гавани дальше чем на пару сотен километров.

В наш первый пробный яхтенный рейс мы отправились в 2014 году. Денег было, как обычно, немного, поэтому мы наняли самую дешевую яхту на Камчатке – крошечную десятиметровую «Эмму». Она относилась к классу гоночных яхт и не могла похвастаться всеми теми «излишествами», которые делают жизнь на прогулочных яхтах мало-мальски сноской. В ней не было отдельных кают, и все место внутри по объему было как отсек плацкартного вагона, но гораздо ниже по высоте. Вдоль бортов располагались две койки, штурманский столик и раковина с плиткой и выдвижными ящиками для съестных припасов. Еще две койки находились в кормовой части по бокам от двигателя. Теоретически их там было четыре, так как две сетчатые полки тоже по замыслу могли использоваться как спальные места, но в действительности двум людям разместиться на верхней и нижней койках одновременно было почти нереально – слишком тесно, так что по факту яхта получалась четырехместной. В носовой части располагались галюн и склад всяческого барахла – от парусов и картошки до наших морских костюмов. Через самый центр корпуса прямо сквозь палубу внутрь кокпита проходила мачта, по которой в сырую погоду стекали струйки воды. Впрочем, влага просачивалась и сквозь множество других щелей и отверстий, так что, когда не был включен отопитель, внутри «Эммы» было холодно и мокро (а когда включен, тепло и мокро).

Владелец и капитан «Эммы» Сергей приятно удивил нас своей вменяемостью и адекватностью. Мне почему-то казалось, что капитан-яхтсмен обязательно должен быть пафосным мачо с тяжелой формой синдрома собственной важности, поэтому я ожидала нашей встречи с некоторым внутренним содроганием. Но Сергей оказался совершенно нормальным парнем, без всякой мании величия и со

здоровой долей самоиронии. Влюбленный в свое дело и свою яхту, он готов был днями и ночами напролет торчать на ветру на мокрой палубе, твердой рукой направляя «лодку» (как у яхтсменов принято называть их суденышки) туда, где, по нашему предположению, могли находиться киты.

В рейсы на «Эмме» мы ходили вдвоем – Иван Федутин, Ольга Титова и я, а Сергей брал с собой одного помощника. Получалось, что на четырехместной яхте мы были впятером, и капитан с помощником спали на своей койке по очереди. Не знаю, как им удавалось выдерживать такой режим – несколько часов сна, несколько часов у румпеля и днем, и ночью. Мы по ночам честно спали, а днем по двое торчали на палубе, сканируя горизонт (или, что бывало нередко, непроглядный туман) в поисках китов.

Наш первый маршрут на «Эмме» лежал на Северные Курилы с заходом на Западную Камчатку. Пройдя Второй Курильский пролив, мы направились на север, чтобы обследовать залив Камбальный, – коллеги сообщали нам, что там часто видят горбачей. Большую часть пути нам встречались только белокрылые морские свиньи, и мы начали уже терять надежду найти тут что-то приличное, как вдруг, безо всякого предупреждения и даже почти без фонтана, всего в паре сотен метров от яхты вынырнул знакомый силуэт. Горбач! Мы привыкли замечать их издалека, так как фонтан активно кормящегося кита обычно заметен за несколько километров, но когда они отдыхают, то дышат слабее и фонтана может быть почти не видно.

Мы быстро перекидали все оборудование в лодку, оделись в «мустанги» и решительно направились к киту. При нашем приближении он сразу же занырнул, показав хвост, как и положено делать всякому воспитанному горбачу в присутствии исследователей. Но, кроме хвоста, нам непременно нужна была еще и биопсия. Мы подождали, пока кит вынырнет, и попытались быстро подъехать к нему, но не тут-то было – он занырнул метров за пятьдесят, не дав нам ни малейшего шанса. Между тем погода, как и положено по законам жанра, начала портиться. Поднимался ветер, волна становилась выше, и попытки быстро подъехать к киту сопровождались такой тряской, что казалось, будто позвоночник сейчас проткнет мозг, а тот, в свою очередь, вытечет через уши. Несколько раз нам все же удавалось подойти близко, но из-за тряски и ветра я безбожно мазала. Ситуация казалась безнадежной, и в этот момент рядом с нами вынырнул еще один, нет, еще целых два горбача! Издалека мы не могли сразу определить, кто именно вынырнул, и теперь метались между одиночным китом и парой, не успевая толком подобраться ни к кому из них. Ветер тем временем крепчал, и на волнах появились барашки. Стало понятно, что еще немного – и нам придется убираться отсюда без единой биопсии. Кроме того, один кит из пары упорно не показывал хвост. К счастью, они хорошо различались по спинам – у одного был остренький плавничок, а у второго совсем тупой, почти как гребень у серого кита (бывает, что спины у двух китов очень похожи, и тогда биопсию с пары брать сложно: можно просто не отследить, с кого конкретно взята проба, если после выстрела кит занырнет, не показав хвост). Мы уже решили сдаться и оставить китов в покое, как вдруг пара вынырнула совсем рядом с лодкой. Форсаж, выстрел – и кит с тупым плавником получил шанс оставить след в истории. Надо отметить, что это был его единственный шанс, поскольку хвост он так и не показал. А вот его приятель, который старательно демонстрировал хвост при каждом заныре, явно считал, что с нас и этого хватит, – он никак не хотел подпускать нас на выстрел, так что взять биопсию мы смогли только с третьей или четвертой попытки.

Промокшие, замерзшие и уставшие, мы вернулись на яхту, повесили «мустанги» сушиться и двинулись дальше на север. Больше мы в тот день ничего интересного не видели, поэтому на следующее утро повернули на юго-запад, взяв курс на остров Атласова. Этот день для разнообразия выдался солнечным и почти безветренным, так что мы загорали на палубе всего лишь в двух свитерах, а не в четырех, как обычно. Когда яхта проходила свал глубин, вдалеке несколько раз вспыхивали фонтаны кашалотов, но мы не стали к ним подходить: кашалоты обычно отдыхают на поверхности минут десять, а потом ныряют минут на

сорок или даже больше, а времени у нас было мало.

Ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, уже на подходе к острову Атласова мы заметили вдалеке какой-то продолговатый темный предмет на поверхности воды. Он был у нас почти прямо по курсу, и чем ближе мы подходили, тем более странным он казался. Скоро стало понятно, что он движется: на ровной поверхности воды за ним оставалась длинная кильватерная борозда; значит, это было не просто бревно. Но и китом это существо быть не могло: оно не занывало, а просто скользило по поверхности. В какой-то момент у меня даже возникла мысль, что это плывущий медведь, хотя до ближайшего берега было километров десять. Как раз в этот момент загадочное существо все-таки скрылось под водой, опровергая эту гипотезу. Когда оно снова вынырнуло, выпустив заметный фонтан, и опять заскользило по поверхности, до нас наконец дошло: это же гладкий кит!

Северотихоокеанские гладкие киты – огромная редкость, и встретить представителя этого вида – большая удача. Гладкие киты медлительные и толстые, и китобой прошлых веков очень любили их, поскольку они дают много жира и не тонут после того, как их убили. Любовь китобоев дорого обошлась этим беззащитным существам – их популяции в Северном полушарии были уничтожены почти без остатка. В Северной Атлантике осталась лишь горстка китов у побережья США, а раньше они обитали и в водах Европы, доходя даже до Баренцева моря. В северной части Тихого океана тоже осталось всего лишь несколько сотен животных. Только в Южном полушарии популяция смогла восстановиться после запрета коммерческого промысла, а северотихоокеанские и североатлантические гладкие киты до сих пор крайне малочисленны.

Я видела их до этого лишь дважды – в первый раз в рейсе в 2003 году в центре Охотского моря, а во второй в 2012 году на Командорах, когда мы неожиданно наткнулись на такого кита в большом скоплении кормящихся горбачей и быстро потеряли его среди их фонтанов. Но такое поведение – скольжение по поверхности – я наблюдала впервые, хотя и читала о нем. У гладких китов совершенно особый тип питания: в отличие от полосатиков, которые рывком захватывают воду с добычей в расширившуюся глотку, гладкие просто движутся сквозь воду, раскрыв свой ковшеобразный рот с длинным китовым усом, и ждут, когда на ус нафильтруется достаточно всякой съедобной мелочи. Обычно они делают это под водой, но иногда и на поверхности – именно это мы и наблюдали.

Поняв, что перед нами гладкий кит, мы попросили Сергея лечь в дрейф, быстро перекидали оборудование в лодку и бросились в погоню. К сожалению, кит сразу перестал кормиться у поверхности – то ли испугался шума мотора, то ли просто передумал, так что увидеть это зрелище вблизи нам так и не довелось. При нашем приближении кит начал надолго занывать, выходя каждый раз в новом направлении. Хвост мы сняли сразу, но нужна была еще голова: гладких китов идентифицируют по рисунку ороговевших наростов – так называемых каллоцитов, покрывающих голову животного. Кроме того, в план-максимум входила биопсия. Кит вел себя так, будто догадался о наших коварных намерениях – выныривал ненадолго и уходил под воду, прежде чем мы успевали приблизиться, так что вместо головы и биопсии мы получали лишь занывающую вдалеке спину. В книгах о китобойном промысле пишут, что гладкие киты были излюбленной добычей китобоев благодаря своей медлительности, но встречавшиеся мне представители этого вида явно не читали тех книг – улепетывали они от нас намного шустрее, чем это обычно делают горбачи. Вероятно, их медлительных сородичей в свое время выбили китобойи на своих гребных шлюпках, а остались только такие вот бодрые психи, к которым и на моторе не подойдешь на выстрел. Если бы не редкий для этих мест штиль, у нас не было бы никаких шансов. Темнело, и фотоаппарат снимал уже на пределе своей светосилы. Несколько раз мы успевали подскочить близко, так что кое-какие фотографии головы сделать все же удалось, а вот с биопсией не везло – то кит нырял, прежде чем мы подлезжали на выстрел, то я промахивалась. Наконец, когда стало уже настолько темно, что даже увидеть кита на расстоянии было сложно, мы решили сдаться и поехали в сторону яхты. Именно в этот момент кит шумно вынырнул прямо у нас на дороге,

всего в нескольких десятках метров перед лодкой. Ванюха дал газу, я выстрелила, и удача нам наконец улыбнулась – стрела ударила кита прямо в бок и высекла вожаденный кусочек кожи. Обиженно пыхтя, представитель редкого вида удалился в темноту, а мы радостно вернулись на яхту со второй за всю историю нашего проекта биопсией гладкого кита.

Отработав с гладким китом, мы направились дальше на юг, планируя пройти поперек Четвертого Курильского пролива, разделяющего острова Парамушир и Онекотан, а затем развернуться в сторону Петропавловска, так как близился конец срока аренды яхты. В проливе нас встретил густой туман. К счастью, он был не сплошным – его пронесло полосами и периодически разрывало, открывая нам для наблюдений небольшой кусочек синего моря. Именно в такой момент Оля Титова заметила вдалеке самца косатки, деловито двигавшегося в направлении Парамушира. Восторг, паника от боязни упустить, быстрая выгрузка в лодку команды и оборудования, и вот мы уже несемся по волнам за косатками, которых внезапно оказалось множество – несколько десятков, разбитых на разрозненные группы. Как обычно в таких случаях, мы попытались разорваться между фотографированием и записью звуков, косатки то не кричали, то не слишком подпускали, и тут на нас наплыл очередной большой клочок тумана, полностью закрыв всю видимость дальше 50 метров. Оставалось только стоять на месте, бросив в воду гидрофон, и беспомощно слушать редкие покрякивания под водой и мощные близкие выдохи на воздухе.

Естественно, это повергло всех в мрачное расположение духа, и, чтобы развеселить нас, Ванюха пошутил: «Сейчас туман разойдется, и появится белая косатка». Тут стоит упомянуть, что прямо перед рейсом мне позвонила мама и стала выяснять, почему это мы не сидим, как обычно, на Командорах, а зачем-то отправляемся на Курилы. Мама не слишком разбирается в нашей теме, так что объяснить ей что-то, особенно по телефону, было довольно сложно. Видя мои мучения, Ванюха подсказал: «Скажи ей, что мы идем искать белую косатку».

– Мы идем искать белую косатку, – обреченно сказала я в трубку, не особенно надеясь на успех.

– А, белую! Ну, тогда понятно, – тут же успокоилась мама, как будто это было самое естественное занятие на Земле – искать белых косаток.

Об этом-то мы и вспомнили тогда в тумане, слушая удаляющиеся выдохи. Прошла пара минут, мы уже собирались свернуть гидрофон и двинуться следом, и вдруг косатки начали выныривать прямо рядом с лодкой. Я хватаю арбалет, Оля поднимает фотоаппарат, Ванюха начинает, по своему обыкновению, что-то мне командовать, и тут... из тумана появляется белая косатка.

Нет, серьезно, все так и было. Небольшой подросток двигался почти прямо на нас и прошел метрах в пяти от лодки. Черт его знает, почему я не выстрелила – то ли ждала лучшего ракурса для верного выстрела, то ли рука не поднялась на это чудо. Зато Оля умудрилась и сфотографировать его, и снять на видео, не знаю уж, как ей это удалось. Все это заняло меньше минуты – альбинос проскользнул мимо и растворился в тумане, оставив ощущение очередной шутки судьбы, в которую мы, конечно же, не верим.

А потом мы поехали за косатками, туман разошелся, и мы сделали множество фотографий и взяли пять биопсий. Светило солнце, волны почти не было, косатки разбились на группы и хорошо подпускали, вежливо подставляя свои лоснящиеся бока, – в общем, мы попали в рай для косатководов. В какой-то момент мы подошли к группе, в которой одно животное все время выныривало чуть позади остальных. Приблизившись, мы обнаружили, что это калека: у косатки был так искривлен позвоночник, что она, похоже, не могла быстро плавать. При этом она не выглядела истощенной или больной – видимо, родичи как-то заботились о ней, делясь рыбой. Косатки вообще нередко делят добычу, особенно если она достаточно крупная. В Авачинском заливе самки часто делятся лососем со своими отпрысками, причем не только с детенышами и подростками, но и со взрослыми

сыновьями, существенно превосходящими по размеру кормилицу-мать. Возможно, курильскую калеку тоже подкармливала ее мама.

Ближе к вечеру снова опустился туман, но все доступные косатки были к тому времени сфотографированы, наконецники для стрел – на исходе, так что мы с чистой совестью решили возвращаться на яхту. Правда, это оказалось не так просто – видимость упала метров до пятидесяти, и, даже получив по рации координаты яхты и приехав в эту точку, мы нашли судно не сразу, так как его успело немного снести. Мы остановились, заглушили мотор и стали прислушиваться в надежде услышать голоса наших яхтсменов – и вдруг влажный воздух пронзил протяжный трубный звук, похожий на охотничий рог. Оказывается, у Сергея на яхте был подаренный кем-то старинный туманный рожок, и вот наконец выпал шанс использовать его по назначению.

Следующим утром мы все-таки двинулись через пролив к Онекотану. Солнце закрыли низкие свинцовые облака, но зато не было тумана, а ветер хоть и поднялся, но не слишком сильный, – наблюдать было можно. Тем не менее за первую половину дня никаких китообразных мы так и не увидели. Лишь ближе к середине пролива вдалеке наконец мелькнул занывающий хвост. Мнения разошлись – кому-то показалось, что это горбач, а кому-то – что кашалот. В первом случае следовало немедленно ехать в ту сторону, во втором – взять точку GPS и двигаться дальше своей дорогой. К счастью, кит вскоре разрешил наши сомнения, вынырнув снова. Он выпустил высокий вертикальный фонтан, всем своим видом показывая, что он уж точно не кашалот. Значит, горбач? Мы прижали к глазам окуляры биноклей. Кит выдохнул еще раз, изогнул спину, вот сейчас покажется плавник... но где же он? Спина гладкой дугой ушла под воду, а следом поднялся хвост – совсем не горбачинный, а изящный треугольный хвост гладкого кита.

Это было невероятно. Два гладких кита за несколько дней? Или это тот, с Атласова, успел дочапать сюда, пока мы гонялись за косатками? Мы быстро загрузились в лодку и отправились прояснять ситуацию. Она прояснилась быстро – кит оказался другим, нам действительно сказочно повезло! Но на этом везение кончилось, так как характер у этого гладкого оказался ничуть не лучше, чем у предыдущего, а погода была гораздо хуже – мы подпрыгивали с волны на волну, пытаюсь к нему подойти, а он без особых усилий снова и снова оставлял нас в дураках. Наконец мы отчаялись и вернулись на яхту, чтобы успеть завершить рейс до конца оплаченного срока.

В целом работа с яхты показалась нам перспективной – за пару недель мы встретили двух гладких китов, нескольких горбачей и множество косаток, и все это в рамках бюджета, которого едва хватило бы на пару дней аренды нормального судна. Этот опыт пришелся очень кстати – на следующий год я получила грант на поиск и описание критических местообитаний китообразных в дальневосточных морях, для чего нам нужно было покрыть рейсами довольно большую площадь за небольшие средства.

В августе 2015 года мы запланировали пройти вдоль восточного берега Камчатки. В этот рейс Сергей решил взять с собой помощником Сергея Леонидовича Пасенюка, знаменитого командорского яхтсмена и художника. Наш опыт знакомства с Пасенюком начался с крайне неудачной телеги для катера, которую он сварил нам за пять лет до этого. Узнав, что нам предстоит идти с ним на яхте, мы насторожились, но понадеялись, что сварщик он, может быть, и не очень, но уж как яхтсмен-то точно профессионал. В принципе так оно и оказалось, но не совсем в том смысле, в каком мы ожидали.

Бурдин тем летом тоже планировал рейс на восток Камчатки на грант, полученный от Русского географического общества на изучение горбачей, и мы решили скооперироваться. В отличие от нас, Александр Михайлович не собирался экономить на своем комфорте и арендовал ПТР «Лещ» – небольшое по морским меркам грузовое судно, которое тем не менее существенно превосходило размерами нашу яхточку, имело каюты, камбуз и даже кока. Мы собирались дойти на нем с Командор до Карагинского залива, а там уже перебазироваться на

«Эмму».

Путь от острова Беринга до Карагинского залива прошел в основном в тумане. В Карагинский мы пришли ночью и продолжали двигаться на север, когда в шесть утра я и наш командорский волонтер Леша сонно выползли на верхний мостик на первую вахту. Приставив к глазам бинокль, я попыталась сфокусироваться на море – и тут прямо в центре поля зрения вызывающе вынырнула косатка, потом еще одна и еще. Пришлось устраивать коллегам срочную побудку и спускать лодку. Косатки оказались добрые и веселые, они без проблем дали себя отснять, совершенно не обращая внимания на лодку, что было нам просто как бальзам на душу после двух месяцев, проведенных в обществе их командорских сородичей. Когда мы отсняли группу и бросили в воду гидрофон, причина такой благожелательности сразу же стала понятна: из наушников раздавались знакомые, родные крики типов К5 и К7, так что стало ясно – это кто-то из авачинских косаток. Завсегдатаи Авачинского залива давно привыкли к шуму судов и преследованию назойливых моторок и относятся к этому философски, не то что избалованные тишиной заповедной акватории командорцы.

Вернувшись на борт, я сразу полезла искать снятых косаток в авачинском каталоге. Это оказалась группа Чайки из племени КВ (или, как его иногда называют по-русски, Каби). К этому же племени относятся Кармен и Гусли, которые встречаются в Авачинском заливе почти ежегодно, и еще две чуть менее регулярно появляющиеся семьи – Хуки Младшего и собственно Каби.

Время поджимало, так что мы поспешно отправились дальше. Бурдин решил сначала обойти Карагинский с моря, а затем с севера зайти в пролив Литке. Ближе к вечеру мы увидели в море пару высоких фонтанов и приготовились уже было спускать лодку, но, приглядевшись, поняли, что перед нами не горбачи, а финвалы. Раньше эти киты попадались нам редко. Вторые по размеру после синего кита, финвалы пользовались большой популярностью у китобоев и были почти так же старательно истреблены во времена коммерческого промысла, но в последнее время начали постепенно восстанавливаться, хотя и не так быстро, как горбачи. Командорские воды они почему-то не любят – за все время работы мы наблюдали их там всего пару раз, – но в водах Восточной Камчатки стали встречаться все чаще. Пока мы крутились возле этой пары, фотографируя их с борта судна, на горизонте показались еще фонтаны. Мы попросили рулевого пройти в ту сторону. «Лещ» бодро направился в море, фонтаны были все ближе и ближе, вот уже скоро в бинокль станут видны спины, и мы узнаем, горбачи это или опять финвалы... но тут судно вдруг замедлило ход и начало разворачиваться. Я схватилась за рацию.

– Что случилось, почему мы разворачиваемся? Киты уже по правому борту!

– Граница, – лаконично ответил мне голос из рубки.

Все стало ясно – мы подошли к границе 12-мильной зоны, т. е. российских территориальных вод. Для того чтобы ее пересечь, судно должно уведомить пограничников, а это довольно морочный процесс, и капитан не хотел этим заниматься ради пары китов. Вообще, процедура пересечения морской границы попортила нам в рейсах немало крови – не раз случалось так, что приходилось из-за нее корректировать маршрут или изменять конфигурацию трансект.

Два дня спустя мы вошли в пролив Литке с севера и вскоре увидели цель нашего путешествия. Деловито пытаясь, два горбача кормились недалеко от острова Верхотурова. Отработав с этой парой, мы двинулись на юг и нашли крупное скопление в середине пролива, напротив южной оконечности Карагинского. Фонтаны были повсюду, и нас ограничивали только погода, длина светового дня и емкость батарей в фотоаппаратах, так что мы переходили от одной пары или тройки китов к другой, пока не садились батарейки или не поднимался ветер.

Между тем срок аренды «Леща» подходил к концу, и близилась назначенная дата нашей встречи с «Эммой». Пятнадцатого августа сквозь шум помех мы услышали по рации далекий голос Сергея, а вскоре и знакомый силуэт яхты показался на

горизонте. Мы с Ванюхой и Олей перегрузили на «Эмму» свои пожитки и оборудование, закрепили «Зодиак» на буксире за яхтой и отправились в самостоятельное плавание, а Бурдин и наши волонтеры на «Леще» ушли на юг, в сторону города.

Вечером того дня мы еще немного поработали с горбачами, с них же начали и утро следующего. Отработали нескольких китов, взяли биопсию, и тут Сергей по радиации осведомился, не интересуют ли нас косатки, а то они тут резвятся вокруг яхты. Наконец-то косатки – и никаких ограничений, мы сами себе хозяева, можем работать с ними столько, сколько нам нужно! Погода была отличная, солнечно и почти безветренно, и мы наслаждались этой встречей как могли: работали не торопясь, заезжали вперед косаток и ждали, бросив в воду гидрофон, когда они с криками пройдут мимо нас и их можно будет спокойно сфотографировать, не пугая звуком мотора. Впрочем, косатки оказались не из пугливых, они вели себя совершенно расслабленно, отдыхали и играли, разбившись на несколько небольших групп, а потом неторопливо двинулись на север. После полудня несколько животных начали активно кормиться, но к тому времени, как обычно, поднялся ветер, и нам пришлось их оставить и возвращаться на яхту. Впоследствии, сравнив фотографии с каталогами, мы выяснили, что раньше видели часть из этих животных на Командорах.

По возвращении на «Эмму» обнаружилось, что оба Сергея даром времени не теряли: весь рангоут и такелаж были увешаны сушащимися на солнце элементами одежды и внутреннего убранства каюты, а яхтсмены загорали, растянувшись на палубе.

– Я думал, Карагинский – это север, там холодно, – поделился с нами Сергей-капитан, – а тут, оказывается, курорт!

Впрочем, «курорт» длился недолго: ночью все затянуло облаками, и на следующее утро нас ждала обычная хмурая камчатская погода. С начала утренней вахты до 10 часов нам не встретилось ни одного кита – похоже, мы миновали зону основных горбачиных скоплений. Расслабившись, мы отвлеклись на разговор, и вдруг сидевший за румпелем Пасенюк замахал рукой: «Смотрите, косатки!»

Это и вправду были косатки. Большая группа, штук пятнадцать. Они вели себя странно: ныряли в разные стороны, но не беспорядочно, а с какой-то мрачной целеустремленностью. Вообще, когда косатки ведут себя странно, чаще всего это оказываются транзитники. Так было и на этот раз. Мы поняли это не сразу – транзитники редко собираются большими группами, поэтому сначала мы даже не задумывались об этом, просто почувствовали какой-то легкий когнитивный диссонанс и лишь потом, подойдя к ним ближе, рассмотрели их получше и поняли, что это представители плотоядного экотипа.

При нашем приближении транзитники часто подходят сами, как бы проверяя лодку, – в этот момент с них можно легко взять биопсию, а вот если его упустить, то потом они могут вовсе не дать приблизиться на расстояние выстрела. Так и сейчас, как только мы подошли к ним, косатки начали резко выныривать прямо возле бортов. Я выстрелила, но стрела, вместо того чтобы лететь прямо, пролетела по дуге пару метров и бесславно шлепнулась в воду. Оказалось, что металлический держатель, прижимавший стрелу к ложу, проржавел и отвалился, так что стрела соскальзывала немного вперед и удар тетивы по ней получался гораздо слабее.

Пока мы разбирались с арбалетом, косатки отошли, все так же ныряя туда-сюда, но в целом смещаясь на север. Мы поехали за ними, пытаясь понять, чем же они занимаются. К тому времени у нас уже возникли подозрения на этот счет – слишком уж назойливо вились над ними моевки, так, как они делают там, где есть чем поживиться. И правда – присмотревшись, мы заметили, что птицы то и дело выхватывают что-то из воды. Мы бросились в погоню – и совсем чуть-чуть не успели: прямо под лодкой плавало и колыхалось в воде нечто белое размером с обеденную тарелку, но наш сачок был слишком короток, чтобы его достать. Больше всего это было похоже на кусок жира или соединительной ткани какого-то кита.

Плотоядные косатки, отъев у убитого кита самое вкусное – мягкий жирный язык, часто бросают труп, поскольку не в силах больше в себя запихнуть. За это их часто обвиняют в бессмысленной жестокости, но на самом деле косатки часто возвращаются к добыче, если она не ушла на глубину, а лежит на мелководье. Похоже было, что мы наблюдаем как раз такое событие – белая субстанция под водой выглядела так, будто она долго пролежала в воде.

Мы ехали за косатками, пытаясь подобраться поближе ради биопсии или чтобы успеть поймать сачком кусочек их жертвы, прежде чем его сожрут моевки или он опустится на недостижимую для нас глубину. Но косатки уже отнесли нас к категории «неинтересное и, возможно, опасное», так что ближе пары десятков метров к себе не подпускали, а это как раз то расстояние, с которого их можно прекрасно сфотографировать, но почти невозможно взять биопсию, особенно когда у арбалета сломана прижимная планка. Я мазала снова и снова, моевки демонстративно утаскивали пробы добычи у нас из-под носа, и все было ужасно – такая большая хорошая группа транзитников, а мы ничего не можем с ней сделать. В момент, когда фрустрация достигла апогея, Оля заметила шмат белой субстанции в нескольких метрах от лодки. Одновременно его заметила и пролетавшая мимо моевка, спикировала и выхватила прямо у нас из-под носа, но тут мы уже не выдержали, дико заорали и замахали руками и сачком – потрясенная птица выронила кусок и ретировалась, а мы тут же подхватили его и подняли на борт. Это действительно оказалось что-то типа размокшей в морской воде жировой ткани. Полюбовавшись на добычу и потыкав ее пальцами, мы убрали шмат в «зиплок» и стали осматриваться по сторонам, чтобы понять, куда ушли косатки.

Косаток не было. Мы встали в лодке и стали внимательно всматриваться в горизонт. Косаток не было. Ну не могли же они за десять минут, пока мы боролись с моевкой и разглядывали добычу, провалиться сквозь землю, точнее, воду? Мы осмотрели море в бинокль – пусто. Проехали в ту сторону, куда в целом смещались косатки, потом чуть правее и чуть левее – пусто. Так мы и не нашли их снова, и пришлось возвращаться на «Эмму» без единой биопсии.

Едва мы ступили на борт, два Сергея решительно направили яхту на юг. Выяснилось, что Пасенюку надо обязательно прибыть на Командоры к условленному сроку, так как у него запланирована там встреча с какой-то группой туристов. Мы заранее согласились на обратном пути зайти в Никольское – нам это тоже было удобно, так как мы планировали оставить там большой «Зодиак» и остаток пути до города работать с маленькой лодки с надувным дном, которую можно было собрать и разобрать прямо на палубе яхты, однако мы не ожидали, что Пасенюк будет ставить условия по срокам. Из-за этого пришлось проскочить ходом нескольких финвалов, попавшихся нам по дороге в Озерном, едва притормозив, чтобы сфотографировать их издалика.

К вечеру следующего дня мы совсем уже было собрались поворачивать на восток, к Командорам, как вдруг вдалеке заметили знакомые невысокие пушистые фонтаны. Это было неожиданно – встретить северных плавунов здесь, где они, как мы считали, довольно редки. Мы быстро попрыгали в лодку и понеслись в погоню. Камчатские плавуны – это было в высшей степени увлекательно, мы ведь не знали о них совсем ничего, даже того, общая это группировка с командорской или две разные. Но они вели себя как типичные плавуны – выныривали ненадолго и потом надолго заныривали, причем не стояли на месте, а смещались на север, как раз туда, откуда мы пришли и куда нам было совершенно не нужно. Несколько раз мы успевали подъехать к ним в самом конце периода отдышивания и снимали далекие нерезкие спины, совершенно непригодные для идентификации. В конце концов мы более-менее поняли, в каком направлении и с какой скоростью они движутся, и смогли оказаться достаточно близко в момент выныра, чтобы успеть подъехать и сделать сносные фотографии. О биопсии, конечно, не могло быть и речи. Уже темнело, и нам пришлось возвращаться на яхту. На этот раз яхтсмены решили не вставать на якорь у берега, а переночевать, дрейфуя в открытом море, чтобы наутро решить, что делать дальше – двигаться сразу на Командоры или поработать

еще немного здесь.

Ночью начало задуть. Мы не получали прогноз погоды с тех пор, как расстались с «Лешом», – хотя у нас и был спутниковый телефон, но все друзья и знакомые, кому можно было позвонить, сами были в полях без связи, а яхтсмены относились к погоде с философским фатализмом и не особенно стремились узнать прогноз. Когда ночью поднялся ветер, стоявший на вахте Пасенюк принял решение за всех и направил яхту в сторону Командор. Если бы мы знали, что нас ждет, мы бы, конечно, предпочли переждать этот шторм где-нибудь под берегом на якоре, но, когда настало утро, шкивало уже так, что у нас не было сил не то что протестовать – даже выбраться из койки. Яхта, скрипя, взбиралась на очередной водяной холм, а затем рушилась с него в ложбину, и все содержимое, включая нас, нервно подпрыгивало на месте. Хуже всего было то, что за нами по-прежнему тянулся на буксире «Зодиак», – во-первых, он сильно замедлял движение, а во-вторых, мы всерьез опасались, что он оторвется. Если бы у нас было время подготовиться, мы могли хотя бы перевесить с него мотор на яхту – тогда лодка была бы полегче, а в случае худшего исхода потеря была бы не такой чувствительной. Но теперь нам оставалось только с ужасом наблюдать, как наш драгоценный «Зодиак», стоявший вместе с мотором как целый бюджет экспедиции, скачет на буксире, словно обезумевший мустанг. Конечно, он был надежно зацеплен буксировочной веревкой за обвязку и закреплен петлями за задние края баллонов, но от такой дерготни даже прочная веревка могла в любой момент перетереться – и мы ничего не смогли бы сделать, даже повернуть и поймать его по такой погоде не было никаких шансов. Сидеть на палубе тоже было опасно, поэтому яхтсмены закрепили румпель веревкой, чтобы более-менее держать нужное направление, и оставили один маленький парус на носу, который и тянул нас вперед. Так как ветер, конечно же, был не попутный, то шли мы галсами, а это значило, что яхта постоянно держала сильный крен то на один, то на другой борт. Меня это не особенно беспокоило, так как моя койка находилась в кормовом закутке, в который было напихано множество всякого скарба, и выпадать было некуда, Олю тоже блокировала закрепленная груда ящиков с продуктами, а вот Ванюхина койка располагалась у прохода, и, когда крен приходился на противоположный борт, с каждым ударом яхты о водяной вал его просто выбрасывало на пол. Через несколько часов такого мучения он переселился ко мне в койку, где мы едва помещались, улегшись валетом, и могли переворачиваться только по команде.

Но хуже всего было ощущение абсолютной беспомощности. Мы не могли делать ничего – любые самые элементарные действия при такой качке становились невероятно сложными, на грани подвига было даже встать посмотреть, не оторвало ли еще лодку, и дойти до гальюна. Мы не могли ни есть, ни спать, просто лежали час за часом, упершись в края койки, чтобы нас не швыряло туда-сюда, и ждали, когда же все это кончится. Сначала мы надеялись, что этим ветром нас хотя бы быстро пригонит на Командоры, – пролив между островом Беринга и Камчаткой не такой широкий, всего около 200 километров, но из-за того, что яхте приходилось постоянно карабкаться на огромные водяные валы, а также из-за тормозившего ее «Зодиака» продвигались мы крайне медленно.

Я плохо помню, сколько времени в итоге это заняло – трое или четверо суток непрерывного кошмара, прежде чем мы встали на якорь с подветренной стороны северо-западной оконечности острова Беринга. Тогда мы смогли наконец вылезти на палубу и оценить потери. Как ни странно, «Зодиак» по-прежнему болтался на веревке по корме, но что-то в нем было не так. Приглядевшись, мы ахнули – у него оторвало передний рым, через который были продеты обе буксирные веревки, а сам рым с ошметками ткани беспомощно болтался на них. Это, конечно, была не такая серьезная потеря, как утрата самой лодки, но все же достаточно неприятная: передний рым – важная часть, которая постоянно используется при разных манипуляциях, а приклеить его так же прочно, как он держался изначально, вручную очень сложно.

– Зато романтика, – радостно утешил нас Пасенюк.

Наши проблемы его ни в малейшей степени не волновали, и он продолжал подгонять Сергея, чтобы как можно быстрее добраться до Никольского и своих туристов. Переведя дух, мы снова забрались в койки и еще полдня прыгали по волнам, пока не встали в относительно закрытом месте на рейде Никольского. Тут мы наконец поймали интернет, посмотрели прогноз погоды, и выяснилось, что мы находимся в самом центре циклона, – назавтра ветер должен был поменяться и еще окрепнуть. Мы немедленно катапультировались с яхты на берег, бессовестно бросив Сергея и прихватив с собой наиболее ценное оборудование и, конечно же, наш многострадальный «Зодиак». Вместо Пасенюка остаток пути с ним в качестве помощника должен был идти начинающий командорский яхтсмен Леша Левый, и его первая вахта, похоже, обещала быть отнюдь не прогулочной – Сергей с Лешей собирались переждать шторм в бухте на якоре неподалеку от Никольского. Мы же, окрыленные возвращением на прекрасную твердую землю, заселились в квартиру своих командорских друзей и периодически злорадно пытались рассмотреть яхту в бинокль из окна.

Два или три дня спустя, когда штормовой ветер улегся, оставив по себе лишь трехметровую зыбь, мы вышли из Никольского в сторону Камчатки. Прогноз погоды по-прежнему был неутешительным: скоро должен был подойти еще один циклон с сильным северным ветром, но мы решили не ждать, а пересечь пролив и встретить его под берегом на севере Камчатского залива, под прикрытием высоких сопков мыса Камчатского. Так оно и вышло, и мы еще три дня торчали на якоре, слушая угрожающий гул ветра в снастях.

Когда ветер начал стихать, мы вышли наконец на маршрут и начали с нетерпением вглядываться в горизонт. Погода была не очень, остатки циклона давали о себе знать, но долгий простой существенно понизил наш порог погодной чувствительности, поэтому, когда на горизонте вспыхнули пушистые фонтанчики плавунов, мы бросились в бой, как школьники, впервые попавшие на морскую экскурсию.

Плавуны, как обычно, нашего энтузиазма не разделяли. В первый раз они занырнули, когда мы были метрах в трехстах от них. В следующий выход, минут десять спустя, мы едва заметили фонтаны на горизонте, рванули к ним – и снова они оставили нас в дураках, не подпустив даже, чтобы сделать фото. Так продолжалось довольно долго, прежде чем мы уловили некую закономерность – плавуны выныривали как-то слишком часто и все время то в одной, то в другой стороне, как будто постоянно перемещаясь между этими точками. До нас дошло, что это две разные группы, которые выходят попеременно, а мы мечемся между ними, не успевая доехать ни до одной. Когда мы сосредоточились на одной группе, дело пошло бодрее. Киты медленно смещались в одном направлении, траектория их движения была довольно предсказуемой, так что мы смогли их довольно хорошо отснять. И вот в очередной перерыв, когда плавуны были под водой, мы вдруг увидели далеко на горизонте прыжок кита. Какого именно, понять было сложно, так что мы решили подъехать и посмотреть. Пока ехали, кит прыгал снова и снова, и становилось все более очевидно, что это тоже плавун. Похоже, мы попали в большое разрозненное скопление из нескольких групп, которые ходили туда-сюда, общались и демонстрировали элементы социального поведения. Что значат эти прыжки – сказать сложно, но чаще всего их можно наблюдать в больших активных группах, включающих и самцов, и самок, так что, возможно, они как-то связаны с общением полов и демонстративным соперничеством самцов.

Яхтсмены, которых мы давно потеряли из виду, впоследствии рассказали нам, что мимо них тоже прошло несколько групп плавунов, причем одна совсем рядом с яхтой. Мы же устремились за той группой, в которой кто-то активно прыгал. Они вели себя не так, как обычно, – не заныривали надолго, а быстро шли вперед, периодически выпрыгивая и долбя друг друга хвостами. Это было нам очень на руку – довольно быстро мы смогли их не только отснять, но и взять биопсию – киты были слишком заняты друг другом, чтобы обращать на нас внимание.

По мере того как мы отходили от мыса, волна становилась все выше, и многочасовая тряска постепенно остудила наш пыл. Пора было возвращаться,

сливать на жесткий диск фотографии, разбирать биопсии и двигаться дальше. Мы отметили себе этот район как потенциальное место будущей работы с плавунами, но так пока и не реализовали эту затею.

Двигаясь дальше на юг, мы периодически встречали пары горбачей, но больших скоплений не попадалось. На юге Камчатского залива мы спустили лодку, чтобы поработать с ними напоследок. Киты оказались недружелюбными – они постоянно уходили, надолго занырявая и проходя под водой большое расстояние, а также каким-то образом договаривались с парой финвалов, чтобы те выныривали в самый неподходящий момент и отвлекали внимание на себя. Начал моросить дождь, и все скрылось в легкой дымке; мы пытались найти горбачей по выдохам, но все время натывались на финвалов. В какой-то момент, когда мы двигались на полном ходу, финвал вышел прямо перед лодкой – Ванюха едва успел затормозить, чтобы не врезаться в этот огромный, бесконечно длинный бок, который все тянулся и тянулся из моря, как змей Ёрмунганд, пока наконец не показался невысокий скошенный спинной плавник и не исчез в волнах.

Мы вернулись на «Эмму», повесили «мустанги» сушиться, но не прошло и часа, как вдалеке сквозь дымку показались черные треугольнички, а буквально три минуты спустя рядом с ними вышла группа плавунов. Чертыхаясь и ругая бестолковых китов, которые то не приходят вообще, то приходят сразу всем скопом, мы спустились в лодку и рванули в ту сторону. Выбор между косатками и плавунами был не из легких – это на Командорах мы всегда предпочитаем плавунов, а здесь, на новом месте, могли быть какие-то интересные косатки, и упускать их тоже не хотелось. В итоге мы решили поснимать косаток, пока плавуны под водой, – они занырнули как раз, когда мы подъезжали. На наше счастье, косатки были сговорчивыми и легко дали себя снять. Встреча и впрямь оказалась интересной – это была часть семьи AV2, которую мы уже несколько лет не видели в Авачинском заливе. Куда делась вторая ее половина, мы так и не выяснили – возможно, за эти годы AV2 разделилась надвое, но не исключено, что другие члены семьи просто ходили где-то неподалеку, в нескольких километрах, а мы не заметили их за завесой дождя.

Оставив отснятых косаток, мы заторопились к плавунам. Работать с ними в дождь – сплошное наказание: с другими китами в пылу погони как-то отвлекаешься от стекающих за шиворот струек воды, а вот когда долго стоишь под дождем посреди бескрайнего серого моря, чувствуешь, как одежда постепенно пропитывается водой, и плавуны все не выныривают – моральный дух команды начинает давать сбой. Тем не менее мы отработали несколько выныров, даже смогли что-то снять издали и совсем уже было собрались сдать и ехать на яхту сушиться, как вдруг киты вышли прямо за лодкой, буквально в сотне метров от нас. Мы успели подскочить в самом начале продышивания, и они, как по заказу, совсем не испугались нас и прекрасно дали себя отснять, а под конец мы подошли достаточно близко для выстрела, я прицелилась в ближнего кита, и стрела образцово-показательно ткнула его в бок и отскочила с пробой.

Это был успех, и с чувством выполненного долга мы решительно двинулись на юг. Когда яхта проходила мыс Козлова, в просвете тумана неожиданно вынырнуло сразу несколько горбачей. Покрутившись немного и отсняв всех, кого смогли, мы двинулись дальше, в туман. Чуть погода он снова сменился обложным дождем, который шел непрерывно два дня, пока мы проходили Кроноцкий залив. Потом к нему добавился еще и ветер, и в Петропавловск мы вернулись уже по начинающемуся шторму.

Посмотреть в глаза косатке

Вообще фактических данных о Щекне, как и обо всей миссии в целом, набралось множество. Некоторые из них были поразительные, но все они со временем вступали в противоречие с новыми фактами либо полностью опровергались последующими наблюдениями. Похоже было, что наша ксенология склонялась к тому, чтобы поднять (или опустить – как кому нравится) руки перед этой загадкой. И многие весьма порядочные ксенологи присоединились к мнению Раулингсона, сказавшего еще лет десять назад в минуту слабости: «По-моему, они просто морочат нам голову!..»

Однажды к нам в экспедицию приехала очередная девочка-студентка. Она была романтична, как многие в ее возрасте, и свое желание поучаствовать в нашей работе объяснила тем, что хочет «посмотреть в глаза косатке». Девочке удалось реализовать эту мечту, но мы так и не узнали, увидела ли она в глазах косатки то, что искала. Скорее всего, нет, потому что больше она к нам не приезжала.

На самом деле в глазах косатки, да и других китообразных действительно можно увидеть массу интересного, если посмотреть повнимательней. Ведь их глаза удивительным образом приспособились к тому, чтобы видеть и под водой, и в воздухе. Вспомните, каким мутным все выглядит под водой, если нырнуть без маски. А косатке нужно четко видеть и в своей морской стихии, и вне ее – они нередко высовывают голову из воды и осматриваются, чтобы оценить обстановку, ведь в воздухе видно гораздо дальше.

Четкая картинка у нас в глазу формируется благодаря особой системе линз, преломляющих свет. У наземных зверей эту роль играют две структуры – роговица и хрусталик. Особенно сильно преломляет свет выпуклая поверхность роговицы, так как у нее показатель преломления значительно выше, чем у воздуха. Но у воды показатель преломления почти такой же, как у роговицы, поэтому под водой она почти не преломляет свет – из-за этого-то мы и видим все так размыто. Если надеть очки или маску, они создают слой воздуха перед глазом, роговица работает как обычно, и мы можем насладиться красотами подводного мира.

У китообразных свет преломляет в основном не роговица, а хрусталик, поэтому он имеет не уплощенную форму, как у нас, а почти сферическую. В нашем глазу фокусировка на объекты, находящиеся вблизи или вдалеке, достигается путем изменения кривизны хрусталика с помощью специальных мышц. Со сферическим хрусталиком такой механизм не работает, поэтому китообразные решают эту задачу иначе – путем смещения хрусталика вперед или назад. У них есть мышцы, позволяющие слегка выдвигать глаз из орбиты и втягивать обратно. Когда глаз втягивается, внутриглазное давление повышается, что приводит к смещению хрусталика вперед; когда глаз выдвигается из орбиты, давление понижается, и хрусталик смещается назад.

Когда дельфин высовывает голову из воды, чтобы рассмотреть что-то на воздухе, роговица начинает преломлять свет. Теоретически при этом животные должны становиться очень близорукими, так как к преломлению в хрусталике добавляется сильное «незапланированное» преломление в роговице. Тем не менее дельфины на воздухе хорошо видят – в дельфинарии они способны точно рассчитать траекторию прыжка и без труда различают тренеров.

Хитрость заключается в особой форме роговицы. В отличие от наземных млекопитающих, у которых она равномерно выпуклая, у дельфинов роговица имеет форму, похожую на ложку, с меньшей кривизной в передней и задней частях. Зрачок у дельфинов необычной подковообразной формы. При высокой освещенности его центр полностью смыкается, а открытыми остаются только рога подковы – две узкие щели в передней и задней частях радужной оболочки. Уплощенные области роговицы находятся как раз над этими щелями, так что на воздухе при хорошем освещении свет проникает в глаз дельфина только через них и почти не преломляется.

Кроме того, близорукость в воздухе частично компенсируется смещением хрусталика: рассматривая что-то, дельфин несколько выдвигает глаз вперед, тем самым снижая внутриглазное давление, – это уменьшает кривизну роговицы и приводит к смещению хрусталика назад и уменьшению близорукости. Под водой глаз втянут в орбиту, в результате чего повышение внутриглазного давления приводит к сдвигу хрусталика вперед, подстраивая глаз к зрению под водой.

В сетчатке глаза большинства млекопитающих есть область, в которой концентрация светочувствительных клеток максимальна. Обычно она либо находится в центре сетчатки, либо – у животных с боковым расположением глаз (например, у зайцев) – растянута в виде горизонтальной полосы. У китообразных таких областей две: одна расположена в передней, а другая – в задней части глаза. Когда зрачок дельфина на ярком свете закрывается, оставляя два отверстия, каждое из них оказывается как раз напротив соответствующей области на сетчатке.

Под водой света гораздо меньше, чем на воздухе, и освещенность резко убывает с глубиной, поэтому зрачок открывается, из подковообразного превращаясь в круглый. Чтобы эффективнее использовать свет, за сетчаткой дельфинов находится отражающий слой, так называемый тапетум. Отражая попадающие в глаз лучи, он позволяет зрительным клеткам уловить больше света. Тапетум есть у многих ночных животных, в том числе у наших домашних собак и кошек – именно поэтому глаза у них светятся в темноте.

Различают ли дельфины цвета? На этот вопрос сложно ответить однозначно. У нас в сетчатке есть две разновидности светочувствительных клеток – палочки и колбочки. Палочки более чувствительны и реагируют на весь диапазон видимого света, поэтому в сумерках мы видим все в монохроме. Колбочки делятся на несколько типов, каждый из которых избирательно реагирует на свет в определенном диапазоне – например, от желтого до зеленого. У большинства млекопитающих два типа колбочек, но у некоторых приматов, включая нас с вами, их три – поэтому мы хорошо различаем красный цвет, а для собак он лишь оттенок зеленого. А вот рептилиям и птицам повезло больше – у многих из них встречается аж четыре разных типа колбочек, да и диапазон воспринимаемых длин волн у них пошире, чем у нас. Считается, что ранние млекопитающие утратили два из четырех типов колбочек своих синапсидных предков, поскольку вели преимущественно ночной образ жизни, при котором различать цвета совершенно необязательно. Дельфинам с цветовым зрением не повезло еще больше: у них остался лишь один тип колбочек, воспринимающий желто-зеленый цвет. Поэтому-то и сложно сказать, различают ли дельфины какие-нибудь цвета: зеленые колбочки будут сильнее возбуждаться на зеленый свет, чем на красный, но отсутствие в сетчатке других колбочек – для сравнения – не позволяет определить, вызвано ли это возбуждение разницей в яркости или в цвете. Возможно, дельфины могут оценить это, используя различия в сигналах с колбочек и палочек.

В отличие от зрения, которое у китообразных хуже нашего, слух их гораздо лучше. Это неудивительно – ведь в мутной воде звуковой канал становится основным для ориентации в пространстве и общения с сородичами. У дельфинов слух смещен в высокочастотную область по сравнению с нашим: если человек способен слышать звуки частотой до 20 (а чаще – до 15) килогерц, то дельфины слышат звуки частотой в 100 и более килогерц. Этим они обязаны особому строению уха.

И в воде, и в воздухе звук представляет собой колебание частиц, но если на воздухе для таких колебаний характерно большое смещение частиц и малое изменение давления, то в воде наоборот – смещение маленькое, а изменение давления большое. Барабанная перепонка, работающая как приемник и преобразователь звука в ухе наземных млекопитающих, имеет высокую чувствительность к смещению частиц, но слабо реагирует на изменение давления, поэтому она плохо приспособлена к восприятию звука под водой. Вместо нее у китообразных к стремечку подходит тонкий отросток тимпанической кости, которая хорошо реагирует на изменение давления, так как она жесткая и имеет большую площадь. Помимо простого улучшения подводного слуха, это привело к существенному

улучшению восприятия высоких частот, так как жесткие объекты лучше передают высокочастотные колебания, чем мягкие ткани, подобные барабанной перепонке, ведь инерция колебаний в них слабее.

Но просто хорошо слышать звуки мало, для успешной ориентации нужно еще уметь определять, откуда они исходят. Наземные млекопитающие делают это по разнице тембра, громкости и времени прихода звуков в разные уши. Например, если собака лает слева от нас, в левое ухо звук лая приходит раньше, чем в правое, и он чуть более громкий, так как правое ухо от него экранирует голова, – наш мозг автоматически считывает такие различия и выдает нам вероятное направление источника звука. У китообразных голова имеет почти такую же плотность, как окружающая ее вода, поэтому звук проходит через нее совершенно свободно (именно поэтому человеку так сложно определить направление звука под водой). Наружный слуховой проход у китообразных зарастает – он не нужен, так как звук легко проходит через кожу и мышцы. Чтобы экранировать уши друг от друга, они отделены от костей черепа губчатой жировой тканью, имеющей более низкую плотность, чем вода и прочие ткани тела, – на границе сред с различной плотностью звук затухает, и получается такой же эффект, как с головой на воздухе. Благодаря этому китообразные прекрасно определяют направление, по которому находится источник звука, а их ушные кости – симпатичные полушария, не приросшие к черепу и легко отделяющиеся у мертвого кита, – стали популярным сувениром.

Направленный высокочастотный слух стал предпосылкой развития еще одной адаптации, определившей эволюционный успех зубатых китов, – эхолокации. В воде видимость не превышает десятков метров, а чаще и того меньше, и в таких условиях китообразным приходится находить добычу на слух – по звукам, издаваемым косяками рыбы, или ориентируясь на крики пирующих морских птиц. Но зубатые киты научились активно использовать звук для ориентировки и поиска корма – они издадут щелчки, которые отражаются от добычи или от дна и эхом возвращаются назад, и по этому эху животное может определить расстояние до объекта, его размер, форму и даже материал, из которого он состоит. Разрешающая способность эхолокации дельфинов просто поразительна – они, можно сказать, видят с помощью звука. На расстоянии сотни метров дельфины способны обнаружить пятисантиметровую металлическую сферу. Плавательный пузырь рыб, наполненный воздухом, отражает звук еще лучше, чем металл, так что шанса спрятаться от голодных дельфинов у них не остается – даже камбалу, закопавшуюся в песок, они легко находят с помощью своего эхолокатора.

Зрение и слух – не единственные проблемы китов и дельфинов, доставшиеся им в наследство от сухопутных предков. Китообразные проводят всю жизнь в воде, будучи при этом млекопитающими со всеми вытекающими последствиями: они теплокровны, дышат воздухом, рожают живых детенышей и выкармливают их молоком. В этом есть свои преимущества и недостатки. Теплокровность и воздушное дыхание позволяют поддерживать более высокий уровень обмена веществ и иметь большой сложный мозг, который не могут себе позволить прочие морские обитатели, – никакая рыба не сравнится с китом по уровню интеллекта. В то же время все эти особенности, появившиеся у сухопутных животных, в воде порождают ряд проблем, которые китообразным приходится так или иначе решать.

Взять хотя бы теплокровность. Все мы знаем, что в воде можно замерзнуть гораздо быстрее, чем на воздухе, даже если ее температура ненамного ниже температуры тела, – это связано с высокой теплопроводностью воды. Китообразные проводят в воде всю жизнь и нередко обитают в холодных, а то и вовсе приполярных водах. Меха у них нет – ведь он греет под водой лишь до тех пор, пока не намокает и сохраняет прослойку воздуха, так что это не лучший вариант для животных, постоянно находящихся в воде. Чтобы не замерзнуть, китообразные «одеты» в прослойку подкожного жира. У тропических дельфинов он совсем тонкий, а у обитателей холодных вод может достигать внушительной толщины – например, до 40 сантиметров у гренландского кита.

Помогают сохранять тепло и крупные размеры – ведь по мере увеличения

животного его поверхность растет в квадрате по сравнению с линейными размерами, а объем – в кубе. Поэтому отношение поверхности к объему у крупных животных ниже, чем у точно таких же по форме, но маленьких, соответственно ниже и потери тепла. Китообразные – довольно крупные животные. Самое мелкое из них – дельфин Гектора – лишь немногим уступает в размерах взрослому человеку: его длина составляет 1,2–1,6 метра, а вес – 40–60 килограммов. Самое большое китообразное и вообще самое крупное животное, когда-либо жившее на Земле, – это синий кит, достигающий длины 33 метра и веса более 170 тонн.

Другое приспособление к сохранению тепла – это так называемые комплексные сосуды в плавниках. Слой жира изолирует только тело кита, но не плавники, поэтому теплоотдача через них значительно выше. Чтобы избежать лишних теплопотерь, сосуды у китообразных в плавниках имеют особое строение: центральная артерия окружена сетью вен. Артерия несет теплую кровь из глубины тела, а вены – холодную кровь из конечности; в комплексных сосудах они соприкасаются, и теплая артериальная кровь по ходу сосуда согревает холодную венозную кровь, отдавая ей тепло. В итоге конечность остается холодной, а тепло возвращается обратно в тело животного.

Когда кит движется быстро, у него возникает обратная проблема – как избавиться от лишнего тепла, ведь тело-то изолировано слоем жира. В таких ситуациях усиливается кровоток в плавниках, артерия расширяется, частично пережимая окружающие ее вены, и поток теплой крови устремляется к краям плавников, щедро отдавая тепло во внешнюю среду. Помимо увеличения теплоотдачи, это приводит к повышению жесткости плавников, что тоже важно при быстром передвижении. В результате достигается двойной эффект: когда животное находится в спокойном состоянии и плывет медленно, комплексные сосуды слабо наполнены кровью, теплоотдача низкая и плавники мягкие; при активном плавании комплексные сосуды наполняются кровью, теплоотдача высокая и плавники жесткие.

Подкожный слой жира как подводная теплоизоляция хорош всем, кроме одного: кожа находится снаружи от него и, соответственно, остывает. А ведь она должна периодически обновляться, и для этого необходим приток крови, несущей питательные вещества для роста новых клеток. Но если приток крови произойдет в холодной воде, это приведет к значительной потере тепла. Некоторые обитатели холодных вод, например белухи, населяющие арктические моря, решают эту проблему, выбирая для линьки мелководные теплые бухты и эстуарии рек. А антарктические косатки типа «В», охотящиеся на тюленей среди плавучих льдов, поступают еще радикальнее – они совершают регулярные миграции в тропики. Этот удивительный факт обнаружил американский ученый Джон Дурбан с помощью установленных на плавники косаток спутниковых меток, которые регулярно транслировали местоположение животного. Миграции не приурочены к какому-то определенному сезону; просто время от времени косатки покидали ледяные антарктические воды и быстро шли напрямиком на север, достигая теплых вод на широте Уругвая и Бразилии. Один трек, длившийся 109 дней, позволил зафиксировать безостановочную миграцию туда-обратно длиной более 9400 километров всего за 42 дня. В теплых водах косатки перемещались медленнее, но не было замечено никаких резких изменений в скорости или направлении движения, которые могли бы указывать на роды, длительную кормежку или другие уважительные причины, ради которых стоило бы идти в такую даль. Единственное объяснение таким миграциям – потребность косаток в линьке. Им необходимо периодически сбрасывать отмирающую старую кожу и наращивать новую, но регенерация требует прилива крови, что ведет к резкому росту теплопотерь. По-видимому, косаткам энергетически выгоднее сплывать в отпуск в тропики, чем линять в антарктических водах при температуре, близкой к нулю.

Кожа дельфинов долгое время привлекала пристальный интерес биомехаников, которые решали важную стратегическую проблему – как добиться, чтобы крейсеры и подводные лодки ходили быстрее. Еще в 1930-х годах англичанин Джеймс Грей

измерил скорость плавания дельфинов и посчитал, что для движения с такой скоростью они должны обладать в семь раз большей мышечной силой, чем другие млекопитающие (парадокс Грея). Он предположил, что дельфины умеют управлять обтекаемостью своей кожи, сохраняя ламинарное обтекание при скоростях движения, для которых оно уже должно становиться турбулентным.

Что такое турбулентность? При некоторой небольшой скорости движения слои жидкости перемещаются параллельно друг другу, без завихрений – такое обтекание называется ламинарным. При увеличении скорости в среде самопроизвольно образуются многочисленные завихрения. Они появляются случайно, и их размер и амплитуда меняются хаотически. Турбулентность существенно повышает сопротивление, ограничивая максимальную скорость движения.

Как же дельфины справляются с турбулентностью? Гидродинамик Макс Крамер показал, что сопротивление воды, испытываемое дельфином при движении, в 10 раз меньше, чем сопротивление при движении модели того же размера и формы с обычной обшивкой. Крамер предположил, что кожа дельфинов гасит турбулентные завихрения за счет своей упругости. В ней есть два основных слоя – эластичный наружный (эпидермис) и лежащий под ним упругий внутренний (дерма с высокими сосочками и жировым отложением). По мнению Крамера, наружный слой выгибается и пружинит под давлением воды, что позволяет гасить зарождающиеся завихрения. Ориентируясь на строение кожи дельфина, Крамер разработал искусственное покрытие «ламинфло», которое существенно уменьшало сопротивление потока жидкости.

Большое внимание строению кожи дельфина уделяли и советские ученые, искавшие способы снизить сопротивление воды для увеличения скорости подводных лодок. Советские исследователи предполагали, что способность дельфинов к поддержанию ламинарного обтекания связана прежде всего с постоянной динамичной подстройкой кожи к силе потока. Согласно их гипотезе, каждый сосочек кожи благодаря увеличению или уменьшению просвета кровеносных сосудов на различных скоростях плавания обладает переменной упругостью, которая рефлекторно меняется в зависимости от силы набегающего потока.

Обсуждение парадокса Грея продолжалось и позже, однако до недавнего времени никто не подвергал сомнению главный тезис, лежащий в его основе, – что сила, создаваемая мышцами дельфина, должна быть равна силе сопротивления воды. В 2014 году группа физиков доказала, что это неверно: для объектов, движущихся с помощью волнообразных изгибов тела, сила мышц, толкающих тело вперед, в действительности может быть меньше действующей на него силы сопротивления, и никакого парадокса в этом нет.

Еще один удар по парадоксу Грея нанесли американские ученые, разработавшие метод измерения скорости и направления движения частиц воды. Для этого бассейн наполняется мельчайшими пузырьками воздуха, а движущегося сквозь шлейф этих пузырьков дельфина снимает высокоскоростная видеокамера. Затем перемещения каждого пузырька на видео отслеживает от кадра к кадру специальная программа. Измерение скорости и направления движения пузырьков дает возможность рассчитать силу, которую развивает хвост дельфина в движении.

В результате этих измерений выяснилось, что в среднем он развивает примерно в 10 раз большую силу, чем предполагал Грей. Этого с лихвой хватает, чтобы двигаться под водой с теми скоростями, что характерны для дельфинов. Почему же результаты расчетов Грея так сильно отличались от экспериментальных? Во-первых, Грей, судя по всему, существенно недооценил мощность мышц млекопитающих: расчеты для дельфина он проводил на примере рывка, длившегося семь секунд, а для людей-гребцов рассчитывал мощность на протяжении трех – пяти минут непрерывной работы. Однако на рывке мышцы сокращаются за счет «быстрых» волокон и выдают большую мощность, чем при продолжительной работе, в которой задействованы, скорее, «медленные» волокна,

поэтому сравнивать эти результаты некорректно. Во-вторых, оценка взаимосвязи мышечной массы и механики локомоторного движения – крайне сложная задача с большим количеством неизвестных, особенно у двух таких разных видов, как дельфин и человек; так что неудивительно, что результаты Грея оказались довольно далеки от реальности.

Получается, что парадокс Грея – вовсе не парадокс, и кожа дельфинов, которую так внимательно исследовали во времена холодной войны ученые обоих лагерей, не так уж и важна для их быстроходности. Хотя за прошедшие с работ Крамера десятилетия было опубликовано немало статей, теоретически обосновывающих и практически доказывающих, что упругая кожа снижает турбулентность, этот эффект, судя по всему, играет не самую важную роль в движении дельфинов. Главным оказался все-таки хвост.

Еще одна проблема, возникающая у млекопитающих при переходе к водному образу жизни, – это дыхание. Естественно, киты не могут, подобно рыбам, дышать растворенным в воде кислородом, поэтому им приходится постоянно выныривать за очередной порцией воздуха. Чтобы уменьшить возникающие при этом ограничения, форма их черепа изменилась: ноздри с конца морды «переползли» на верхнюю часть головы. Для чего это нужно, легко понять – когда кит выныривает на поверхность, гораздо удобнее дышать через дырку в той части тела, которая естественным образом торчит над водой, чем специально высовывать из воды кончик носа.

У дальних предков китообразных и даже у ранних представителей этой группы носовые отверстия находились там, где положено, – на кончике морды. Однако по мере приспособления к водному образу жизни ноздри стали постепенно смещаться назад и вверх. Для этого китам пришлось очень сильно изменить форму костей черепа – предчелюстная и челюстная кости существенно удлинились, а носовая и лобная сплющились.

У китообразных развился целый ряд приспособлений, предотвращающих попадание воды в дыхательный тракт. Когда кит или дельфин ныряет, его ноздри закрываются специальным клапаном. У двух доживших до нашего времени групп китообразных – усатых и зубатых китов – дыхание устроено немного по-разному: у усатых китов оно открывается наружу двумя отдельными отверстиями, а у зубатых эти отверстия срослись в одно общее. Впрочем, ниже, под дыхалом, носовой проход делится на два отдельных канала, которые играют важнейшую роль в жизни зубатых китов, – в них расположены так называемые вокальные губы, используемые для издавания звуков. В каждом из двух каналов носового прохода имеется по паре вокальных губ, что позволяет издавать два разных звука одновременно. У дельфинов одна пара вокальных губ несколько крупнее другой, и считается, что правая пара используется для щелканья, а левая – для свиста. Чтобы заставить вокальные губы вибрировать, дельфины пользуются тем же, чем и мы, – потоком воздуха, но, чтобы воздух не заканчивался и можно было подольше кричать под водой, они не выдыхают его наружу, а перегоняют между воздушными мешками, расположенными над и под вокальными губами.

Ниже вокальных губ и воздушных мешков носовые проходы сливаются в одну общую дыхательную трубку. Поскольку китообразные поглощают пищу под водой, им важно отделить пищевод от трахеи, чтобы вода случайно не попала в дыхательный тракт. У нас и у прочих наземных зверей трахея соединяется с пищеводом чуть выше гортани – довольно неудачное дизайнерское решение, из-за которого мы способны подавиться едой (что иногда даже приводит к смертельному исходу). Если на минуту предположить, что креационисты правы и наш мир – результат разумного замысла, то в этом месте Творец явно напортачил. У дельфинов, которым приходится питаться под водой, эта проблема стоит еще острее, но Творец, исправляя ошибку, придумал еще более странную конструкцию – разросшиеся хрящи гортани у них образуют трубку, проходящую насквозь через пищевод. Благодаря этому дыхательный и пищеварительный тракты действительно оказались разделены, но еду приходится проталкивать через пищевод слева или справа от дыхательной трубки.

Когда кит выдыхает, нередко можно видеть так называемый фонтан, форма и размер которого различаются у разных видов. Существует ошибочное представление, будто фонтан – это вода, которую кит захватил в глотку при питании и выбрасывает через дыхало, отфильтровав пищевые объекты. Конечно, это не так: захваченную воду кит выталкивает наружу через китовый ус. На самом деле фонтан состоит даже не из воды, а в основном из водяного пара. Он образуется из-за конденсации влаги при выбрасывании теплого воздуха из легких в холодный наружный воздух. Выраженность фонтана сильно зависит от погоды – иногда довольно большой фонтан можно видеть даже у косаток, а бывает, что и у крупных китов никакого фонтана не заметно.

Поскольку морским млекопитающим необходимо постоянно двигаться, чтобы находиться на плаву, у них возникает еще одна проблема – сон. Как-то раз, когда мы работали на Командорских островах, переезжая от одной лениво лежащей на воде группы горбатых китов к другой, студент-океанолог спросил меня:

– А если кит заснет в воде, он утонет?

– Конечно, – ответила я. – Поэтому мы и ездим от кита к киту, будим их, чтобы не утонули.

Не знаю, поверил ли мне студент, но на самом деле киты и дельфины вполне справляются со сном в воде без нашей помощи: они спят одной половиной мозга. Однополушарный сон открыли советские ученые А. Я. Супин и Л. М. Мухаметов – тот самый, который организовал первый в России отлов косатки в 2003 году. В советское время, задолго до того, как он стал зарабатывать отловом и продажей морских млекопитающих, Лев Мухарамович занимался физиологией сна и выяснил, что у дельфинов одно полушарие спит, а другое бодрствует. Во время такого сна бодрствующее полушарие контролирует движения тела, удерживая животное на воде. Глаз, противоположный бодрствующему полушарию, остается открытым, и дельфин реагирует, если с этой стороны появляется что-то стоящее внимания. Через некоторое время полушария меняются ролями: бодрствующее засыпает, а вахту принимает вторая, выспавшаяся половина мозга.

Однополушарный сон был обнаружен не только у дельфинов, но и у морских котиков, которые могут по многу месяцев проводить в море, не выходя на сушу. На Командорах мы не раз натыкались на котиков, которые просто спят на воде и просыпаются, только когда катер подходит к ним вплотную. Помимо способности спать одним полушарием, как дельфины, у котиков есть еще одна интересная особенность.

Для всех млекопитающих характерна особая фаза сна – так называемый быстрый, или парадоксальный, сон. Для чего он нужен – неизвестно, но, если животному долго не давать спать быстрым сном (будить его каждый раз, когда сон переходит в эту фазу), а потом оставить в покое, наступает период компенсации, когда оно спит быстрым сном очень долго. Единственные, у кого быстрый сон пока не обнаружен, – это китообразные. А вот морские котики на берегу спят как обычные наземные млекопитающие – с длинными периодами быстрого сна, а в воде – как китообразные, вовсе без быстрого сна. Но когда они наконец возвращаются на берег, никакой фазы компенсации у них не наступает – они переключаются на обычный наземный сон так, как будто никуда и не уходили. Настоящая загадка – если быстрый сон так нужен, что большинство млекопитающих без него не обходятся, как же справляются китообразные и котики в море?

Основное, что связывает котиков с сушей, – это необходимость рожать и выкармливать детенышей. А вот дельфинам и китам приходится делать это в воде. Дельфиненок обычно рождается хвостом вперед, хотя иногда случается и обратное расположение. Едва родившись, он сразу же устремляется вверх, чтобы сделать свой первый вдох. У дельфиненка нет времени отдохнуть и прийти в себя, как у детенышей наземных млекопитающих: он сразу же начинает двигаться и первое время плавает почти непрерывно. Матери приходится подстраиваться под его режим, так что несколько недель она тоже постоянно движется и мало спит.

Как и все млекопитающие, дельфинихи и китихи кормят своего детеныша молоком. Мягких губ у китообразных нет, но они охватывают материнский сосок скрученным в трубочку языком. Молоко очень жирное и позволяет малышу быстро набирать вес и накапливать жир, необходимый для теплоизоляции в воде. Особенно актуально это для китят: у усатых китов детеныши довольно быстро отделяются от матерей и обретают самостоятельность – как правило, это происходит в возрасте около полугода или чуть больше. У зубатых китов этот срок дольше – мелкие виды вроде морских свиней могут кормить детеныша молоком около года, а у более крупных – например, у косаток – молочное вскармливание может длиться больше двух лет, хотя твердую пищу детеныши начинают пробовать уже в годовалом возрасте. Связь с матерью у многих дельфинов сохраняется существенно дольше, чем кормление молоком, – у афалины этот срок составляет несколько лет, а у рыбацких косаток, как мы уже знаем, дети остаются рядом с матерью всю жизнь.

На Магадан

– Почему все, что я делаю, должно быть частью продуманного плана? – спросил профессор Квиррелл. – Неужели я не могу творить хаос просто ради хаоса?

Белухи. Белухи до горизонта. Повсюду, куда ни посмотри, над водой появляются белые спины – поодиночке или небольшими группами, рассеянные по всей бухте, они белеют в волнах, как льдины в конце ледохода. Мы пытаемся их сосчитать, но это непростая задача: стоит отвести взгляд, сразу теряешься и не знаешь, где уже посчитанные животные, а где еще нет. Однако понятно, что здесь их по меньшей мере несколько сотен.

Мы движемся трансектами по бухте Авекова в вершине Гижигинской губы, сворачивая то влево, то вправо, зигзагом через скопление белух. Я и мои коллеги по этой экспедиции – Ольга Шпак из Института проблем экологии и эволюции имени Северцова и ее партнер Алексей Парамонов – упорно считаем белух, то прикладываясь к биноклю, то просто осматриваясь. Белушью полю не видно конца и края – похоже, они равномерно распределены по всей вершине бухты от берега до берега.

Краем глаза замечаю, что неподалеку плывет какое-то бревно. Вообще говоря, в плавающих бревнах в этой местности нет ничего необычного – на берегу лиственница во многих местах теснит голую тундру. Но это бревно какой-то странной формы, больше похожее на торчащий из воды камень, – я даже начинаю приглядываться к нему, прикидывая, откуда здесь, посреди бухты, могут взяться подводные рифы. В этот момент камень-бревно бесшумно погружается под воду.

Я чувствую себя как Фродо на Андуйне, когда он заметил бревно с глазами и гребущими лапами. Скосив глаза на коллег, вижу, что Ольга тоже пристально смотрит в то место, где утонуло бревно. В этот момент оно снова бесшумно появляется на поверхности.

– Ребята, это же гренландец! – говорит Ольга таким тоном, словно сама себе не верит.

Я тоже не верю. Весь мой многолетний опыт работы указывает на то, что киты дышат воздухом, а это плавучее недоразумение даже не делает попыток выдохнуть и вдохнуть. И тут до нас доносится легкий, чуть слышный «пых», как будто кто-то попытался выдохнуть шепотом. Даже морские свиньи дышат громче. Тут уже у Шпак не остается никаких сомнений.

– Гренландец! Леша, спускаем лодку! – решительно командует она.

Гренландские киты – один из ее любимых объектов исследования. Возможно, даже самый любимый, хотя я никогда не спрашивала ее, кто ей больше нравится – белухи или гренландцы. Но белухи – это обычный массовый вид, а вот популяция гренландских китов Охотского моря – исчезающая. Ольга много работала с ними в западной части моря, в Шантарском регионе, где располагается район ее ежегодных исследований. А вот здесь, в Гижигинской губе, на севере Охотского моря, гренландцев еще никто прицельно не изучал, и есть лишь случайные свидетельства их присутствия в этом районе.

Гренландские киты – вообще очень интересный и во многом уникальный вид. Ближайшие родственники гладких китов, они отличаются теми же особенностями строения и питания: кормятся на ходу с открытым ртом, процеживая воду сквозь длинный (до четырех метров!) китовый ус. Но в отличие от своих родичей и от всех других видов усатых китов, гренландцы большую часть года стараются по возможности проводить среди льдов. Зимой они держатся у кромки припая либо в полыньях, иногда подолгу оставаясь вдали от открытой воды, а весной по первым трещинам устремляются в районы летнего нагула. Рожают они тоже весной или в начале лета, в отличие от прочих усатых китов, у которых роды происходят во время зимовки в теплых водах. По-видимому, новорожденные детеныши суровых

гренландцев все же не настолько суровы, чтобы выдержать первые дни жизни в ледяной полынье; или, может быть, дело в том, что зимой самки выживают за счет запасов жира, которые также служат им «шубой», защищающей от холодной воды. На двоих при температуре около нуля этих запасов может оказаться маловато, поэтому они рожают в то время года, когда вокруг достаточно еды, чтобы их своевременно пополнять.

Любовь гренландских китов ко льдам – это один из важнейших секретов их эволюционного успеха. Они освоили такие уголки Арктики, куда не заходят никакие другие усатые киты, и только белухи с нарвалами нарушают их монополию на ледовые местообитания. В годы китобойного промысла гренландских китов добывали так же ожесточенно, как гладких, и по тем же самым причинам, но китобойные суда, осмелившиеся бросить вызов гренландцам, не раз оказывались затертыми во льдах. Именно льды спасли шпицбергенскую популяцию от полного вымирания: до недавнего времени считалось, что она на грани исчезновения и не превышает нескольких десятков особей, но совсем недавно ученые обнаружили неизвестное ранее нагульное скопление во льдах Северной Гренландии. Найти его удалось только с вертолетов – по морю туда не пройти из-за льдов, благодаря чему скопление и сохранилось нетронутым во времена промысла.

К сожалению, для охотоморской популяции привычка ко льдам постепенно оборачивается трагедией. Скорее всего, гренландцы пришли в Охотское море в ледниковый период, когда большая его часть была покрыта льдом круглый год, как и прибрежные воды Камчатки, а на месте Берингова пролива был сухопутный перешеек. Потом климат потеплел, и киты оказались заперты в Охотском море, так как от ближайшего подходящего для них региона – Чукотки – их отделяет полуостров Камчатка, на восточном побережье которого даже зимой льды бывают лишь изредка у самого берега. В самом Охотском море льдов тоже с каждым годом становится все меньше, и тают они весной все раньше. Для гренландских китов это катастрофа, ведь льды для них – это естественная среда обитания и вместе с тем убежище. Китобой на них больше не охотятся, но есть и другие любители поживиться толстыми гренландцами – плотоядные косатки. С годами Ольга Шпак все чаще и чаще наблюдает нападения косаток на молодых гренландских китов, а те, лишённые защиты льдов, прячутся от хищников на мелководье и ведут себя очень скрытно, даже выдыхают вполголоса – ровно так, как наше «бревно».

Ольга и Алексей спускаются в лодку, а я остаюсь на верхнем мостике, чтобы помочь им, если они потеряют кита, – ведь сверху видно гораздо дальше, чем с лодки. Начинается погоня. Робкое «бревно» совершенно точно не хочет иметь ничего общего с жужжащей над ухом лодкой и крадетсЯ под водой, время от времени аккуратно выставляя макушку с дыхалом, чтобы выдохнуть и вдохнуть. Кит умудряется выныривать, даже не показывая спину над водой, – видно, он настолько запуган косатками, что даже плеск воды при выныривании старается свести к минимуму. Это совсем молодой китенок, и выглядит он не очень хорошо – кожа его покрыта большими скоплениями китовых вшей (на самом деле это никакие не вши, а паразитические ракообразные, которые живут на коже китов и питаются кусочками кожи и покрывающими ее водорослями). Через несколько выныров Алексей удаётся взять с него биопсию из арбалета. Пока ребята вылавливают из моря стрелу и откручивают наконечник с пробой, обиженный китенок проныривает под водой куда-то далеко, так что даже я сверху не могу найти его в бинокль. Лодка возвращается, и мы продолжаем считать белух.

Север Охотского моря – это одно из самых малоисследованных в смысле китов мест Дальнего Востока России. Именно туда, в окрестности Магадана, я решила отправиться в начале лета 2016 года в рамках проекта по исследованию критических местообитаний китообразных. С помощью магаданских ученых – сотрудника МагаданНИРО Алексея Ивановича Грачева и ботаника из Института биологических проблем Севера Ольги Мочаловой – я организовала два коротких рейса в Гижигинскую и Тауйскую губу. С собой я пригласила Ольгу Шпак с Алексеем Парамоновым, так как Охотское море было их районом исследований, но

работали они в западной части и на север раньше не забирались, а потому этот район был им особенно интересен.

Первый рейс стартовал из Эвенска в середине июня. Под него мы арендовали КЖ («катер железный») – что-то типа карликовой мэрээски, одно из наиболее распространенных плавсредств в этом районе. Ольга Мочалова рекомендовала нам КЖ с единственной непьющей командой во всей Магаданской области («непьющей» в данном случае означало не то, что они вообще не пьют, а то, что они не напиваются в хлам в самый ответственный момент на работе). Капитану мы сразу не понравились, но делать было нечего – владелец КЖ уже заключил договор аренды и даже получил половину оплаты с моего гранта, так что капитану пришлось скрепя сердце пустить нас на борт и с отвращением подчиняться указаниям двух странных теток, повернутых на китах.

Первых белух мы встретили в бухте Имповеем, куда зашли, чтобы выгрузить группу высокопоставленных трофейных охотников во главе с самопальным туроператором Игорем Малиевским (Мочалова подрабатывала у них поварихой, и по взаимной договоренности они забрасывались на арендованном нами судне в обмен на логистическую помощь в Эвенске). Шпак с Парамоновым немедленно сделали стойку на белух, так как им были нужны пробы биопсии из этого района, чтобы прояснить структуру локальных стад охотоморской популяции. Пока мы гонялись за белухами, трофейные охотники со своими пожитками приплыли обратно на КЖ – чем-то эта бухта им не глянулась, и Малиевский попросил перевезти их дальше на юг, в бухту на оконечности полуострова Теланского. Выгрузив там туристов, мы и сами встали на якорь неподалеку – ветер усилился, снаружи била сильная волна, и смысла куда-то идти не было никакого.

Но белухи пришли к нам сами. Все три дня, что мы стояли, пережидая циклон, небольшие группы белух одна за другой заходили в бухту и проходили под самым берегом, чуть не царапая брюхом по камням. Мне было очень странно видеть такое поведение китообразных – в открытых водах Камчатки и Командорских островов ни один нормальный кит не подойдет настолько близко к берегу на мелководье: вечный прибой делает место встречи суши и моря опасной ловушкой, и все разумные морские обитатели держатся от него подальше. Как я впоследствии убедилась, для Охотского моря это норма – здесь даже косатки спокойно ходят по мелководью, способному вызвать острый приступ клаустрофобии у их камчатских сородичей, а белухи и подавно не стесняются ползать по отмелям, где винт лодочного мотора цепляет дно.

Когда погода наконец улучшилась, мы сделали небольшую однодневную вылазку за мыс Тайгонос, но никого интересного там не встретили. Потом нам пришлось отвезти Малиевского с туристами обратно в Эвенск, а последние дни аренды мы решили употребить на обследование бухты Авекова, расположенной в вершине Гижигинской губы, и обнаружили там невиданное скопление белух.

Мы шли по центру бухты, крутя головами то вправо, то влево, и не верили своим глазам. То есть это я не верила – я раньше никогда не видела белух в природе и не представляла, что они могут собираться такими огромными скоплениями. Для Ольги и Алексея это было не внове, они видывали скопления и побольше, но даже для них было удивительно обнаружить такую массу белух здесь, в вершине Гижигинской губы, так как раньше по сообщениям из этого района здесь наблюдали лишь небольшие стада.

В первый день в губе Авекова нас ждала еще одна неожиданная встреча – мы наткнулись на двух серых китов. Спустив лодку и подъехав ближе, мы обнаружили, что это самка с детенышем. Это было еще более необычно, так как самки с детенышами, как правило, довольно консервативны и приходят кормиться в одни и те же места из года в год, а Авекова никогда не значилась как официально утвержденный нагульный район серых китов – в Охотском море все эти районы расположены гораздо южнее, близ Сахалина. Впрочем, серые киты известны своей манерой время от времени потролливать ученых. Долгие годы считалось, что серые киты, нагуливающиеся у побережья Сахалина, – это отдельная западная

популяция, крайне малочисленная и размножающаяся где-то в Азии, в отличие от многочисленной восточной популяции, которая нагуливается на Чукотке и Аляске, а размножается в лагунах Калифорнийского полуострова. Западных серых китов усиленно изучали и охраняли, вытрясая на это деньги с нефтяников, вышки которых торчат прямо посреди кормового скопления. Но когда ученые поставили на сахалинских китов спутниковые метки, те, ехидно посмеиваясь, дружно уплыли на зиму в сторону Калифорнийского полуострова, в места размножения восточной популяции.

Мы сфотографировали самку с детенышем со всех сторон и отправили фотографии коллегам, которые ведут каталог сахалинских серых китов. Их так мало, что все завсегда эти тех мест пересчитаны по головам и тщательно отсняты, – а серые киты очень хорошо различаются по фотографиям, так как их кожа покрыта многочисленными пятнами и наростами из скоплений паразитов. Тем не менее обнаружить нашу пару в сахалинском каталоге не удалось. Значит, они либо случайно забрели сюда из нагульных районов, расположенных по ту сторону Камчатки, либо ходят в Авекова регулярно, из года в год, – и тогда получается, что там расположено новое, еще не описанное кормовое скопление серых китов.

На следующий день с утра мы решили сделать трансектовый учет белух по всей бухте и в процессе встретили то самое «бревно», а вечером поехали брать с белух биопсию. У меня с собой был гидрофон на случай, если мы повстречаем косаток, и я решила воспользоваться возможностью записать звуки белух. Эти киты очень говорливы, а крики их разнообразнее, чем косаточьи, – поверх обычных для зубатых китов бифонических (двухголосых) звуков, издаваемых с помощью двух пар вокальных губ в верхних носовых проходах, они каким-то образом накладывают модуляцию, которая делает некоторые крики похожими на бляенье (собственно, так они и называются в словаре белушьях биоакустиков). Впрочем, подробно к звукам белух я никогда не прислушивалась (мне хватает проблем и с косаточьями), но каждый раз, сталкиваясь с ними, я испытываю острое сочувствие к коллегам-белушатникам. Помимо исключительного разнообразия и отсутствия какой-либо очевидной логической структуры, они имеют довольно выраженную географическую изменчивость – репертуар каждого локального стада несколько отличается от других. Именно поэтому записать гижигинских белух было так интересно, ведь биоакустики их раньше не навещали.

Подобравшись на лодке к группе кормящихся белух, мы бросили в воду гидрофон. Наушники взорвались какофонией воплей, рыганий, чириканий, бляений и прочих звуков, которым нет названия ни в одном человеческом языке (даже в языке белушьях биоакустиков они, скорее всего, называются тип 1, тип 2 и так далее, потому что всякой фантазии есть предел). Время от времени звуки затихали, но потом начинались с новой силой. Что именно с таким упоением обсуждают белухи под водой – сказать сложно, ведь, в отличие от афалин или косаток, у них пока не описано сложных форм кооперативной охоты. Такое же впечатление возникло и у меня – хотя животные кормились неподалеку друг от друга, каждое охотилось по отдельности, так что едва ли они обменивались какой-то значимой информацией – разве что о вкусовых качествах пойманного лосося.

На следующий день вечером нам нужно было возвращаться в Эвенск, но с утра мы решили напоследок пройтись по бухте, попробовать собрать еще пробы белух и поискать каких-нибудь китов. Не прошло и получаса, как неподалеку от лодки мы снова заметили маскирующуюся под камень или бревно макушку гренландского кита. Неужели опять наш китенок? Он вел себя так же робко – не давал фонтана, дышал вполголоса и еле показывал спину, но, присмотревшись к картинке на экране фотоаппарата, Шпак объявила, что кит другой – рисунок линияющей кожи и расположение пятен из китовых вшей у него отличались от вчерашнего. Такие признаки нестабильны и не годятся для идентификации китов через большие промежутки времени, но на протяжении суток они меняются мало и вполне могут использоваться для различения животных.

Получается, что за три дня в бухте Авекова мы встретили двух молодых гренландских китов и самку серого кита с детенышем, не считая нескольких сотен

белух. Была ли это редкая удача, или это место действительно так богато на китообразных, сказать сложно. Хотелось бы когда-нибудь вернуться туда и прояснить этот вопрос, ну а пока я занесла этот район на карту возможных критических местообитаний.

Из Эвенска мы вернулись в Магадан, откуда планировался старт нашего следующего рейса по окрестностям Тауйской губы. Из лагуны, расположенной недалеко от поселка Ола возле Магадана, мы вышли ночью по приливу – перепады уровня воды в этой местности такие сильные, что днем шаркет, на который мы погрузились, лежал на обсохшем морском дне.

По сравнению с КЖ у шаркета были как преимущества, так и недостатки. Несомненным преимуществом было то, что вместо команды из нескольких человек, явно тяготившихся нашим присутствием, на этом суденышке имелся лишь один судоводитель – сам себе капитан и матрос Леонид Антоныч, дед лет семидесяти, привычный к работе с научными сотрудниками. Несомненным же недостатком было полное отсутствие гальюна, так что все соответствующие дела приходилось делать с кормы, предварительно попросив всех не смотреть в твою сторону.

Первым делом мы прошли на восток из Тауйской губы, обогнули полуостров Кони и дошли вдоль берега до залива Бабушкина, встретив по дороге лишь малого полосатика. Заночевали в небольшой бухте, которая, как мы потом выяснили, называется Астрономической. Утром, как только мы вышли в залив на маршрут, на море немедленно опустился густой туман. Мы ничего не видели, но продолжали двигаться вдоль берега в надежде скоро выйти на чистую воду. Внезапно вдалеке сквозь туман показался какой-то крупный объект неправильной формы. Мы некоторое время пытались понять, что это такое, и вдруг услышали человеческие крики и увидели движение на странном объекте. Неожиданно далекое загадочное сооружение, казавшееся нам по размерам чем-то вроде крупного сейнера, оказалось гораздо более близким маленьким понтоном с людьми (в густом тумане такое случается часто – размытая картинка кажется расположенной дальше, чем на самом деле; командорские песцы в тумане часто представляются далекими фигурами огромных волков). Люди махали руками и кричали нам что-то. Внезапно мы сами увидели то, что они имели в виду, – прямо перед носом шаркета поперек нашего курса тянулась линия поплавков. На этот раз уже мы дружно заорали, указывая стоящему за штурвалом Антонычу на стремительно приближающуюся сетку. Он не сразу понял, в чем дело, но все-таки успел в последний момент отвернуть. Оказалось, что это сетка-крыло, которая идет от берега к ставному неводу; она полностью перегораживает дорогу лососям, мигрирующим вдоль берега, и направляет их ко входу в невод, установленный дальше в море (рыбаки на понтоне как раз стояли возле самого невода). Нам повезло, что мы проходили мимо как раз в тот момент, когда рыбаки пришли забрать улов, – иначе мы наверняка не успели бы заметить поперечную сетку вовремя и налетели бы на нее на полной скорости, намотав на винт.

Обогнув невод по большой дуге, мы направились дальше вдоль берега и где-то через полчаса наконец вышли из полосы тумана в ясное солнечное утро. Но впереди, на выходе из залива Бабушкина, снова виднелась стена тумана, и мы решили поворачивать на запад. Так и шли весь день, то заходя в абсолютно непроглядный туман, то оказываясь ненадолго в разрывах, но никаких китов не встретили. К вечеру дошли до острова Завьялова. Здесь мы решили спустить лодку и поснимать сивучей в надежде увидеть животных с тавром. Таврение сивучей в дальневосточных морях наши коллеги-сивучатники проводят уже более 20 лет. Это позволяет надежно, на всю жизнь пометить животное, которое потом можно легко узнать даже на фотографии, сделанной издалека. Благодаря такой методике удалось выяснить много важных вещей об этом краснокнижном виде: как они перемещаются между разными районами, в каких районах численность снижается, а в каких растет, какова смертность в разном возрасте. Также тавро позволяет наблюдать за отдельными особями на лежбищах. Так выяснили, например, что на некоторых лежбищах самка уходит кормиться лишь на ночь, а на других – на сутки и более; похоже, это зависит от обилия рыбы и может сказываться на выживании

детенышей.

На следующее утро погода испортилась – с утра поднялся ветер, а потом налетел еще и туман. Наш дальнейший маршрут лежал на запад поперек Тауйской губы, но нам ничего не оставалось, кроме как сидеть в каюте. Остров Талан, знаменитый своей колонией забавных птичек-конюг, мы едва рассмотрели сквозь клочья тумана.

Ночью ветер стих, и туман рассеялся. С утра, обнаружив прекрасную погоду, мы решили обойти на лодке Мотыклейский залив, а Антоныча на шаркете попросили срезать напрямую между мысами, так как шаркет движется гораздо медленнее, чем моторная лодка. Естественно, как только мы зашли вглубь залива, поднялся ветер с моря, т. е. ровно оттуда, куда нам нужно было возвращаться, и вместо того, чтобы обшаривать побережье в поисках гренландских китов и косаток, пришлось трястись против волны к условленному месту встречи с Антонычем. Все это привело нас в крайне мрачное расположение духа. Шел уже шестой день нашего рейса, пора было поворачивать обратно в сторону Магадана, а мы до сих пор не видели ничего интереснее малого полосатика! Это был провал.

Мы загрузились на шаркет, затащили лодку на палубу и встали на вахту. Добившись нашей позорной капитуляции из Мотыклейского залива, ветер снова стих, и мы двинулись на шаркете мимо Тауйска на восток вдоль длиннющего песчаного пляжа, тянувшегося почти до самой бухты Нагаева, в которой расположен Магадан. Уж здесь-то нам точно ничего не светит, думала я: раз в изрезанных бухтах и заливах не удалось найти никого интересного, то напротив этого открытого мелководного, бесконечно скучного пляжа тем более никого не будет.

Мы прошли мимо Янского лимана и продолжали двигаться вдоль берега. Вдруг под бортом послышалось громкое фырканье. Мы оглянулись – прямо рядом с шаркетом плыл молодой сивуч, кося на нас из воды круглым глазом. Ольга немедленно схватилась за фотоаппарат, а сивуч с удовольствием позировал, следуя за нами возле самого борта. Возможно, его прикормили рыбаки, и он ожидал, что мы кинем ему что-нибудь вкусное, но, кроме борща, нам было нечего ему предложить.

Пока мы с Ольгой разглядывали сивуча, Леша продолжал сканировать море в бинокль и вдруг нерешительно произнес:

– По-моему, я вижу косатку.

Я сперва не поверила – ну какие косатки возле этого открытого берега? – но на всякий случай всмотрелась в то место, куда указывал Парамонов. Прошла минута, другая – и внезапно в волнах действительно мелькнул вертикальный черный плавник.

Десять минут спустя мы неслись на лодке туда, где увидели косаток. Антоныча на шаркете с по-прежнему преследовавшим его сивучем попросили пройти дальше от берега, чтобы не беспокоить животных. Подойдя ближе, мы замедлились и стали осматриваться, и вдруг – ффух! – косатка вынырнула совсем недалеко от нас. Это был не самец, которого я увидела первым, а подросток. Потом чуть поодаль показалась самка – скорее всего, его мать. Все трое шли порознь, довольно далеко друг от друга. Мы решили пройти за ними некоторое время и понаблюдать, прежде чем пытаться подойти ближе для фотографирования и взятия биопсии.

Косатки шли вдоль берега на восток, время от времени меняя направление движения, но потом снова возвращаясь на прежний курс. Следить за ними было сложно – они проныривали большие расстояния под водой, и, если бы не высокий плавник самца, мы могли бы вовсе потерять их из виду. Минут через двадцать все трое неожиданно вынырнули в одном месте и начали что-то активно делать на поверхности воды. Мне показалось, что они кого-то едят, – это было похоже на то, как в 2013 году командорские косатки поедали добытую морскую свинью. Когда мы подъехали к ним, все уже было кончено, но на поверхности воды плавали следы

преступления – куски шкуры тюленя-ларги. Троица, собравшись в тесную группу, уходила от нас на восток. Мы бросились в погоню – когда они вместе, их легче сфотографировать и взять биопсию. Догнав их, мы увидели, что подросток все еще тащит в зубах недоеденный кусок ларги, припасенный на черный день. Возможно, благодаря этому нам удалось почти сразу подойти к ним, сфотографировать, а стрела из Лешиного арбалета удачно ткнула в бок самца, взяв пробу.

Выловив стрелу и поменяв наконечник, мы снова бросились в погоню за косатками. Они занырнули, но наше внимание привлекла молодая ларга, которая любопытно осматривалась, высунув голову из воды. Кажется, ей тоже было интересно, что же тут происходит. Осмотревшись, она занырнула, и почти сразу на том же месте резко вынырнула косатка. Одно точное движение, в волнах мелькает пятнистый бок, и вот уже на поверхности расплывается красное пятно.

Тут я вспомнила о том, что плотоядные косатки часто кричат после удачной охоты. Попросив ребят остановить лодку, я как можно быстрее метнула за борт гидрофон и включила запись, но вместо косачьих криков услышала в наушниках только громкое шебуршание. Я подергала провод – шебуршание усилилось. Тогда я вытянула несколько метров провода в лодку, и шебуршание наконец стихло, сменившись ритмичным шорохом наката. Я глянула на метки из изолянт, обозначавшие длину провода гидрофона, – получается, глубина до дна, о которое он терся, была всего около пяти метров! Невероятно – косатки охотятся на таком мелководье, напротив голой открытой песчаной косы. Но похоже, это место было для них ничуть не менее удобным, чем изрезанные бухты с вертикальными обрывами: они так и шли вдоль берега, собирая встречных ларг, как грибы. Те, кажется, даже не подозревали об опасности, пока не оказывались в зубах у хищников.

Мы следовали за косатками еще несколько километров, пока Леша не взял биопсию с подростка, а потом и с самки. На этом мы решили оставить их в покое, так как кричать они явно не собирались, а все остальное мы от них уже получили. Вернувшись на шаркет, мы упаковали биопсию и двинулись дальше.

Когда мы проходили мимо Тауйска, нам удалось поймать интернет с мобильной вышки и посмотреть прогноз погоды. Он оказался неутешительным: на следующие два дня планировался сильный циклон. Напротив песчаного пляжа было совершенно негде спрятаться, поэтому Антоныч поспешно направил шаркет к ближайшему скалистому островку, носившему название «остров Недоразумения» (его называли так потому, что первая гидрографическая экспедиция его не заметила и не нанесла на карту, а обнаружившие ошибку коллеги не преминули увековечить ее в названии острова). Там мы встали на якорь в небольшой бухте и два дня отстаивались, болтаясь на огибающей остров зыби.

Когда ветер стих, у нас оставался в запасе всего один день аренды. Мы решили дойти вдоль берега до самой восточной точки Тауйской губы – залива Одян, но за весь маршрут ничего, кроме множества несъеденных косатками ларг, так и не обнаружили. Вечером мы вернулись в Олу, а затем в Магадан и в Москву.

Хроники Нарнии

Большинство творящих зло не считают себя злодеями; напротив, они полагают себя героями историй, которые рассказывают.

После 2003 года, когда молодая косатка умерла на Утрише, прожив меньше месяца в неволе, отловы надолго прекратились. Мухаметов с переменным успехом пытался отсудить свое имущество у фирмы, которая выкупила его долю в Утришском дельфинарии, тем и другим было не до косаток, так что мы несколько расслабились и перестали уделять этой проблеме должное внимание.

Все эти годы Росрыболовство исправно выделяло объемы общедопустимого улова (ОДУ) косаток в размере 10 особей в год. В российском законодательстве киты считаются водными биологическими ресурсами, что приравнивает их по статусу к рыбе и креветкам. Процедура определения объемов вылова примерно такая же, как для рыбных запасов: сначала рыбохозяйственные институты – Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) и его локальные отделения – обосновывают, сколько биологического ресурса можно выловить без вреда для популяции, это обоснование проходит государственную экологическую экспертизу, а потом одобренное количество распределяется между пользователями путем выдачи квот. С косатками была только одна маленькая проблема – численность этого вида в российских водах была неизвестна, неясно было также, сколько существует популяций и где располагаются границы между ними. В одном только Охотском море численность, по мнению разных авторов, составляла от нескольких сотен до десяти тысяч. Поэтому при обосновании объемов допустимого улова сотрудники ВНИРО пользовались так называемыми экспертными оценками, т. е. придумывали удобную им цифру, вставляли в обоснование и ссылались на работу, оценка численности в которой была наиболее близка к придуманной ими. Позже, уже в середине 2010-х годов, эта тактика получила некоторое развитие: в качестве обоснования ВНИРО стал вставлять результаты трансектовых учетов. Впрочем, сама оценка численности при этом не очень изменилась – с «приблизительно 3000» до 3130.

К этому моменту в Канаде и США для целей охраны и управления давно уже выделяли рыбоядных резидентов и плотоядных транзитников как разные единицы запаса. Более того, даже отдельные популяции одного экотипа – например, северные и южные резиденты – учитывались по-разному. По сравнению с этим российский подход выглядел пережитком каменного века, но что с этим делать, было не очень понятно: специалисты рыбохозяйственных институтов не интересовались нашим мнением на этот счет и успешно игнорировали все наши попытки повлиять на процесс оценки ОДУ.

В 2010 году группа зарубежных исследователей опубликовала статью, в которой сравнивались полные геномы митохондриальной ДНК косаток со всего мира. Анализ показал, что тихоокеанские транзитники – наиболее отличающаяся от других группа косаток и резиденты более родственны североатлантическим и антарктическим косаткам, чем транзитникам. Время расхождения между транзитниками и остальными косатками в той статье оценили в 700 000 лет, но после некоторых уточнений в следующей публикации этот срок уменьшился примерно до 300 000 лет – что, впрочем, тоже немало. На основании найденных различий авторы предложили считать транзитников отдельным видом.

В том же году произошло еще одно важное событие – работающие на Утришский дельфинарий ловцы белух на острове Чкалова в западной части Охотского моря случайно поймали косатку. Разрешения на отлов у них не было, они даже не запрашивали квоты на этот вид, но во время отлова белух мимо, совсем близко от берега, шла группа косаток, и они решили попробовать. В итоге одну молодую косатку удалось обметать сетью. Ее перевезли в морской вольер и стали думать, что делать дальше и как бы задним числом оформить разрешение. Но пока думали, косатка умерла, и ловцы объявили, что она уплыла во время шторма, сорвавшего сети вольера.

Стало ясно, что новая волна отловов не за горами. В отличие от рыбацких косаток Восточной Камчатки, которые остерегаются мелководий, в западной части Охотского моря плотоядные косатки постоянно ходят вдоль берега на глубине меньше 10 метров, и их можно обметать сетью, не опасаясь, что они под нее поднырнут. Кроме того, ловить у берега намного дешевле, так как это можно делать с помощью небольших лодок и катамаранов, не арендуя крупное дорогостоящее судно.

В свете всего этого проблема обоснования ОДУ заиграла новыми красками. На прибрежных мелководьях западной части Охотского моря в наиболее доступных для отлова местах встречаются только плотоядные косатки, а оценку ОДУ проводили по всему Охотскому морю, не делая различий между рыбацкими и плотоядными. Даже с точки зрения российских законов это было неправильно – закон предписывает при оценке ОДУ учитывать биологические особенности вида, а разделение на две нескрещивающиеся формы – это, безусловно, крайне важная биологическая особенность. Если выловить всех плотоядных косаток, популяция не сможет восстановиться за счет притока более многочисленных рыбацких, поэтому их нужно рассматривать как отдельную единицу запаса. Такие аргументы готовили мы, чтобы представить специалистам ВНИРО. О том, что ловить этих умных и социальных животных – абсолютное зло с этической точки зрения, мы говорить не собирались. Для ВНИРО косатки – это просто большие рыбы, а, чтобы добиться какого-то компромисса, с оппонентом нужно говорить на его языке.

Начать диалог с ВНИРО нам удалось благодаря нашей старой знакомой Надежде Зименко. Ее муж Илья Шевченко несколько лет участвовал в наших экспедициях, а дочка Маша писала под моим руководством диплом по командорским горбачам, героически разобрав фотографии и идентифицировав несколько сотен животных с горбачиного нашествия лета 2010 года. Сама Надежда Павловна как раз работала во ВНИРО, в лаборатории, никак не связанной с морскими млекопитающими, но ей удалось договориться об организации семинара, на котором у меня был шанс изложить нашу точку зрения.

Семинар состоялся в начале декабря 2010 года, и публика на нем подобралась довольно разношерстная. Председательствовал тогдашний директор ВНИРО А. Н. Макоедов. Я рассказала о рыбацких и плотоядных косатках, о том, что они не скрещиваются, и о новых генетических данных, согласно которым их предлагают разделить на разные виды. После доклада было много вопросов из зала, в том числе и довольно дельных, в частности о генетических доказательствах репродуктивной изоляции между экотипами. Но вот сам директор меня разочаровал. Я попыталась объяснить суть моих претензий на понятном ему языке:

– Ну вот вы же, когда обосновываете ОДУ на какое-то локальное стадо рыб, сначала оцениваете его численность отдельно от других, скорость прироста, другие параметры...

– Вы так думаете? – удивленно спросил директор и снисходительно усмехнулся моей наивности.

В самом конце семинара со своего места в зале поднялся Александр Иванович Болтнев – заведующий лабораторией морских млекопитающих, которая как раз и занимается обоснованием ОДУ косаток. Вопросов он задавать не стал, но высказался в том смысле, что это все глупости, а рыбацкие и плотоядные косатки не разные популяции, а разные возрастные стадии: в молодости косатки питаются рыбой, а к старости переходят на котиков и тюленей, и «не стоит серьезно относиться к работам иностранных коллег – у них очень низкий уровень». Честно говоря, от такого выступления я просто растерялась: я раньше близко не сталкивалась с Болтневым и не ожидала, что в современной российской науке могут быть такие люди. В итоге резолюцией семинара стало «принять к сведению и ничего не делать». Но это было лишь начало большой войны.

В августе 2012 года в Сахалинском заливе в западной части Охотского моря была поймана первая российская косатка, пережившая первичную адаптацию к неволе.

Ее отловила бригада, нанятая ООО «Сочинский дельфинарий» – одной из многочисленных фирм из сети компаний, которые Мухаметов называл рейдерами, забравшими у него существенную часть имущества Утришского дельфинария. К тому времени эта фирма уже плотно вошла в бизнес по отлову и продаже за границу охотоморских белух.

Про отлов 2012 года ходило много разных слухов. Никаких независимых инспекторов на отлове не присутствовало, так как к тому времени функции контроля от Росрыболовства перешли к пограничникам, а тем было некогда заниматься такой ерундой. В результате ловцы могли делать что хотели и не несли за это никакой ответственности. По цепочке через знакомых знакомых до нас дошла информация о том, что во время отлова одна или две косатки погибли. Но стоило нам выложить эту информацию на сайт, «Сочинский дельфинарий» тут же пригрозил подать на нас в суд. Так как никаких доказательств у нас не было, информацию пришлось убрать.

Отловленную молодую косатку поместили во временный бассейн, сооруженный на берегу залива Рейнеке. Там она пробыла шесть суток, ожидая прибытия вертолета, который отвез ее в Приморье на базу ООО «Белый кит» (еще одна фирма из той же сети) в бухте Средней возле поселка Ливадия. Раньше эта база, состоявшая из нескольких плавучих вольеров, принадлежала ТИНРО (Тихоокеанское отделение ВНИРО) и в 2000-х годах располагалась в черте Владивостока, прямо на набережной. Потом базу переместили в Среднюю, и каким-то образом часть ее постепенно отошла частным фирмам, которые использовали ее так же, как и ТИНРО, – для передержки белух перед продажей в Китай.

Когда информация об отлове разошлась, в России, как и раньше, никто ею не заинтересовался, а вот за рубежом она вызвала сильный резонанс. Кто-то из зарубежных активистов назвал косатку Нарнией, и это имя приклеилось к ней так прочно, что даже владельцы в итоге стали ее так называть. Иностранные активисты стали распространять в интернете петицию под заголовком “Free Narnia” с требованием выпустить пленницу на свободу.

В это время тренеры пытались заставить Нарнию есть. Пойманные косатки часто отказываются от еды, а в этом случае ситуация еще осложнялась тем, что Нарния – плотоядная косатка и рыба, которую ей предлагали, была для нее неестественным кормом. Похожую ситуацию описал Эрих Хойт в своей книге «Косатка – кит, которого называют убийцей» (Orca: the whale called killer): в 1970-х годах в Британской Колумбии отловили группу плотоядных косаток и пытались кормить их рыбой, в результате чего животные больше двух месяцев ничего не ели.

Еще во время передержки в заливе Рейнеке Нарнии предлагали и живую, и мертвую рыбу, но она отказывалась и от той и от другой. Та же история продолжилась и на базе в Средней. Обеспокоенные здоровьем дорогостоящей пленницы, тренеры попытались накормить ее насильно, приподняв на сетке – так называемом «ложном дне» – к поверхности воды. Однако Нарния оказалась слишком крупной и сильной для подобных манипуляций, и тренеры поняли, что придется договариваться с ней по-хорошему. Тогда они направили все усилия на налаживание контакта, в том числе тактильного, постоянно поглаживая и почесывая ее. Косатки, как и другие дельфины, очень чувствительны к прикосновениям и часто трутся друг о друга в ходе дружелюбных взаимодействий. Это сработало и с человеком: постепенно Нарния стала проявлять интерес к общению с тренером. Через несколько дней косатка начала из вежливости брать рыбу, которую новый приятель так назойливо совал ей в рот, но поначалу она не особенно представляла, что делать с этим ненужным подарком: плавала с рыбой по вольеру и прятала ее на дне. Потом она стала разрывать ее на части и тут, видимо, наконец распробовала содержимое (а может быть, просто почувствовала себя лучше и проголодалась). В начале третьей недели пребывания в неволе Нарния начала есть горбушу.

Тем временем мы пытались в меру своих возможностей предотвратить новые отловы. Попытки раскрутить российскую аудиторию хоть на какую-то реакцию

оказались провальными – как и в 2003 году, всем было все равно. Природоохранные организации пожимали плечами и говорили, что это не их тема: у них на повестке стояло спасение тигров, бельков и лесов. Журналисты тоже не заинтересовались этой проблемой. Единственная надежда была на научное сообщество, в котором у нас был хоть какой-то вес.

Еще в 2011 году до меня дошли слухи о том, что готовится новая редакция Красной книги России (она должна обновляться раз в 10 лет, и последнее издание выходило как раз в 2001 году). Мне пришла в голову мысль, что было бы здорово включить в новый список популяцию плотоядных косаток, – к тому времени уже было понятно, что численность их существенно ниже, чем рыбоядных, а привычка ходить вдоль берега по мелководьям делала их особенно уязвимыми для отлова. Через коллег я связалась с людьми из комиссии по млекопитающим и предложила им составить новую версию списка китообразных.

Старый список китообразных Красной книги давно удивлял меня своей иррациональностью. Кроме видов, действительно нуждающихся в охране, он содержал некоторые массовые виды, например беломордых дельфинов, которых в Северной Атлантике насчитывается свыше 100 000 особей. Также там значилось несколько видов, которые в фауне России числятся только номинально. Попытки выяснить, кто их наблюдал, неизменно приводят к советскому ученому с говорящей фамилией Слепцов – он регистрировал встречи с серыми дельфинами в водах Командорских островов, с бесперыми морскими свиньями возле Шикотана и с другими экзотическими видами, которых ни до, ни после него в этих районах никто не видел. Присутствие таких странных объектов охраны в Красной книге казалось мне профанацией самой идеи этого документа – ведь если половина включенных туда видов в охране не нуждается, кто будет серьезно относиться к другой половине? В свой список я включила только те виды, которые, по последним доступным данным, действительно были редкими или теряли в численности и нуждались в охране, – в том числе плотоядную косатку. Я отправила список в комиссию, но никакого ответа не получила, и оставалось только надеяться, что его примут к сведению.

Осенью 2012 года я предложила обсудить проблему отлова косаток на очередном заседании Совета по морским млекопитающим. Эта организация объединяет ученых со всей страны, а возглавлял ее тогда Алексей Владимирович Яблоков, широко известный благодаря своей научной и общественно-политической деятельности. В начале декабря на заседании Совета я рассказала коллегам о популяциях рыбоядных и плотоядных косаток, а также о том, что ОДУ на них нужно оценивать по отдельности. За докладом последовала небольшая дискуссия, которая была довольно продуктивной ровно до того момента, пока в нее не вступил наш старый знакомый Александр Иванович Болтнев.

– Меня, к сожалению или, не знаю, к счастью, не убеждают такие рассуждения по поводу рыбоядных и плотоядных, – заявил он. – Почему? Я изучал более детальные различия у северных морских котиков, и там тоже не все так просто, я не зря в своей книге пишу об индивидуальных стратегиях, связанных с генотипом индивида у северных морских котиков. И эти стратегии, они меняются в зависимости от наличия кормовой базы. И к генетическим исследованиям я отношусь сейчас с осторожностью, тем более что у меня на глазах настолько быстро и часто менялись эти методики генетических исследований, что там можно действительно между отдельными особями одного вида получить достоверные различия, как будто это два разных вида.

Выступление Болтнева, который выглядел и говорил намного более авторитетно, чем я, быстро заставило Совет склониться в его сторону. В итоге детальное обсуждение предложили перенести на следующее заседание. Оно было назначено на конец января 2013 года, и я уже не ждала от него ничего хорошего, а напрасно. За неполных два месяца в общем настрое что-то неуловимо изменилось – то ли члены Совета почитали статьи о косатках, то ли сказала шумиха, поднятая за рубежом, но в этот раз на нашей стороне было гораздо больше народу. И самое главное – на нашу сторону перешел сам Яблоков.

Мой доклад мало отличался от предыдущего: я говорила о том, что для расчета ОДУ косатки не используется ни один из необходимых параметров – не учитывается разделение на популяции (рыбоядных – плотоядных), нет достоверных данных о численности в Охотском море и об уровне воспроизводства. Дебатов было много, но по существу оппоненты ничего возразить не смогли. Когда Болтнев завел свою обычную песню о том, что рыбоядных и плотоядных косаток не существует, Яблоков решительно прервал его, заявив, что вокруг Ванкувера этих косаток изучают уже много лет и никаких сомнений тут быть не может. Впрочем, он тут же с сожалением отметил, что у нас нет никаких собственных публикаций, доказывающих существование экотипов в российских водах. Это была правда – нам действительно ни разу не пришлось в голову публиковать настолько очевидные вещи, уже многократно продемонстрированные зарубежными коллегами. Мы копали вглубь – диалекты, социальная структура, особенности использования акватории, а вот про различия российских резидентов и транзитников серьезных публикаций не планировали, потому что мне казалось, что это не ново и не имеет никакой научной ценности. После этого заседания, когда мне объяснили, что такая статья нужна для споров с чиновниками, я собрала имеющиеся доказательства (по генетике, внешним различиям, стабильным изотопам и поведенческим наблюдениям), написала статью и отправила ее в «Зоологический журнал». Но публикация в рецензируемых журналах – дело долгое, и статья «Репродуктивно изолированные экотипы косаток в морях Дальнего Востока России» вышла только год спустя.

На том заседании была поднята еще одна важная тема – о том, можно ли продавать за рубеж животных, отловленных по документам для «культурно-просветительских целей» (именно для таких целей официально ловят косаток и белух). К сожалению, в законах все было прописано так зыбко, что напрямую зацепиться за это несоответствие не получалось, а Болтнев на эти аргументы лишь саркастически возразил: «Давайте не будем подрывать основы нашего капиталистического строя».

По итогам заседания Совет согласился с тем, что отлов косаток – проблема, которую нужно как-то решать. Для этого постановили создать рабочую группу по косатке и назначить меня ее координатором. Основной движущей силой группы, помимо меня, стали Дмитрий Глазов и Ольга Шпак – сотрудники лаборатории морских млекопитающих Института проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ) им. Северцова РАН. И Дмитрий, и Ольга раньше работали в команде Мухометова, в том числе собирали научные данные на отловах белух в Амурском лимане, поэтому многое знали о тонкостях процесса и местной специфике. После заседания мы бодро накатали несколько писем в разные инстанции от имени Совета и за подписью Яблокова. Мы надеялись, что авторитет Совета и Алексея Владимировича придаст какой-то вес этим документам. Но надежды оказались напрасными – на все наши письма приходили лишь отписки.

Между тем утверждение новой версии Красной книги, запланированное еще на 2011 год, затянулось. Лишь через несколько месяцев после того, как я отправила свои предложения по китообразным, до меня через третьи руки дошла черновая версия нового списка млекопитающих. К сожалению, большая часть моих предложений была отвергнута, но – о чудо! – плотоядная косатка там все еще присутствовала. После этого все надолго заглохло, и лишь год спустя я случайно выяснила, что секция по млекопитающим не хочет ее включать, потому что эксперты считают, что по российским косаткам нет данных, указывающих на наличие двух отдельных популяций – рыбоядной и плотоядной. К тому времени наша статья в «Зоожурнале» уже была в печати, и я отправила ее председателю секции, директору ИПЭЭ Вячеславу Владимировичу Рожнову. Через некоторое время он позвонил мне, чтобы обсудить этот вопрос. Выяснилось, что наличие двух отдельных популяций ни у кого сомнений уже не вызывает, тем более что генетический анализ моя студентка Катя Борисова проводила в лаборатории того же самого ИПЭЭ под руководством главного китового генетика Ильи Григорьевича Мещерского. Проблема была в другом – в отсутствии четких внешних различий, по которым можно со стопроцентной уверенностью отличить плотоядных косаток от

рыбоядных при встрече в море.

На самом деле, имея опыт работы с косатками, различить их совсем не сложно, но различение это происходит не по отдельным формальным признакам, а по их совокупности, в том числе по поведению группы. Единственный четкий формальный признак, позволяющий уверенно утверждать, что перед вами рыбацкая косатка, – это наличие так называемого «открытого пятна», т. е. большой черной области на светло-сером седловидном пятне. У плотоядных косаток изредка встречаются темно-серые «языки» на пятне, но они расплывчатые и нечеткие, как бы дымчатые, а у рыбацких черные протоцины имеют четкие границы. Однако среди обеих форм больше всего косаток с «закрытыми», т. е. цельными, седловидными пятнами. В таких случаях плотоядных можно отличить по более обширному и яркому пятну, более острому «акульему» спинному плавнику, а также по наличию круглых шрамов от укусов светящейся акулы (этот вид акул обитает только в теплых водах, куда плотоядные, видимо, заходят существенно чаще рыбацких). Тем не менее все эти признаки уверенно работают лишь в комплексе, и лучше всего не на одном животном, а на всей группе. А вот по единственной фотографии отдельно взятой косатки действительно не всегда можно сказать, к какой форме она относится.

Тем не менее все это не имело ни малейшего отношения к включению плотоядных косаток в Красную книгу, хотя этот аргумент наши оппоненты неоднократно пытались использовать на протяжении всей этой истории. В Положении о Красной книге указано, что в нее должны заноситься редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды, подвиды, популяции, но нигде не сказано, что эти виды, подвиды и популяции должны обладать яркими, легко заметными внешними отличиями от других близких видов, подвидов или популяций. Более того, уже имевшиеся на тот момент в Красной книге виды не удовлетворяли этому условию – например, отличить по внешнему виду светлую морфу краснокнижного антура (островного тюленя) от некреснокнижной ларги не всегда могут даже специалисты. Я изложила эти соображения Вячеславу Владимировичу Рожнову, и вроде бы они показались ему убедительными – во всяком случае, косатку на тот момент в списке оставили.

В феврале 2013 года стало известно, что Нарнию предполагают в будущем отправить в океанариум, строительство которого началось в Москве на ВДНХ. В компанию к ней следующим летом планировали поймать еще несколько косаток. Океанариум, позже получивший название «Москвариум», строила управляющая компания «Белая сфера» – еще одно ответвление тесной паутины компаний, учредителем которых был Кирилл Михайлов, по свидетельству Мухаметова – тот самый предприниматель, который в свое время предложил ему подписать договор о продаже доли в ООО «Утришский дельфинарий».

Осень 2013 года ознаменовалась странными новостями. Мы узнали, что ловцы отчитались о поимке целых шести косаток. На базу в Среднюю, однако, привезли только трех. Сразу после отлова (во время которого, по непроверенным слухам, погибла еще одна косатка) трех пленников держали в сетевом вольере, расположенном в устье реки Тывлина. Вода там была почти пресной, что косаткам противопоказано, и здоровье животных начало быстро ухудшаться. Вертолет, видимо, оказался слишком дорогим удовольствием, так что на этот раз косаток погрузили в металлические контейнеры, наполненные водой, и отправили в Среднюю по земле (грузовиками) и воде (на барже). Со всеми перегрузками этот процесс занял шесть дней, и до базы животные добрались уже в довольно плохом состоянии.

Среди этой тройки было два юных самца, которых называли Норд и Орфей, и совсем маленькая самочка, получившая имя Грация. Их поместили в вольер к Нарнии, которая к тому времени уже год провела в неволе. Нарния сразу заняла позицию хозяйки дома и взяла шефство над самцами. При первой же кормежке она стала активно предлагать обоим рыбу и даже проталкивать ее в рот плотоядным дикарям, а также настойчиво демонстрировала своим примером, что, вообще-то, косатки это едят. Дела у нее шли явно лучше, чем у ее тренеров год назад: уже

через сутки Норд стал проглатывать куски рыбы, которую они с Нарнией разрывали пополам. Более крупный самец Орфей начал есть дней через десять. А вот на маленькую самочку Нарния не обращала никакого внимания, не кормила ее и не пыталась морально поддержать. Грация вообще выглядела очень плохо после передержки в пресной воде и шестидневной транспортировки: ее кожа была покрыта язвами, а анализ крови показал признаки воспаления. Ее решили поместить в отдельный вольер для лечения и насильственного кормления.

Когда косатки отказываются от еды, самая первая проблема, которая у них возникает, – это обезвоживание, так как воду они получают из пищи. Поэтому первым делом Грации ввели желудочный зонд. Затем ее начали насильно кормить рыбой на «ложном дне», как это пытались сделать с Нарнией год назад. Впрочем, с Грацией этот процесс пошел гораздо лучше – в отличие от пятиметровой Нарнии, активно сопротивлявшейся такому вторжению в ее внутренний мир, ослабленная маленькая косатка относительно легко поддалась попыткам запихнуть в нее пищу. Через пять дней она уже сама начала проглатывать рыбу, засунутую ей в рот, а через неделю стала брать корм из рук тренера. В то же время ее активно лечили антибактериальными и противогрибковыми препаратами, и ее состояние стало быстро улучшаться. Через полтора месяца выздоровевшую и отъевшуюся Грацию вернули в вольер к остальным косаткам.

Между тем приближалась зима, а по опыту предыдущего года стало понятно, что вольеры бухты Средней – не лучшее место для зимней передержки косаток. Хотя море вокруг не замерзает, температура воздуха может опускаться до минус 20 и даже ниже, а в неподвижной воде вольера образуется лед. Для диких косаток это не было бы большой проблемой, так как они выныривают лишь ненадолго, но в тесном вольере животные много времени проводят, вися на поверхности воды, и могут получить серьезные обморожения. Прошлой зимой у Нарнии уже были проблемы с кожей. Однако строительство океанариума на ВДНХ, в который планировалось перевезти косаток, было еще очень далеко от завершения.

Осенью Орфея и Грацию продали в Китай, а Нарнию и Норда в декабре все-таки перевезли на территорию ВДНХ и поместили в большие круглые цистерны, накрытые надувным ангаром. Хотя эта операция была проведена в условиях строгой секретности, очень скоро среди зоозащитников поползли слухи. К тому времени в России наконец-то появились активисты, которым было не наплевать на отлов косаток, и в разные инстанции посыпались письма с запросами. Мы в то время сосредоточили свои усилия на том, чтобы не допустить следующих отловов, и не слишком внимательно следили за судьбой пленников.

Администрация ВДНХ сначала отрицала какое бы то ни было присутствие косаток на своей территории и тем более в тех емкостях. «Цистерны служат техническим целям – для водоснабжения территории», – говорилось в ответе на запрос зоозащитной организации «Вита». Однако из полиции на тот же самый запрос пришел совершенно другой ответ: в цистернах действительно косатки. Тем не менее на все вопросы наконец-то заинтересовавшихся этим делом журналистов охранники отвечали, что в ангаре находятся строительные материалы.

Между тем оставалось загадкой, куда делись еще три отловленные по документам косатки. Ловцы на все вопросы многозначительно пожимали плечами и роняли намеки на существование какой-то секретной базы передержки, расположенной где-то на Сахалине. Уже тогда возникли подозрения, что никаких трех косаток на самом деле не было, а документы на вылов и разрешения на вывоз в Китай оформили «про запас», на случай, если в следующем году с отловом будут проблемы.

У ловцов были все основания этого опасаться – поднятая в Совете по морским млекопитающим волна дошла до членов государственной экологической экспертизы, которая рассматривала материалы ОДУ. В результате осенью 2013 года экспертиза не одобрила ОДУ на 2014 год, и к лету того года никаких квот на косаток выдано не было. Тут-то и пригодились прошлогодние разрешения. В июле в Совет по морским млекопитающим поступили сообщения от рыбаков и

инспекторов Морской инспекции Николаевского района, что бригады поймали то ли двух, то ли четырех косаток в заливе Николая. Оттуда их якобы перевезли в поселок Херпучи Хабаровского края, а затем по реке Амгунь в сторону Комсомольска-на-Амуре. Я тогда была в экспедиции, и заниматься этим вопросом пришлось Дмитрию Глазову. Он написал несколько писем от Совета в разные инстанции, включая прокуратуру. В тех письмах, в частности, упоминалось, что инспекторам и пограничникам ловцы предъявляли документы 2013 года и говорили, что животные были отловлены год назад, перезимовали в заливе и теперь движутся к месту основного базирования. На самом деле, конечно, перезимовать в заливе Николая косатки не имели никаких шансов, так как зимой он полностью замерзает.

Дальше было еще интереснее. В конце августа пограничники обнаружили на территории рыбокомбината «Восточное» в поселке Иннокентьевка косатку без документов в маленьком бассейне из наспех сколоченных досок, покрытых тентами. Рыбаки тут же принялись вешать им на уши лапшу, рассказывая о больной и спасенной косатке, которую они сейчас немного подлечат и сразу выпустят. Однако в сентябре ту же самую косатку и еще двух размером поменьше пограничники обнаружили на барже, двигавшейся вверх по Амуру. С документами у этих косаток уже все было в порядке: в середине лета государственную экологическую экспертизу уломали-таки одобрить ОДУ, и к началу сентября разрешения на вылов были оформлены. По итогу лета 2014 года так до конца и осталось непонятным, сколько всего косаток поймали и был ли кто-то из трех сентябрьских теми, которых выловили в июле. Так или иначе, в Китай в 2014 году было продано пять косаток, причем трех из них вывезли еще в августе, до утверждения ОДУ и выдачи разрешений.

Мы в это время пытались бороться с отловами на своем поле – научном. В сентябре 2014 года состоялась очередная конференция «Морские млекопитающие Голарктики». Она проходит каждые два года и собирает исследователей морских млекопитающих со всей России и даже из-за ее пределов. В этот раз конференция проходила в Санкт-Петербурге, и мы – Ольга Шпак, Дмитрий Глазов и я – вели там круглый стол «Проблемы животоотлова китообразных». На удивление, туда пришло очень много народу – человек шестьдесят, в том числе иностранцы, включая известную активистку Наоми Роуз. Правда, наши оппоненты, с которыми мы надеялись подискутировать, – Росрыболовство и ВНИРО – мероприятие дружно проигнорировали. Присутствовал только представитель ТИНРО, у которого мы и попытались публично выяснить, почему они обосновывают ОДУ на базе высосанных из пальца данных. Ответа на этот вопрос мы не добились – на все расспросы тинровец отвечал пространными тирадами, существенную долю в которых занимали три фразы: «Ну, вы понимаете», «У каждого свои задачи» и «Мне платят зарплату». Основной смысл его разглагольствований сводился к тому, что существуют академическая наука и промысловая наука, и мы оперируем понятиями академической науки, но к промысловой они неприменимы. Академическая наука опирается на объективные факты, а промысловая – на объективные нужды. Охрана и использование косаток и прочих водных биологических ресурсов – зона ответственности промысловой науки, т. е. регулируются нуждами пользователей, а не объективным состоянием популяций. На самом деле для внимательного слушателя это звучало как публичное признание в подгонке данных под спущенные сверху объемы ОДУ, но сам он, похоже, так не считал.

В октябре 2014 года под давлением зоозащитной организации «Вита» была наконец приоткрыта завеса тайны над загадочными цистернами на ВДНХ. Руководство ВДНХ выпустило короткий пресс-релиз, в котором сообщалось, что животные содержатся в идеальных условиях. Пресс-релиз сопровождался двухминутным видеороликом, на котором было видно, что Нарния и Норд ведут себя довольно активно и выглядят здоровыми. В декабре к ним привезли третью косатку – маленькую самку по имени Джульетта. Когда и где она была выловлена и была ли она одной из пойманных в июле или одной из транспортированных в сентябре, неизвестно. В феврале 2015 года бассейн для косаток в «Москвариуме»

наконец достроили и всех троих переместили туда. Несколько месяцев спустя океанариум открылся для публики.

Вся эта история с косатками на ВДНХ вызвала к жизни силу, которая впоследствии попортила немало крови ловцам косаток и связанным с ними чиновникам. Зовут эту силу Софья Беляева. Когда она впервые написала мне в 2014 году, прося прокомментировать ее заявление в природоохранную прокуратуру, я подумала, что это очередная экзальтированная девочка, которая хочет спасти косаток, но быстро остынет, получив на свои запросы пару-тройку чиновничьих отписок. Я нечасто ошибаюсь в людях, но это был тот самый случай. Годы спустя на заседании в Министерстве природных ресурсов я слышала, как один чиновник пугал другого: «Вот напишет тебе Беляева, тогда посмотри!»

Уже через год мы начали работать с Софьей параллельно, обмениваясь ответами из разных инстанций. Так, например, мы выяснили, что согласно полученному Беляевой ответу из Федеральной таможенной службы из России в 2013–2014 годах было вывезено семь косаток, а согласно полученному нами ответу из Росприроднадзора разрешения СИТЕС за этот период были оформлены всего на пять животных. Кроме того, Софья писала запросы в Министерство природных ресурсов, Министерство обороны, Генеральную прокуратуру, Деприбхоз, Находкинскую ветеринарную станцию, Счетную палату и, наверное, даже в Спортлото. Ей в ответ присылали отписки, она писала снова и снова, постепенно раскручивая клубок чиновничьего вранья, сформировавшийся за долгие годы вокруг отловов. Со временем Софья взялась также и за белух, а потом и за дельфинов-афалин, содержащихся в российских дельфинариях. Черноморские афалины занесены в Красную книгу, ловить их нельзя, поэтому незаконно отловленных животных стараются выдать либо за тех, которые умерли и от которых остались документы, либо за приобретенных в Японии. Совместно с другими волонтерами Софья инициирует проверки дельфинариев и выявляет подложные документы на дельфинов.

В 2015 году ОДУ на косаток в объеме десяти особей утвердили в срок, и к весне разрешения были уже готовы. Ловцы бодро взялись за дело. Еще в 2014 году к «Сочинскому дельфинарию» и «Белому киту» присоединились две новые компании, зарегистрированные в Хабаровском крае: «Афалина» и «Океанариум ДВ», прописанный в селе Иннокентьевка по тому же адресу, что и рыбокомбинат «Восточное», где пограничники обнаружили косатку без документов в августе 2014 года.

Сколько всего косаток поймали в 2015 году, точно выяснить нам так и не удалось. Ответы на обращения в госорганы не вязались друг с другом: например, согласно полученному Софьей Беляевой ответу от Амурского отделения Росрыболовства в 2015 году было добыто восемь косаток, а по мнению центрального Росрыболовства – всего четыре. Два года спустя в материалах ОДУ на 2018 год было указано, что в 2015 году отловили семь косаток в культурно-просветительских и двух в научно-исследовательских целях.

Отлов шел в нескольких местах. Возле мыса Перовского на базе местного рыбопромышленника Александра Бронникова, учредителя «Афалины» и «Океанариума ДВ», бригада работала совместно с ВНИРО. Сотрудник ВНИРО координировал установку спутниковых меток на тех косаток, которые попали в завет, но были слишком взрослыми для продажи в океанариумы. Бронников поддерживал работы по спутниковому мечению, так как его интересовали данные о перемещениях косаток с той точки зрения, где их выгоднее ловить.

Южнее, на острове Чкалова, недалеко от устья Амура, косаток ловил ТИНРО-центр. В отличие от остальных организаций, квоты которым были выделены для культурно-просветительских целей, ТИНРО ловит по научным квотам, которые сам же и обосновывает. Тем не менее реальная цель отлова и «культурных», и «научных» косаток была одна – их ждали китайские океанариумы.

По данным Софьи Беляевой, в 2015 году ТИНРО-центр отловил для «научных»

целей двух косаток, но одну из них, как утверждают представители центра, «пришлось выпустить из водного вольера в связи с агрессивным поведением особи». После обращения Софьи этим вопросом заинтересовалась природоохранная прокуратура, которая по результатам проведенной в сентябре – октябре 2015 года проверки выявила в деятельности ТИНРО нарушения закона. В отношении директора организации Бочарова и его заместителя Блинова было возбуждено уголовное дело на том основании, что они сначала организовали вылов этих двух косаток и доставку их в Среднюю, а уже потом объявили аукцион на право заключения госконтракта на их отлов и перевозку. Победителем аукциона была признана компания, учредителем которой являлся сотрудник ТИНРО, участвовавший в отлове и перевозке косаток; он и получил причитающиеся по контракту 13 млн рублей. В 2019 году уголовное дело было передано в суд и тут же прекращено, поскольку обвиняемые признали вину, рассказали и возместили ущерб – те самые 13 млн. Обоим также был назначен судебный штраф в 40 000 рублей.

В августе 2015 года проблема отлова китообразных впервые получила освещение в федеральной прессе – в «Комсомольской правде» вышла большая статья «Плач косатки» авторства Натальи Островской. Журналистка побывала на базах отловщиков, поговорила с владельцами фирм, членами бригад, а также с Ольгой Шпак и Дмитрием Глазовым. В итоге получилась очень подробная и качественная статья с детальным обзором устройства всего этого бизнеса.

Осенью 2015 года на базе передержки в бухте Средней содержалось семь косаток, одна из них принадлежала ТИНРО-центру, а остальные – все тем же четырем коммерческим фирмам: «Сочинский дельфинарий», «Белый кит», «Афалина» и «Океанариум ДВ». В декабре две косатки были вывезены в Китай. Пять оставшихся, по данным проверок, в апреле все еще содержались на базе. Что потом стало с пленниками, принадлежавшими коммерческим компаниям, так и осталось загадкой, а косатка ТИНРО-центра 22 июля 2016 года «прогрызла сеть вольера и ушла в море» – так было указано в ответе Находкинского отдела МВД на запрос Совета по морским млекопитающим со слов ветеринара базы. Это, конечно, неправда – прогрызть сеть своими коническими зубами косатка не может; кроме того, вольеры в Средней окружает еще одна общая сеть, так что выбраться оттуда не так-то просто.

К этому времени список кандидатов на включение в новую версию Красной книги наконец вышел за пределы секции экспертов ИПЭЭ и был доведен до сведения заинтересованных лиц и организаций, в число которых попал и ВНИРО. Институт немедленно прислал свои возражения против включения плотоядной косатки, так как существование такой популяции представлялось его специалистам необоснованным. Шансы косатки попасть в Красную книгу снова повисли на волоске. На этот раз положение спас мой коллега по кафедре зоологии позвоночных МГУ Николай Александрович Формозов, который на заседании в Минприроды привел убедительные доводы в пользу включения косатки в список. Было назначено еще одно заседание, на этот раз в ИПЭЭ, на котором представитель ВНИРО должен был договориться с секцией экспертов по млекопитающим и выработать компромиссную позицию. Договориться, однако, не удалось – представитель упорно держался точки зрения «экотипов не существует», а эксперты уверенно убеждали его в обратном с помощью аргументов, которые я доносила до них на протяжении последних лет. В итоге каждый остался при своем мнении, но косатку в списке все-таки оставили.

В ходе борьбы с отловами представители ВНИРО неоднократно обвиняли меня в принадлежности к «зеленым», но в 2016 году моя версия списка видов китообразных дошла до настоящих «зеленых» из российского отделения Гринпис. Все эти годы вылов косаток из малочисленной популяции не казался им заслуживающей внимания проблемой, а вот вывод из Красной книги такого вида, как беломордый дельфин, численность которого в Северной Атлантике составляет более 100 000 особей, оказался достаточно важным поводом, чтобы вызвать меня на воспитательную беседу в кафешку в центре Москвы. Мы долго пытались убедить

друг друга – представитель Гринписа считал, что нельзя выводить из Красной книги никаких морских млекопитающих, так как краснокнижность может помочь в борьбе против освоения шельфа, я же упорствовала, что в Красной книге должны находиться только редкие виды, нуждающиеся в охране. В итоге мы разошлись, оставшись каждый при своем мнении. Через пару недель Гринпис выпустил пропагандистский ролик о том, что нефтяники лоббируют вывод исчезающих видов китообразных из Красной книги, чтобы облегчить себе освоение шельфа, хотя прекрасно знал, что это дело моих рук.

Несколько месяцев спустя состоялось очередное заседание секции экспертов по млекопитающим в ИПЭЭ. На этот раз там присутствовали обе недовольные мной стороны: Болтнев от ВНИРО, который считал меня продавшей «зеленым», и представитель тех самых «зеленых» из Гринписа, который считал меня продавшей нефтяникам. Глядя на них, я размышляла о том, что они гораздо больше похожи друг на друга, чем каждый из них на любого из присутствовавших там ученых. Гринписовец ругался и кричал, что его организация подаст на экспертов в суд, а Болтнев, хоть и вел себя несколько более прилично, продолжал сыпать все теми же сто раз опровергнутыми аргументами с таким видом, будто сообщал миру нечто новое и крайне важное. Несложно догадаться, что эффект от их претензий был ровно противоположным: секция дружно проголосовала за мою версию списка по всем фронтам – и в части включения, и в части исключения.

Мы собрались уже было праздновать победу, тем более что нам в очередной раз пообещали: финальная версия списка будет очень скоро подписана министром природных ресурсов. Но надежды вновь не оправдались – вместо этого Министерство реорганизовало состав комиссии по Красной книге, исключив оттуда множество экспертов-ученых и включив чиновников и представителей охотничьего лобби. С косатками это было никак не связано, причина была в том, что мои коллеги пытались внести в Красную книгу несколько редких и сокращающихся в численности охотничьих видов млекопитающих и птиц, а охотники были против и имели свои рычаги влияния в высших сферах. Тем не менее под шумок вместе с охотничьими видами на очередном обсуждении зарубили и косатку. Новый, существенно укороченный список был наконец утвержден Министерством в конце 2017 года, что привело меня в состояние глубокого уныния: все наши многолетние усилия оказались тщетны. Но на этом история с Красной книгой не закончилась – в результате совместных усилий Гринписа и WWF Министерство юстиции не зарегистрировало этот список, и его вернули на доработку. На некоторое время все застопорилось, и история получила продолжение лишь несколько лет спустя.

В апреле 2016 года на Дальнем Востоке произошел случай, который, как тогда казалось, не имел прямого отношения к проблеме отловов, но запустил длинную цепочку событий, приведших в итоге к их запрету. Девятнадцатого апреля четыре дикие косатки оказались заперты льдом на отмели вблизи поселка Стародубское у восточного побережья Сахалина. Животные шли вдоль берега и попали в ледяное поле, которое нагнало ветром. Льдины прижимало все ближе к берегу, пошел отлив, и косатки оказались в ловушке на мелководье среди глыб льда и камней. Заметившие их рыбаки позвонили в МЧС, и вскоре к месту происшествия прибыла группа спасателей. Большие суда не могли подойти близко к берегу, поэтому рыбаки выделили маломерное судно, которое частично смогло расчистить льдины, но этого оказалось недостаточно. Тогда большие льдины стали вытягивать к берегу, привязав тросом к автомобилю. Спасатели, стоя по пояс в ледяной воде, выталкивали косаток в сторону моря. Несколько часов спустя три косатки смогли вырваться из западни и уйти на чистую воду. Однако четвертая, молодой самец, оставалась во льдах.

Вечерело, а ветер подгонял к берегу все новые и новые льдины, и ледовое поле протянулось уже до горизонта. Стало ясно, что освободить Вилли, как называли косатку спасатели, так просто не удастся. В это время к месту происшествия стало прибывать подкрепление – на помощь попавшей в беду косатке ехали сотрудники местной инспекции по маломерным судам, пожарники, члены дайвинг-клуба.

Координацию процесса взял на себя известный на Сахалине Питер ван дер Вольф, специалист по морским животным нефтедобывающей компании «Сахалин энерджи»; он связался с московскими экспертами, чтобы узнать, как лучше помочь Вилли и какие лекарства ему нужны. Сахалинский эколого-туристический клуб «Бумеранг» организовал на берегу полевой лагерь, где работавшие в ледяной воде спасатели могли отогреться и поесть. Другие волонтеры сменяли друг друга на льдине возле Вилли, отталкивая багром от косатки окружающие ее льдины. Ветеринар из Стародубского делала Вилли уколы и смазывала раны, нанесенные острыми краями льдин.

Спасатели и волонтеры боролись за косатку всю ночь. Ближе к утру начался прилив, дайверы в гидрокостюмах стали выталкивать Вилли на глубину и проводить между льдинами к открытой воде. Участники события рассказывали потом, что кит все понимал: поворачивался на бок, чтобы удобнее было его протаскать через мелководье, двигался осторожно, чтобы не навредить своим спасателям. На рассвете, когда Вилли почувствовал наконец свободу и поплыл в море, его провожали крики радости.

Это было очень эмоциональное событие для всех участников, многих оно сплотило и заставило по-новому взглянуть и на косаток, и на свою роль в окружающем мире. По следам освобождения Вилли при «Бумеранге» была создана инициативная группа «Друзья океана» для помощи морским млекопитающим, попавшим в беду. Они проводили тренинги по выпутыванию китов из сетей, приглашали экспертов читать лекции (так мы с ними и познакомились), а через три года после спасения Вилли сыграли одну из главных ролей в истории с «китовой тюрьмой».

Между тем, пока одни люди спасали косаток, другие продолжали ловить их и продавать. В 2016 году государственная экологическая экспертиза не одобрила обоснование ОДУ и разрешения на отлов не выдавались, но косаток все равно поймали. В конце августа Л. М. Мухаметов сообщил в Совет по морским млекопитающим, что летом были незаконно отловлены четыре косатки, которые содержатся сейчас на базе в Средней. Совет направил срочное обращение к руководителю погранслужбы ФСБ РФ с просьбой проконтролировать попытки нелегального вывоза косаток в Китай. В действительности, как впоследствии выяснилось, две косатки были отправлены через аэропорт Владивостока еще 25 августа, и по документам они значились как отловленные в 2015 году. После обращения Совета прокуратура провела проверку и выяснила, что в июле – августе компании-отловщики везли трех косаток по Амуру, а на запрос пограничников предъявляли разрешения от 2015 года и утверждали, что животные перезимовали на базе в Сахалинском заливе. Прокуратуре удалось собрать доказательства того, что на самом деле они были пойманы в 2016 году, после чего в октябре 2016 года было возбуждено уголовное дело о незаконном вылове водных биологических ресурсов. Тем не менее в 2017 году в Китай были экспортированы еще две косатки.

Осенью 2016 года здоровье Алексея Владимировича Яблокова, председателя Совета по морским млекопитающим, резко ухудшилось, но даже из больницы он продолжал участвовать во всей этой эпопее. Именно благодаря его настойчивости и авторитету у нас начало хоть что-то получаться – возбуждение уголовного дела за незаконный отлов косаток стало первым серьезным успехом Совета в деле борьбы с отловами. К концу года Алексею Владимировичу вроде бы стало лучше, его выписали из больницы, но в январе состояние вдруг снова резко ухудшилось, и 10 января 2017 года он умер. Совет по морским млекопитающим осиротел. Все эти годы Яблоков прикрывал нас своим авторитетом и известностью, а без него мы были лишь кучкой никому не нужных ученых. Принявший на себя его функции заместитель директора Совета отказался подписывать наши обращения в госорганы по поводу отловов, и ситуация зависла в состоянии неопределенности.

Самое большое в мире месторождение щекня

Я перестал пытаться быть героем и отправился заниматься чем-то более интересным.

На берегу лежит мертвый серый кит. Он совсем не похож на живого кита, а похож на пластиковую 3D-модель кита в натуральную величину. Еще вчера мы фотографировали его в проливе Чеченкуим, а сегодня утром эскимосы-китобои из села Новое Чаплино убили его и вытащили на берег, чтобы разделать и заготовить запасы в преддверии долгой зимы.

Его голова, как и у всех серых китов, покрыта наростами балянусов, между которыми, вцепившись в кожу мощными кривыми лапками, сидят желтые и коричневые китовые вши – мелкие ракообразные, питающиеся кожей животного. Они еще живы, в отличие от морского гиганта, на котором они провели всю свою жизнь. Я снимаю одну вошь, и она вцепляется мне в ладонь. Держаться как можно крепче – главное в жизни китовой вши, ведь, если ее оторвет от хозяина, она наверняка погибнет.

Я трогаю кожу кита, еще влажную, но стремительно высыхающую на солнце. Обычно такой недоступный и вечно ускользающий от нас, сейчас он лежит совершенно неподвижно, и от этой неподвижности веет тягостной безнадежностью. Мне тяжело смотреть на мертвого кита, но и осуждать убивших его людей я не могу – они добывают себе пропитание точно так же, как это делают косатки и прочие обитатели этого сурового края. Коренные жители Чукотки относятся к китам и моржам, как мы – к грибам и ягодам, и активисты, стыдящие их за убийство морских млекопитающих, вызывают у них такое же недоумение, как у среднего европейца – борцы за права растений.

Мы приехали сюда, в урочище Инахпак на берегу пролива Чеченкуим, с разрешения старейшины Игоря Макотрика, чтобы взять пробы тканей добытого кита, и сейчас наблюдаем за процессом разделки, дожидаясь, когда появится доступ к нужным нам органам. Эскимосы, радостно переговариваясь, с энтузиазмом и сноровкой бывалых китобоев подрезают кожу и жир кита в специальных местах, а потом, продев стальной трос сквозь дыру в слое жира, разом сдирают целый пласт с бока одним движением грузовика, к которому привязан трос. Обнажается мясо, которое китобои срезают и делят между собой под руководством невысокой, но очень энергичной немолодой эскимоски. Косаткам, у которых нет под рукой стального троса и грузовика, добраться до мяса убитого кита через волокнистый жир бывает гораздо сложнее, поэтому они первым делом выедают язык, из-за чего их нередко обвиняют в нерациональном использовании ресурсов жертвы (хотя, если туша не опустится на недоступную глубину, они через день-два доедают и мясо). Впрочем, косаткам на эти обвинения наплевать еще больше, чем эскимосам.

Нам давно хотелось поработать на Чукотке, но все как-то не складывалось – слишком уж удаленным и труднодоступным был этот регион. В своем проекте по исследованию критических местообитаний китообразных я запланировала экспедицию на Чукотку на третий год, чтобы было время как следует подготовиться. Изначально мы планировали просто рейс вдоль побережья на все той же яхте «Эмма», но судьба свела нас с заместителем директора по науке национального парка «Берингия» Максимом Антипиным. Мы встретились в Астрахани на конференции «Морские млекопитающие Голарктики» и, сидя в ресторанчике гостиницы «Азимут», обсудили перспективы сотрудничества. Максим рассказал, что каждое лето в проливе Сенявина собирается множество горбачей. Сам он орнитолог, изучать китов в нацпарке некому, поэтому они были бы совсем не против пригласить исследователей вроде нас.

Поддержка со стороны национального парка или заповедника – огромный бонус в полевых исследованиях. Мы очень хорошо прочувствовали это во время нашего бесславного квеста в Карагинском заливе в 2008–2009 годах: когда на месте нет

никого, кто может встретить груз и помочь с логистикой, элементарные задачи становятся фантастически трудновыполнимыми. Мы без особых раздумий приняли предложение Максима, решив после рейса остаться поработать в проливе Сеньявина еще недели на три. С Сергеем, капитаном «Эммы», договорились, что он встретит нас в Анадыре в начале августа, и мы пройдем по Анадырскому заливу и дальше вдоль побережья, насколько сможем, а затем на обратном пути он забросит нас на кордон нацпарка.

В Анадырь мы летели самолетом из Петропавловска. Еще зимой, когда разрабатывался маршрут экспедиции, предполагалось, что лететь придется, скорее всего, через Хабаровск, но потом я случайно прочитала в новостях, что недавно запустили рейс из Петропавловска-Камчатского в Магадан. Из Магадана же был рейс в Анадырь, и мы решили воспользоваться этой возможностью: хотя промежуток между рейсами составлял несколько дней, все равно, даже с учетом посуточной аренды квартиры в Магадане, это получалось дешевле.

Было у нас и еще одно отягчающее обстоятельство, которое приходилось учитывать при выборе рейсов, – мы везли с собой собаку. У меня не было собаки с тех пор, как после школы я уехала из родительского дома в Москву учиться в университет: сначала я жила в общежитии, а потом начались бесконечные разъезды по экспедициям, конференциям и стажировкам. Тоска по собаке была вытеснена на периферию сознания, и много лет я даже не задумывалась ни о чем таком всерьез, но в последние годы жизнь как-то начала терять яркость красок, и стало понятно, что только собака сможет мне помочь.

Райдо родилась 10 июля 2016 года, в тот день, когда мы шли на шаркете через Тауйскую губу от острова Завьялова к острову Талан в полном тумане, магаданская экспедиция казалась мне провалом, а жизнь – пустой и бессмысленной (на следующий день мы встретили косаток, и мое мнение о жизни поменялось на противоположное, но было уже поздно). Именно тогда, в рейсах лета 2016 года, у меня созрело решение завести наконец собаку. Ванюха, обычно работавший в таких случаях голосом здравого смысла, в тот раз почему-то поддержал меня, и в сентябре двухмесячный щенок шелти поселился в нашем доме, к огромному неудовольствию командорской кошки Ямахи, которая не могла взять в толк, зачем мы притащили в квартиру это шумное желтое недоразумение.

Выбирая щенка, мы уже планировали брать его с собой в экспедиции, поэтому ожидаемый вес взрослой собаки не должен был превышать шести-семи килограммов: в салон самолета можно взять животное, весящее не больше восьми кило вместе с переноской. Райдо с этой задачей справилась – даже для шелти она небольшая и весит около пяти. Я готовила ее к перелету всю зиму, приучая спокойно лежать в переноске, а перед самыми полями в мае мы совершили пробный полет – я взяла ее с собой на заседание научного комитета Международной китобойной комиссии, проходившее в Словении. Во время трехчасового перелета туда и обратно Райдо вела себя прекрасно, и мы решили, что предэкспедиционную подготовку можно считать пройденной.

Действительно, в самолетах она ведет себя идеально, и не раз бывало так, что сидящие со мной рядом пассажиры узнавали о присутствии собаки, только когда самолет приземлялся и я вытаскивала переноску из-под кресла. А вот подготовить ее к морским путешествиям я не догадалась, и проблема обнаружилась лишь тогда, когда уже поздно было что-то менять...

Из Никольского в Петропавловск мы возвращались в тот год не самолетом, а на пароме «Василий Завойко», который недавно был введен в строй в рамках какой-то госпрограммы по поддержке дальневосточных регионов. Билет на «Завойко» стоит раза в четыре дешевле, чем на самолет, поэтому мы всегда пользуемся им, если он идет в подходящее для нас время (но предсказать это заранее невозможно, так как расписание движения парома подчиняется примерно тем же принципам, что ожидаемая продолжительность жизни кота Шрёдингера). Через несколько часов после выхода я пошла прогулять Райдо на палубу. Шелти обошла ее, заглянула за контейнеры, недоуменно посмотрела на меня и спросила:

- А где трава?

- Нету тут травы, - говорю. - Писай на палубу.

- Ну уж нет. Шелти, чтобы писать, нужна трава! - сказала собака и оскорбленно удалилась в каюту.

Еще через несколько часов мы снова вышли прогуляться - и опять с тем же результатом. Потом еще раз. Только на следующий день собака наконец сдалась и с явным отвращением на морде сделала свои дела на ржавой металлической палубе.

Из Петропавловска мы полетели в Магадан и пару дней наслаждались красотами этого милого городка, пока не подошло время перелета в Анадырь. Во всех путешествиях перед полетом я захожу в ветеринарную службу аэропорта, и там, проверив прививки в собачьем паспорте, мне ставят печать - разрешение на вылет. В магаданском аэропорту я, как обычно, выяснила, где находится ветслужба, и явилась туда с собакой и паспортом. Толстая ветеринарша полистала его, посмотрела прививки, подняла на меня глаза и спросила:

- А где клинический осмотр?

- Какой клинический осмотр? - удивилась я. - В правилах перевозки не сказано, что нужен клинический осмотр.

- Но ведь там не написано, что осмотр не нужен, - пожала плечами ветеринарша. - Я не могу без клинического осмотра взять на себя ответственность допустить вас на рейс.

Я попыталась возразить, что в Шереметьеве и Петропавловске с нас никакой клинический осмотр не спрашивали, но тетка только презрительно фыркнула, мол, они ей не указ. Я попыталась объяснить ей, что мы летим в экспедицию, нас уже ждет яхта, а следующий рейс в Анадырь только через неделю, но это волновало ее так же мало, как проблемы голодающего нигерийского народа. В конце концов я плюнула и ушла оттуда, решив пойти на рейс просто с ветеринарным паспортом. На удивление это сработало - на регистрации попросили лишь показать штамп о прививке от бешенства. Три часа спустя наш самолет уже закладывал вираж над Анадырским лиманом.

Когда мы приземлились, у нас возникла еще одна проблема - как попасть на яхту. Аэропорт находится на одном берегу лимана, а сам Анадырь - на другом, поэтому летом приходится добираться до него на катере, зимой - ехать на автобусе по льду, а весной и осенью - лететь на вертолете. Не знаю, кому пришло в голову такое гениальное решение, но человек этот наверняка переворачивается в гробу, особенно в те дни, когда из-за сильного ветра люди не могут перебраться через лиман и пропускают свой рейс. «Эмма» стояла на якоре в глубине лимана, капитан опасался лишней раз маневрировать в этой мелководной акватории, поэтому он попросил нас добраться до города, откуда нас подбросит на яхту его знакомый на катере (кажется, у Сергея есть знакомые водномоторники в каждом более-менее крупном поселении Дальнего Востока).

Мы взяли такси и доехали до пирса, где толпа таких же прилетевших уже грузилась на продолговатое пассажирское суденышко, почему-то носящее имя «Камчатка». Места внутри нам не хватило, поэтому мы устроились снаружи на носу, кинув свои рюкзаки в общую кучу и приткнув переноску с Райдо под ногами. Суденышко отшвартовалось и двинулось через лиман. Ветер раздувал волны, покрытые белыми барашками. Вдруг мне показалось, что какой-то из барашков - вовсе и не барашек даже, а чья-то белая спина.

- Белуха! - в ту же секунду воскликнула Оля и схватилась за видеокамеру.

Это и впрямь оказались белухи, их было довольно много, они выныривали тут и там в волнах вокруг нашего паромчика. Нередко они охотятся прямо возле пирса - на

следующий год мне пришлось проторчать в ожидании «Камчатки» несколько часов, и лишь плавающие рядом толстые деловитые белухи как-то скрасили это время. Анадырские белухи – это отдельное локальное стадо, они проводят все лето в лимане, а на зиму, когда он покрывается льдом, откочевывают к южному побережью Чукотки. Это, пожалуй, единственные истинно чукотские белухи: все остальные представители этого вида заходят в чукотские воды лишь время от времени. Два локальных стада, нагуливающиеся летом к северу от Аляски, в восточной части Чукотского моря и в море Бофорта, во время осенней миграции могут подходить к северному побережью Чукотки, а потом идут через Берингов пролив на зимовку в Берингово море.

Когда мы дошли до анадырского причала, нас прямо с пирса забрал приятель Сергея и повез на своем катере на «Эмму». Дело было к вечеру, поэтому выход решили назначить на рассвете (благо рассвет в тех широтах даже в начале августа наступает часа в три ночи). Когда мы проснулись утром и начали наблюдения, яхта уже проходила мимо входных кос. Нас ждал Анадырский залив.

В рейсах 2004–2005 годов Бурдин встречал в Анадырском заливе большие скопления горбачей, да и позже наши друзья, работавшие гидами на круизных судах, не раз видели этих китов в открытых водах залива. Мы тоже надеялись их встретить, но тщетно обшаривали горизонт – лишь один горбач попался нам на полпути между Анадырским лиманом и заливом Креста, да и тот напрочь отказался показывать хвост. А между тем у нас назревала новая проблема.

Мы шли поодаль от берега, и никаких высадок в ближайшее время не предполагалось. Я надеялась, что Райдо после опыта на «Завойко» смирится с тем, что нужно делать свои дела на судне, но нет – пластиковая палуба понравилась ей еще меньше, чем металлическая. Хотя, возможно, дело было не в материале, а в размере: на палубе «Эммы» почти нет ровного горизонтального места, где можно было бы во время качки выпустить собаку, поэтому приходилось ставить ее на небольшой пятак сразу за люком. Каждые несколько часов я выносила Райдо на этот пятак и уговаривала ее пописать на пленку, но шелти была непреклонна. Только утром второго дня, больше чем через сутки после выхода, она наконец снизошла до того, чтобы напрудить огромную лужу.

Мы решили зайти в залив Креста, так как по информации с круизных судов в последние годы там стало встречаться все больше горбачей. Заодно мы планировали высадиться там в какой-нибудь тихой бухте, чтобы собрать лодку, – на «Эмме» на этот раз имелся маленький надувной «тузик», на котором можно было по спокойной воде довести до берега части разобранного «Зодиака», чтобы собрать его там для дальнейшей работы с китами. Для высадки Сергей выбрал пляж возле чукотского села Конергино – вероятно, после длительного перехода через Берингово море его тянуло к людям. Люди не заставили себя долго ждать: едва мы начали собирать лодку, как к нам со стороны села пришел весьма колоритный чукча средних лет. Выяснив, кто мы такие и что тут делаем, он начал рассказывать про здешнее житье-бытье, оленей, охоту и бурную чукотскую молодость. Вполуха послушав рассказы и собрав лодку, мы отчалили на яхту и двинулись дальше, а чукча отправился к себе домой и доложил о нашей высадке куда следует.

Мы прошли вдоль залива на север, но так и не встретили никого, кроме одинокого серого кита. Прежде чем поворачивать обратно на юг, Сергей решил зайти в Эгвекинот – самый большой поселок в этой части Чукотки. Вечерело, и мы вошли в узкий фьорд уже на закате. Едва Сергей вышел на связь с местными службами, рация взорвалась командами с берега, причем инструкции от разных инстанций были ровно противоположными: начальник порта требовал немедленно, вот прямо сейчас убираться куда подальше, а пограничники, наоборот, приказывали высадиться и предъявить документы. После некоторых прений пограничники все же победили, мы погрузились в «Зодиак» и в полной темноте, ориентируясь только на фонари на берегу, поехали искать, где же тут пирс для высадки. Ехали втроем: Сергей как капитан яхты, Ванюха как водитель лодки и я, чтобы прогулять собачку на берегу. Когда после получаса плутаний вдоль берега под аккомпанемент несущихся из рации инструкций от пограничников мы наконец нашли их машину и

вскарабкались к ней на пирс, они немедленно забрали Сергея с Ванюхой и уехали, оставив нас с Райдо ждать на закрытой территории порта.

Прошел час, другой, а ребята все не возвращались. Сначала мы скромно гуляли в той части порта, которую можно обозначить как «помойка», потом пошли обследовать стоявшие на берегу суда, обошли весь порт, а ребят все не было. Накрапывал дождь; Райдо уже начала намекать мне, что, вообще-то, она нагулялась и готова к возвращению на мягкую койку. Лишь часа три спустя на въезде в порт замелькали долгожданные фары. Оказалось, что пограничники все это время проводили разъяснительную беседу и составляли протокол за то, что мы высадились в Конергине: в нашем пограничном разрешении были указаны Анадырь, Эгвекино и Провидения, а вот Конергино там не значилось, и бдительные стражи границ отважно бросились защищать Родину от злобных нарушителей, оштрафовав их, т. е. нас, на целую тысячу с чем-то рублей.

Когда мы возвращались на яхту, уже начало светать, и нашим глазам предстал Эгвекино при свете дня: ничем не примечательное скопление уродливых пятиэтажек с сияющей золотыми куполами роскошной белой церковью в центре. На высившемся над селом склоне сопки огромными выложенными из камней аляповатыми буквами было написано «Выпуск-2010» – вероятно, выпускники 2010 года понимали, что едва ли им доведется оставить еще какой-то след в истории, поэтому постарались хотя бы изгадить склон в назидание будущим поколениям. Мы покинули это место без малейшего сожаления.

Ближе к выходу из залива Креста нам все-таки встретились несколько горбачей, а еще через несколько километров началось огромное скопление серых китов. Сначала они попадались единично, потом их стало больше, и вот уже вокруг до самого горизонта тут и там вспыхивали десятки фонтанов.

Расположенная у выхода из залива Креста коса Мээчкын – длинный, узкий и низкий остров – когда-то служила приютом огромному лежбищу моржей, но сейчас она была почти пуста, лишь в воде у берега мы заметили одинокого молодого самца. С потеплением моржи стали смещаться все дальше на север и в последние годы почти не выходят на косу Мээчкын. За косой стояла стена тумана. Едва мы вышли из залива, следом за туманом налетел ветер, окончательно поставив крест на дальнейших наблюдениях. Такая погода преследовала нас до самого входа в бухту Провидения – еще один узкий и длинный фьорд, названный так экипажем британского корабля «Пlover» в благодарность за успешную зимовку. От основной бухты вбок уходит небольшое ответвление, носящее название «бухта Эмма», на берегу которой и находится поселок Провидения. Ранним утром 8 августа мы вошли в бухту Эмма на яхте «Эмма». Впрочем, пограничники, глухие к поэзии совпадающих названий, немедленно приказали нам явиться на заставу и предъявить документы. К счастью, штрафовать нас на этот раз было не за что, и после встречи с сотрудниками парка «Берингия» и забега по магазинам мы отправились дальше.

Наш путь лежал в обход длинного низкого мыса, расположенного на углу Анадырского залива, – после него берег резко уходит к северу. Это место называется Старое Чаплино – когда-то там было поселение эскимосов, а сейчас находится погранзастава, на которую, по забавному совпадению, как раз недавно прислали служить нашего любимого майора, штрафовавшего нас раньше на Командорах, а потом на Курилах. Видимо, неумное рвение штрафовать все, что движется, сослужило ему плохую службу в Северо-Курильске, и его сослали сюда, на этот в буквальном смысле край земли, куда не забирается никто, кроме местных жителей и редких туристических групп. Услышав по радиации знакомую яхту, майор страшно возбудился и устроил Сергею допрос с пристрастием – он хотел знать о нашей экспедиции все: состав участников, цели, источники финансирования (что, разумеется, далеко выходило за пределы его служебных обязанностей). Всю дорогу, пока мы обходили мыс, он мучил капитана своими расспросами. К счастью, пристать у Старого Чаплино яхта не может, а своей лодки на погранзаставе не было, так что, не в силах добраться до нас, майор лишь тянул свои бесконечные расспросы, пока мы не оказались вне зоны приема его радиации.

Двинувшись дальше на север, мы оказались в Мечигменском заливе напротив села Лорино, когда узнали, что надвигается циклон с сильным северным ветром. Стало ясно, что до Берингова пролива нам не дойти – до конца срока аренды яхты оставалось три дня, поэтому мы не могли переждать этот циклон в бухте Лаврентия к северу от Мечигменского залива и должны были срочно возвращаться в пролив Сенявина. С сожалением мы повернули на юг и отправились в обратный путь. В Мечигменском заливе оказалось множество серых китов, но ни горбачей, ни косаток нам не встретилось. Уже на полпути к Сенявину мы заметили недалеко от яхты какие-то странные фонтанчики и не менее странные светло-коричневые, почти розовые тела в воде. Приглядевшись, мы поняли, что это моржи. Раньше нам никогда не доводилось видеть их в открытом море; оказалось, что издалека они больше похожи на небольших китов, чем на своих родственников тюленей.

Через сутки мы были уже в бухте Гильмимыль в проливе Сенявина, где расположен кордон национального парка «Берингия». Пролив Сенявина разделяет материк и два довольно больших острова – Аракамчечен и Иттыгран; кроме того, в него открываются три бухты-фьорда: Румилет, Аболешева и Пенкегней. Мы привыкли работать в открытых местах, где океаническая зыбь, не встречая преград, обрушивается на берег вечным прибоем, а малейший ветер разбегается по морской глади, поднимая сильную волну. Здесь, в провиденских фьордах, которые некогда пропал в земной тверди сползавший с сопки ледник, было гораздо спокойнее, чем на Камчатке или Командорах, – если внезапно поднимется сильный ветер, тут почти везде можно высадиться на берег, а острова прикрывают от сильной зыби с моря. Правда, сложная конфигурация бухт и долин порой приводит к тому, что ветер может быть слабым в одном месте и очень сильным в другом, а направление его и вовсе не поддается никакому логическому объяснению: двигаясь в одну сторону, зачастую можно несколько раз сменить ветер с встречного на попутный, и наоборот – поворачивая по бухтам на 180 градусов, можно все это время двигаться против ветра.

С утра мы проснулись от знакомого завывания ветра в снастях. Выглянув, я решила сперва, что ждать нам на яхте до конца циклона: по бухте бежали высокие острые волны с белыми барашками, и разгружать по такой погоде наше оборудование на маленьком «Зодиаке» казалось не очень разумным. К счастью, вскоре выяснилось, что ветер шел порывами, и в промежутках между ними вполне можно было без риска доехать до берега. Мы с облегчением покинули яхту и перевезли все свое барахло на берег.

На кордоне тогда еще жил Иван Васильевич Танко – колоритный пожилой чукча, о судьбе которого можно было бы написать роман и снять по нему блокбастер. Все эти земли были территорией его рода, и его балок стоял там задолго до появления нацпарка. Теперь, уже в роли сотрудника «Берингии», он встречал и развлекал туристов с круизных судов, рассказывая им о суровой чукотской жизни в яранге, специально для этой цели установленной в тундре за балками.

Яранга – довольно интересное и продвинутое строение; в отличие от большинства других подобных сооружений кочевых народов (вигвамов, типи и чумов), ее каркас не просто представляет собой соединенные конусом палки, а имеет сложную структуру. Первым этажом идут треноги, поставленные кругом, с опирающимися на них по кругу горизонтальными палками. Затем вторым этажом к ним прикрепляются палки, соединяющиеся сверху. В итоге получившееся сооружение имеет не треугольную, а купольную форму, что позволяет при той же высоте получить гораздо большую вместимость. Сама яранга – это еще не совсем жилище; внутри покрытого шкурами или брезентом купола устанавливаются маленькие прямоугольные пологи, обтянутые оленьими шкурами, в которых чукчи, собственно, и живут. Только в этих пологах достаточно тепло, чтобы можно было снять с себя толстые меховые одежды, в самой же яранге температура ненамного выше, чем снаружи. Топлива для костра в тундре очень мало – это кусты по долинам рек, поэтому используют его не для обогрева, а только для приготовления пищи. Жилые пологи же отапливают жирниками – каменными лампами с жиром морских животных.

Примерно с октября по июнь на Чукотке лежит снег, зимой температура нередко опускается до минус 30, а ветра достигают штормовой силы. Единственное место, где можно согреться, – меховой полог размером с туристическую палатку. Трудно представить себе народ, существовавший в более суровых условиях. Чукчи жили плохо, часто умирали, не дожив до старости, и не особенно ценили свою жизнь. Известный исследователь Чукотки Владимир Богораз писал об их склонности к самоубийству: чукчи могли свести счеты с жизнью от обиды, стыда или печали и даже из-за выговора начальника. Обратной стороной этой особенности характера были их легкомыслие и отвага на охоте и в бою. Чукчи столетиями наводили ужас на соседей и оказались одним из немногих дальневосточных народов, сумевших дать достойный отпор российским завоевателям. Несколько десятилетий они отстаивали свою независимость, неоднократно побеждали русских в сражениях и в итоге вошли в состав Российской империи на гораздо более мягких условиях, чем остальные.

Чукотка до сих пор остается в значительной степени аборигенным районом, в то время как на Камчатке представителей коренных народов осталось совсем мало. Когда мы шли вдоль побережья на «Эмме», Чукотка прежде всего поразила меня своей густонаселенностью: то тут, то там встречались поселки, в то время как на Камчатке ближайшее прибрежное поселение на север от Петропавловска находится почти в 500 километрах, а на юг до самого мыса Лопатка вообще нет никаких населенных пунктов.

Кроме Ивана Васильевича, на кордоне жил его сын Леша с супругой Машей и дочкой Полиной. В середине XX века советские коллективизаторы заставили чукчей и эскимосов брать русские имена, а их собственные имена превратились в фамилии. Теперь всех этих коренных жителей зовут Сашами, Пашами и даже Елисеями, зато некоторые фамилии выговорить может только тренированный работник отдела кадров.

Когда мы перетаскали барахло в отведенный нам балок и немного пришли в себя, оказалось, что мы попали в рай: нас не качало, с потолка не капало, в уголке уютно потрескивала печка-буржуйка, а вокруг на десятки километров простиралась поразительная по красоте тундра, полная грибов и ягод. Я очень люблю тундру в ее чистом, беломорском варианте: с лишайниками, шикшей и кустарничками брусники с голубикой. На Командорах тоже есть тундровые ландшафты, но их мало, и они перемежаются кочкарниками, зарослями шеломайника и невысоких кустов, а здесь, на Чукотке, лишайниковая тундра тянулась сколько хватало глаз, кое-где сменяясь живописными курумниками и лишь в болотистых низинах зеленея травяным ковром. Окружавшие бухту сопки больше всего напоминали марсианский пейзаж – они состояли в основном из камней и щебня без следа растительности. Чувствовалось, что они мало изменились с тех пор, как эту землю вспахал ледник.

Но самое прекрасное ждало нас впереди – настоящие горячие источники в паре километров от кордона. До этого я бывала на «диких» источниках лишь однажды – в национальном парке «Налычево» на Камчатке, а в остальном мой опыт ограничивался кафельными бассейнами в Паратунке с пахнущей тухлыми яйцами горячей водой и толпами таких же, как мы, отдыхающих. На сенявинских источниках в землю вкопан небольшой деревянный бассейн, позволяющий свободно погрузиться в горячую воду почти во весь рост, вокруг расстилается все та же волшебная тундра, а внизу шумит перекатами чистая речка. Нашей радости не испортил даже холодный северный ветер, налетавший порывами именно в те моменты, когда ты уже вылез, но еще не оделся.

Райдо тоже была в восторге – не от источников (она вообще не любит воду), а от просторов тундры. После двух недель заточения на яхте наконец-то можно было сколько влезет носиться с языком набок, как бордер-колли вокруг стада овец. Главный восторг у нее вызвали евражки – берингийские суслики. Эти наглые жирные зверьки живут по всей тундре, но особенно много их вокруг кордона, где они кормятся остатками с кухни, а зачастую и воруют вовсе не предназначенные для них продукты. Евражки живут в обширных норных городках, имеющих

множество входов и выходов, и подолгу сидят столбиками возле входов в нору, обозревая окрестности. Шелти – не охотничьи собаки, а пастушьи, и у Райдо никогда не было стремления задавить мелких зверушек; как-то раз я обнаружила ее в обществе оцепеневшей от ужаса полевки, которую она с энтузиазмом обнюхивала и тыкала носом, явно пытаясь пасти. Евражек же она энергично разгоняла по норам, несясь к очередному «столбику» за несколько сотен метров и возвращаясь с чувством выполненного долга, когда стрекочущий суслик исчезал под землей.

Два дня ветер дул, не стихая, так что мы разбирали продукты и оборудование и отдыхали после работы на яхте. На третье утро он ослаб, волна у берега улеглась, и мы стали собираться в море. Оля вышла из балка и начала осматривать горизонт в бинокль.

– Фонтан! Еще фонтан! Да там целый Петергоф!

Мы тоже схватились за бинокль, но оказалось, что фонтаны видно даже невооруженным глазом, если присмотреться получше. Где-то там, в центре пролива Сенявина, кормилось множество горбачей.

Мы бегом собрались и рванули в море. Первым делом направились к тому скоплению, которое было ближе всего к кордону – в начале пролива Йергын, между Аракамчеченом и Иттыграном. Киты не подвели – несколько десятков толстяков ныряли туда-сюда, явно кормясь чем-то очень вкусным на глубине. Поработав там несколько часов, мы двинулись ко второму «Петергофу», который располагался в южной части пролива Сенявина, между Иттыграном и входом в бухту Румилет. Там творилась какая-то вакханалия: на небольшом участке акватории собралось сразу множество китов, они постоянно выныривали с громким пыхтением и занывивали, сильно изгибая спины и высоко поднимая хвосты, чтобы как можно быстрее погрузиться на вожаделенную глубину. Пока Оля фотографировала их, строча очередями направо и налево, то и дело какой-нибудь кит выныривал рядом с лодкой, так что мы даже не глушили мотор из опасений, что увлеченный горбач может всплыть прямо под нами и от неожиданности превратить нас в лепешку ударом хвоста.

После обеда снова поднялся ветер, и мы вернулись на кордон, полные впечатлений. Разобрав фотографии, Оля выяснила, что в тот день удалось сфотографировать 55 китов. На следующий день мы сразу поехали в основное скопление и долго крутились там, снимая хвосты и беря пробы биопсии. Третий день начался ровно так же, как и два предыдущих, и мы успели снять с десятка китов, как вдруг Ванюха вскрикнул, указывая вдаль:

– Косатка!

Мы замерли, уставившись в ту сторону. И действительно, выдержав театральную паузу, через полминуты поверхность взрезал длинный самцовый плавник. Горбачи были немедленно забыты – мы бросились в погоню. Подойдя к тому месту, где видели плавник, мы обнаружили на поверхности воды длинный фрагмент кишечника какого-то небольшого тюленя. Позже, после генетического анализа, выяснилось, что это была акиба – кольчатая нерпа. Самец между тем совершенно не собирался нас ждать и решительно двинул в сторону входа в Румилет. Он занывивал надолго и проходил большое расстояние под водой, так что мы никак не могли его догнать – пока мы успевали доехать до места его последнего выныра, он оказывался уже далеко. Только когда он зашел в Румилет и стало более-менее понятно направление его движения, мы смогли подобраться ближе, заезжая вперед по курсу. Но подлый самец никак не хотел сдаваться нам: он выныривал очень полого, почти не показывая над водой седловидное пятно, а зарубок на плавнике у него не было, и нам долго не удавалось сделать нормальное фото для идентификации. Самец зашел в Румилет почти до половины длины бухты, а потом внезапно развернулся и двинулся обратно. Здесь он наконец-то набрал скорость и стал показывать пятно, так что мы смогли его снять и приготовились брать биопсию. До этого у нас не было вообще ни одной биопсии чукотских косаток, и мы

вожделили эту пробу как ничто другое, так как она могла прояснить популяционные связи между плотоядными косатками Чукотки и Камчатки. Снова и снова мы неслись к нашему самцу, пытаюсь подъехать на расстояние выстрела, а он снова и снова оставлял нас в дураках, занырявая ровно за пару секунд до того, как имело бы смысл стрелять. От отчаяния я пару раз нажимала на курок слишком рано, и стрела, не долетев, позорно шлепалась в воду. Близился выход из Румилета, волна усиливалась – снаружи уже начинал дуть послеобеденный ветер, и лодку все сильнее било, когда мы на полном ходу неслись к косатке. После нескольких очередных безуспешных попыток, когда волна стала совсем уже нерабочей, мы решили смириться с неудачей и медленно поехали в сторону дома. И вдруг – пффф! – самец сам выныривает буквально в 20 метрах от лодки. Я хватаю арбалет, который мы еще не успели разрядить, Ванюха газует, самец выходит перед носом, выстрел – и стрела, идеально ткнув косатку в спину, отваливается с драгоценной пробой.

Следующие косатки посетили нас два дня спустя – целая группа: самец, самка с совсем маленьким детенышем, подросток и «другой». Впоследствии, сравнив их с имевшимися у нас фотографиями чукотских косаток, мы обнаружили, что троих из них видели два года назад исследователи из Санкт-Петербургского университета более чем в 500 километрах от пролива Сенявина, на острове Колючин в Чукотском море. Мы работали с этой группой несколько часов и взяли целых три биопсии. За это время они успели съесть кого-то под водой, но так, что это было почти незаметно, – просто в какой-то момент косатки закрутились на месте, и, подъехав туда, мы обнаружили кровавое пятно и ошметки, которые у нас на глазах растащили чайки, ничего не оставив нам для генетического анализа. Стало понятно, почему в отчетах о хищничестве чукотских косаток так часто фигурируют киты и моржи и так редко – тюлени: охоту на тюленя сложно заметить неопытному наблюдателю, так как все происходит очень быстро и под водой, а следы на поверхности видны лишь в непосредственной близости.

К концу августа распределение горбачей изменилось: в проливе Йергын они почти перестали кормиться, зато стали все чаще делать это в бухте Румилет, причем подходили совсем близко к берегу, особенно возле косы, которая примерно на середине фьорда выдается на несколько сотен метров перпендикулярно берегу. Теперь мы каждый день делали там остановку на ланч.

Косатки нас как-то подзабросили, и мы решили уже было, что больше их здесь не увидим, но в один прекрасный солнечный день черные серповидные плавники взрезали поверхность неподалеку от косы. В этой группе не было ни одного самца – только две самки и два подростка. Одну из этих самок мы снова нашли среди фотографий двухлетней давности с Колючина, а остальные животные были незнакомые. Едва увидев их, я сразу схватила за арбалет: плотоядные косатки часто подходят к лодке «познакомиться» в первые минуты после встречи, а потом могут не подпускать к себе несколько часов. Так оно и вышло: косатки подошли к нам, и я с первого же выстрела взяла биопсию у одной из самок. Затем мы последовали за ними вглубь Румилета, уже не пытаюсь подойти на выстрел, наблюдая издали за их поведением и фотографируя в те моменты, когда они оказывались поблизости. Примерно через полчаса подростки соскучились и сами приблизились и стали выныривать прямо под бортом лодки. Пришлось взять еще одну биопсию, что, впрочем, нисколько их не обескуражило, – они продолжали так же дурачиться и потом еще несколько раз подходили к лодке.

Дойдя почти до конца фьорда, группа повернула обратно. Чуть ближе к выходу из бухты кормились несколько горбачей. Все предыдущие косатки игнорировали этих толстяков, так что мы ожидали, что и на этот раз они пройдут мимо, но нет – внезапно засуетившись, они стали выныривать прямо рядом с китами, а те собрались вместе, перестали кормиться и пошли к выходу из бухты. Внезапно оказалось, что горбачей там чуть ли не десяток – возмущенно пыхтя, они то двигались в сторону пролива, то начинали крутиться на месте и даже пару раз ударили по воде хвостами. Косатки выныривали почти между китами, но, что они делали под водой, было непонятно. Четверем косаткам не под силу справиться и с

одним взрослым горбачом, не говоря уже о большой группе, так что мы недоумевали, на что они рассчитывают. Возможно, среди китов был детеныш, но к августу они почти достигают размеров взрослого кита, и отличить его в сгущавшихся сумерках среди множества горбатых спин мы не смогли; да и в любом случае взрослые не дали бы его в обиду. Не исключено также, что косатки просто развлекались, наевшись легкой и скучной добычи – жирных глупых тюленей. Мы следовали за животными, пока совсем не стемнело, а ситуация никак не менялась – киты пыхтели, косатки выныривали вокруг. Когда стало совсем ничего не видно, нам пришлось все же отправиться домой, так и не дождавшись развязки этого спектакля.

На следующее утро мы первым делом поехали в сторону Румилета в надежде, что косатки еще там. Они не подвели – навстречу нам вырос целый частокол плавников. Такой большой группы мы здесь еще не видели – для плотоядных косаток это редкость. Казалось, все сенявинские косатки собрались на какой-то косаточий праздник: здесь были и вчерашние четверо, и троица из самцов и «другого», которую мы видели за пару недель до этого, а также какая-то новая самка с детенышем и подростком. Правда, ничего интересного они не делали – просто медленно плыли тесной группой к центру пролива, будто бы отдыхая. Похоже, мы пропустили что-то интересное – ночью к четверке, донимавшей горбачей, присоединились сородичи, и не исключено, что таким составом они могли добыть и съесть кого-то крупного. Мы сфотографировали отдыхающую группу, после чего начался дождь, и нам пришлось возвращаться домой, так и не узнав причины этого массового сбора.

В один из дней в начале сентября, возвращаясь на кордон после работы с горбачами, мы издали увидели в тундре множество движущихся точек. Вблизи стало понятно, что это северные олени. Многотысячное стадо разбрелось по долине, а возле устья речки, чуть поодаль от кордона, виднелся ГТС – гусеничный вездеход с крытым кузовом, на котором приехали пастухи. Оленеводство до сих пор распространено на Чукотке, оно пережило и советскую коллективизацию, и лихие 90-е. Традиция разведения домашних оленей появилась у чукчей не так давно, всего несколько сотен лет назад: они переняли ее у соседних народов, а до этого просто охотились на диких. Стадо из нескольких тысяч голов способно обеспечить безбедное существование нескольких семей, что делало такой образ жизни довольно привлекательным по сравнению с непредсказуемой судьбой охотников, у которых изобилие то и дело сменялось голодом. Но легкой жизнью разведение оленей не назовешь: пастухам приходится постоянно двигаться вслед за стадом, так как олени быстро выедают и выбивают всю окрестную растительность, и им нужно все время перемещаться. Раньше оленеводы кочевали пешком, перевоза свой скарб и сложенные яранги на оленьих упряжках, а сейчас обычно пользуются вездеходами, в которых зачастую и живут, хотя нарты и яранги кое-где тоже до сих пор в ходу.

Вечером того дня Леша постучался в наш балок и выдал нам целый тазик оленьего мяса – пастухи устроили выбраковку, забив несколько хромых оленей. Остаток дня Оля провела за жаркой и варкой неожиданно свалившегося на нас щедрого подарка. Обычно в экспедиции в качестве белковой пищи мы берем с собой тушенку, и за все эти годы она нам так осточертела, что свежее мясо в неограниченных количествах стало настоящим праздником – мы ели его на ужин и на завтрак и брали с собой в море, приправив собранными вокруг кордона кисловатыми ягодами брусники.

Еще один экзотический деликатес, который нам довелось попробовать благодаря щедрости местных жителей, – это так называемый мантак, кожа и жир серого кита. Когда-то, много лет назад, меня пытались угостить им на Камчатке, но тогда я придерживалась строгих принципов и отказалась от этого варварского, как мне тогда казалось, блюда. Но с тех пор многое изменилось у меня в голове, консеквенциализм пришел на смену деонтологии, и вместо свода правил я стала руководствоваться последствиями своих действий. Едва ли убитому киту станет хуже, если я съем мантак, подумала я и смело отправила в рот первый кусок.

Оказалось, вкусно.

Каждый год на Чукотке коренные жители – чукчи и эскимосы – убивают несколько десятков серых китов. Туши вытаскивают на берег и разделывают, мантак и мясо едят сами или кормят ими животных. Эта практика вызывает бурное возмущение у зоозащитников, которые ругают китобоев и требуют немедленно прекратить жестокий промысел и перейти на питание куриными окорочками из супермаркета, а лучше и вовсе стать вегетарианцами. Когда-то и мне казалось, что в современном мире нет нужды убивать китов, но с годами до меня постепенно начало доходить, что реальный мир несколько сложнее, чем кажется, когда сидишь у экрана компьютера в большом городе.

На Чукотку продукты попадают сложным и долгим путем; те немногие, что доживают до конца пути, не протухнув и не заплесневев, стоят как обед в мишленовском ресторане. Зимой, когда навигация закрыта, большей части продуктов просто нет, так что питаться приходится собственными запасами. Зверобойный промысел на Чукотке – это не дань традициям предков и не блажь зажавшихся бургеров, это самая настоящая охота ради выживания; ее не стоит ни демонизировать, как это делают зоозащитники, ни романтизировать, как пропагандисты. Убийство китов – жестокое и кровавое занятие, кто бы им ни занимался: люди или другие хищники, но протестовать против чукотского аборигенного промысла – это все равно что пытаться запретить косаткам охотиться. Хотя чукчи и эскимосы пользуются электричеством, ездят на автомобилях и звонят друг другу по мобильникам, во многом они остались такими же детьми природы, какими были всегда. Они легкомысленны и непосредственны, как живущие с ними бок о бок косатки и медведи, и столь же мало приспособлены к жизни в современном западном обществе.

Одна из достопримечательностей национального парка «Берингия», тесно связанная с аборигенным китобойным промыслом, – так называемая «китовая аллея». Я слышала об этом месте задолго до того, как попала на Чукотку, и представляла себе его как длинную вереницу выбеленных ветрами китовых костей, вертикально вкопанных в землю парами через равные промежутки, – тогда это действительно напоминало бы аллею. Когда мы под конец экспедиции наконец выбрали время доехать до «китовой аллеи», выяснилось, что реальность значительно прозаичнее: вертикальных китовых челюстей там было всего несколько штук, кое-как воткнутых в землю под разными углами и разбавленных разбросанными вокруг полурассыпавшимися от старости китовыми черепами. Честно говоря, современные «китовые кладбища» – скопления скелетов в местах, где добытых китов вытаскивают на берег и разделывают, – выглядят гораздо более впечатляюще.

«Китовая аллея» датируется XIV-XVI веками и относится к эскимосской культуре, но для чего она была воздвигнута, никто точно не знает. Археологи считают это место святилищем, но ни у самих эскимосов, ни у чукчей воспоминаний об этом не сохранилось. Самое забавное, что всего в двухстах метрах от «китовой аллеи» вплоть до середины прошлого века находился эскимосский поселок Секлюк, но ни местные жители, ни команды заходивших сюда судов не обращали внимания на достопримечательность – ну торчат кости и торчат, мало ли зачем. С «аллеей» не было связано никаких легенд и преданий; эскимосы, которые обычно бережно и почтительно относятся к могилам и остаткам жилищ своих предков, использовали вкопанные в землю челюсти китов как мишени для стрельбы, а матросы причаливших в бухте судов крепили на них канаты.

Между тем экспедиция наша подходила к концу. Чтобы попасть в Провидения, нам нужно было сначала дойти на лодке до кордона в вершине бухты Румилет, а оттуда добраться по грунтовой дороге до самого поселка. В условленный день мы стартовали из бухты Гильмымыль двумя лодками: в наш «Зодиак» все оборудование не влезло, поэтому Леша вез остальное барахло на нацпарковской моторке. В Румилете нас уже ждал «Трэкол» – вездеход на шести огромных пузатых колесах. Дорога до Провидения идет сначала по долине, а потом забирается в сопки. «Трэкол» осторожно преодолел первый перевал, сложенный из крупных камней, и

мы попали в мир щебенки. Казалось, мы очутились то ли на Марсе, то ли на великанской стройплощадке, – кругом, сколько хватало глаз, были большие и маленькие кучи щебенки, из нее была сложена дорога, даже опора счита с надписью «Национальный парк “Берингия”» была вставлена в бочку с щебенкой. Тысячелетия назад ледник, сползавший в море из центра полуострова, вспахал лежавшие на его пути скалы, растерев их до мелких камешков и породив известную в народе шутку, что Чукотка является самым большим в мире месторождением щебня.

Работа в проливе Сенявина оказалась такой плодотворной, что мы решили вернуться туда снова следующим летом. Правда, балок в бухте Гильмымыль оказался занят – там жили строители, собиравшие дом для туристов, поэтому нам пришлось поселиться в маленьком вагончике «Берингии» в бухте Румилет. Поначалу мы не придали этому большого значения: Румилет так Румилет, расстояние оттуда до прошлогоднего скопления почти такое же, как из Гильмымыля, а к сентябрю киты заходили и в саму бухту. Правда, прибыв на место и обнаружив, что вагончик рассчитан на двоих (нас было трое), а таких излишеств, как туалет, на этом кордоне вовсе не предусмотрено, мы несколько приуныли. Да и местность была совсем не та, что в Гильмымыле, – вагончик стоял на длинной голой галечной косе, с одной стороны море, с другой – лагуна. Ни тундры с евражками, ни грибов, ни ягод. Особый комизм ситуации придавало то, что я в то время как раз читала «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”» Чарльза Дарвина и через пару дней после заселения на кордон мне встретила там фраза: «Никто в здравом уме не выберет местом своего поселения узкую косу из галечника». Эта фраза прекрасно описывала наше настроение на тот момент.

Но хуже всего оказалось то, что это место было для местных жителей чем-то вроде вокзала под открытым небом. На другой стороне пролива Сенявина расположено чукотское село Янракыннот, из которого местные жители добираются до Провидения через Румилет – сначала на лодке, а потом по грунтовке на машине. Так как в Румилете мобильник не ловит, а чукчи не отличаются пунктуальностью, то стыковки между лодкой и машиной нередко длятся несколько часов, и непосредственные аборигены частенько заглядывали к нам в гости, особенно если снаружи лил дождь или дул сильный ветер. Первое время это было даже интересно, но очень быстро такие посещения превратились в тягостную рутину.

Через день после заброски мы собрали лодку и отправились на поиски горбачей. Пройдя весь Румилет, внимательно глядя по сторонам, мы не встретили ни одного. Место скопления, где год назад вода бурлила от китов, тоже выглядело пустым. Мы растерянно поехали взад-вперед и через полчаса наконец наткнулись на пару, потом нашли еще нескольких, но все это выглядело довольно жалко по сравнению с прошлогодним изобилием.

К счастью, на следующий день сотрудники нацпарка сообщили нам, что видели большое скопление китов в бухте Пенкегней. Эта бухта – длинный, узкий и очень красивый фьорд в северной части пролива Сенявина; в прошлом году мы пару раз заходили туда, но горбачей там было мало. На этот раз мы увидели китов возле самого входа в Пенкегней, их действительно оказалось порядочно, и мы воспряли духом. Мы стали ездить туда каждый день, заходя все глубже и находя все новых и новых китов.

Почему горбачи так резко сменили место своей дислокации? В прошлом году они кормились, судя по всему, какой-то мелкой рыбкой: над скоплением постоянно вились чайки, а Оля то и дело находила на фотографиях у них в клювах рыбу, больше всего похожую на сайку – полярную тресочку. В этом году в Пенкегнее чаек над китами было меньше, да и вели себя горбачи несколько иначе: часто мы замечали, что днем они отдыхают, вяло плавая туда-сюда или лежа на поверхности, а активно кормиться начинают ближе к вечеру. Однажды, наблюдая за кормящимися китами, мы увидели странную рябь на воде перед носом лодки и, присмотревшись, поняли, что это какие-то мелкие морские беспозвоночные. Мы схватились за сачок и выловили несколько эвфаузиид – креветкоподобных рачков, излюбленный корм многих видов усатых китов. Стало понятно, почему киты чаще

кормятся вечером: эвфаузииды, как и многие другие планктонные организмы, совершают ежедневные вертикальные миграции – днем опускаются глубже, а ночью поднимаются к поверхности. Конечно, чем нырять за ними до дна, проще дожидаться, когда они сами поднимутся. Впоследствии анализ стабильных изотопов подтвердил наши предположения: уровень изотопа азота N был выше в пробах китов, взятых в 2017 году, по сравнению с 2018-м. Это говорит о том, что в первый год нашей работы горбачи кормились добычей, имеющей более высокий трофический уровень по сравнению с эвфаузиидами – например, рыбой.

Как-то в середине августа мы забрались в центральную часть Пенкегнея и работали там с горбачами. Этот день обещал быть таким же, как множество дней до него. Сняв очередную пару китов, мы осмотрелись, увидели неподалеку фонтан и поехали к нему. Вдруг еще ближе к нам вынырнул другой кит. У него была какая-то странная спина... Гладкая, без плавника... Гренландец?! Но они сейчас должны быть далеко на севере, за Беринговым проливом. Мы осторожно приблизились, и кит вышел снова, на этот раз уже не оставляя сомнений: японский гладкий! Это было невероятно – японских гладких китов никто и никогда не наблюдал в таких высоких широтах. Даже во времена китобойного промысла, когда численность этого вида измерялась десятками тысяч, а не несколькими сотнями, самые северные точки встреч доходили только до Анадырского залива, а в последние лет пятьдесят в российских водах их не встречали севернее Командорских островов. Будто бы чтобы развеять наши сомнения, кит продемонстрировал нам свой профиль, позволив снять голову, заросшую кожными бородавками-каллоцитами, которые встречаются только у гладких китов и не позволяют перепутать их ни с какими другими видами.

Кит бодро кормился в скоплении горбачей и, кажется, пытался к ним присоединиться, но не встречал понимания. В какой-то момент он даже вынырнул между двумя совместно кормящимися горбачами, но они лишь разошлись, оскорбленно пыхтя, и снова сошлись, оставив вторженца в одиночестве. Так он и кормился один на периферии горбачиных скоплений. Гладкий оставался в Пенкегнее почти неделю, мы встречали его изо дня в день, но потом он все-таки ушел на поиски лучших мест.

В тот год произошло еще одно интересное событие – на косу в проливе между Аракамчеченом и Иттыграном вышли моржи. До этого они не появлялись там много лет, залегая на отдаленных лежбищах Аракамчечена и на маленьком островке Нунэанган с внешней стороны Иттыгрانا. Мы к этим лежбищам не приближались, так как для местных жителей это важный источник пропитания и они очень ревниво относятся к любым вторжениям, которые могут спугнуть моржей и заставить их покинуть лежбище; за год до этого чаплинские эскимосы подали жалобу на туристов с круизника, которые слишком близко подошли к лежбищу на Нунэангане и распугали животных.

Коса в проливе между Аракамчеченом и Иттыграном лежала довольно близко от нашего ежедневного маршрута из Румилета в Пенкегней, так что мы стали регулярно делать крюк в надежде встретить там косаток. Мы останавливались в паре километров от лежбища, слушали монотонный рев животных и осматривали горизонт в бинокль в надежде, что в окулярах мелькнут наконец долгожданные черные треугольнички. Но дни шли за днями, а косатки так и не появлялись.

К сентябрю мы уже смирились с тем, что косаток в этом году не увидим, и с нетерпением ожидали окончания экспедиции, чтобы побыть наконец в одиночестве, помыться и справить нужду без стресса. В последний день перед снятием с утра мы долго всматривались в море, пытаясь понять, стоит ли идти работать или лучше посвятить этот день сборам: ветер в Румилете часто дует так, что возле кордона он кажется слабым, а к середине бухты разгоняется и поднимает волну, против которой приходится возвращаться обратно не без урона для здоровья. Пока мы размышляли, к балку по косе лихо подкатил «Урал» и из него вылезли два помятых мужика и пьяная в хлам тетка из коренных. Мы были уже знакомы – пару недель назад они привозили какое-то барахло и просили передать его в Янракыннот с ближайшей лодкой, что мы и сделали. Но в тот раз

они были трезвы и вменяемы, а сейчас общаться с ними было тяжело. Посмотрев на это безобразие и поняв, что покоя нам сегодня на кордоне не видать, мы быстренько погрузились в лодку и, плюнув на ветер, решительно поехали в Пенкегней.

В самом проливе ветер оказался не таким уж сильным, мы добрались до Пенкегней без приключений и начали уже было высматривать китов, как вдруг Ванюха воскликнул:

– Косатки!

Я, конечно, не поверила – мало ли что можно принять за плавники после месяца без косаток. У нас в экспедициях бывали случаи, когда «косаткой» оказывался грудной плавник веселящегося горбача и даже бревно с вертикальным сучком. Но Ванюха твердо стоял на своем – он только что видел группу косаток. Мы остановились, встали в лодке и начали осматриваться. Шли минуты, но никто не появлялся, и вдруг поверхность наконец разрезали черные плавники.

Мы бросились в погоню с азартом засидевшегося на диване ягдтерьера. Группа была довольно большая, семь или восемь штук, но ни одного взрослого самца с высоким плавником – только самки, подростки и детеныши, отчего их довольно сложно было разглядеть в волнах. Сами они не хотели иметь с нами ничего общего, так что в течение часа нам не удавалось подойти даже на расстояние приличного фото. Ситуация осложнялась сильной волной и ярким солнцем, бившим в объектив ровно с той стороны, куда нужно было его направить, чтобы сфотографировать косаток слева. То бешено прыгая по волнам, то высматривая плавники против солнца, мы очень устали и так ничего толком и не достигли, так что в конце концов решили просто следовать за ними и ждать более подходящего момента.

Косатки пересекли пролив Сенявина и пошли на север под берегом Аракамчечена, по-прежнему поворачиваясь левым боком против солнца. В том месте, где пролив Сенявина переходит в пролив Йергын, из берега выдается длинная коса, которую частично заливают в прилив, а в отлив на ней залегают ларги. Мы решили подъехать поближе к косе в надежде, что косатки решат там поохотиться и потеряют осторожность.

Зайдя на пару километров вперед по курсу группы, мы остановились и стали осматриваться. Косатки не появлялись. Тянулись минуты, я уже начала подозревать, что они обогнули косу и ушли в пролив, но тут метрах в трехстах впереди нас, почти рядом с косой, поверхность воды вскипела от плавников – косатки резко выныривали в разные стороны, выходя порой почти на целый корпус. Там явно шла охота. Мы метнулись к ним. Оля снимала очередями, а я разрывалась между гидрофоном и арбалетом: во время охоты косатки могли покричать, но если мы остановимся и бросим гидрофон, то потеряем мобильность и не сможем быстро следовать за ними, а нам нужны были не только звуки, но и биопсии.

В этот момент косатки начали выскакивать прямо рядом с лодкой, я выстрелила и промазала, мы подхватили стрелу, косатки все еще продолжали выходить вокруг, я выстрелила снова и на этот раз попала. Наконец-то у нас были от этой группы фотографии и проба. Я все-таки решила бросить гидрофон, хотя было件нятно, что косатки уже уходят, и действительно, никаких звуков мы от них не услышали, так что пришлось быстро сворачиваться и догонять их.

Плавники мелькали уже далеко впереди, почти на середине пролива. Там кормилась пара серых китов, и косатки приближались к ним. Вдруг на поверхности воды появились два каких-то больших трапециевидных предмета. Мы не сразу сообразили, что это грудные плавники серых китов. Похоже, почувствовав приближение хищников, киты приняли максимально безопасную позу – спиной вниз, повернув уязвимое брюхо к поверхности, откуда их невозможно было атаковать. Косатки, впрочем, китами не заинтересовались и на полной скорости проскочили мимо. Мы шли за ними поодаль, чтобы не беспокоить их, но и не

терять из виду. Минут через десять они замедлились и пошли вдоль пролива в сторону открытого моря, надолго занырявая и как следует отдышавшись после заныров.

Мы заехали на несколько километров вперед и остановились, чтобы дожидаться их, а тем временем достали ланч-бокс и термос. Пока мы ели и пили, косатки не появлялись, и мы начали уже беспокоиться, что потеряли их, как вдруг под берегом показался плавник самца, заныряющий в обратную сторону. Новая группа! Мы завели мотор и начали медленно подбираться к самцу. Вдруг, в лучших традициях плотоядных косаток, плавники прорезали воду прямо под бортом, но мы были к этому готовы – я сидела на носу с арбалетом наизготовку и с первого раза попала в «другого», сопровождавшего самца. Мы выбрали стрелу с пробой и поехали снимать новую группу.

Их оказалось четверо – два взрослых самца и два «других». Если среди предыдущей группы я успела разглядеть нескольких самок, знакомых по предыдущему году, то этих мы раньше не встречали. Поначалу они шли разрозненно, но потом собрались в тесную группу, которая двигалась в направлении моржового лежбища. Мы воодушевились: неужели наконец-то удастся понаблюдать охоту косаток на моржей? Заехав ближе к лежбищу, мы остановились и бросили в воду гидрофон. В наушниках раздались звуки моржей, похожие на далекие выстрелы, – они шли парами или короткими сериями, время от времени к ним присоединялись гулкие звуки, отдаленно напоминающие колокольный звон. Вдруг моржовый хор прорезал скрипучий крик косатки, потом еще один и еще. Наконец-то! Оля достала видеокамеру и приготовилась снимать охоту. Но нет – косатки сегодня были не в настроении давать спектакль, они прошли мимо лежбища, даже не притормозив, крикнули еще пару раз и окончательно замолкли.

Мы поехали за ними, но они уже выходили из пролива Йергын в пролив Сенявина. Там, на просторах, не прикрытых широким боком Иттыграна, разгулялась сильная волна, и мы поняли, что пора бросать косаток и возвращаться домой. Это оказалось не так-то просто: в тот вечер волна была какой-то особенно подлой, она била беспорядочно со всех сторон, а когда мы уже в сумерках с трудом доползли до Румилета, выяснилось, что там дует изрядный встречный ветер. Больше часа мы крались под берегом, где волна была чуть пониже, и добрались наконец до кордона в полной темноте. Пьяной тетки и ее спутников на «Урале» уже не было, так что мы не смогли даже поблагодарить их за то, что из-за них нам пришлось пойти в море, – ведь иначе мы остались бы на берегу и так и не встретили бы в этом сезоне косаток.

Дом для туристов в Гильмымыле был достроен, и на следующий год мы смогли вернуться на любимый кордон. На этот раз все было прекрасно: и тундра, и источники, и евражки, не хватало только одного – китов. Приехав в первый раз в Пенкегней на место прошлогоднего скопления, мы застали там лишь шестерых горбачей. Пустовало и место кормежки двухлетней давности. В поисках нового скопления мы обшаривали акваторию, обошли Иттыгран, найдя множество серых китов, и собрались было даже обойти Аракамчечен, но снаружи нас встретила сильная волна, и мы повернули обратно. Изо дня в день мы фотографировали в Пенкегнее одних и тех же горбачей, изредка к ним добавлялись один-два новых, но в целом за тот сезон мы идентифицировали всего 16 животных, тогда как в предыдущие два года встречали за сезон почти сотню разных китов.

Не было и косаток – лишь один раз я увидела с берега в бинокль одинокого самца посреди пролива, но, пока мы собрались и доехали до того места, он уже ушел в неизвестном направлении, и найти его мы не смогли. Появились и другие тревожные знаки: берега бухт были усеяны выброшенными волнами трупиками морских птиц, да и в море мы чаще обычного встречали маленькие пернатые тела, безжизненно болтающиеся на поверхности. Кайры – одни из самых успешных морских птиц – стали попадаться в лагунах, куда раньше никогда не заходили: похоже, в море стало совсем нечего есть, и они пытались кормиться скатывающимися из рек мальками лосося.

Горбачи вели себя так же, как и в прошлом году, – днем в основном отдыхали, а вечером начинали активно кормиться. Судя по всему, их основной добычей оставались эвфаузииды. Почему китов стало так мало – этого мы понять не могли. Некоторые горбачи приходили, держались в бухте день-другой и пропадали, но несколько животных пробыли там весь месяц, от первого до последнего дня нашей работы.

Уже в сентябре, незадолго до снятия, по пути от кордона в Пенкегней мы заметили в центре пролива большое птичье пятно – моевки и чайки вились на одном месте и камнем падали в воду, распихивая друг друга с истошными криками. Мы подъехали ближе, я сделала несколько кадров и приблизила картинку, чтобы рассмотреть, чем же они там кормятся. В клювах нескольких моевок отчетливо виднелись длинные и извилистые, как змейки, серебристые рыбки. Песчанка! Эта мелкая рыбка нередко служит массовым кормом для китов и морских птиц. Еще на Карагинском мы наблюдали, как горбачи кормятся стайками песчанки, переходя от одного истошно орущего птичьего пятна к другому и, вероятно, ориентируясь на крики птиц. Здесь горбачей пока видно не было, зато поблизости выныривал малый полосатик, явно не оставшийся равнодушным к птичьей трапезе. Мы порадовались за птиц, которые наконец-то могли наестся, и двинулись дальше в Пенкегней. Фонтанов нигде не было видно. Мы проехали вглубь бухты и заметили еще одно птичье пятно под берегом. Оно было красиво подсвечено солнцем на фоне темного склона сопки, и я попросила Ванюху подъехать поближе, чтобы поснимать. Мы приблизились, я застрекотала фотоаппаратом, и вдруг – ффух! – прямо в центре пятна вынырнул огромный горбач. Кит оказался из старожилов – он держался в Пенкегнее с самого первого дня нашей работы и вот наконец дождался, когда скучных эвфаузиид разбавят веселой хрустящей песчанкой.

Мы уезжали из пролива Сенявина со смешанными чувствами. С одной стороны, нам было радостно, что подошла песчанка, обеспечив достойную кормежку китам и птицам, но с другой – не оставляло беспокойство о будущем этих животных. В чем причина таких тревожных изменений, что происходит с экосистемой и к чему приведут эти тенденции в ближайшие годы? На эти вопросы нам только предстоит ответить.

Китовая тюрьма, или Туда и обратно

Как был построен Азкабан и почему он до сих пор существует, понять очень просто, мистер Поттер. Людей волнует лишь то, что может принести им самим страдания либо выгоду, и, пока они не ожидают никаких последствий для себя, их жестокость и беспечность не знают границ. И все наши волшебники в этом смысле ничем не отличаются от того, кто искал власти над ними, – от Сами-Знаете-Кого. Им лишь недостает его силы и его... искренности.

Маленькая косатка лежит бревном на поверхности воды, уткнувшись носом в сетку, ограничивающую тесный – 30 на 10 метров – вольер. По его краям вода покрыта ледяной шугой, кусочки шуги тают на спине косатки. Снаружи минус 15, здесь, в крытом вольере, чуть теплее. По крайней мере, не приходится вылавливать льдины сачком, как в расположенных снаружи вольерах с белушатами. Впрочем, белухам лед привычен, они нередко зимуют в полыньях. А вот косатки обычно избегают льда и зимой откочевывают из тех районов, где он образуется.

Маленькая косатка по имени Кирилл не может никуда откочевать. Вместе с двумя сородичами – более старшим Витасом и совсем мелкой Александрой – он сидит в сетном вольере в бухте Средней недалеко от города Находки в Приморье. Кирилла поймали в Охотском море, чтобы продать в Китай, как это происходило с его предшественниками в предыдущие годы. Но в 2018 году что-то пошло не так. После неоднократных обращений Софьи Беляевой прокуратура внезапно заметила, что компании, которые ловят косаток для «культурно-просветительских целей», на самом деле конвейером отправляют их в китайские океанариумы, зарабатывая на этом огромные деньги.

Обоснование общедопустимых уловов на 2018 год сначала завершила государственная экологическая экспертиза, но не тут-то было: ближе к весне Росрыболовство объявило так называемую «корректировку» ОДУ, а состав экологической экспертизы полностью сменили, возложив ее проведение вместо московского Росприроднадзора на дальневосточный. Вероятно, это было сделано в надежде, что общественность ничего не заметит, а наши протесты можно будет, как обычно, проигнорировать. Но ситуация изменилась: мы больше не были кучкой фриков, взывавших в пустоту и бессильно бившихся головами о непробиваемые стены чиновничьего равнодушия. После публикаций в прессе, шумихи вокруг незаконных махинаций ТИНРО, выхода в свет фильма об отловах белух «Рожденные свободными» в России наконец-то начала подниматься волна общественного протеста против отлова морских млекопитающих. Не хватало лишь того, кто возглавил бы ее и направил в нужное русло. И такой человек нашелся.

Дмитрий Лисицын подключился к проблеме отловов еще зимой 2017 года, когда мы пытались предотвратить незаконную «корректировку» ОДУ и пользовались его опытом противостояния с чиновниками в различных экологических делах. Лисицын уже больше 20 лет руководит общественной организацией «Экологическая вахта Сахалина», и на его счету немало природоохранных побед над золотодобытчиками, нефтяниками, браконьерами и прочими вредителями. Из года в год Дмитрий и его юрист и супруга Наталия регистрировали нарушения, писали обращения, судились, отстаивая шаг за шагом природу своего острова. Весной 2018 года Лисицыны плотно включились в работу – и именно опыт и лидерские способности Дмитрия и юридическое мастерство Наталии позволили повернуть эту историю в новое русло.

Общественные слушания по «корректировке» ОДУ на косатку были назначены во Владивостоке на 3 мая. Обычно эти слушания были чисто формальной процедурой, но в этот раз случилось по-другому. Еще в апреле мы попросили нашего коллегу из Владивостока Сергея Рязанова, сотрудника Тихоокеанского океанологического института, ознакомиться с материалами обоснования в библиотеке ТИНРО. Фотографировать материалы библиотекарь запретил (что, кстати, было совершенно незаконно), но Сергей сумел законспектировать основные тезисы. Я подготовила на них возражения и отправила Сергею, а также Лисицыну, который разослал их

нескольким активистам.

Наверное, впервые в своей истории ТИНРО столкнулся с таким вниманием к общественным слушаниям. 30 апреля в Южно-Сахалинске инициативная группа «Друзья океана» провела пикет против отлова морских млекопитающих. Рассматривая фотографии этого события в Фейсбуке, я вспомнила главу из книги Эриха Хойта, где описывалось начало конца эры отловов косаток в Британской Колумбии. Там тоже все начиналось с общественных протестов, а закончилось полным и окончательным мораторием на отловы. Совсем недавно я была уверена, что России до такого уровня общественной сознательности двигаться еще много лет, и вот внезапно люди протестуют, да еще и не в Москве, а на Дальнем Востоке, причем не против ущемления каких-то своих прав, а против отлова морских млекопитающих! Это казалось чудом и в каком-то смысле действительно было им.

Несмотря на праздники, 3 мая на общественные слушания в ТИНРО собралось гораздо больше народу, чем ожидали организаторы. Позорное и безграмотное обоснование ОДУ разнесли в пух и прах и академические ученые в лице Сергея Рязанова, и представители общественности в лице Лоры Белоиван и примкнувших к ней жителей Владивостока. Уже тогда отловщикам стоило бы насторожиться, почуяв перемену ветра. Но нет, они по-прежнему были уверены в своей неуязвимости – и обоснование корректировки отправилось на государственную экологическую экспертизу без «неудобных» материалов общественных слушаний.

В это время Лисицын предложил мне написать «аргументированные предложения» для экологической экспертизы, подробно изложив все наши аргументы против отлова. Время шло к полевому сезону, все мысли были заняты подготовкой к экспедиции, поэтому руки у меня до этого дошли далеко не сразу, и я отослала документ в Росприроднадзор только в начале июня. Вскоре мне пришел ответ, в котором сообщалось, что экспертиза давно (и очень поспешно – всего за шесть дней!) завершена, письмо наше пришло слишком поздно и поэтому принять его во внимание эксперты не могут.

Примечательно, что ответ этот был подписан Андреем Леонидовичем Стрельниковым, с которым мы познакомились еще в 2010 году на Командорах, где он ненадолго сменил Николая Павлова на посту директора. Через пару лет Стрельникова убрали с этой должности, поставив на нее более удобную министерству кандидатуру, и Андрей Леонидович устроился работать в Росприроднадзор по Дальневосточному округу, на который весной 2018 года как раз возложили организацию экологической экспертизы по косатке.

В конце июля «Экологическая вахта Сахалина» и сахалинский клуб «Бумеранг», а также представитель инициативной группы «Друзья океана» Юлия Малыгина подали иск в суд, чтобы оспорить положительное заключение этой экспертизы. Судебный процесс длился почти полгода, и 7 декабря суд наконец признал, что экспертиза была проведена с серьезными нарушениями: материалы были посланы на экспертизу раньше установленного срока и экспертам не предоставили полный пакет документов, в том числе не хватало материалов общественных слушаний во Владивостоке. Но особенно примечательными оказались сами личности экспертов и их заключения. Среди них не было ни одного специалиста не то что по китообразным – вообще по млекопитающим, зато были знатоки клещей, пауков и искусственного разведения лососей и осетров. Заключение изобиловало опечатками, по которым было понятно, что написавший их человек пользовался преимущественно методом «копировать-вставить», но даже им владел не очень уверенно. В них встречались такие перлы: «Наибольшая концентрация косатки в Охотском море в летне-осенний период наблюдается максимальная концентрация нагула. Указывается, что материалы работ в 2015–2017 г. находятся в ценивается в 3130 особей», а также более грамматически складное, но абсурдное по смыслу: «Вылов рекомендуемых объемов должен осуществляться на акваториях, включающих в себя особо охраняемые природные территории (заповедники, заказники, памятники природы) и их охранные зоны, согласно требования действующего законодательства Российской Федерации и ведомственных подзаконных актов».

В конце июля группа волонтеров из «Друзей океана» под руководством Вячеслава Козлова отправилась в Сахалинский залив в район отлова, чтобы понаблюдать за процессом. Уже много лет до нас не доходили никакие слухи о гибнувших при отловах косатках – после утечки информации в первые пару лет ловцы так запугали членов бригад, что выяснить что-то определенное стало невозможно. Независимые инспекторы на отловах по-прежнему не присутствовали. «Друзья океана» хотели провести общественный контроль, т. е. просто посмотреть, как проходят отловы на самом деле. Я предупреждала их, что это может быть опасным мероприятием, но ребята то ли не поверили, то ли оказались достаточно смелыми, чтобы пренебречь возможной опасностью.

В первый же день экспедиции активисты подошли к базе отловщиков и запустили квадрокоптер. Отловщики выстрелили по коптеру и стали угрожать, что все дроны будут сбивать. В окрестностях базы ребята обнаружили судно с емкостями для перевозки белух и косаток, а также передвижную базу – плашкоут с катамаранами и лодками.

Пронаблюдать сам процесс отлова долго не получалось. Наконец в один из дней в середине августа волонтеры заметили группу косаток, движущуюся в сторону плашкоута. Ловцы не подозревали о присутствии наблюдателей, и ребята на лодке вышли в открытую только тогда, когда косатки уже подходили к сетям. Захваченные врасплох отловщики попытались увести наблюдателей от плашкоута: несколько катамаранов и катеров двинулось на север, в сторону лагеря волонтеров. Ребята последовали за ними, но потом заподозрили, что это отвлекающий маневр, и решили вернуться к месту отлова. Там ничего не происходило – в море косаток не наблюдалось, и контейнеры на судне были пусты.

Возвращаясь в лагерь, волонтеры заметили, как от берега отходят катамараны ловцов. В лагере ребят ждал полный разгром: все вещи разбросаны, выпотрошено буквально все – от аптечки до личных вещей, топливо из канистр слито на берег, украден спутниковый терминал и профессиональный видеоштатив. Через некоторое время к лагерю подошла лодка отловщиков. Люди в лодке требовали не снимать их: «Порежу тебе лодку, ***** [разобью] тебе мотор, домой пешком пойдешь, убери камеру». Истощив запас угроз, ловцы предложили договориться «по-хорошему»: поделить топливо при условии, что волонтеры покинут бухту. На претензии о краже они высказали предположение о том, что это похозяиничал медведь. Они, правда, затруднились объяснить, каким образом медведь открутил крышки канистр и зачем ему понадобился спутниковый терминал.

Нейтрализовав волонтеров, которым в итоге пришлось свернуть экспедицию, отловщики продолжили свое дело. По непроверенным слухам, к середине сентября на базе передержки в бухте Средней находилось уже 15 косаток и более 70 белух. Позже в ходе следствия выяснилось, что по документам было отловлено 12 косаток, но одна из них, по словам ловцов, оказалась агрессивной и была выпущена. Проверить это было невозможно, но и до, и после этого случая погибших животных так часто выдавали за отпущенных и сбежавших, что со временем это стало эвфемизмом констатации гибели.

В конце октября природоохранная прокуратура и Следственный комитет начали проявлять интерес к проблеме косаток и белух в Средней и законности их отлова. Связано это было прежде всего с попытками получить разрешения на их вывоз в Китай, так как еще летом Генпрокуратура завела уголовное дело против компаний, которые ловили косаток в «культурно-просветительских целях», а потом продавали их за рубеж. Эта практика продолжалась много лет – из-за расплывчатости формулировок в законе было довольно трудно доказать, что такая схема нелегальна. Весной 2018 года Минсельхоз выпустил приказ, в котором очевидным образом было прописано, что пойманные в «культурно-просветительских целях» китобразные должны использоваться в этих целях именно той организацией, которая их поймала. Компании-ловцы быстренько подготовили план культурно-просветительской деятельности, приложили его к пакету документов на получение квот, и все прошло как по маслу – во всяком случае, ровно до того момента, как они попытались оформить разрешения на вывоз животных за рубеж.

Кроме того, в начале октября неожиданно выяснилось, что еще весной плотоядную косатку включили в новую редакцию Красной книги Камчатки. Это стало результатом долгой и кропотливой подрывной деятельности, которую вела на Камчатке наша коллега Татьяна Шулежко. Пока мы пытались бороться с ВНИРО в Москве, она на местных камчатских конференциях точно так же дискутировала с КамчатНИРО, не признававшим разделение косаток на экотипы. Эти дискуссии имели неожиданный эффект – так как аргументы Татьяны звучали намного более убедительно, чем контраргументы, то ей удалось включить плотоядную косатку в список кандидатов в местную Красную книгу. Список висел в открытом доступе несколько месяцев, но никто из КамчатНИРО даже не догадался в него заглянуть и опротестовать, так что в итоге он был принят. Когда информация наконец выплыла и разъяренная директор КамчатНИРО позвонила шефу Татьяны – директору Камчатского филиала Тихоокеанского института географии, тот лишь развел руками и ответил фразой, по смыслу дублирующей известную цитату из «Автостопом по галактике»: «Маршрут был выставлен для всеобщего ознакомления в местном бюро планирования и висел там девять месяцев».

Отловщики об этом, конечно, не знали, иначе не стали бы отчитываться об отлове двух косаток на Западной Камчатке. На деле, как впоследствии выяснилось следствие, все косатки были пойманы в Сахалинском заливе, где у ловцов была база. Но ОДУ изначально были разбиты на разные районы Охотского моря, поэтому пришлось пойти на подлог и записать в документах, что косатки пойманы на Камчатке, – и тут-то выяснилось, что к тому моменту они уже считались там краснокнижным видом.

В начале ноября внимание на базу в Средней наконец-то обратили журналисты. Началось все с того, что местная зоозащитница Нина Зырянова попыталась сделать снимки базы, а на нее напали охранники, хотя она находилась за пределами территории и ничего не нарушала. По следам этого события «Эковахта Сахалина» выпустила пресс-релиз, где базу в Средней впервые назвали «китовой тюрьмой». Пресс-релиз широко разошелся в СМИ, и с этого момента выражение «китовая тюрьма» прочно вошло в оборот. Несколько дней спустя оператор «Вести: Приморье» снял базу сверху на коптер, и в видеосюжете зрители увидели десятки белух, напиханных в плавучие вольеры, как селедки в банки. Косаток видно не было – их вольеры скрывали «парники» из полупрозрачных листов поликарбоната, но в сети также появились фотографии косаток, сделанные с соседнего мыса сквозь проем в «парнике».

Примерно в это же время к освещению проблемы подключилось российское отделение Гринпис. Все годы, пока шел безнаказанный отлов и экспорт косаток и борьба против них казалась бесперспективной, Гринпис был занят более важными и нужными делами, но, как только сахалинцы раскрутили эту историю, подали в суд и добились общественного резонанса, у Гринписа сразу же нашлось время и желание принять в ней участие. Что характерно, освещая этот процесс на своем сайте, Гринпис ни разу не упомянул «Эковахту», даже когда писал о победах в судах, выигранных этой организацией. Сообщения об успехах кампании против «китовой тюрьмы» начинались гордой фразой «Мы победили», без уточнений, что «мы» в данном случае – это не только и не столько Гринпис, сколько целая коалиция активистов.

10 ноября природоохранная прокуратура и Следственный комитет организовали на базе в Средней проверку с участием приглашенных экспертов – Сергея Рязанова и Лоры Белоиван. Было установлено, что в бухте содержатся 11 косаток и 90 белух, причем часть белух – вероятно, сеголетки (т. е. детеныши, родившиеся в этом году). По закону ловить китообразных в возрасте меньше одного года запрещено, что давало прокуратуре дополнительный рычаг в деле против компаний-отловщиков. Кроме того, на следующий день после проверки Лора опубликовала в «Новой газете» длинную эмоциональную статью, которая вызвала горячий отклик у любителей животных, следивших за развитием этой истории.

16 ноября на сайте приморского Следственного комитета появилась новость о возбуждении уголовного дела по факту незаконного вылова водных биологических

ресурсов (под этим термином у чиновников проходят косатки и белухи). Тогда же Следственный комитет обратился в Совет по морским млекопитающим с просьбой прислать экспертов, которые смогут определить возраст содержащихся в Средней косаток и белух. Я тогда поехать не смогла, и в качестве эксперта по косаткам во Владивосток полетела Таня Ивкович, а по белухам – ветеринар Ольга Русскова из Санкт-Петербургского дельфинария. Во Владивостоке их встретил и сопровождал в Среднюю Сергей Рязанов. Они провели на базе несколько часов, наблюдая за животными и пытаясь определить их размеры. Когда косатка свободно плавает по вольтеру, сделать это довольно трудно, так как над водой показывается лишь часть спины, а другие части тела либо не видны совсем, либо сильно искажаются из-за преломления света на поверхности. Таня и Сергей измерили расстояние между стойками ограждения и даже разметили в одном месте импровизированную линейку на мостках, на фоне которой удалось сфотографировать самую маленькую из косаток, – ловцы сообщили, что ее зовут Александра. Судя по этим фото, длина Александры составляла около трех метров. Такой длины обычно достигают детеныши в возрасте около года, но точнее сказать мы не могли – как и человеческие дети, маленькие косатки могут быть чуть крупнее или мельче в одном и том же возрасте.

Еще одной задачей этой поездки было собрать пробы кожи, чтобы с помощью генетического анализа определить, к какой популяции относятся косатки – к рыбоядной или к плотоядной. Это было важно прежде всего потому, что плотоядные косатки с весны были включены в камчатскую Красную книгу, и, если бы удалось доказать принадлежность к плотоядной популяции тех косаток, которые по документам были отловлены в водах Западной Камчатки, это стало бы серьезной уликой против отловщиков.

Получить пробы оказалось не так просто. В принципе для этого достаточно потереть косатку губкой для мытья посуды и затем собрать в маленькую пробирку оставшиеся на губке кусочки кожи. Но недавно пойманные, едва начавшие приручаться косатки не очень-то стремились подходить к незнакомым людям, нависавшим над ними с губками. Они нервно плавали взад-вперед по вольтеру, время от времени высываясь из воды, чтобы оценить ситуацию. С одной стороны, это было хорошо – значит, животные еще достаточно дикие и у них хорошие шансы на возвращение в природу. С другой, пробы были нужны. В итоге получить их все-таки удалось – помог, пусть и с неохотой, один из тренеров.

Казалось, поездка завершилась успехом, и Следственный комитет вот-вот должен будет конфисковать животных у незаконных владельцев. Но дальше начались странности. Сначала сопровождавшая экспертов следователь, юная гламурная девочка, по требованию отловщиков собрала с экспертов подписку о неразглашении всего, что они видели в «китовой тюрьме». Отловщики аргументировали свое требование тем, что после прошлого визита Лора Белоиван на следующий же день разразилась компрометирующей их статьей в «Новой газете», и они не хотели повторения. Также следователь забрала с собой все пробы, пообещав вскоре переслать их в Москву по официальным каналам. Затем в следствии возникла какая-то заминка, его начали передавать из одной инстанции в другую, и в итоге все постепенно заглохло, а пробы сгинули где-то в глубине склада вещдоков.

Тем не менее на тот момент уже стало понятно, что быстро вывезти животных в Китай не получится, и люди стали задумываться об их дальнейшей судьбе. В Совет по морским млекопитающим посыпались запросы о том, что делать с косатками и белухами: можно ли их выпустить, выживут ли они на свободе? Уверенно ответить на этот вопрос мы не могли, в том числе потому, что оценка возраста животных так и оставалась засекреченной из-за подписки о неразглашении, которую дали наши коллеги.

Главная проблема была в том, что в районе, где ловили косаток и белух, уже началось образование льдов, и их дикие сородичи, скорее всего, успели откочевать оттуда к местам зимовок. Где находятся эти места, мы знали лишь приблизительно – по данным спутникового мечения, белухи зимуют в

пелагической части Охотского моря среди плавучих льдов, а косатки, судя по зимним встречам, могут откочевывать к Курилам, где льдов нет. Везти туда животных из Приморья зимой было делом очень рискованным: даже если удастся найти подходящее судно, зимой в Охотском море постоянные шторма, во время качки животные будут биться о стенки контейнеров и могут получить серьезные повреждения. Кроме того, полностью погрузиться под воду в контейнере косатки не могут, что при минусовых температурах чревато серьезными обморожениями. В итоге после долгих дискуссий среди специалистов Совета мы опубликовали заявление, в котором предлагали выпустить косаток прямо в Средней в надежде, что они смогут самостоятельно добраться до районов зимовки. На тот момент это казалось меньшим из зол: везти их неизвестно куда по штормовому морю или оставлять на зимовку в вольерах было еще опаснее.

Правда, у этого плана был один серьезный недостаток, который мы по неопытности недооценили: он оказался слишком скучным. Скопившимся вокруг этой истории диванным экспертам нужно было что-то масштабное, что можно обсуждать, обсасывать в деталях, цитировать и авторитетно критиковать, а краткое заявление Совета, предлагавшее выпуск в месте содержания, плохо подходило для этих задач.

Вообще в ту зиму в России неожиданно появилась масса экспертов по косаткам. Помимо ученых из смежных областей, имеющих довольно опосредованное отношение к китообразным, экспертами оказывались туристические гиды, фридайверы, фотографы, сотрудники природоохранных организаций, а зачастую и просто просвещенные обыватели. Но особо яркой звездой в этой плеяде сиял Владимир Латка. По образованию он охотовед и не имеет никакого серьезного опыта научной работы с китообразными, но это не помешало Латке объявить себя известным ученым и с жаром вещать с воображаемой кафедры в соцсетях, на которую он сам себя воздвиг. Еще долго после этой истории случайные посетители наших страниц ставили нам Латку в пример как настоящего профессионала.

У Латки есть два преимущества, благодаря которым журналисты и официальные лица поначалу часто воспринимают его всерьез: он мужчина и у него борода. Будь он хрупкой трепетной девушкой, его с такими заявлениями все посылали бы с порога, но, видя перед собой представительного бородатого мужчину, называющего себя ученым, многие теряются. Чтобы понять, какую чушь несет Владимир, нужно самому иметь определенный уровень критичности восприятия, поэтому в разгар истории с «китовой тюрьмой» многие издания опубликовали интервью с Латкой, излагающим свои бредовые идеи.

Впервые мы познакомились с Владимиром еще в 2014 году на конференции «Морские млекопитающие Голарктики» в Санкт-Петербурге, где он фактически сорвал проведение круглого стола по содержанию морских млекопитающих в неволе. По задумке организаторов, на этом круглом столе представители разных дельфинариев должны были выработать какую-то общую концепцию правил содержания и обсудить, каким образом она будет претворяться в жизнь. Вместо этого к микрофону докладчика каким-то образом прорвался Латка и заполнил эфир своими досужими рассуждениями об этичности содержания морских млекопитающих в неволе. После такого начала дельфинарщики, которых и так с большим трудом удалось заманить на это мероприятие, отказались от какой бы то ни было дискуссии, и простимулировать их на общее обсуждение правил содержания так и не удалось.

Также Латка был известен тем, что путем телепатического воздействия пытался предупредить об опасности дельфинов, приближавшихся к бухте Тайцзи в Японии, где местные рыбаки убивают их на мясо или ловят для дельфинариев. Все свои успехи и неудачи на этом поприще он тщательно описывал на странице в Фейсбуке: «Сегодня ночью с 1:00 до 2:00 московского времени (это соответствует 7:00–8:00 времени Токио) я передавал им свои мысли – советы, как лучше избежать захвата и пленения. Для того чтобы облегчить для дельфинов восприятие моих мыслей, я постарался представлять образно все предлагаемые мною действия. Надеюсь, информация (техническая) о способностях убийц, которую я передавал

дельфинам, будет для них полезна».

Если бы я верила в такие вещи, я бы скорее попыталась натравить на ловцов пчелиный рой или запустить муравьев им в лодочные моторы – все-таки силой мысли управлять насекомыми должно быть намного проще, чем такими сложными существами, как дельфины. Но Владимиру подобная идея в голову почему-то не пришла, и он упорно продолжал свои бессмысленные, хотя и трогательные с точки зрения его таргетгруппы попытки воздействия на японских дельфинов.

Примерно в том же ключе Латка действовал и в деле с «китовой тюрьмой». Все его идеи и выступления отличались тремя характерными чертами – безграмотностью, популизмом и многословностью. Когда речь зашла о выпуске животных, Латка немедленно разразился длинным постом, описывающим его план. Вкратце, он предлагал буксировать белух и косаток в центр Охотского моря в плавучих вольерах. «Они будут плыть и щебетать от счастья», – писал всем известный специалист по выпуску и реабилитации китообразных. Собравшийся вокруг Латки в Фейсбуке фан-клуб с восторгом подхватил его идею. Правда, никто из этих людей никогда не видел зимний шторм в Охотском море, когда шквальный ветер срывает пену с десятиметровых волн.

Но выпускать косаток в любом случае никто не торопился. Уголовное дело забуксовало, и, даже несмотря на выигранный сахалинцами суд о незаконности заключения экологической экспертизы ОДУ, ни одна инстанция не решалась взять на себя ответственность и заняться изъятием животных у добывших их компаний. Глядя на нерешительных чиновников, Лисицын решил действовать сам и развил бешеную активность. Каким-то образом он умудрился договориться о выделении корабля Тихоокеанского флота для транспортировки животных и стал требовать с нас (т. е. в основном с меня) разработать детальный план выпуска. Почему-то он считал, что именно отсутствие такого плана, а вовсе не лень, безынициативность и боязнь ответственности мешают чиновникам немедленно изъять животных у незаконно добывших их компаний. Мне же тогда это казалось бессмысленной тратой времени – зачем разрабатывать план, которому все равно никто не собирается следовать? Долгие годы безуспешной борьбы с чиновниками выработали у меня своего рода выученную беспомощность, и я старалась не тратить энергию на дела, казавшиеся мне безнадежными. Кроме того, близился конец года, и все научные работники погрузились в написание отчетов, временно затмившее для нас все остальные мировые проблемы.

Однако Лисицына было не остановить. Так как природоохранная прокуратура и Следственный комитет явно пытались спустить дело на тормозах, он нашел союзников в лице погранслужбы ФСБ (которая, вообще-то, по закону как раз должна была осуществлять контроль за выловом водных биоресурсов). Они разработали новую стратегию, и пунктом первым в ней было снова привезти в Среднюю экспедиторов, чтобы определить возраст и популяционную принадлежность, поскольку от Следственного комитета так и не удалось добиться отмены подписки о неразглашении и выдачи собранных проб кожи.

На этот раз отвертеться от поездки в «китовую тюрьму» мне не удалось – ее назначили на январь, все отчеты были уже сданы, а в университете заканчивалась сессия и начинались студенческие каникулы. Мы с Таней Ивкович ехали как эксперты по косаткам, Ольга Шпак и Ольга Русскова – по белухам, также с нами отправилась микробиолог Татьяна Денисенко, а во Владивостоке к нам присоединился Сергей Рязанов.

В аэропорту Владивостока нас встретила целая толпа мужиков, из которых я знала только Сергея, Лисицына и Славу Козлова из «Бумеранга». Первым делом нас прямо с багажом препроводили в служебную часть аэропорта, в таинственную комнату в отделе погранслужбы ФСБ. Мучительно пытаясь не заснуть (в Москве была уже глубокая ночь), я слушала какой-то инструктаж от новых союзников. В числе прочего нам рекомендовали по максимуму держать нашу миссию в секрете, не писать о ней в соцсетях и не сообщать ничего жителям поселка, в котором мы остановимся. Правда, там единственными местными жителями, пожелавшими

свести с нами знакомство, оказались два больших улыбчивых пса, ненавязчиво осведомившихся, нет ли чего пожрать. Тем не менее в тот же день на местном новостном сайте появилась статья о том, что в «китовую тюрьму» едет с ревизией группа специалистов, с перечислением всех наших фамилий и мест работы. Вероятно, с собаками все-таки стоило быть поосторожнее.

С утра Лисицын сообщил нам, что в «китовой тюрьме» изо всех сил готовятся к нашему появлению – владельцы срочно наняли во Владивостоке группу девушек и везут их на автобусе в Среднюю, чтобы устроить там к нашему приезду пикет против продавшихся Западу ученых. В эту группу ухитрилась затесаться подруга приморской зоозащитницы Нины Зыряновой, и она прямо по ходу дела сообщала обо всех перемещениях автобуса и скидывала аудиозаписи инструктажа для пикетчиц. В итоге пограничники по своим каналам связались с полицией и попросили остановить и досмотреть автобус, так что к воротам «китовой тюрьмы» он прибыл позже нас, и мы пропустили все веселье.

Выезжали мы из поселка затемно, чтобы встретиться со стартовавшими из Владивостока пограничниками у поворота на Среднюю в восемь утра. К этому времени все мероприятие приобрело уже несколько драматический оттенок, как завязка в блокбастере. Под покровом тьмы мы двигались к условленному месту, а добравшись туда, обнаружили, что пограничники привезли с собой два автобуса спецназа. Было несколько непривычно оказаться с бойцами спецназа на одной стороне, но они были очень весомым аргументом в переговорах с хозяевами «китовой тюрьмы». В итоге наспустили туда почти без задержек.

Изнутри база в Средней выглядит как обычная дальневосточная промзона – унылые здания из серого кирпича, какие-то вагончики, ржавые обломки невыясненного назначения и бесконечные заборы. Вольеры с косатками и белухами окружали целых три уровня защиты. Первым была бетонная стена с мощными воротами, окружавшая всю территорию базы. Затем шел отгораживающий зону вокруг пирса забор с калиткой, над которой болталась фигурка повесившегося человека-паука. За ним были домики для сортировки рыбы, другие подсобные сооружения и ряд металлических контейнеров, в которых животных везли из Сахалинского залива. Последний пропускной пункт вел непосредственно на пирс, возле которого были пришвартованы плавучие вольеры. Высокая стена делила пирс пополам – на той стороне была территория ТИПРО-центра, где содержались пойманные и подготовленные к продаже тюлени.

Как водится, сначала минут сорок мы просто тупо толкались на месте и мерзли, ожидая, когда координаторы мероприятия договорятся о дальнейших действиях. Никто толком не понимал, кто у нас главный: вроде бы командовать всем должны были пограничники, но они постоянно кивали на Лисицына, а когда тот пытался руководить, «китовые тюремщики» его не слушались, признавая лишь авторитет фээсбэшников. Мимо нас, мрачно зыряка в нашу сторону, ходили служители, периодически отпуская какие-нибудь нелцеприятные комментарии. Среди них Слава Козлов узнал тех, кто в августе разгромил лагерь «Друзей океана» в Сахалинском заливе.

Но вот наконец все обсуждения закончились, нам дают команду заходить внутрь косаточьих «парников». Внутри чуть теплее, чем снаружи, и это приносит некоторое облегчение, так как я уже изрядно задубела, стоя на морозе, а нам предстоит провести тут весь этот и следующий день. В вольере три маленькие косатки, и Таня Ивкович представляет нам своих старых знакомых – она разобрала ноябрьские фотографии и теперь знает всех пленников в лицо. Самая младшая, с широким треугольным плавником, слегка волнистым по заднему краю, – Александра. Чуть побольше, со шрамами от зубов и облезавшей кожей на полспины, – Кирилл. Самый крупный, с круглым следом от укуса светящейся акулы на седловидном пятне, – Витас. Все трое еще совсем детеныши – Александре около года, Кириллу около двух, Витасу – между двумя и тремя. Хуже всех выглядит Кирилл – он мало плавает и постоянно висит в углу вольера, уткнувшись носом в сетку. Александра и Витас тоже часто висают рядом с ним, но ненадолго, а затем снова отправляются кружить по вольеру.

Зависание на поверхности воды – плохой признак для недавно пойманной косатки, а для обитателей «китовой тюрьмы» это нехорошо еще и потому, что увеличивает время пребывания спины и плавника на морозном воздухе. Температура в вольерах хоть и выше, чем снаружи, но ниже нуля, и на воде по краям вольера плавает ледяная каша. Кирилл явно болен – он висит на месте почти все время, а со спины у него клочьями слезает кожа – вероятнее всего, вследствие обморожения. Ольга Русскова опытным взглядом ветеринара отмечает следы инъекций и «осторожное» дыхание, характерное для дельфинов, когда у них что-то болит.

Совсем рядом расположены еще два вольера, точно такие же, как этот, – крытые поликарбонатом, придающим им сходство с гигантскими парниками, с основой из плавающих в море понтонов, к которым прикреплена сетка. До дна она не доходит, но, судя по всему, идет вниз достаточно глубоко – во всяком случае, косатки в двух других вольерах регулярно погружаются на глубину и проводят там какое-то время, то ли играя, то ли прислушиваясь к подводным звукам. Эти косатки старше и выглядят лучше.

Наша первоочередная задача – собрать пробы кожи. Местный персонал помогать не собирается, но с нами приехал тренер из Приморского океанариума Владимир Сиренко. Он спускается на пластиковый плотик, который расположен ниже уровня металлических понтонов и позволяет дотянуться до поверхности воды. Сиренко садится на колени и начинает хлопать по воде ладонью. Он раньше не имел дела с косатками и, видно, немного опасается их. Однако еще больше он опасается прилюдно дать слабину, поэтому уже через несколько минут победно поглаживает детенышей по глянцевым черным носам.

Сергей Рязанов и Татьяна Денисенко готовят оборудование для взятия проб кожи и микрофлоры: губки для посуды, ватные палочки, пинцеты и пробирки. Таня Ивкович говорит им, какой из детенышей тянет нос к Сиренко в данный момент, и параллельно снимает весь процесс на фото, чтобы исключить возможные ошибки. Я тоже снимаю с другого конца вольера и между делом опускаю в воду гидрофон, чтобы записать звуки.

Вольеры не отгорожены от моря ничем, кроме двух слоев сетки, так что косатки в принципе могли бы услышать далекие звуки открытого океана, если бы не сидящие по соседству 87 детенышей белух. За голосистость этих животных иногда называют «морскими канарейками», но, если бы канарейки издавали такие звуки, едва ли кто-то решился бы держать их у себя в квартире. Под водой стоит непрерывная какофония из белушьях бляний, кваканий, урчаний, скрипений и множества других вокализаций, вероятно имеющих названия в словаре белушачьих биоакустиков (как всегда, слыша белух, я мысленно благодарю судьбу за то, что мне не приходится заниматься их акустической коммуникацией). Иногда сквозь этот хаос пробиваются крики косаток. Они издают несколько типов звуков попеременно, самый частый – тот же, который мы периодически слышим над водой. Кажется, его издает Александра. Впоследствии мне удалось найти его среди звуков, записанных Ольгой Шпак в предыдущие годы в Шантарском регионе. Сейчас среди воплей белух он слышен то громче, то тише, но непонятно, то ли так перекликаются косатки из нашего и дальнего вольеров, то ли одна и та же косатка кричит с разной громкостью.

Пробы от Александры и даже от больного Кирилла удалось собрать довольно быстро, а вот Витас оказался проблемой. Он тоже с любопытством выставлял голову из воды, но расстояние до понтона всякий раз оказывалось чуть-чуть больше, чем нужно. В конце концов, устав от однообразных маневров, Витас вернулся к дальней стене и застыл там в позе бревна. Тут-то и удалось к нему подобраться, нацепив губку на длинную раздвижную штангу, которой едва хватило, чтобы дотянуться до его спины.

Во втором и третьем вольерах косатки были постарше и вели себя более уверенно. Тут уже возникли другие сложности – во-первых, более активные отпихивали от понтона более робких, не давая до них дотронуться, а во-вторых, различить четырех активно толкущихся на месте подростков оказалось значительно труднее,

чем трех стеснительных детенышей. В итоге пробы решили обозначать просто номерами, а принадлежность к той или иной особи пришлось восстанавливать позже по фотографиям.

Несколько часов спустя пробы были наконец собраны, время шло к обеду, и мы отправились к машине есть бутерброды и пить чай из термоса. Там мы поделились впечатлениями с Ольгой Шпак и Ольгой Руссковой, которые все это время пытались сосчитать белушат и прикинуть, сколько животных какого возраста содержится в каждом вольере. Но даже простой подсчет по головам оказался задачей неразрешимой: детеныши постоянно ныряли и выныривали, и сосчитать их не удавалось даже приблизительно. Немного посоветовавшись, они решили попробовать еще раз во время кормежки – тогда, возможно, белушата будут все вместе дружно торчать из воды и позволят наконец посчитать себя.

С косатками тоже оставалась одна важная нерешенная задача – прочитать чипы. Отловщики утверждали, что каждое животное маркировано вживленным под кожу чипом, подобным тем, которые вводят для идентификации домашним кошкам и собакам. Сам чип очень маленький, чуть больше рисового зерна, батарейки в нем нет, и информацию он передает, только возбуждаясь от электромагнитного поля чип-сканера, если поднести тот достаточно близко. В нашей команде был ветеринар из Владивостока, и, пока Сиренко брал пробы, тот размахивал сканером у него над головой, но безуспешно – по словам отловщиков, чипы находились в районе спинного плавника, а косатки высовывали из воды только головы.

Отловщики поначалу только посмеивались над нами, но после разъяснительной беседы с фээсбэшниками согласились помочь – для этого они предложили ветеринару попробовать еще раз во время кормежки. Всех остальных они просили не заходить больше в вольеры, чтобы дать животным успокоиться. В итоге мы снова бессмысленно столпились у калитки, ведущей на пирс. По какой-то причине Лисицын считал, что, пока косатки будут успокаиваться и обедать, все мы должны торчать там несколько часов на морозе, вместо того чтобы, например, спокойно поспать в машине. К счастью, во льду, покрывавшем акваторию между нами и косаточьими вольерами, была небольшая полынья, и я спустила в нее гидрофон, что несколько скрасило мне дальнейшее ожидание. Сначала было слышно только вопли белух (я содрогнулась, представив себе, что косаткам приходится слушать эту какофонию изо дня в день, днем и ночью, и нет от нее никакого спасения). Косаточьи крики лишь изредка, словно бы нехотя, прорезались сквозь этот гам. Я дала послушать подводные звуки десятку мерзнувших рядом коллег и даже, кажется, кому-то из отловщиков и собиралась уже вытаскивать гидрофон, как вдруг косатки закричали – громко, часто, одна за другой. Минуту спустя выяснилась причина этого неожиданного возбуждения – от разделочных домиков шли люди с ведрами рыбы. В радостном предвкушении косатки устроили целый концерт, что несколько (хотя и не до конца) искупило тупое торчание на холодном ветру.

В итоге считать чип удалось только у одной косатки, но по крайней мере пограничники убедились, что они у животных есть. Ветеринару нужно было вечером возвращаться во Владивосток, а нам еще предстояло на следующий день провести наблюдения, чтобы оценить состояние косаток, степень их привязанности к человеку и возможность выпуска в природу.

Между тем две Ольги-белушатницы (Шпак и Русскова) во время кормежки смогли таки посчитать белух. Их действительно оказалось 87, так что, кроме трех малышей, исчезнувших («сбежавших») в декабре, потерь больше не было. Несколько детенышей и впрямь оказались сеголетками, но все они на данный момент выглядели здоровыми и упитанными.

На следующее утро в «китовой тюрьме» нас встречают уже рутинно, без драматизма. Прибывшие с нами две машины спецназовцев оказались достаточно убедительным аргументом для зрителей «китовой тюрьмы», чтобы нам разрешили делать все, что захотим. Мы делим вольеры – Сергей Рязанов берет на себя первый, с тремя младшими детенышами, Таня Ивкович – второй, а я – третий,

дальний от пирса. Здесь сидят четыре подростка: две большие четырех-пятiletние самки Зоя и Зина, самец Тихон возрастом чуть помладше и самая маленькая самочка Гайка. Первые полчаса я просто смотрю на них, стараясь запомнить внешние признаки – форму плавников, седловидных и заглазничных пятен, облезавших пятен кожи и разводов на подбородке – так, чтобы узнавать каждую косатку в любом ракурсе, голову ли она показывает или спину. Потом начинаю отмечать особенности поведения каждого подростка. Самые активные в этой четверке – Зоя и Зина. Они постоянно в движении, носятся по вольеру, как игривые щенки. Места тут немного – пара взмахов хвостом, и ты уже у другой стенки, так что им приходится постоянно разворачиваться и лавировать между телами сородичей. Гайка – чуть более робкая, чем старшие самки, но тоже участвует в их играх. Тихон несколько менее активный, он периодически замирает у стенки вольера так же, как это постоянно делают Кирилл, Александра и Витас.

Мой гидрофон болтается под водой, просунутый между понтоном и сеткой так, чтобы оказаться снаружи вольера. Косатки, за которыми я наблюдаю, выглядят здоровыми и бодрыми, не считая нескольких пятен омертвевшей кожи на спине и плавниках. Они много времени проводят под водой, а это хороший признак, позволяющий надеяться на то, что они пока еще не слишком привыкли к человеку. Самым человекоориентированным из них кажется Тихон – когда в вольер пришел кто-то из персонала, чтобы проследить, чем я там занимаюсь, Тихон подплыл к нему и стал подставлять голову для почесывания. Девчонки при этом продолжали свои буйные игры и лишь время от времени подходили проверить, нет ли у служителя рыбки в кармане.

Прошло два часа, и пора сворачиваться. Мы с Таней и Сергеем выходим наружу, в яркий, солнечный морозный день. Нас ждет долгая бумажная волокита и потом дорога домой, а косатки останутся в тесных холодных вольерах за тысячи километров от родных мест и своих семей.

По возвращении я сразу села за описание результатов экспертизы, а моя бывшая аспирантка Катя Борисова, которая заведует у нас в проекте генетикой косаток, взялась за пробы. Пограничники просили сделать все как можно быстрее, и Катя превзошла себя, за неделю выделив ДНК, поставив ПЦР и отсеквенировав нужный нам регион. Выяснилось, что у всех косаток, кроме Тихона, один и тот же гаплотип (последовательность нуклеотидов), характерный для плотоядных косаток в разных районах, – он встречается и в Охотском море, и в Авачинском заливе, и даже на Алеутских островах. А вот у Тихона оказался редкий гаплотип, который Катя нашла раньше лишь у нескольких плотоядных косаток из западной части Охотского моря. Но в части популяционной принадлежности результат был однозначным – все 11 косаток относились к плотоядным.

После этой поездки все мы были озабочены здоровьем Кирилла, и развязка не заставила себя ждать. В феврале отловщики заявили, что Кирилл «сбежал». Они даже убеждали журналистов, что нашли в сетке дыру, которую, по их мнению, прорезали зоозащитники (кстати, на протяжении всей этой истории меня неизменно удивляло, почему ни у кого из зоозащитников не хватило пороку сделать что-то подобное на самом деле).

Тем временем на пике общественного резонанса после нашей поездки в Среднюю Гринпис объявил сбор средств на спасение косаток от замерзания, предложив своим сторонникам скинуться на покупку тепловых пушек. С самого начала было понятно, что владельцы базы даже близко не подпустят активистов с тепловыми пушками к вольерам, но кого волнуют такие подробности! В середине марта, когда в Приморье потеплело и пушки были уже не нужны, Гринпис радостно рапортовал, что необходимые средства наконец собраны, но, поскольку разрешения на установку в Средней получить так и не удалось, тепловые пушки и все остальное оборудование переданы Лоре Белоиван в реабилитационный центр «Тюлень». «Мы изначально знали, что идем на риск и нас могут просто не пустить на территорию базы. Радует одно, оборудование в любом случае будет помогать животным, которым нужна реабилитация», – писал Гринпис в своих соцсетях. На самом деле тюленям тепловые пушки ни к чему, так как рождаются они весной, когда

сильных морозов уже нет, так что из всего оборудования Лоре пригодился только генератор.

Между тем коалиция «Свободу косаткам и белухам», в которую к тому времени объединились «Эковахта Сахалина», «Бумеранг», «Друзья океана», центр «Дельфа», Софья Беляева и представитель движения «Спасем дельфинов» Оксана Федорова, искала новые пути давления на чиновников и раскрутки этой истории. Благодаря снятым в «китовой тюрьме» фотографиям и видео в ведущих западных СМИ вышли публикации по этой проблеме, после чего коалиция с помощью зарубежных коллег убедила Памелу Андерсон и Жана-Мишеля Кусто (сына знаменитого исследователя Жака-Ива Кусто, которого россияне лучше всего знают по сериалу «Подводная одиссея команды Кусто») направить письма президенту Путину. В то же время группа российских знаменитостей во главе с Иваном Затевахиным проводила аналогичную кампанию через Русское географическое общество. В результате 20 февраля президент утвердил пакет поручений по вопросам охраны и использования морских млекопитающих, вторым пунктом в котором значилось требование до 1 марта «определить дальнейшую судьбу китообразных, содержащихся в бухте Средняя Приморского края». Это стало переломным моментом, поскольку все, включая госорганы и СМИ, восприняли это как решение о выпуске.

Тем не менее никаких существенных сдвигов к установленному сроку не произошло. В середине марта к Путину публично обратилось с открытым письмом более 40 мировых знаменитостей (актеры, режиссеры, писатели, спортсмены, супермодели, звезды шоу-бизнеса, ученые, предприниматели и даже королева Иордании). Чуть позже к ним присоединился и Леонардо Ди Каприо, призвавший Россию освободить китов. Все это было частью международной кампании коалиции, в которой важнейшую роль сыграла Оксана Федорова.

Для разработки плана выпуска коалиция решила привлечь специалистов из американского Whale Sanctuary Project (проекта, пропагандирующего переселение всех содержащихся сейчас в неволе косаток в обширные морские вольеры, где они смогут дожить свою жизнь в относительном благополучии) – Джеффа и Кэти Фостер, принимавших в свое время участие в выпуске Кейко. В принципе идея была хорошая, так как в России нет других специалистов по содержанию косаток, кроме работающих на отловщиков. Но к Фостерам в качестве бесплатного приза почему-то обязательно должна была прилагаться вездесущая Ингрид Виссер, так что, памятуя о ее «подвигах» в деле освобождения косатки Морган, я постаралась максимально дистанцироваться от всей этой активности. Фостеры и Виссер разработали тот самый детальный план выпуска, которого от нас долго и безуспешно добивался Лисицын. План предполагал морскую транспортировку косаток к месту отлова в июне, когда там сойдут льды, а также мероприятия по реабилитации – постепенное отучение косаток от человека и приучение их к самостоятельной добыче пищи.

В этом месте, правда, возникла заминка, так как косатки-то плотоядные, и было не очень понятно, как именно их приучать охотиться. Самым очевидным выходом было пускать им в вольер живых тюленей, но большинству активистов этот вариант почему-то казался неприемлемым (я как-то в шутку спросила Лисицына, нельзя ли одолжить парочку тюленят из реабилитационного центра Лоры Белоиван, на что он мне посоветовал даже не заикаться на эту тему в обществе приличных людей). На прямые вопросы своих сторонников Whale Sanctuary Project сначала отмалчивался, а затем и вовсе заявил, что разделение на рыбадных и плотоядных косаток характерно только для тихоокеанского побережья США и Канады, а в России такого разделения нет. Впоследствии они, правда, отказались от этого заявления, но тема обучения плотоядных косаток охоте так и осталась нераскрытой.

Однако, несмотря на весь этот абсурд, коалиции все же удалось извлечь пользу из этой истории – через участников Whale Sanctuary Project они снова обратились к Жану-Мишелю Кусто, и он написал письмо губернатору Приморья Олегу Кожемяко с просьбой помочь вернуть косаток в природу. В ответ Кожемяко недолго думая

пригласил Кусто приехать в Приморье и самому заняться спасением косаток. Он, конечно, не предполагал, что кто-то воспримет это всерьез, – не поедет же в самом деле знаменитый француз в эту дыру ради каких-то мокрых хвостатых животных. Но губернатор недооценил значимость всей этой истории для зарубежной публики. Кусто вежливо поблагодарил его за приглашение и отправился паковать чемоданы.

Когда российские чиновники поняли, что все это всерьез и на самом деле, у них началась легкая паника, но отыгрывать назад было поздно. В итоге, чтобы не потерять лицо, Минприроды официально пригласило Кусто войти в состав экспертной рабочей группы. Подготовка и согласования заняли больше месяца, так что «команда Кусто» прилетела во Владивосток только в начале апреля. Кусто сопровождали директор Whale Sanctuary Project Чарльз Виник, Джеф и Кэти Фостер, Ингрид Виссер, оператор Гарри Рэйбин и Дэвид Гордон как переводчик. В качестве российских экспертов по китообразным с командой Кусто поехали микробиолог Татьяна Денисенко, бывший сотрудник фонда защиты животных IFAW, а ныне туристический гид Григорий Цидулко, а также фридайвер, певица и зоозащитница Татьяна Белей.

К тому времени температура в Приморье давно перевалила за ноль, лед растаял, и косатки чувствовали себя гораздо лучше, чем в январе. Исчезли пятна омертвевшей кожи, и все десять выживших выглядели относительно бодрыми. У одной, правда, обнаружили сломанный зуб, но в целом сопровождавшие Кусто специалисты заключили, что все они пригодны к выпуску и имеют хорошие шансы выжить в природе.

Российские чиновники встречали команду Кусто с распростертыми объятиями, фотографировались со знаменитостью, устраивали совместные пресс-конференции, где заявляли, что к началу мая для каждого животного будет разработан индивидуальный план выпуска, и даже подписали меморандум о взаимопонимании и совместное заявление о необходимости выпуска косаток и белух. Как только Кусто улетел, все это было немедленно забыто, и ситуация вернулась в исходное состояние – никто не решался взять на себя ответственность за изъятие и выпуск животных.

Для решения этой проблемы была создана экспертная группа, руководство которой возложили на ВНИРО – тот самый ВНИРО, который из года в год высасывал из пальца обоснования на отловы косаток и во всех обсуждениях неизменно принимал сторону отловщиков. Впрочем, к тому времени и сами отловщики, похоже, стали понимать, что вывезти косаток в Китай им не дадут и проще всего будет как можно быстрее избавиться от животных, ведь содержание их на базе обходилось очень дорого. Поэтому в середине мая члены экспертной группы заговорили о выпуске косаток прямо в Средней, в месте их текущего содержания.

На тот момент это была очень плохая идея. Мы сами предлагали это в ноябре, когда Сахалинский залив начинал покрываться льдом и дикие косатки его покидали. Но в мае, когда впереди было целое лето, самое время было выпускать животных там, где их поймали, в их родных и знакомых водах, где они знают, как найти еду, и могут встретить свои семьи. Кроме того, летом окрестности бухты Средней превращаются в курорт, пляжи забиты отдыхающими, и бодрые косаточки подростки имели все шансы столкнуться с купальщиками и водномоторниками. Это могло привести к несчастным случаям как среди животных, так и среди отдыхающих, либо голодные косатки могли начать кланчить у людей рыбу и, привыкнув получать корм таким образом, навсегда потеряли бы возможность вернуться в природу.

Мы опубликовали официальное заявление от Совета по морским млекопитающим с осуждением этого плана, а коалиция «Свободу косаткам и белухам» занялась обработкой общественности. Гринпис даже устроил акцию рядом с «китовой тюрьмой», развернув огромный плакат с протестным лозунгом на поверхности воды (вероятно, для того чтобы его было лучше видно на космических снимках). Вскоре во все инстанции посыпались письма от возмущенных граждан, и план был отменен. Судьба косаток и белух снова зависла в неопределенности. Вроде бы

чиновники и даже ВНИРО соглашались с тем, что нужно их выпускать, но никто ничего не предпринимал для того, чтобы это произошло.

Между тем Наталия Лисицына тихо и незаметно вела работу в судах. 23 мая в Южно-Сахалинском суде состоялось очередное заседание по иску общественных организаций «Эковахта Сахалина», «Бумеранг» и «Друзья океана» с требованием о выпуске косаток и белух. В перерыве директор ООО «Афалина» А. Решетов заявил журналистам:

– Любой вопрос о выпуске может ставиться только после лишения меня права собственности. О каком выпуске идет речь? Это моя собственность. Решение о выпуске я не принимал и принимать не собираюсь. Все необдуманные заявления о каком-то возможном выпуске остаются на совести тех, кто эти заявления делает.

Журналисты немедленно растиражировали заявление Решетова, оно быстро добралось до самых верхов, и в тот же день пресс-секретарь президента заявил, что «в Кремле с удивлением услышали эти слова». После этого коллеги по бизнесу оперативно привели Решетова в соответствие с действительностью, и вскоре он следом за своим боссом Александром Бронниковым рассказывал радиостанции Business FM, что ничего подобного не говорил и его хотят подставить.

На следующем заседании, 31 мая, суд признал незаконными все решения Росрыболовства о предоставлении квот на вылов косаток и белух компаниями «Афалина», «Белый кит», «Океанариум ДВ» и «Сочинский дельфинарий». В июне Фрунзенский суд Владивостока по иску Пограничного управления ФСБ постановил признать компании «Белый кит», «Океанариум ДВ» и «Сочинский дельфинарий» виновными в нарушении правил рыболовства и оштрафовать их на 28, 56 и 37 млн рублей соответственно. Адвокат ООО «Океанариум ДВ» на суде заявил о намерении выпустить четырех косаток, но затем все снова затихло.

На 20 июня была назначена прямая линия с президентом Путиным. В преддверии этого события коалиция агитировала всех своих сторонников задавать вопрос о «китовой тюрьме». Среди задавших его оказались даже Жан-Мишель Кусто и Федор Конюхов. Видимо, это сдвинуло какие-то внутренние маховики в системе, и за несколько часов до прямой линии на базе в Средней началась паническая активность: туда пригнали несколько фур и стали грузить в них белух, а затем и косаток, причем все это – в обстановке строжайшей секретности, которая обеспечивалась трогательным красно-синим полосатым тентиком, закрывавшим часть обзора журналистам, которые оккупировали вершину соседней сопки. Впрочем, размерами тентик был маловат, и происходящее транслировалось в местных СМИ почти в режиме реального времени.

Во время прямой линии в череду вопросов президенту о зарплатах и судьбах Родины неожиданно вклинился сюжет о выпуске животных из «китовой тюрьмы», где журналисты бодро рапортовали о погрузке животных и отправке их в место отлова. Кто-то из персонала базы с уверенным видом рассказывал на камеру о мероприятиях по реабилитации и о том, что животных будут выпускать сложившимися группами. Все это, конечно же, оказалось враньем. Логичным завершением всего этого цирка было бы после прямой линии выгрузить животных обратно в вольеры. Но храповик системы не крутится в обратную сторону, и двух косаток с шестью белухами, как ни странно, действительно повезли на север.

Перевозка планировалась в три этапа: сначала на фурах до Хабаровска, затем на барже до села Иннокентьевка и затем снова на грузовиках по лесной дороге до базы отловщиков недалеко от мыса Перовского в Сахалинском заливе. В общей сложности этот процесс занял около недели, и все это время косатки и белухи находились в металлических контейнерах с морской водой. Руководил всем этим мероприятием ВНИРО, который за день до прямой линии заключил с компаниями-отловщиками контракт на 38 млн рублей на доставку косаток и белух в Сахалинский залив. Судя по контракту, для выпуска таким образом в дикую природу всех животных потребовалось бы более 300 млн рублей. Таким образом ВНИРО смог вернуть своим друзьям и партнерам хотя бы часть денег, потерянных

из-за штрафов и невозможности продать пойманных животных.

Выпуск косаток под руководством ВНИРО происходил со скрупулезным нарушением всех рекомендаций независимых экспертов (как наших, так и «команды Кусто»). Казалось, сотрудники ВНИРО проштудировали все инструкции и по всем пунктам старательно сделали все наоборот. Впрочем, не стоит приписывать злему умыслу то, что можно объяснить простой некомпетентностью. От ВНИРО выпуском заведовал заместитель директора по науке, специалист по кальмарам, который никогда раньше не имел дело не только с косатками, но и с морскими млекопитающими вообще.

Одной из самых важных рекомендаций было выпускать всех косаток вместе или хотя бы большими группами. Косатки, особенно плотоядные, часто охотятся совместно, помогая друг другу окружать и загонять добычу, и подросткам, которые почти год провели в неволе, было бы гораздо проще восстанавливать навыки охоты, занимаясь этим в группе. Самые большие опасения вызывали младшие детеныши Александра и Витас, сидевшие в первом вольере. Две дружные четверки из второго и третьего вольеров можно было выпускать как есть – старшие подростки там были возрастом около пяти лет и вполне могли прокормиться самостоятельно, а их младшие сокамерники имели бы хороший пример и достаточно корма, охотясь вместе со старшими. Но выпускать вдвоем Александру и Витаса было опасно – без взрослых они вряд ли смогли бы научиться самостоятельно добывать пищу. Их нужно было выпускать с какой-то из старших четверок, предварительно подержав несколько недель в одном вольере, чтобы они успели привыкнуть друг к другу и сформировать привязанность.

Каких именно косаток выпустили в первой партии, долго оставалось неясно. Активисты гадали и спорили об этом, и кто-то даже уверенно заявлял, что один из них точно Форест, потому что он младший из второго вольера, а одна из косаток на видео казалась меньше другой. В начале июля я потеряла надежду, что кто-то из активистов воспользуется старым добрым методом фотоидентификации, и занялась этим сама. Сравнив форму заглазничных пятен на стоп-кадрах из опубликованного ВНИРО видео и в каталоге, который Таня Ивкович сделала по результатам нашего посещения Средней и выложила в открытый доступ, я выяснила, что это Леа и Васильевна – самец и самка в возрасте около пяти лет. Во втором вольере в Средней остались пятилетняя Харя и трехлетний Форест. Разбив эту сплоченную четверку, ВНИРО существенно снизил их шансы на выживание, особенно для оставшейся пары с маленьким Форестом. Зачем это было сделано, не очень понятно, ведь вместо шести белух вполне можно было взять в первый выпуск еще двух косаток. Возможно, им просто нужно было в обязательном порядке отчитаться о том, что «начат выпуск косаток и белух», и одни только косатки для этого не годились.

Другой важной рекомендацией была реабилитация животных перед выпуском. Как минимум, мы предлагали хотя бы некоторое время подержать косаток в морском вольере, чтобы они привыкли к новой обстановке и восстановили двигательную активность после недели, проведенной в тесных контейнерах. Кроме того, во время перевозки их не кормили, и казалось логичным как следует накормить их перед выпуском. План-максимум включал также приучение косаток к самостоятельной охоте, но на это мы даже не рассчитывали, поскольку было ясно, что живых тюленей косаткам давать никто не будет.

К первому выпуску ВНИРО вроде бы даже планировал установить на месте морской вольер, но в это время случился шторм, и сети то ли сорвало, то ли их вообще решили не ставить. Впоследствии заместитель директора ВНИРО утверждал, что установить там вольер было совершенно невозможно, так как берег очень открытый. Правда, местным рыбакам каким-то волшебным образом удалось поставить ставной невод в нескольких километрах от базы – а это, по сути, тот же морской вольер, только с более сложной структурой.

Когда грузовики прибыли на базу, шторм все еще продолжался, так что еще два дня животным пришлось ждать в контейнерах на берегу. Едва волна улеглась,

бывшие ловцы расчехлили свою технику и занялись привычным делом – но в обратном порядке. Краном в специальных носилках косаток с берега погружали в закрепленную на катамаране сетную клеть. Несмотря на массаж, который косаткам делали в пути, поначалу они двигались с трудом – давали о себе знать затекшие от недостатка движения мышцы. Но через некоторое время двигательная активность восстановилась, и первую косатку выпустили в море.

Когда мы обсуждали варианты выпуска с другими специалистами, вот этот момент казался мне одним из самых сложных – когда одна косатка уже оказалась на свободе, а следующая еще ждет выгрузки. Если первая сразу же уплывет – что казалось мне весьма вероятным, – то они впоследствии могут не найти друг друга в море и уйти порознь. В том числе и поэтому мы предлагали провести передержку в морском вольере перед выпуском – чтобы сначала выгрузить всех в вольер, а потом выпустить одновременно.

Но косатки, как это часто случалось и раньше, оказались намного умнее, чем мы думали. Пока шла выгрузка второй косатки, первая терпеливо ждала, плавая неподалеку от берега. Когда вторую выпустили, они немедленно объединились и больше уже не расходились. Поначалу они некоторое время держались близ берега, привыкая к свободе, а также к ощущению спутниковых меток, прикрепленных на плавники. Каждой косатке перед выпуском приделывали такую метку, закрепляя ее с помощью болтов сквозь пробитые в плавнике дырки. Спинной плавник состоит в основном из соединительной ткани, и по травматичности такая процедура несильно превосходит прокалывание, к примеру, дырок в ушах, но вот болтающиеся на плавнике неудобные блямбы животным поначалу явно мешали – на опубликованной ВНИРО съемке с коптера видно, как они раздраженно трясли плавниками и били хвостами. Пресс-служба ВНИРО, правда, объяснила публике, что это они так радуются обретенной свободе.

Придя в себя, косатки решительно ушли от берега и направились на северо-запад – в тот район, где летом чаще всего встречаются их сородичи. Через несколько часов после их ухода в море выпустили и шестерых белух.

Когда ВНИРО опубликовал новости о выпуске, среди активистов поднялась буря. «Не выпустили, а выбросили» – под таким заголовком обсуждалось это событие на сайте коалиции. ВНИРО вяло оправдывался, утверждая, что «реадаптация животных прошла успешно, что подтверждается их активным поведением и самостоятельным удалением в сторону Шантарских островов».

По данным спутниковых меток, оказавшись на воле, подростки обогнули остров Рейнеке и залив Александры, прошли мимо залива Академии в Тугурский залив, какое-то время держались там, а затем перешли в Удскую губу, где тоже провели несколько дней. Затем они двинулись на север вдоль материкового побережья Охотского моря и дошли до района севернее поселка Аян. 10 июля косатки развернулись и пошли в обратном направлении, на юг. Какое-то время они находились в бухте Борисова, к югу от поселка Аян, затем продолжили движение к югу и вернулись в Шантарский регион. Все это время Леха и Васильевна держались вместе. Неизвестно, смогли ли они добыть себе еду, – ВНИРО в новостях на сайте утверждал, что, «судя по характерным рысканьям», они охотятся, но на самом деле, конечно, по данным со спутниковых меток определить это нельзя. Тем не менее сам факт, что они ушли от места выпуска в Шантарский регион и активно передвигались, преодолевая десятки километров в день, позволял надеяться на то, что они здоровы и смогут восстановить навыки охоты.

В это время из бухты Средней стартовала вторая партия косаток. На этот раз решили взять младшую самку Александру и ее сокамерника Витаса, а чтобы формально соблюсти рекомендацию не выпускать малышей одних, к ним добавили пятилетнюю Зину из третьего вольера, разделив ее с подругой Зоей и двумя другими подростками – Тихоном и Гайкой, с которыми они за проведенный вместе год успели привязаться друг к другу. Никакой предварительной передержки Зины с младшими детенышами проводить, конечно, не стали. Таким образом обещание выпускать животных сложившимися группами было нарушено, как и многие

другие до и после него. И результат не заставил себя долго ждать.

16 июля трех косаток выпустили на базе у мыса Перовского таким же образом, как и предыдущую пару. Сначала из носилок в катамаранную клеть загрузили сразу двоих – Александру и Витаса. В течение часа им делали массаж, а затем выпустили в море. Пока шла подготовка к выпуску Зины, детеныши держались возле берега, то ли дожидаясь ее, то ли просто не решаясь что-то предпринять самостоятельно. Как только Зина оказалась на свободе, все трое сошлись вместе и двинулись вдоль берега на восток, а затем повернули в море. Сначала они шли тесной группой, потом Зина вырвалась вперед, а младшие следовали за ней метрах в трехстах позади. Тренеры и сотрудники ВНИРО прошли за ними на катамаране несколько километров и, убедившись, что животные держатся вместе, с чувством выполненного долга вернулись на базу.

Ближе к вечеру участники выпуска отправились на рыбацкий стан у мыса Перовского, чтобы отметить это событие и немного расслабиться. Подъезжая к стану, расположенному километрах в восьми на северо-запад от базы отловщиков, они увидели одинокую маленькую косатку со спутниковой меткой, медленно плавающую недалеко от ставного невода. Рыбаки рассказали, что примерно час назад три меченые косатки подошли к берегу, а затем с моря к ним пришли два взрослых самца. Двое из трех меченых присоединились к самцам, а одна осталась в одиночестве возле невода. Посмотрев на нее в бинокль, участники команды выпуска по характерной форме плавника узнали Александру. Еще пару часов спустя с северо-запада пришли две молодые косатки с метками – вероятно, Зина и Витас. Куда к тому моменту делась Александра, непонятно – то ли куда-то уплыла, то ли была там же, но наблюдатели ее не заметили (с непривычки наблюдать косаток в море в бинокль – занятие непростое, и легко можно упустить существенную часть происходящего). Покрутившись у невода, косатки ушли в открытое море, а 20 минут спустя с северо-запада пришли два взрослых самца и тоже ушли в море примерно в том же направлении.

После этого Зина и Витас направились на северо-запад почти тем же путем, что и первая пара выпущенных косаток за три недели до этого, а вот Александра так и осталась неподалеку от места выпуска. Здесь мне сразу вспоминается история о том, как Нарния в бухте Средней взяла шефство над самцами Нордом и Орфеем, а вот на маленькую самочку Грацию не обращала никакого внимания. Возможно, тут произошло нечто подобное, а может быть, что-то совсем другое – этого мы никогда не узнаем. Так или иначе, из-за непродуманных действий перед выпуском Александра осталась в Сахалинском заливе и начала заниматься именно тем, чего все так боялись, – подходить к людям и кланчить рыбу у рыбаков. Те щедро делились лососем с маленькой косаткой, снимали процесс кормежки на телефон и выкладывали в интернет, так что скрыть этот факт у ВНИРО не получилось. Всем было очевидно, что выпуск Александры пошел не по плану, а по самому худшему сценарию – именно так, как предупреждали эксперты.

Что с этим делать, было не очень понятно. Если бы ВНИРО действительно заботился о возвращении в природу и выживании всех косаток, а не о том, как избавиться от них с наименьшими усилиями, то Александру стоило бы поймать и передержать в морском вольере до подвоза следующей партии подростков, а затем подержать вместе с ними хотя бы пару недель перед выпуском. Но для этого пришлось бы городить морской вольер, каким-то образом обеспечивать доставку рыбы, в общем, предпринимать массу дополнительных действий, да и с законодательной точки зрения это было бы весьма сомнительным – ведь выпущенная косатка уже считалась свободным водным биологическим ресурсом, а разрешения на вылов у них не было.

Впрочем, ситуация для Александры была не совсем уж критической. Выклянченный у рыбаков лосось позволил ей восстановить силы после транспортировки, а пустынные берега с редко разбросанными рыбацкими станами и артелями золотодобытчиков были для маленькой косатки относительно безопасны. Если бы ее выпустили в мае в Средней, то все могло бы кончиться очень быстро – она попала бы под лодочный винт, как это в свое время произошло

с Луной, или приручилась бы так крепко, что путь к свободной жизни был бы для нее закрыт. Но в Сахалинском заливе не было ни толп отдыхающих, ни многочисленных прогулочных катеров и лодок, так что Александра начала потихоньку адаптироваться к жизни в природе. Постепенно она ушла от места выпуска и прошла через пролив к берегу Сахалина, а затем двинулась на север, в открытое море. Похоже, что, в отличие от старших подростков, которые легко сориентировались на местности и сразу ушли в места летней дислокации, Александра еще не умела сама находить дорогу в море.

В это время на телеканале «Россия-1» вышел сюжет про выпущенных узников «китовой тюрьмы», где ведущая рассказала о маленькой косатке, которая якобы запуталась в сетях рыбаков, а те ее выпутали и отпустили. Сюжет иллюстрировался видеорядом, где рыбаки действительно выпутывают детеныша косатки из сетей, – но видео это было снято тремя годами раньше и не имело к Александре никакого отношения.

Тем временем в Средней шла подготовка к перевозке трех подростков из третьего вольера – Зою, Тихона и Гайки. На этот раз ВНИРО решил допустить наблюдателей от Гринписа, чтобы убедить зоозащитников, что процесс транспортировки и выпуска происходит без вреда для животных. Тут отловщики в самом деле действовали профессионально – процесс перевозки дорогостоящих животных был у них хорошо отлажен за годы работы. Но абсурдное разделение и совмещение косаток при выпуске, особенно в случае с Александрой, а также отсутствие реабилитации на базе в Сахалинском заливе вызывали у общественности массу вопросов.

Сильнее всех возмущались, конечно, диванные эксперты, которые сомневались даже в том, что выпуски вообще происходили на самом деле, а не были сфальсифицированы. Забавно, что свой гнев они обрушивали не только на ВНИРО, но и на членов коалиции «Свободу косаткам и белухам», обвиняя их, например, в том, что они не сопровождали контейнеры с животными на протяжении всего пути от Средней до места выпуска (хотя коалиция делала для этого все возможное – в первый выпуск они наняли частного детектива, который сопровождал животных до момента погрузки на баржу в Хабаровске, а во второй выпуск за транспортировкой следили ребята из общественного дорожного патруля и волонтеры центра «Тюлень»).

На этот раз наблюдатели от Гринписа сопровождали трех косаток – Зою, Тихона и Гайку – всю дорогу от Средней до базы в Сахалинском заливе. В меру своего понимания процесса они убедились, что перевозка проходила на высоком профессиональном уровне, с животными непрерывно находились тренеры и ветеринары, которые заботились об их здоровье и делали все возможное, чтобы довести их до места целыми и невредимыми. Правда, полной свободы действий гринписовцам так и не предоставили – например, им запрещали снимать фото и видео, аргументируя это опасениями, что конкуренты могут украсть и повторить технологии погрузки и перевозки косаток. Похоже, ловцы отнюдь не собирались сворачивать бизнес и надеялись дожить до лучших времен, когда все эти глупые запреты отменят и снова разрешат им вволю экспортировать живой товар в Китай.

После выпуска троица подростков некоторое время держалась неподалеку от мыса Перовского, а затем направилась туда же, куда ушли все предыдущие освобожденные пленники, кроме Александры, – на северо-запад, в сторону Шантарского региона. Тогда же, в начале августа, Васильевна из первой партии выпущенных косаток и Зина из второй почти сошлись в районе Шантаров – между ними было всего около 30 километров. У Лехи и Витаса к тому времени метки работать перестали, но оставалась надежда, что они по-прежнему держатся вместе со своими собратьями по выпуску. Александра, побродив у Северного Сахалина и поплутав в центре Охотского моря, пришла к тому времени к западному побережью севернее Аяна, а затем постепенно сместилась южнее и в итоге все-таки добралась до Шантарских островов. Не исключено, что она встретила диких косаток и смогла присоединиться к ним, поскольку в какой-то момент начала двигаться очень быстро, проходя по сотне километров в день, что не вязалось с ее

предыдущими нерешительными передвижениями.

Выпустив Зою, Тихона и Гайку, сотрудники ВНИРО занялись мониторингом, пройдя за четыре дня по нескольким бухтам Шантарского региона. Меченых косаток они не нашли, хотя и находились неподалеку от места, откуда сигналила метка Васильевны, зато встретили несколько диких групп. С одного самца удалось взять биопсию, и ВНИРО объявил в новостях на сайте, что это «позволит определить, относятся ли дикие животные к тем семьям, что и косатки, содержащиеся в бухте Средняя». На самом деле, конечно, выяснить это было невозможно – даже если бы им удалось уверенно определить родство (что для косаток пока еще является задачей нетривиальной), это не дало бы информации о семейной принадлежности, ведь семьи основаны на родстве по материнской линии, а родство может быть как материнское, так и отцовское. Например, если бы самец, с которого взяли пробу, приходился отцом кому-то из узников «китовой тюрьмы», то анализ показал бы очень высокий уровень родства, но самец при этом мог относиться к совершенно другой семье.

16 августа наконец удалось встретить одну из выпущенных косаток, но не сотрудникам ВНИРО, а Григорию Цидулко с группой туристов в заливе Константина. Это была отличная новость – ведь косатка оказалась не одна и не в паре с бывшим сокамерником, а в группе диких сородичей! Перед выпуском было много обсуждений, примут ли дикие косатки узников «китовой тюрьмы». Когда возвращали в природу Кейко, исландские сородичи его не приняли, но он провел в неволе 20 лет и давно забыл, как ведут себя нормальные косатки и как с ними общаться; вероятно, им он казался слабоумным идиотом, каким для нормального человека выглядят дети-маугли. Спрингер же смогла вернуться в свою семью после нескольких месяцев в неволе, но ее приняли не сразу: первое время она ходила за родичами в отдалении, пока они не привыкли к ней. Как поведут себя плотоядные косатки, встретив своих блудных детей после года отсутствия, мы не знали, но была надежда, что они окажутся более дружелюбными, чем рыбацкие родственники Спрингер, так как социальная структура у плотоядных косаток более пластична. И эта надежда оправдалась – на фотографиях отчетливо видна была маленькая косатка со спутниковой меткой, которая выныривала в группе среди взрослых сородичей. Кто именно это был, точно определить не удалось – спутниковая метка дает большую погрешность, а качество фотографий было не очень хорошим. После тщательного сравнения снимков с каталогом активисты объявили, что это, скорее всего, Васильевна, но позже, в ноябре, ВНИРО в своей презентации утверждал, что это была Зина.

22 августа начался выпуск последних двух косаток – Хари и Фореста из второго вольера. Вместе с шестью белухами их погрузили в контейнеры и повезли на север тем же путем, что и всех предыдущих. До этого во всех партиях, кроме самой первой, были только косатки, и активисты начали всерьез беспокоиться, успеют ли выпустить всех белух – ведь в Средней оставалось еще 81 животное, к тому же начали ходить слухи о продаже части белух в российские дельфинарии.

Пять дней спустя косаток и белух выпустили в море. В отличие от предыдущих партий, Хари и Форест не пошли в Шантарский регион, а двинулись на север, в открытое море, повторив часть пути, проделанного до этого Александрой, и затем вернулись обратно в Сахалинский залив. Затем сигналы от меток разделились – Хари обогнула полуостров Шмидта и пошла на восток, а Форест остался в заливе Байкал на севере Сахалина. 15 октября его метка перестала подавать сигналы, а до этого несколько дней сигналила из одного места возле берега (местонахождение спутниковой метки определяется с некоторой погрешностью, из-за которой невозможно точно сказать, крутится ли животное с меткой на одном месте, или метка просто лежит на берегу и сигналил из одной точки). Эксперты ВНИРО считали, что Форест погиб и его выбросило на берег. 21 октября Дмитрий Лисицын со своей командой обследовал берег в районе точки, откуда шел сигнал. В этот день была ясная погода с отличной видимостью и максимальный отлив. Активисты осмотрели участок берега длиной примерно 4 километра (по 2 километра в обе стороны от точки), но ни выброшенную косатку, ни метку им найти не удалось.

После выпуска Хари и Фореста сотрудники ВНИРО и примкнувшая к ним Ольга Шпак возобновили мониторинг в Шантарском регионе. В группе косаток, встреченной возле острова Южный Шантар, они сфотографировали подростка со следами от креплений отвалившейся метки на плавнике. Сравнив фотографии с каталогом, участники мониторинга решили, что это все та же Зина, которую Цидулко с туристами видели в августе. Примерно в это же время Александра, судя по данным с меток, встретила с Зоей, Тихоном и Гайкой и присоединилась к этой троице. Около десяти дней они держались вчетвером, потом Тихон покинул их, направившись в сторону Тугурского залива, а трое самок так и остались вместе возле Шантаров. Оставалось только надеяться, что Тихон ушел потому, что встретил свою семью, – ведь по гаплотипу митохондриальной ДНК он отличался от всех прочих узников «китовой тюрьмы» и, следовательно, относился к отдельной материнской линии.

19 сентября вступило в силу решение суда о том, что все белухи и косатки из «китовой тюрьмы» были выловлены незаконно. Между тем освобождение оставшихся в Средней 75 белух как-то затянулось. На Амуре в это время как раз случился паводок, и ВНИРО снова и снова откладывал начало операции по перевозке очередной партии животных. В конце сентября было объявлено, что из-за паводка перевезти белух по старой схеме не получится, поэтому они отправятся морем.

2 октября ВНИРО отчитался об успешном завершении операции – 14 белух были перевезены из Средней в Сахалинский залив на научно-исследовательском судне «Владимир Сафонов» и выпущены в море. Правда, почему нельзя было таким же образом вывезти всех косаток и зачем нужна была вся эта сложная схема с перегрузками с фур на баржу и обратно на грузовики, так и осталось загадкой.

23 октября таким же образом – по морю, на борту научно-исследовательского судна «Зодиак» – в Сахалинский залив были доставлены и выпущены еще 11 белух. После этого в «китовой тюрьме» осталось ровно 50 животных, и в среде активистов циркулировали слухи, что это неспроста – именно столько белух было предоплачено китайскими океанариумами. Поговаривали, будто отловщики уже в открытую заявляли, что животные им не принадлежат.

В середине октября несколько независимых источников сообщили, что представителей китайских компаний вызвали в Министерство природных ресурсов для обсуждения сложившейся ситуации. Высказывались опасения, что Минприроды может принять решение передать животных китайцам, так как за коммерческие компании вступилось китайское правительство и назревал международный скандал. В связи с этим коалиция «Свободу косаткам и белухам» обратилась в Генеральную прокуратуру с просьбой предотвратить возможные попытки передачи незаконно выловленных белух китайским компаниям. Также коалиция распространила призывы к общественности и журналистам с просьбой обращаться в Минприроды, и в Министерство посыпались запросы. В результате встречу с китайцами отменили или, возможно, провели без каких-либо результатов – во всяком случае, никаких решений о передаче белух принято не было.

Между тем октябрь был на исходе, дикие белухи начинали откочевывать из Сахалинского залива, а погода становилась все хуже – приближался сезон зимних штормов. В последний выпуск белух уже пришлось везти по приличной качке – при этом животные бьются о стенки и могут получить травмы. Кроме того, температуры там уже начали опускаться ниже нулевой отметки, а перевозка белух в ваннах на палубе и выгрузка при отрицательной температуре чреваты обморожениями. Становилось очевидно, что оставшихся 50 белух в Сахалинский залив выпустить не успеют.

24 октября заместитель директора ВНИРО В. А. Бизиков созвал срочное совещание с участием представителей ИПЭЭ РАН и коалиции «Свобода косаткам и белухам», чтобы обсудить дальнейшие действия. На самом деле, конечно, обсуждать он ничего не собирался, просто сообщил всем присутствующим, что единственный на

данный момент рабочий вариант – это выпуск белух в Приморье, неподалеку от бухты Средней, так как везти их на север уже поздно. Либо это, либо животные остаются зимовать в «китовой тюрьме» с неясными перспективами – такие варианты были предложены на выбор ученым и активистам. Естественно, большинство проголосовало за выпуск.

В тот же день ВНИРО направил компаниям-отловщикам договоры на выкуп животных. Однако подписывать их компании не торопились. К 30 октября, когда два готовых к погрузке животных судна уже стояли на рейде в бухте Средней, договоры все еще не были подписаны. Кажется, установившееся между ВНИРО и отловщиками взаимопонимание наконец дало трещину. У ВНИРО было поручение во что бы то ни стало выпустить этих несчастных 50 белух и отчитаться о завершении операции, а отловщики, похоже, все еще надеялись продать их китайцам.

Чтобы ускорить процесс, коалиция «Свободу косаткам и белухам» снова обратилась к своим сторонникам, и в инстанции посыпались запросы. 1 ноября коалиция устроила пикет у входа в Генеральную прокуратуру. Сразу после этого отловщики согласились наконец подписать договоры на выкуп. Конечно, после – не значит вследствие, но к тому времени уже довольно явно прослеживалась тенденция, что серьезные сдвиги начинают происходить только после широкого общественного резонанса.

Тем временем коалиция и Гринпис изо всех сил пытались добиться, чтобы при последнем выпуске присутствовали независимые наблюдатели. На просьбу о допуске наблюдателя сотрудники ВНИРО предложили направить им официальное письмо. Кроме того, они выдвинули условие, что у наблюдателей должны быть все документы, позволяющие принять их на борт судна, – паспорт моряка, свидетельство о прохождении курсов безопасности и медкнижка. Вероятно, расчет был на то, что найти за пару дней волонтера с морскими документами коалиция не сможет. Но ВНИРО недооценил активистов – Лисицын быстро нашел такого человека среди сторонников «Эковахты Сахалина» и направил в институт официальное письмо, приложив копии всех его документов. Тем не менее допуск на судно ему не дали: в ответном письме было указано, что «на судах отсутствует возможность для размещения дополнительного специалиста». Тогда активисты арендовали небольшую шхуну, чтобы наблюдать за выпуском хотя бы с моря.

5 ноября началась погрузка белух на первое судно – «Профессор Кагановский». Шхуна активистов как раз прибыла в Среднюю, и они вели репортаж с места событий. Погрузка шла очень медленно – за два дня погрузили только 19 животных. 7 ноября пресс-служба ВНИРО сообщила, что из-за ухудшения погоды планы меняются: «Кагановский» с 19 белухами сегодня направится к запланированному месту выпуска – в бухту Успения неподалеку от Лазовского заповедника; в это время в Средней погрузят на второе судно – «Зодиак» – еще 14 белух, а оставшихся заберет «Кагановский» после возвращения.

«Кагановский» ушел из Средней в ночь с 7 на 8 ноября. Наблюдатели не смогли за ним последовать: маломерной шхуне, на которой они базировались, было запрещено перемещение по ночам. Когда на следующее утро они пришли в бухту Успения, в контейнерах на «Кагановском» оставались только три белухи, которых выпустили у них на глазах. В бухте также присутствовало пограничное судно. Пограничники сообщили наблюдателям, что несколько дней назад они специально посетили тюрьму и пересчитали белух – все 50 животных были на месте.

Тем временем в Средней шла погрузка белух на «Зодиак», а потом и на вернувшийся «Кагановский». Погрузку всех 50 животных с берега контролировала зоозащитница Нина Зырянова – она несколько дней почти безвылазно провела там на сопке, на холоде, спала в машине и вела репортаж в соцсетях, скрупулезно пересчитывая белух. 10 ноября оба судна наконец начали выпуск всех оставшихся животных в бухте Успения. Процесс контролировали и снимали пограничники и наблюдатели от коалиции, но потом пограничники по требованию ВНИРО запретили наблюдателям вести съемку, а затем и вовсе велели им покинуть место

выпуска. С чем это было связано – непонятно, но, так или иначе, проконтролировать выпуск всех 50 белух коалиции не удалось.

После этого коалиция «Свободу косаткам и белухам» все свои силы направила на сбор подписей под петицией против отловов китообразных на сайте «Российская общественная инициатива». В отличие от большинства прочих петиций, которые можно подписать в два клика мышки, на этом сайте оставить свой голос можно, только войдя через «Госуслуги», и благодаря этому петиция имеет реальную силу – все инициативы, которые набирают 100 000 голосов, должны быть вынесены на рассмотрение. Тут-то и выяснилось, что большинство интернет-активистов патологически не способны продвинуться дальше лайков, комментов и подписи петиций в два клика: регистрация на «Госуслугах» для многих оказалась непреодолимым препятствием. К моменту выпуска последних белух под петицией было всего лишь около 30 000 подписей. Коалиция начала массовую агиткомпанию, ведущую роль в которой сыграла Оксана Федорова из движения «Спасаем дельфинов». К декабрю удалось набрать 50 000 подписей, но на этом дело застопорилось. Никто не верил тогда, что за оставшийся месяц (срок истекал в конце декабря) у коалиции получится собрать голоса, но ребята сконцентрировались и двинулись в атаку. Они писали посты, обращались к звездам и блогерам и писали посты для них, привлекали различных знаменитостей. Как ни странно, это сработало – голоса стали прибавляться с фантастической скоростью, и за три дня до истечения срока 100 000 были собраны.

А выпущенные узники «китовой тюрьмы» тем временем плавали по морю. У большинства косаток метки перестали работать к началу зимы – то ли отвалились, как у Зины, то ли просто сломались (спутниковые метки на китах вообще редко работают подолгу). К декабрю продолжали сигналить только метки Тихона, Зои и Хари. Тихон в конце сентября перешел из Тугурского залива в Ульяновский и держался там полтора месяца, до середины ноября, после чего двинулся наконец на восток. Зоя ушла из Шантарского региона на восток еще в начале ноября и, пройдя мимо мыса Перовского, направилась на север, в открытое море. Затем она снова вернулась к Шантарам, опять проследовала вдоль берега на восток и, покрутившись возле Северного Сахалина, зигзагами через все Охотское море пошла в сторону Северных Курил. Харя в конце сентября ушла в центральную часть Охотского моря и держалась там до начала ноября, а затем направилась на юг и за пять дней дошла до Южных Курил, прошла через пролив Фриза и начала нарезать круги в открытом море к востоку от Хоккайдо. За три месяца она прошла больше 4000 километров.

Эпилог

Я, Василий Иванович, совершенно не понимаю, как это человеку, который путает Канта с Шопенгауэром, доверили командовать дивизией.

Когда последние узники «китовой тюрьмы» оказались на свободе, я вздохнула с облегчением: эта история наконец завершилась, и можно спокойно заняться своими делами. Но не тут-то было. В конце ноября мой ватсап снова завибрировал от сообщений Лисицына. На этот раз речь шла о Красной книге. К тому времени я уже успела смириться с нашим поражением в этом деле и даже слегка подзабыла о нем. Но оказалось, что не все потеряно, – вопрос о включении косатки снова всплыл благодаря усилиям члена бюро Комиссии по редким видам Ольги Кревер, и на ближайшем заседании как раз планировалось его обсудить. Лисицын требовал, чтобы я бросила все свои дела и немедленно начала обзванивать членов бюро и убеждать их проголосовать за косатку.

Я ненавижу звонить по телефону и терпеть не могу, когда на меня давят, так что я огрызнулась на Дмитрия и мрачно загрузила обновленный список членов бюро. Выяснилось, что, кроме находившегося в отъезде директора ИПЭЭ РАН В. В. Рожнова, единственным знакомым мне там человеком был мой коллега по кафедре зоологии позвоночных МГУ Николай Александрович Формозов. Однажды он уже спас косатку от исключения из списка на таком же заседании бюро за несколько лет до этого. Я написала ему, объяснив ситуацию, и он пообещал попробовать помочь. Через пару дней на заседании бюро Николай Александрович действительно отстоял косатку, разбив в пух и прах аргументы научного руководителя ВНИРО М. К. Глубоковского, который, как обычно, пытался отрицать существование разных экотипов.

Впрочем, эта победа была лишь временной. Оказывается, для того чтобы внести новый вид китообразных в Красную книгу, Минприроды должно согласовать это решение с Минсельхозом – т. е. фактически с Росрыболовством, которое все эти годы выдавало квоты на отлов, а на общественных обсуждениях выступало единым фронтом с ловцами. Понятно, что согласовывать охранный статус косатки они не собирались. Тем не менее бюро поручило секции по млекопитающим совместно с ВНИРО провести экстренное заседание по косатке, а также по каспийскому тюленю, который оказался еще одним камнем преткновения в списке морских млекопитающих.

Заседание секции состоялось неделю спустя в Министерстве природных ресурсов. Интересы ВНИРО представлял Глубоковский, интересы косаток – мы с Ольгой Шпак, а за каспийского тюленя отвечала Наталия Шумейко из ИПЭЭ. В предвкушении этого мероприятия с самого утра у меня адски разболелась голова. С трудом прочитав студентам лекцию по биологии морских млекопитающих, я поехала в Министерство. Там мы встретились со Шпак и с Шумейко, отыскиали небольшой, но пафосный зал, в котором должно было проводиться мероприятие, и сели рядом с краю стола в ожидании начала. Чуть позже к нам присоединился Андрей Дмитриевич Поярков – председатель секции по млекопитающим.

Каждый раз, когда мне приходится бывать в Минприроды, я чувствую себя подростком, который обманом прокрался на серьезное заседание взрослых дядь и тетей. Так и в этот раз, хотя я постаралась причесаться и даже нацепила приличный, с моей точки зрения, салатный пиджак, в этом шикарном помещении с бархатными стульями и мраморной столешницей я ощутила приступ синдрома самозванца.

Минут через пять в зал вошел плотный представительный человек в костюме и с толстой папкой бумаг и уселся рядом со мной. Он-то как раз в этой обстановке смотрелся как нельзя более органично: костюм сидел на нем как влитой, а уверенные и властные движения и громкий голос как бы намекали, что мы имеем дело с большим начальником. Это был Глубоковский.

Руководил заседанием заместитель руководителя Росприроднадзора Амирхан Магомедович Амирханов. Первым пунктом программы значилась не косатка, а каспийский тюлень, и Глубоковский, разложив перед собой бумаги из папки, начал громогласно извергать аргументы против включения этого вида в Красную книгу.

В конце прошлого века численность каспийского тюленя измерялась сотнями тысяч особей, но в последние годы начала резко снижаться, из-за чего озабоченные исследователи и предложили дать виду охранный статус. Причин падения численности много – это и сокращение площади льдов из-за изменения климата, и загрязнение, и прилов при незаконном рыбном промысле. ВНИРО, однако, полностью отрицает сам факт этого падения – по его оценке, численность остается стабильной и колеблется в районе 300 000 особей. Правда, последние авиаучеты КаспНИРХ проводил в 2012 году, насчитав 63 000 взрослых тюленей. Единственные свежие данные, которые приводят специалисты этой организации, – наблюдения в судовых рейсах 2018 и 2019 годов, когда было учтено 1328 и 122 экземпляра каспийских тюленей соответственно. Судовой учет малопригоден для оценки численности этого вида, а степень экстраполяции, которую нужно применить, чтобы из 122 особей получить 300 000, заставила бы усомниться даже Центризбирком. Экспертов ВНИРО это, однако, не смутило: они уверенно сделали вывод о стабилизации численности каспийского тюленя.

Наталия Шумейко пыталась возражать Глубоковскому, но тот постоянно прерывал ее, не давая сказать ни слова, и презрительно высмеивал все ее аргументы. Под таким напором авторитетного, уверенного в собственной правоте и безнаказанности чиновника Наталия несколько растерялась. Я бы, наверное, тоже растерялась, если бы не головная боль: Глубоковский сидел рядом со мной и выкрикивал свои аргументы почти мне в ухо, каждая его реплика отдавалась в голове ударами молотка и россыпью разноцветных искр, и вместо должного трепета и смирения во мне начала закипать ярость.

Разделавшись с тюленем, Глубоковский перешел к косатке. При этом кричать он стал еще громче, видимо, чтобы компенсировать пробелы в своей аргументации. Сначала он завел обычную песню о том, что рыбацких и плотоядных косаток не может быть просто потому, что не может быть никогда, но потом, для пущей убедительности, ввернул аргумент о том, что если ареалы экотипов пересекаются и они при этом не скрещиваются, то фактически являются разными видами, а симпатрическое видообразование, как известно, невозможно.

Симпатрическое видообразование – это процесс, при котором возникновение новых видов происходит в популяциях с перекрывающимися либо совпадающими ареалами. Возможность такого видообразования действительно считалась спорной в середине прошлого века, но с тех пор наука несколько ушла вперед, и оно было обнаружено у самых разных организмов – от пальм до цихлид. С косатками, впрочем, есть и более простой ответ, не требующий привлечения симпатрического видообразования, – по одной из гипотез, плотоядные транзитные косатки много тысячелетий существовали в северной части Тихого океана в гордом одиночестве, и лишь много позже туда вселились предки рыбацких резидентов. Действительно, по митохондриальной ДНК тихоокеанские резиденты гораздо более родственны атлантическим косаткам (например, норвежским и исландским), чем тихоокеанским транзитникам. Получается, симпатрическое видообразование им не понадобилось – экотипы сначала образовались в разных местах, а потом уже стали жить в одних и тех же районах.

Я попыталась изложить все это Глубоковскому, но он не дал мне даже рта раскрыть, замахал на меня руками и еще громче принялся рассуждать о том, что даже если экотипы косаток существуют, то их невозможно различить по внешнему виду, поэтому вносить один из них в Красную книгу нельзя, ведь это поставит под удар ловцов, которые могут по ошибке поймать краснокнижный экотип. Тут уж я не выдержала и злобно огрызнулась:

– Хватит орать, голова болит!

– Съешьте таблеточку, – жизнерадостно предложил Глубоковский.

– Я уже съела, не помогает.

– А от меня ничего не помогает! – усмехнулся он в ответ.

На этом месте Поярков, который понял, что сейчас я выдам что-то совсем неполиткорректное, вмешался и пересадил меня на другой край мраморного стола, где крики Глубоковского звучали чуть тише. Там я смогла спокойно дожидаться, когда поток красноречия научного руководителя ВНИРО иссякнет и мне наконец дадут ответить. Я вкратце рассказала о том, что рыбацкие и плотоядные тихоокеанские экотипы формировались, по-видимому, в разных районах, так что симпатрическое видообразование тут вовсе ни при чем. На заявление, что рыбацких и плотоядных косаток невозможно различить при встрече в море, ответ был еще проще: это не имеет никакого отношения к правомерности включения одного из экотипов в Красную книгу. В Положении о Красной книге нигде не сказано, что включаемый вид или популяция должны иметь легкоразличимые внешние отличия от сходных видов или популяций, обитающих в тех же районах.

Этот аргумент неожиданно встретил поддержку со стороны Амирханова. Амирхан Магомедович вспомнил, что такая проблема – отличие краснокнижных видов от некраснокнижных – регулярно возникает на таможне, и ее решают в рабочем порядке, в том числе с использованием генетических тестов. Несмотря на такие трудности, никому до сих пор не приходило в голову отказывать редкому виду в природоохранном статусе на основании его внешнего сходства с каким-то другим.

По результатам заседания прийти к консенсусу, ради которого все и затевалось, ожидаемо не удалось, но Минприроды вроде бы на этот раз встало на нашу сторону: Амирханов явно больше склонялся к нашей позиции, чем к мнению Глубоковского. Причиной такого неожиданного поворота были сотни обращений граждан в результате масштабной кампании, организованной коалицией «Свобода косаткам и белухам». Вообще в ходе всей этой истории с «китовой тюрьмой», Красной книгой и борьбой с отловами массовая реакция общественности оказалась почти единственным действенным средством борьбы. Долгие годы мы ломали копыта на заседаниях, пытаясь убедить противников научными аргументами, – но ВНИРО просто игнорировало их или объявляло враньем и происками вредной западной науки. Однако стоило Лисицыну и его единомышленникам организовать вал писем и звонков от любителей животных, и ситуация изменилась – чиновники наконец-то начали к нам прислушиваться.

Поскольку Минприроды и Минсельхоз так и не пришли к соглашению по поводу спорных видов, решать их судьбу предстояло вышестоящей инстанции – вице-премьеру, на должность которого после смены правительства в январе 2020 года была назначена Виктория Абрамченко. В середине марта мой ватсап снова затрясся от сообщений Лисицына. На этот раз Дмитрию нужно было, чтобы я срочно бросила все дела и в течение пары часов переделала справку о внесении плотоядной косатки в Красную книгу, так как замминистра требует, чтобы она была написана более простым языком и звучала более убедительно. Вообще говоря, уже написанная справка казалась мне образцом кристальной простоты и убедительности, но я честно постаралась упростить ее еще сильнее, понизив планку с «Юного натуралиста» до «Пионерской правды».

Несколько часов спустя мне позвонил директор ИПЭЭ Вячеслав Владимирович Рожнов и сказал, что завтра нужно быть в Министерстве на заседании, на котором будет решаться вопрос о внесении в Красную книгу плотоядной косатки и каспийского тюленя. На следующий день я уже доставала из шкафа салатовый пиджак, когда Рожнов прислал сообщение, что заседание отменено, поскольку решение принято: косатку и тюленя решили включить в Красную книгу.

Честно говоря, сначала я не поверила: столько лет мы безуспешно боролись и вдруг вот так, буднично, между делом, победили? Наверняка сейчас выяснится, что это лишь очередной виток, и снова появятся какие-то непреодолимые

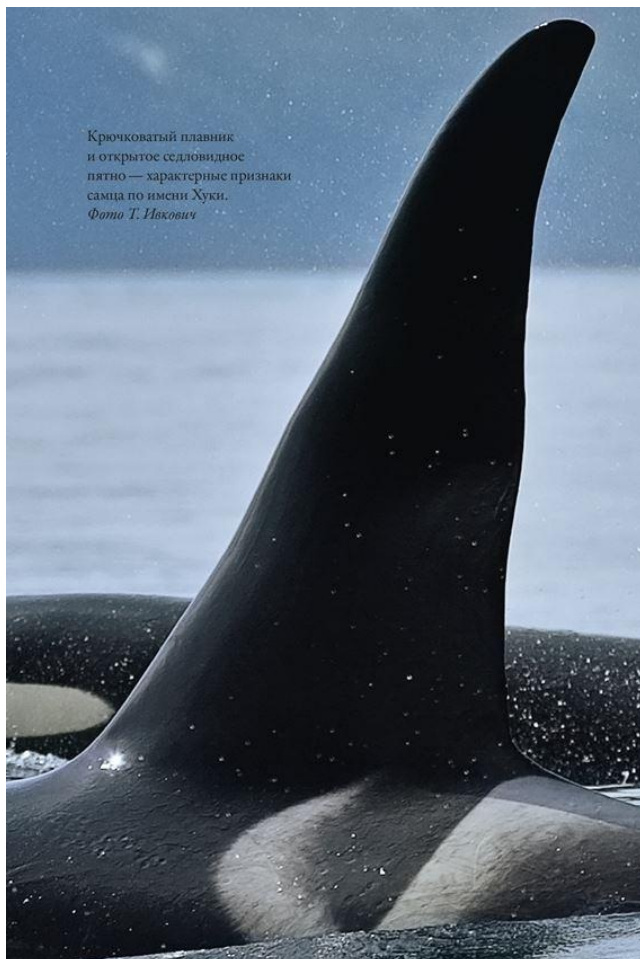
обстоятельства. Но несколько дней спустя вице-премьер Виктория Абрамченко написала в своем инстаграме, что она поддержала внесение дальневосточной плотоядной косатки в Красную книгу, а потом появилось и официальное сообщение о выходе нового списка, в котором на видном месте красовалась дальневосточная плотоядная популяция косатки.

Так завершилась история отловов косаток в России, и я надеюсь, что она никогда больше не возобновится. Плотоядные транзитники теперь в Красной книге, и ловить их в западной части Охотского моря – там, где это делать удобно и относительно дешево, – уже не получится. На отлов рыбоядных косаток запрета пока нет, но они массово встречаются лишь на Курилах, Восточной Камчатке и Командорах; кроме того, они не подходят так близко к берегу, где их можно было бы ловить с помощью катамаранов и плашкоутов, без использования дорогостоящих морских судов. Да и активисты не дремлют – теперь, после всей этой истории, они имеют опыт массовых кампаний и больших побед, и они не оставят ловцов в покое.

Исследования косаток в России между тем продолжают. Мы по-прежнему работаем в Авачинском заливе, на Командорах и на Чукотке, готовим экспедицию на Южные Курилы. Наш проект создавался для того, чтобы через исследования косаток добиться их защиты, и теперь мы точно знаем, что все это было не зря.

Об авторе

Ольга Филатова – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории поведения животных кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Занимается изучением косаток с 2000 года. Принимала участие во многих экспедициях по исследованию китообразных в разных районах дальневосточных морей, а также в Исландии. В настоящее время является одним из ключевых участников Дальневосточного проекта по косаткам (Far East Russia Orca Project, FEROP) и Российского проекта по исследованиям местообитаний китообразных (Russian Cetacean Habitat Project, RCHP).

Райдо гораздо больше нравится бегать по чукотской тундре,
чем ездить на лодке за китами. *Фото О. Титовой*

Для наблюдения за китами требуются скоординированные усилия всех участников экспедиции. Фото Т. Придорожной

Бесчисленные стаи тонкокловых буревестников кормятся крилем рядом с горбачами. Фото автора

Исследователи наблюдают за прыгающей косаткой в Авачинском заливе. Фото Т. Ивкович

Нижняя поверхность лопастей хвоста у горбачей имеет разную окраску, рисунок которой индивидуален и позволяет исследователям отличать китов друг от друга. *Фото автора*

Горбачи могут прыгать по-разному: боком, спиной, брюхом. Нередко один кит может совершить целую серию прыжков. *Фото автора*

Горбач выпрыгивает из воды на фоне подсвеченной закатным солнцем бухты Полуденной на острове Беринга. *Фото автора*

Райдо стойко переносит тяготы учета китообразных у побережья Чукотки на яхте «Эмма». *Фото С. Смирнова*

Серый кит, добытый коренными жителями Чукотки. *Фото автора*

Горбачи кормятся у поверхности, делая парный рывок. Складки на нижней челюсти расправляются, позволяя многократно увеличить объем захватываемой воды с содержащейся в ней добычей. *Фото автора*

Косатки в китовой тюрьме: Тихон, Зина, Зоя, Гайка. *Фото автора*

Плотоядные косатки
в водах пролива Сенявина
на Чукотке. Фото автора

Айсберг — белый самец косатки в акватории острова Беринга.
Фото автора

Песчиха только что съела лосося в бухте Полуденной на острове Беринга и сыто облизывается, намереваясь вздремнуть после обеда. *Фото автора*

Яранга и одомашненные северные олени — ключевые элементы культуры оленных чукчей. *Фото автора*

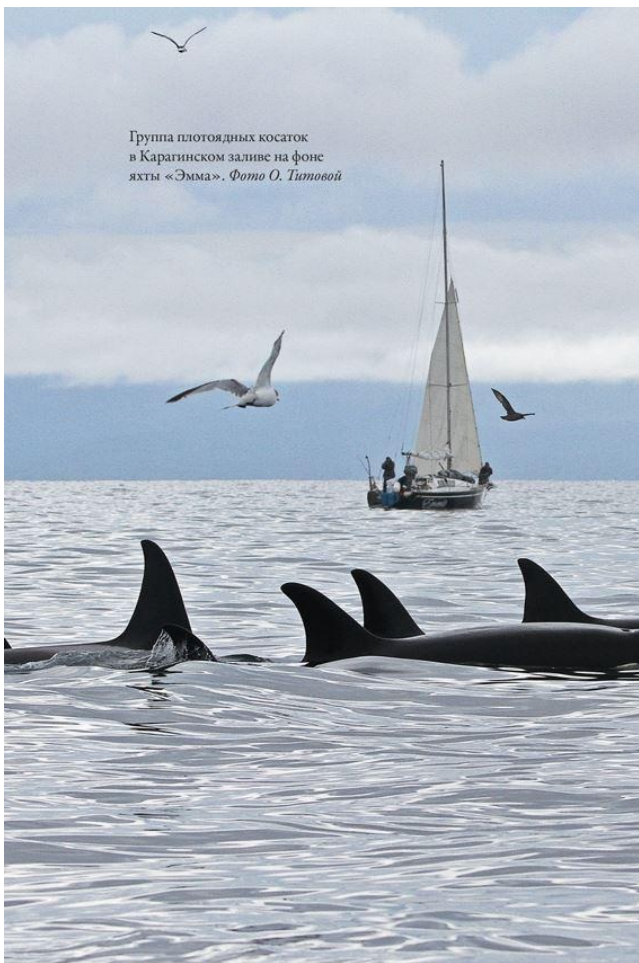
Лис и лисица беззаботно играют на пляже возле мыса Зеленого в Авачинском заливе. *Фото автора*

Морские котики сопровождают
группу рыбоядных косаток
в акватории Командорских
островов.
Фото автора

Группа плотоядных косаток
в Карагинском заливе на фоне
яхты «Эмма». Фото О. Титовой

Сноски

1

От английского *Rigid Inflatable Boat* – надувная лодка с жестким неразборным дном.

Визуальной идентификацией дельфинов по естественным маркерам – окраске и шрамам на теле и плавниках – в нашей стране с середины 1970-х гг. занимались А. В. Яблоков и В. М. Белькович с соавторами. – *Прим. науч. ред.*

3

Подобного рода скрещивания у дельфиновых и нарваловых случаются даже в дикой природе, в тех случаях, когда разные виды образуют так называемые межвидовые агрегации. Другое дело, что два экотипа косаток демонстрируют яркий пример репродуктивной изоляции, ведущей к образованию разных видов. – *Прим. науч. ред.*

4

Разумеется, этот пример касается представителей рода Номо, поскольку случаев поедания рыбоядными косатками (кроманьонцами – по классификации автора) плотоядных (неандертальцев) учеными зафиксировано не было. – *Прим. науч. ред.*

Своеобразные акулы-паразиты, отщипывающие кусочки кожи у морских
млекопитающих, крупных рыб, а при случае и у ныряльщиков. – *Прим. науч. ред.*

6

Тем не менее у некоторых видов животных – попугаев, обезьян-капуцинов, зеленых мартышек и т. д. – есть стереотипные сигналы, подаваемые в определенных ситуациях. – *Прим. науч. ред.*

Зорина З., Смирнова А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006.

Это образное сравнение авторства А. В. Агафонова, которое он неоднократно использовал, в том числе в отношении белух в фильме «Говорящие с белухами». – *Прим. науч. ред.*

Изучение акустических сигналов афалин и белух и как сопутствующая часть исследований – попытки их «расшифровки» проводятся А. В. Агафоновым в рамках научной программы Лаборатории морских млекопитающих Института океанологии РАН; в частности, в процессе исследований коммуникации мелких китообразных в неволе Александру Владиславовичу с соавторами удалось обнаружить феномен «акустической мимикрии» молодой белухи под содержавшихся с ней афалин. – *Прим. науч. ред.*

МРС – малый рыболовный сейнер. – *Прим. ред.*

Зенкович Б. Вокруг света за китами. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1954.

Сулой – толчея волн, возникающая из-за сильных приливно-отливных течений.

Pelican case – специальный чемодан, в котором оборудование не боится ни воды, ни тряски.

Де Вааль Ф. Наша внутренняя обезьяна. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

В зоопарках многие животные, которых, несмотря на запреты, кормят посетители, в конце концов научаются определять направление взгляда человека. Но это умение у них приобретенное. – *Прим. науч. ред.*

Рамачандран В. Мозг рассказывает. – М.: Карьера Пресс, 2018.

Акула тоже рыба, но порой большая. Те, которыми питаются офшорники, большие. – *Прим. науч. ред.*

Robert L. Pitman and John W. Durban. Save the Seal!: Whales act instinctively to save seals. *Natural History*. November 2009. .

Там же.

Командорский бус – мельчайшие капли дождя, висящие в воздухе или при ветре летящие параллельно земле. – *Прим. науч. ред.*

Некоторых видов китов было больше в десятки раз, некоторых – в разы. Существуют расчеты, показывающие, что и биопродуктивность океана была выше нынешней настолько, что могла бы погасить парниковый эффект за счет связывания водорослями углерода путем фотосинтеза. – *Прим. науч. ред.*

Кроме всего прочего, хищнический вылов рыбы подрывает кормовую базу китообразных. Например, ничем не ограниченный промысел в районе Крымского полуострова Тарханкут в первое десятилетие 2000-х привел к исчезновению тамошней локальной популяции афалин. – *Прим. науч. ред.*

«Мустанги» – специальные утепленные непромокаемые костюмы-поплавки, позволяющие при необходимости держаться какое-то время на воде. – *Прим. науч. ред.*

Тем более что слуховой нерв соединен у дельфинов с отростком зрительного нерва. – *Прим. науч. ред.*

В это время мы и животные видим сны. – *Прим. науч. ред.*

Автор недооценивает фантазию биоакустиков-белушатников из Института океанологии 1980–1990-х гг. В их би-лексиконе был даже такой сигнал, как «крик мартышки», а совещания порой превращались в некое акустическое подобие южноамериканского тропического леса, где уважаемые ученые, пытаясь прийти к общему знаменателю в каталоге звуков, имитировали сигналы, чирикавая, блея, каркая и «крича мартышкой». – *Прим. науч. ред.*

На самом деле такая охота наблюдалась, в частности в начале 1980-х в Белом море в районе Летней Золотицы А. В. Агафоновым, где белухи устраивали настоящие «карусели» и «котлы» (окружение рыбы и ее поедание с атаками к центру карусели) в районе Каниного носа, горле Белого моря и на Чукотке, – белухи выстраивались «фронтом», перегораживая реку, разумеется, захват осуществлялся индивидуально, хотя иногда в качестве естественной преграды использовалось тело партнера. В принципе сложные сигналы не нужны китообразным для кооперации под водой – им достаточно слышать партнера, а массив звуков (в частности, у афалин) издается перед охотой, а не во время нее, причем, как недавно выяснилось, идет обмен сигналами-автографами. В. М. Белькович и А. В. Агафонов предположили, что цветистое «пение» белух – следствие полового отбора и работает вроде павлиньего хвоста, позволяя особям выбирать подходящего партнера. – *Прим. науч. ред.*

Следует заметить, что благополучное разрешение проблемы китовой тюрьмы стало возможным благодаря прежде всего последовательной позиции руководителей государства, четко обозначенной с самого начала конфликта. Сработала схема – общественность подняла вопрос, государство рассмотрело его и приняло решение, которое было воплощено в жизнь, несмотря на сопротивление зооторговцев и лоббистов. – *Прим. науч. ред.*